ОП

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ѳ. КОНИ.

инв 70429. 9802
Н2235

ТОМЪ V.

СЕНТЯБРЬ. — КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

1850.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Ленинградская государственная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ. 9 Октября 1850 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

ТОМЪ II.

ПАНТЕОНЪ

№ 9.

1850.

СЕНТЯБРЬ.

С.Петербургъ.

Содержание девятой (первая часть) книжки. 1850. – Т. 5.

I. **Драматическая литература.**
Неутешные: комедия в одном действии Евгения Скриба, перевод Федора Кони.

II. **Изящная словесность.**
Мудреный контракт: роман в четырех частях, И. И. Воскресенского.
Американский Икар: повесть-быль.

III. **История искусства.**
Гольберг и его драматические произведения.

IV. Мемуары.
Записки Иоганна-Христиана Брандеса, немецкого актера и драматурга XVIII века.

V. Юмористика.
Дачемания, или разве мы хуже других?: драматическая картина современных нравов Д. Андреевского.

VI. Театральная летопись.
Русский театр в Петербурге. Двоеженец, или милорд и сапожник: драма-водевиль в 3-х действиях. Пер. с фр. П. А. – Слепой курице все пшеница: шутка в 1-м действии, подраж. фр. К. Тарновского и Ф. Руднева. – Жених в закладе, а невеста в накладе, или По усам текло, а в рот не попало: водевиль в 1-м действии. – Митавская ярмарка, или Филатка в маскараде: интермедия в 1-м действии. (Бенефис Марковецкого). – Талисман: оригинальная драма-комедия в 3-х действиях, в стихах и прозе. Соч. Г***. – Герой нашего времени: случай из обыкновенной жизни А. Ермолова. - Я съел моего друга: водевиль в 1-м действии, пер. с фр. Н. А. Сабуровым. (Бенефис Смирнова). Статья Ф. Кони.

VII. Панорама иностранных театров.
Франция. Письмо из Парижа от 1/13 сентября Апполинарии Бонавентуры. Новое изобретение А. Дюма и комп. – Охотник на жар-птицу: фантазия А. Дюма. – Корсиканские братья: Гранже и Монтепеля. – Первый увеселительный поезд в Каляфоринию: водевиль Кордье и Клервиля. – Фауст и Маргарита: драма Мишеля Карре. – Общество взаимного предохранения: водевиль Клервиля, Мареи Сиродена. – На выбор: комедия Плувье. – Хандрик: водевиль Альбера Монье и Эдуарда Мартеня. – Толки о появлении на сцене знаменитой певицы Таккони-Тоска.

Продолжение содержания девятой книжки см. во второй части обложки.

Карре. — 6. «Общество взаимнаго предохраненія» — водевиль гг. *Клервиля, Маро* и *Сиродена*. — 7. «На выборъ», комедія *Плувье*. — 8. «Хандрикъ», водевиль гг. *Альбера Монье* и *Эдуарда Мартеня*. — 9. Толки о появленіи на сцену знаменитой пѣвицы. Таккони-Тоска.

II. Лондонъ. (*Письмо изъ Лондона отъ* 30 августа / 22 сентября.

В. Б-нъ.

1. Театръ Ея Величества.—Г-жа Фреццолини и Букарде въ «*Пуританахъ*». — Ривзъ въ «*Сонамбулѣ*.» — *La pruova d'un opera seria* — Россини. — «*Дочь полка*» — Донизетти. Г-жа Зонтагъ въ главной роли. — «*Норма*». Дебютъ новой пѣвицы, сеньоры Фіорентини. — Бенефисы г-жъ Зонтагъ и Шарлотты Гризи. — Танцовщица Роза. — Черная Малибранъ—чистѣйшій пуфъ.

2. Ковентгарденскій театръ. *Жидовка*—Галеви. Теноръ Маральти— въ роли Элеазара. — Новой проэктъ Ковентгарденскаго театра. — Концерты г-жи Мессонъ, Жюля Лефора и Иды Бертранъ. — О salutaris hostia — сочиненія Алари. — Смерть артистовъ: г-жъ Гловеръ, Клифордъ и г. Муньяра,

VIII. СМѢСЬ.

1. Достовѣрные разсказы объ Абазіи. (Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ.) — *В. И. Савинова*. IX. Наѣзды и поиски. — Опасная забава. – Находчивость горскихъ ораторовъ. – Ужасы наѣзда. — Большой наѣздъ или поискъ. — Ретирада. — Извинительныя причины бѣгства.—Казнь труса.—Плеть и женскія дары. — Клеймо и изгнаніе.— Судъ поединкомъ. — Разсказъ: Доносъ.—Мнимый трусъ.—Поединокъ.— Еще испытаніе.—Пещера за кладбищемъ.—Тѣнь старой Кирримиты.— Храбрый Нурраль.
2. Молодость и первая слава Лаблаша.
3. Нѣсколько словъ о Кіевскомъ театрѣ. (*Письмо Альфреда фонъ-Юнка*).
4. Венцель Іоганнъ Томашекъ. (*Некрологъ*.)

Калейдоскопъ.

1. *О Долѣ Монтесъ и о свойствахъ ея*. — 2. *Габріэль, комедія Эмиля Ожье*. — 3. *Первая шпага въ Испаніи*. — 4. *Г-жа Н. Самойлова въ провинціи*. — 5. *Некрологъ Неваховича*. — 6. *Николай Ленау, знаменитѣйшій современный поэтъ Германіи*. — 7. *Несчастный случай отъ страсти залетать высоко*. — *Левъ въ ресторацiи*, — 9. *Новый трагикъ на Московской сценѣ*.

IX. БАЛАГУРЪ.

1. *Ласточка Гораса Верне*. — 2. *Изступленіе композитора*. — 3. *Не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь*. — 4 *Благодарность скупца*. — 6. *Разговоры*. — 6. *Сцена въ Пассажѣ*. — 7. *Девять анекдотовъ*.

X. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 8.

Левъ и Львица. Комедія въ одномъ дѣйствіи, *Н. Я. Яковлевскаго*.

№ 9.

Слѣпой курицѣ все пшеница! Водевиль, передѣланный съ французскаго гг. *Тарновскимъ и Рудневымъ*.

Къ этому нумеру Пантеона прилагается портретъ драматурга *Евгенія Скриба*.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НЕУТѢШНЫЕ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

ЕВГЕНІЯ СКРИБА.

Переводъ Ѳедора Кони.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Госпожа Бланжи, молодая вдова . . . . . *Г-жа Дюръ.*
Господинъ Курсель, сборщикъ податей. . . . . *Г. Славинъ.*
Графъ Бюссьеръ . . . . . *Г. Смирновъ 2.*
Софья, горничная г-жи Бланжи. . . . . *Г-жа. Славина.*

Дѣйствіе происходитъ въ загородномъ домѣ, близъ Парижа.

—

(Гостиная въ загородномъ домѣ. На правой сторонѣ фортепьяно. — Въ глубинѣ дверь въ садъ. Боковая дверь въ другія комнаты.)

I.

КУРСЕЛЬ и СОФЬЯ.

Софья. А! вотъ наконецъ и вы, г. Курсель? Что это вы такъ давно у насъ не были?.... по-крайней-мѣрѣ три мѣсяца?

Курсель. Развѣ недѣлю, или много дней десять?

Софья. Неужели — только!! А мнѣ показалось.... Да сами посудите: мы живемъ здѣсь въ лѣсу, дача наша точно необитаемый островъ, сюда даже никто и не заглядываетъ....

Курсель. Такъ, что и мой пріѣздъ составляетъ для васъ необыкновенное происшествіе? Это лестно! Ну скажи, милая, а что твоя госпожа?

Софья. Да всё тоже! Непонятное дѣло! Ну, пристало-ли такой хорошенькой и молоденькой женщинѣ такъ неутѣшно сокрушаться объ мужѣ, который давнымъ-давно умеръ?

Курсель. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: живой мужъ всегда похожъ на другихъ, а покойникъ — это дѣло другое. Долгая разлука уничтожаетъ всѣ недостатки, а хорошія качества выставляетъ въ бо́льшемъ блескѣ. Художники, литераторы и мужья, умирая, всегда выигрываютъ, по-крайней-мѣрѣ, на сто процентовъ.

Софья. Если это такъ, то изъ чего-жъ они бьются? Для чего имъ такъ жить хочется?

Курсель. По привычкѣ. — Такъ молодая вдова наша все еще по прежнему неутѣшна?

Софья. Помилуйте, день-отодня хуже! Согласитесь, это ужасно, потому что мы женщины никакъ не можемъ безъ слезъ видѣть чужаго горя: когда одна плачетъ, невольно захнычешь и сама. Повѣрите-ли! глядя на нее, тоска ужъ и ко мнѣ пристала.

Курсель. И къ тебѣ! Вотъ это мило.

Софья. Чтожъ дѣлать! Слезы нравятся моей госпожѣ — ну вотъ и я плачу, такъ, знаете, безъ всякихъ мыслей, безъ цѣли, а просто для препровожденія времени.... Вы знаете, мнѣ нельзя не дорожить такимъ хорошимъ мѣстомъ: тутъ и плата вѣрная, и дѣлать почти нечего, и подарки.... Да вотъ только плакать-то и сегодня, и завтра, и цѣлую недѣлю, куда какъ надоѣстъ, хоть-бы по праздникамъ посмѣяться....

Курсель. Погоди, и на твоей улицѣ будетъ праздникъ! Скажи, какъ провела она прошедшую недѣлю?

Софья. Да какъ.... въ понедѣльникъ ей приснилось, будто мужъ ея возвратился!...

Курсель. Какой вздоръ!

Софья. Почему-же? Америка отсюда за тридевять земель, а вѣдь еще не совсѣмъ доказано, что онъ дѣйствительно умеръ!....

Курсель. Какъ не доказано? Вотъ ужъ болѣе года, какъ мы узнали о его смерти и по торговымъ извѣстіямъ и по журналамъ.

Софья. Вы сами человѣкъ торговый, такъ должны знать, что и по этой части бываютъ промахи, а объ журналахъ ужъ и толковать нечего — такія пули отливаютъ.... только вѣрь имъ....

Курсель. Бываетъ, однако же рѣдко.

Софья. Ну-съ, во вторникъ и въ среду барыня не знала, что дѣлать. Только тѣмъ и забавлялась, что скучала.... Да вѣдь какъ! повѣрите-ли, у меня еще и теперь челюсти болятъ отъ зѣвоты.

Курсель. Тѣмъ лучше, милая, тѣмъ лучше.

Софья. Какъ лучше?

Курсель. Да также: кто глубоко огорченъ, тому некогда скучать; значитъ нашей вдовушкѣ гораздо лучше.

Софья. Воля ваша: отъ этого *лучше*, я бы въ постелю слегла. Въ четвергъ, почти было тоже, что и въ среду: я совѣтовала ей сѣсть за фортепьяно.... Такъ, видите, она нашла, что нельзя.

Курсель. Отчего же?

Софья (*указывая на скрыпку, которая лежитъ на фортепьяно*). Да оттого, что вотъ видите, здѣсь лежитъ скрыпка ея покойника, и она вспомнила, какъ онъ ей аккомпанировалъ.... а теперь акомпанировать было некому. Въ пятницу, — она надѣла новую шляпку.

Курсель. А! начинаетъ рядиться.... вотъ это прекрасно!

Софья. И кто ее знаетъ, для чего: у насъ никого не было, кромѣ управителя, съ которымъ она очень долго разговаривала.

Курсель. Знаю! вѣрно объ этой дачѣ, изъ которой ей хочется поскорѣе выѣхать?

Софья (*радостно*). Право? стало быть мы скоро оставимъ эту мрачную пустыню?

Курсель. Мрачную? Напротивъ, госпожа Бланжи находитъ, что она для нея слишкомъ весела, слишкомъ близка къ Парижу; вотъ я нанялъ ей дачу, такъ ужъ точно пустынную: въ мрачномъ лѣсу, между дикихъ скалъ, такое жилище, отъ котораго волосъ дыбомъ станетъ, однимъ словомъ — она отъ него въ восхищеніи.

Софья. И вы находите, что ей лучше?

Курсель. Безъ всякаго сомнѣнія. Для того, чтобы грустить, всякое мѣсто, даже самое веселое, пригодно; истинная горесть не развлекается посторонними предметами; но какъ скоро тоскующій старается окружить себя мракомъ и уныніемъ, это значитъ, печаль начинаетъ слабѣть и требуетъ вспомогательныхъ средствъ.

Софья. А вотъ и моя госпожа. Взгляните, вся въ траурѣ!

Курсель. Оставь насъ однихъ.

Софья (*смотря на госпожу свою*). Еще только девять часовъ — а она уже вздыхаетъ, что-же будетъ къ вечеру? (*Уходитъ.*)

—

II.

КУРСЕЛЬ И Г-ЖА БЛАНЖИ.

Г-жа Бланжи (*увидя его, вздыхаетъ*). А! г. Курсель! это вы, мой другъ?

Курсель. Я! А вы все въ томъ-же положеніи?

Г-жа Бланжи. Ахъ! все въ томъ-же! (*Нѣсколько помолчавъ.*) Вы вѣрно изъ Парижа?

Курсель. Да.

Г-жа Бланжи. Нѣтъ-ли новостей?

Курсель. Никакихъ.

Г-жа Бланжи. Будьте откровенны; скажите, по совѣсти, вѣрно всѣ меня осуждаютъ за мое уединеніе; вѣрно такъ-же, какъ и вы, думаютъ, что это притворство, которое скоро пройдетъ?

Курсель. Да, сначала всѣ это говорили!

Г-жа Бланжи. А теперь?

Курсель. Теперь ужъ объ этомъ вовсе не говорятъ.

Г-жа Бланжи. А! стало быть я всѣми забыта!

Курсель. Кромѣ друзей вашихъ! Вы знаете, въ столицѣ толки смѣняются одни другими. Что занимало сегодня, завтра забыто. Притомъ прошедшая зима была чрезвычайно весела: маскарады, лоттерен.... вѣчный шумъ, удовольствіе.... васъ только недоставало; и признаюсь, еслибъ вы были поразсудительнѣе....

Г-жа Бланжи. Разсудительнѣе.... вотъ всегдашнее ваше мнѣніе! какъ будто это зависитъ отъ меня! вы, право, нестерпимы!

Курсель. Нестерпимъ! пріятное выраженіе! А между тѣмъ, я одинъ только и стараюсь васъ утѣшать, разгонять печаль вашу....

Г-жа Бланжи. Этимъ-то вы мнѣ и досаждаете. Вамъ извѣстно, что для меня осталось одно утѣшеніе — грустить, грустить и грустить, а вы хотите меня и этаго лишить.

Курсель. Во всемъ нужна умѣренность; но грустить цѣлый годъ!...

Г-жа Бланжи. Какъ! послѣ ужасной моей потери?... Стало быть, вы не вѣрите моей глубокой, вѣчной горести?

Курсель. Глубокой — вѣрю; а вѣчной — нѣтъ.

Г-жа Бланжи. Почему-же?

Г. Курсель. Потому, что.... по счастію, это невозможно. Все въ природѣ имѣетъ границы, для всего назначенъ срокъ; молодости, здоровью, радости — всему есть опредѣленное время, ни одно чувство наше не прочно, почему-же горесть должна быть безконечна? Очень кстати, я вчера прочиталъ въ Лабрюерѣ слѣдующую мысль: «Еслибы, по прошествіи нѣкотораго времени, тѣмъ, которыхъ мы любили и долго оплакивали, вздумалось возвратиться на землю, не знаю, такъ-ли бы мы ихъ приняли, какъ проводили!»

Г-жа Бланжи. Фи! какая гнусная мысль!

Курсель. Мысль не моя, это Лабрюеръ говоритъ. Такъ видите-ли....

Г-жа Бланжи. Я вижу только, что вы эгоистъ, что у васъ сердце самое холодное, самое нечувствительное.

Курсель. Нечувствительное? Ну, ужъ извините, я знаю, что вы сами увѣрены въ противномъ. Прежде, нежели покойный мужъ вашъ овладѣлъ вашимъ сердцемъ, я уже любилъ васъ, и кто-же, какъ не я, представилъ вамъ его, какъ лучшаго моего друга? За то онъ, какъ лучшій другъ, мнѣ и насолилъ.

Г-жа Бланжи. Но развѣ онъ въ этомъ виноватъ?

Курсель. Можетъ-быть, это и моя вина.

Г-жа Бланжи. Ахъ, бѣдный Эдуардъ!

Курсель Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, не онъ, а я достоинъ сожалѣнія; короче: съ того времени я возненавидѣлъ сильныя страсти, старался васъ забыть и, повѣрьте, не подумалъ-бы и теперь возобновлять прежнихъ исканій, еслибъ отъ этого не зависѣла собственная ваша польза.

Г-жа Бланжи. Что вы хотите этимъ сказать?

Курсель. Эдуардъ былъ очень не богатъ; а я такъ.... ну, словомъ, я казначей! Это не помѣшало вамъ однако же предпочесть его потому, что любовь не разбираетъ разсчетовъ; мужъ вашъ, отправляясь искать счастія за морями, оставилъ ваши дѣла въ величайшемъ разстройствѣ: горесть ваша не позволила вамъ доселѣ объ нихъ позаботиться; вотъ почему я и взялся привести ихъ въ порядокъ.

Г-жа Бланжи. О, мой другъ! я вамъ такъ благодарна....

Курсель. Я совсѣмъ не для того говорю, чтобъ вы меня благодарили; но для того, чтобъ вы меня выслушали. Всѣ счеты ваши конечны; всѣ долги заплачены; но у васъ остается неболѣе трехъ тысячъ годоваго дохода.

Г-жа Бланжи. О, этого черезъ чуръ довольно, чтобъ жить въ уединеніи и вѣчно оплакивать моего Эдуарда.

Курсель. Конечно.... до-тѣхъ-поръ, пока вы будете его оплакивать, но-если наконецъ слезы ваши изсякнутъ....

Г-жа Бланжи О, никогда! этого быть не можетъ.

Курсель. Вы такъ думаете? — но повѣрьте мнѣ, *вдругъ* настанетъ *одно прекрасное утро*, вы — проснетесь и почувствуете, что печаль ваша совсѣмъ пропала.... Это огорчительно — не спорю, но ужъ какъ быть, этого неминовать.

Г-жа Бланжи. Нѣтъ, лучше умереть!

Курсель. И, полноте; вы не умрете, а утѣшитесь.

Г-жа Бланжи. Никогда, никогда не утѣшусь.

Курсель. Я васъ увѣряю, что это будетъ.

Г-жа Бланжи. Увѣряю васъ, что не будетъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Курсель. Къ чему-же сердиться? Разсудимъ хладнокровно: если вы останетесь навсегда въ теперешнемъ положеніи, то пусть будетъ по вашему; но если вы изъ него выйдете, то обѣщайте вознаградить меня вашей миленькой ручкой и принять шестьдесятъ тысячъ годоваго дохода, которыя а вамъ отъ души предлагаю. — Согласны-ли вы подписать это условіе?

Г-жа Бланжи. Да какая будетъ отъ этого польза?.. я чувствую, что никогда не забуду Эдуарда.

Курсель. Очень хорошо, я прошу только предпочтенія передъ другими, на случай, еслибы, знаете.... я, пожалуй, буду ждать этого случая — сколько вамъ угодно.

Г-жа Бланжи. Извольте, даю слово; боюсь, только чтобы вамъ не пришлось....

Курсель. Ужъ это мое дѣло! Я долженъ стараться всѣми средствами васъ утѣшать и развлекать вашу грусть. — Каждая ваша улыбка будетъ приближать мое счастіе, и послужитъ для меня залогомъ вашей будущей любви.

Г-жа Бланжи (*улыбаясь*). Въ самомъ дѣлѣ?

Курсель. Вотъ уже одна улыбочка и есть! я принимаю ее въ задатокъ.

—

III.

ТѢЖЕ И СОФЬЯ.

Софья. Завтракъ готовъ, сударыня.

Г-жа Бланжи. Ахъ, у меня вовсе нѣтъ аппетита.

Софья. Вотъ всякій день такъ!... да развѣ можно жить безъ ѣды, сударыня?

Г-жа Бланжи. Что-же мнѣ дѣлать? здѣсь воздухъ пренесносный: мнѣ все, все, все здѣсь не нравится.

Софья. Помилуйте: роща прелестная; окрестности безподобныя: всѣ здѣсь прогуливаются.

Г-жа Бланжи. Именно отъ этого-то я и спѣшу отсюда выѣхать.... Всякій разъ, какъ я увижу парижскихъ счастливцевъ....

Софья. По воскресеньямъ идутъ и ѣдутъ; и все то, поглядишь, (*вздохнувши*) парочками, самъ-другъ.

Г-жа Бланжи. Это-то и выводитъ меня ихъ терпѣнія.

Софья (*про себя*). А меня ничто такъ на свѣтѣ не радуетъ!

Г-жа Бланжи. По счастію, намъ не долго остается здѣсь пожить. (*Курселю.*) Скажите, занялись-ли вы моею дачею въ Фонтенебло?

Курсель. Все ужъ конечно.

Г-жа Бланжи. Тѣмъ лучше; значитъ, я завтра могу переѣхать.

Курсель. Нѣтъ еще. Прежніе жильцы еще оттуда не выѣхали; и до конца недѣли, не смотря на всѣ мои просьбы, они кажется, не успѣютъ выбраться. — Впрочемъ, сегодня или завтра, васъ объ этомъ увѣдомятъ.

Г-жа Бланжи. Ахъ, какъ досадно! теперь я въ ужаснѣйшемъ затрудненіи!

Курсель. Отчего-же?

Г-жа Бланжи. Оттого, что этотъ домъ ужъ нанятъ.

Курсель. Въ-самомъ-дѣлѣ? Когда?

Г-жа Бланжи. Въ тотъ самый день, какъ я объявила управителю, что выѣзжаю, пріѣхалъ какой-то молодой человѣкъ и тотчасъ-же нанялъ домъ со всею мебелью.... Какой-то графъ Бюссьеръ, не знаете-ли вы его?

Курсель. Графъ Бюссьеръ? я зналъ отца его и имѣлъ съ нимъ дѣла.... мнѣ удалось даже оказать ему нѣкоторыя важныя услуги.... Что касается до сына, такъ всѣ говорятъ, что это прекрасный молодой человѣкъ! Назадъ тому мѣсяцевъ шесть, онъ, кажется, женился или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ жениться на Гортензіи де-Реньвиль.

Г-жа Бланжи. Я совсѣмъ не знаю этой фамиліи.

Курсель. И я также, но прошедшею зимою, помните, всѣ говорили о дуэли....

Г-жа Бланжи. Да! графъ Бюссьеръ! въ-самомъ-дѣлѣ.... еще разсказывали, какъ благородно онъ поступилъ съ своимъ противникомъ!... Такъ это онъ.... Но....

Курсель. Да, всѣ въ восхищеніи отъ его ума, ловкости, веселости.... а главное — отъ огромнаго состоянія.

Г-жа Бланжи. Странно-же, что онъ выбралъ мое скромное жилище.

Курсель. Можетъ-быть, онъ имѣетъ на то особенные виды.

Г-жа Бланжи. Какіе-же?

Курсель. Можетъ-быть, здѣшнее уединенное мѣсто ему понравилось.

Софья. То-то наши комнаты удивятся, когда въ нихъ вдругъ раздастся хохотъ, шумъ, а можетъ-быть, музыка, и пѣсни!...

Г-жа Бланжи. Что ты говоришь?

Софья. Ничего, сударыня; я разсуждала только о томъ, что завтракъ простынетъ.

Курсель (*смѣясь*). Справедливо; я даже чувствую, что скоро упаду отъ слабости; смѣю надѣяться, что вы позволите мнѣ воспользоваться вашимъ завтракомъ и даже удостоите меня вашего сообщества.

Г-жа Бланжи. Къ чему? По моему — ничего нѣтъ безумнѣе, унизительнѣе, какъ стараться поддерживать жизнь, когда она нестерпима.

Софья (*всторону*). Ну, пошла чудить!

Г-жа Бланжи. Что ты говоришь?

Курсель. Она говоритъ, что если вы дѣйствительно никогда не хотите кушать, такъ оно и прекрасно. Ну, а если думаете когда нибудь разрѣшить свой постъ, такъ лучше ужъ теперь-же и начать.

Г-жа Бланжи. Вы всѣ такіе холодные, что не способны постигнуть истинной горести.

Курсель (*подавая ей руку*). Это правда, я больше люблю вещи посолиднѣе, особливо когда бываю голоденъ. (*Уходятъ.*)

—

IV.

Софья (*одна*). Все-таки лучше; пусть позавтракаетъ, это дастъ ей силы для поддержанія печали. Какъ только вздумаю о Фонтенебло, о тамошнихъ скучныхъ лѣсахъ и горахъ, такъ морозъ по кожѣ и пробѣгаетъ! Что ни говори, а я гораздо несчастливѣе госпожи моей; у нея, по-крайней-мѣрѣ, былъ мужъ, она вдова; а я еще нѣтъ, да и надежды нѣтъ, если мы все будемъ жить въ захолустьяхъ, вдали отъ свѣта и людей (*послушавъ*). Ахъ!... что это! кажется стукъ экипажа! Да, точно! коляска! Вотъ вы-

шелъ мужчина, молодой человѣкъ.... ахъ, какое счастіе! Да откуда онъ взялся? Барыня, кажется, никого не ожидала, да и видѣть никого не хочетъ. — А! вѣрно это тотъ баринъ, что домъ нанять хочетъ.... Давно ужъ я не видала веселаго лица; однакожъ.... и онъ что-то....

—

V.

СОФЬЯ, ГРАФЪ БЮССЬЕРЪ, въ траурѣ, блѣдный, съ платкомъ въ рукахъ.

Софья. Вотъ тебѣ разъ! какой плаксивый видъ! Ну, отъ этой печальной фигуры добра не жди!... Вотъ остановился, вздыхаетъ.... опять пошелъ расхаживать, выступаетъ какъ будто на похоронахъ. — Что вамъ угодно, сударь?

Графъ (*въ мрачномъ разсѣяніи*). Мнѣ?... ничего.... Ты здѣшняя?

Софья. Здѣшняя, сударь.

Графъ. Ну, если такъ.... (*задумывается*) то поди отсюда. (*Бросается въ кресла и облокачивается на столъ.*)

Софья. Не разговорчивъ! смотри пожалуй, усѣлся, какъ дома. Не вы-ли графъ Бюссьеръ, который нанялъ этотъ домъ?...

Графъ. Я!

Софья. Быть не можетъ!

Графъ. Почему?

Софья. Намъ сказывали, что графъ молодой человѣкъ, веселый, живой.

Графъ (*горько улыбнувшись*). Я и былъ веселъ — прежде, но теперь, теперь....

Софья. Что-жъ теперь? ужъ не воздухъ-ли здѣшній?.. Послушайте, сударь: хоть я вовсе васъ не знаю, а право объ васъ забочусь. Если вы можете отказаться отъ этого дома, такъ совѣтую, да поскорѣе, здѣсь мѣсто самое печальное, самое уединенное.

Графъ. Мнѣ такъ и сказывали.

Софья. Здѣсь очень сыро — воздухъ нездоровый.

Графъ. Тѣмъ лучше, ближе къ цѣли.

Софья. Садъ прекрошечный и полудесятины не будетъ.

Графъ. Довольно — для могилы.

Софья. Да что же это значитъ? объ васъ всѣ говорили, какъ о чрезвычайно богатомъ и счастливомъ человѣкѣ, ужъ не лишились-ли вы своего имѣнія?

Графъ. Имѣнія?... ахъ, нѣтъ! Богатство осталось при мнѣ.

Софья. Ну, такъ чего же вамъ недостаетъ?

Графъ. Но та, для кого я жилъ, которой хотѣлъ принесть все это въ даръ.... тому шесть мѣсяцевъ.... наканунѣ нашей саадьбы.... Ахъ, милая, прелестная Гортензія!... увы! я лишился тебя на всегда.

Софья. А вы любили ее?

Графъ. Болѣе жизни!... и поклялся вѣчно любить... поклялся умереть отъ горести.

Софья. Бѣдный молодой человѣкъ!

Графъ. Сдѣлай одолженіе, милая, покажи мнѣ домъ; проведи меня въ спальную.... голова у меня такъ тяжела — я.... я желалъ-бы лечь въ постелю.

Софья (*въ замѣшательствѣ*). Какъ, сейчасъ?

Графъ. Ну, да, чтожъ тутъ удивительнаго?

Софья. Да вотъ что, ваше сіятельство.... Вѣдь постель то эта моей госпожи.

Графъ. Какой госпожи? это что значитъ?

Софья. Госпожи Бланжи, которая отдала вамъ въ наймы этотъ домъ.

Графъ. Мнѣ сказали, что онъ свободенъ, что я могу тотчасъ занять его.

Софья. Это скоро и будетъ; да неугодно-ли, въ ожиданіи, поговорить съ моею госпожею?

Графъ. Поговорить съ нею? Госпожа Бланжи.... какая нибудь старуха, вдова?...

Софья. Ну, нѣтъ, она и молода, и прехорошенькая.

Графъ. Молодая или старая, для меня это все-равно, я пріѣхалъ сюда совсѣмъ не для того. Скажи, милая, госпожѣ своей, что она можетъ совершенно располагать домомъ, можетъ изъ него выѣхать, когда ей будетъ угодно, впрочемъ.... конечно... чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; только я прошу, чтобъ она дала мнѣ знать объ этомъ, я тотчасъ-же сюда переѣду.

Софья. Да вы можете сами ей это сказать: вотъ она идетъ.

Графъ. Нѣтъ, нѣтъ; сдѣлай одолженіе, возьми это на себя, я велю запрягать лошадей, а между тѣмъ пройдусь по саду.

—

VI.

Софья, потомъ Г-жа Бланжи.

Софья. Какая жалость! прекрасный молодой человѣкъ и какъ, бѣдный, горюетъ! Ахъ, сударыня, сказать ли вамъ новость?...

Г-жа Бланжи. Какую?

Софья. Удивительную, чудесную: словомъ, такую, какой давно у насъ здѣсь не бывало.

Г-жа Бланжи. Чтожъ это такое?

Софья. Представьте: молодой человѣкъ, очень, очень недурненькій, короче, графъ Бюссьеръ, сейчасъ пріѣхалъ и хочетъ занять вашъ домъ....

Г-жа Бланжи. Какъ? теперь-же? когда я еще не переѣхала?

Софья. Я ему объ этомъ доложила; онъ сказалъ, что не желаетъ васъ безпокоить и что вы можете оставаться, сколько вамъ угодно.... Ахъ, что за любезный молодой человѣкъ! и какой ловкій.

Г-жа Бланжи. Тѣмъ хуже; я вовсе не хочу ему быть обязанною.

Софья. Отчего-же, сударыня?

Г-жа Бланжи. Оттого, что тогда мнѣ надо будетъ его принять, если онъ опять пріѣдетъ; а для меня ужасна и одна мысль объ визитахъ.

Софья. О, если только это васъ безпокоитъ, такъ онъ самъ предупредилъ ваше желаніе; вамъ рѣшительно нечего бояться.

Г-жа Бланжи. Какъ это?

Софья. Онъ сейчасъ ѣдетъ въ Парижъ; и возвратится тогда только, когда васъ уже здѣсь не будетъ.

Г-жа Бланжи. Развѣ что такъ; однако я желала-бы объяснить ему....

Софья Это невозможно! Едва онъ услышалъ, что вы идете, тотчасъ бросился вонъ, и поручилъ мнѣ доложить вамъ объ этомъ.

Г-жа Бланжи. Какъ ему угодно....однако-жъ мнѣ кажется, что это не слишкомъ вѣжливо съ его стороны.

Софья. Помилуйте, чтожъ тутъ мудренаго? Графъ вовсе васъ не знаетъ.... Онъ думаетъ, что вы старуха....

Г-жа Бланжи. Да, это очень можетъ быть.

Софья. Сколько я ему ни твердила, что вы молоды, прелестны, не тутъ-то было; я никакъ не могла уговорить его, чтобъ онъ повидался съ вами.

Г-жа Бланжи. Да и къ чему это? и за чѣмъ ты мѣшаешься не въ свое дѣло? Очень странно, что тебѣ хочется заставить меня принимать людей, объ которыхъ я ни мало не забочусь, а еще страннѣе, что ты вздумала подчивать моимъ знакомствомъ и свиданіемъ со мною. Графъ пріѣхалъ осмотрѣть комнаты, мебель, садъ, такъ тебѣ и слѣдовало говорить объ домѣ, а не обо мнѣ, я, кажется, вовсе не принадлежу къ мебели.

Софья. Я, сударыня, право не думала прогнѣвить васъ, сказавъ что вы прекрасны; будьте увѣрены, что я впередъ ни за что этого не скажу; — а напротивъ....

Г-жа Бланжи. Да кто тебя объ этомъ проситъ? повторяю, я не хочу ни слышать о графѣ, ни видѣть его!

Софья (*въ досадѣ*). Да вѣдь и онъ тоже не хочетъ.

Г-жа Бланжи. Тѣмъ лучше, я очень рада.

Софья. Стало быть, вы оба согласны, такъ не объ чемъ и спорить... Онъ-же, точно какъ вы, неутѣшный, и только объ одномъ и думаетъ, какъ-бы поплакать.

Г-жа Бланжи. Въ самомъ дѣлѣ?

Софья. Да, сударыня; онъ лишился невѣсты, которую просто обожалъ.

Г-жа Бланжи. Обожалъ? ахъ, бѣдный! какъ мнѣ его жаль! Какъ онъ долженъ быть несчастливъ! О, теперь я не досадую за его невѣжливость. Богъ съ нимъ! пусть его уѣзжаетъ отсюда, пусть убѣгаетъ меня.

Софья. Вонъ, сударыня, онъ идетъ по алеѣ....

Г-жа Бланжи (*оставаясь на своемъ мѣстѣ*). Такъ уйдемъ отсюда, чтобъ не разсѣять его горести! Ахъ, я по себѣ знаю, какъ это ужасно. Онъ, кажется, очень печаленъ, очень несчастливъ.—

Софья. И въ его лѣта! вѣдь я думаю, ему нѣтъ и тридцати.

Г-жа Бланжи. Едва-ли....

Софья. Однако-жъ около того, сударыня (*всторону*). Уйдемъ, уйдемъ, а сама ни съ мѣста.

(*Въ это время графъ входитъ въ комнату, видитъ Софью и г-жу Бланжи, которыя стоятъ все на томъ-же мѣстѣ. Онъ почтительно кланяется.*)

—

VII.

ТѢЖЕ И ГРАФЪ.

Г-жа Бланжи. Извините, графъ; мы, можетъ-быть, помѣшали вамъ прогуливаться?

Графъ. Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь....

Софья. Съ хозяйкой этого дома.

Графъ (*смотря на нее*). Ахъ, и вы въ траурѣ? вы вѣрно также оплакиваете сердечную потерю?

Г-жа Бланжи. Да, графъ, когда я узнала о причинѣ, которая заставляетъ васъ искать уединенія, я была въ отчаяніи, что еще не успѣла выѣхать изъ этого дома!

Графъ. Помилуйте, вамъ не въ чемъ себя обвинять.

Г-жа Бланжи. Впрочемъ, я здѣсь на самое короткое время, я наняла другую дачу.

Графъ. Сдѣлайте милость, не безпокойтесь; теперь я могу подождать.

Г-жа Бланжи. Почему-же теперь?

Графъ. Вышедъ изъ вашего сада, я увидѣлъ около рощицы сельскій домикъ, осмотрѣлъ его и нашелъ, что могу пока въ немъ поселиться.

Г-жа Бланжи. Какъ, графъ? да это простая крестьянская изба.

Графъ. Тѣмъ лучше; никто ко мнѣ туда не заглянетъ; а когда я одинъ, то всегда бываю съ *нею*.

Г-жа Бланжи. О, я васъ понимаю! и вѣрно не лишу васъ утѣшенія, котораго цѣну сама очень хорошо знаю.

Графъ. Какъ, и вы также узнали несчастіе? и вы испытали утраты?

Г-жа Бланжи. Да; я лишалась того, кто былъ для меня всего дороже въ свѣтѣ.

Графъ (*въ слезахъ*). Также, какъ и я.

Г-жа Бланжи (*плача*). Человѣка, любившаго меня до безумія!

Графъ (*тоже*). Также, какъ и я!

Г-жа Бланжи (*тоже*). И я поклялась всю жизнь его оплакивать.

Графъ. И я никогда не утѣшусь въ моей потерѣ.

Г-жа Бланжи. Постигнуть не могу, какимъ чудеснымъ случаемъ мы съ вами встрѣтились и совершенно въ одинакомъ положеніи!

Графъ. Ахъ, нѣтъ, извините, положеніе наше вовсе не одинаково: моему несчастію нѣтъ примѣра! Вообразите! я лишился той, для которой дышалъ и жилъ.

Г-жа Бланжи. Ахъ, графъ, лишиться мужа, повѣрьте, гораздо ужаснѣе!

Графъ. Воля ваша; а тутъ нѣтъ даже и сравненія, моя утрата сто разъ значительнѣе....

Г-жа Бланжи. Значительнѣе моей! Ну, нѣтъ, я не согласна....

Графъ. Я въ тысячу разъ больше страдаю....

Г-жа Бланжи. Нѣтъ, графъ; я страдаю гораздо больше вашего.

Софья (*про себя, за работою*). Пускай бы поссорились — все-таки лучше, это ихъ развлекло-бы, по-крайней мѣрѣ.

Графъ. Впрочемъ, надо сознаться, мы оба достойны сожалѣнія.

Г-жа Бланжи. Да, оба! несчастіе наше такъ велико!

Графъ. Повѣрите-ли? Я въ первый разъ теперь нахожу облегченіе моей горести и то въ мысли, что есть существо, которое страдаетъ также, какъ и я!

Г-жа Бланжи. И которое вполнѣ васъ понимаетъ, потому что до сихъ-поръ я находила только сердца холодныя, которыя осуждали печаль мою, даже смѣялись надъ нею.... «Какое дурачество, что за безуміе!» говорили они, какъ будто я виновата въ томъ, что несчастлива! О, друзьямъ гораздо легче осуждать насъ, нежели съ нами плакать.

Графъ. Таже исторія, что и со мною. Повѣрите-ли, между всѣми короткими пріятелями, которымъ я такъ часто давалъ пиры, обѣды, я не нашелъ ни одного, которой бы поплакалъ со мною.... Всѣ бѣгутъ отъ меня подъ предлогомъ дѣлъ, занятій, удовольствій, любви.... (*Плачетъ*). А для меня ужъ все это несуществуетъ.... я всего лишился.

Г-жа Бланжи (*съ участіемъ*). Бѣдный молодой человѣкъ!

Графъ. Вотъ почему я возненавидѣлъ Парижъ и поклялся никогда не въѣзжать въ него болѣе.

Г-жа Бланжи. Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, вамъ сочувствуютъ. Мы станемъ говорить о нашихъ горестяхъ, по близкому сосѣдству, намъ это будетъ не трудно....

Графъ. И въ самомъ дѣлѣ; стоитъ только выдти изъ вашего сада....

Г-жа Бланжи. Скажите лучше—изъ вашего, потому что онъ теперь вамъ принадлежитъ.

Графъ. Нашего, если вамъ угодно?

Г-жа Бланжи. Конечно, это лучше.—Скоро настанетъ осень, вечера будутъ долгіе....

Графъ. Наши воспоминанія ихъ сократятъ.... мы станемъ разговаривать, читать вмѣстѣ.

Г-жа Бланжи. Да, вы правы, только вдвоемъ можно вполнѣ оцѣнить сладкую отраду печали....

Графъ. И уединенія. Ахъ, какъ я счастливъ, что вздумалъ нанять здѣсь дачу....

Г-жа Бланжи (*съ досадою*). Ахъ! кто то сюда идетъ?

—

VIII.

ТѢЖЕ И СЛУГА СОФЬЯ встаетъ, беретъ у него письмо. **СЛУГА** уходитъ.

Г-жа Бланжи. Что это такое?

Софья. Письмо, сударыня! Клеймо на немъ, кажется, изъ Фонтенебло.

Г-жа Бланжи (*разрывая пакетъ*). Точно, неужели такъ скоро и отвѣтъ?... (*Читаетъ.*) «Милостивая государыня! По усильной просьбѣ г-на Курселя, которой жаловался на нашу медленность».... и проч, (*Тихо дочитывая письмо*). Ахъ, домъ, который для меня нанятъ, ужъ свободенъ.

Графъ. Свободенъ!

Г-жа Бланжи. И я завтра-же могу въ него переѣхать.

Софья. Ну, теперь вы очень довольны, сударыня? Не правда-ли, вѣдь вы только этого и желали?

Г-жа Бланжи. Конечно, но г. Курсель, рѣшительно ни въ чемъ не знаетъ мѣры и приличія! По всему видно, что онъ просто выгналъ изъ дому этихъ добрыхъ людей. А теперь это все падетъ на меня.

Графъ. Да неужели вы намѣрены завтра переѣхать?

Г-жа Бланжи. Чтожъ дѣлать, графъ? я не хочу употреблять во зло вашей снисходительности. Завтра утромъ весь этотъ домъ будетъ въ полномъ вашемъ распоряженіи.

Графъ. Но къ чему-же такъ спѣшить? Мы можемъ еще поговорить объ этомъ на досугѣ.

Г-жа Бланжи. Извините, графъ; я рѣшительно не мѣшаюсь въ свои дѣла, ими завѣдуетъ господинъ Курсель, другъ покойнаго моего мужа.

Графъ. Господинъ Курсель?... главный сборщикъ податей?

Г-жа Бланжи. Да, онъ; вы его знаете?

Графъ. Отличный человѣкъ; онъ оказалъ очень важныя услу- моему семейству и я очень радъ возобновить съ нимъ знакомство.

Г-жа Бланжи. Софья! попроси сюда господина Курселя; скажи, что графъ желаетъ его видѣть.

Софья. Сейчасъ, сударыня. Такъ мы завтра переѣзжаемъ? рѣшительно?

Г-жа Бланжи. Конечно! (*быстро.*) А что? развѣ есть какія нибудь препятствія?

Софья. Нѣтъ, ничего, сударыня! (*Всторону*) Правду сказать, жаль! письмецо-то пришло очень не впопадъ (*Уходитъ.*)

—

IX.

Г-жа Бланжи и графъ.

Графъ. Видите-ли, я рожденъ для несчастія! Только что представится какое-нибудь облегченіе моей горести, судьба тотчасъ-же у меня его и отниметъ.

Г-жа Бланжи. Чтожъ дѣлать? надобно покориться своей участи.... а притомъ, въ нашемъ положеніи, что значитъ одно лишнее огорченіе?

Графъ. Правда, правда.

Г-жа Бланжи. Ахъ, я давно уже къ этому привыкла.

Графъ. И я такъ-же; для меня счастіе рѣшительно — призракъ! я не вѣрю ему, даже когда оно очевидно. Вотъ сейчасъ, напримѣръ, когда мы съ вами предавались такимъ пріятнымъ мечтамъ, какой-то внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что черезъ минуту онѣ изчезнутъ.

Г-жа Бланжи. Такъ не я одна — и вы также вѣрите предчувствію?

Графъ. Какъ-же мнѣ не вѣрить!... Представьте, что наканунѣ того дня, какъ она заболѣла....

Г-жа Бланжи (*въ разсѣяніи*). Кто она?

Графъ. Моя Гортензія.

Г-жа Бланжи. Ахъ, да; извините.

Графъ. Мы были на балѣ, я сидѣлъ съ нею рядомъ; она только что оттанцовала съ другимъ, и признаюсь, по этому случаю мы съ ней немного поссорились....

Г-жа Бланжи (*съ довольнымъ видомъ*). А? такъ и вы иногда ссорились?

Графъ. Какъ-же иначе? мы такъ любили другъ друга! а притомъ.... сказать правду, Гортензія была немножко кокетлива; впрочемъ, кокетство ея было самое невинное: она была такъ добра! такъ мила!... Замѣтивъ, что я сталъ задумчивъ, что меня тревожитъ какое-то неизъяснимое безпокойство.... она пожала мнѣ руку и сказала: Эдуардъ, Эдуардъ!...

Г-жа Бланжи. Такъ и васъ зовутъ Эдуардомъ?

Графъ. Да. А что?

Г-жа Бланжи (*про себя*). Это очень странно!

Графъ. Странно? — Почему-же?...

Г-жа Бланжи. Ничего, я это такъ сказала.

Графъ. Такъ! Не можетъ быть, вы что-то вдругъ смутились; вѣрно есть причина?

Г-жа Бланжи. Но я не могу вамъ ее открыть.

Графъ. Такъ извините меня за нескромное любопытство.

Г-жа Бланжи. Помилуйте, тутъ нѣтъ ничего нескромнаго.

Графъ. Однакожъ.... по-крайней-мѣрѣ, я такъ думаю. Хотя мы сегодня только познакомились, но, по какому-то неизъяснимому влеченію, я почувствовала къ вамъ безотчетную довѣренность

и полагалъ, что и въ этомъ случаѣ нашелъ въ васъ сочувствіе.... Однако я вижу, что жестоко ошибся.

Г-жа Бланжи (*съ милою улыбкою*). Но вы напрасно обвиняете меня...

Графъ (*радостно*). Точно? такъ я могу надѣяться....

Г-жа Бланжи. Но знаете-ли, графъ, я начинаю бояться.... въ нашемъ положеніи, короткое знакомство можетъ быть причиною новой печали; особливо, когда скоро надо разстаться, и, можетъ быть, на всегда.

Графъ. О, что значитъ разлука съ тѣми, которыхъ, подобно намъ, сблизили глубокая печаль и одинакія чувства? Развѣ заочно нельзя сообщать другъ другу своихъ мыслей, воспоминаній, чувствъ, желаній? Я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ позволеніи писать къ вамъ. Пусть хоть это вознаградить меня нѣсколько за то, что я васъ не увижу болѣе въ мѣстахъ, гдѣ имѣлъ счастіе васъ встрѣтить. О! прошу васъ, именемъ нашихъ несчастій, именемъ нашей дружбы, не откажите мнѣ въ этомъ!

Г-жа Бланжи. Но, позвольте вамъ замѣтить, не слишкомъ-ли ужъ скоро началась эта дружба?

Графъ. Да неуж-ли нужны годы на то, чтобъ оцѣнить другъ друга? Говорятъ, что любовь можетъ родиться отъ одного взгляда; почему-же дружба не можетъ завязаться отъ одного свиданія? Знаете-ли что?... вдали другъ отъ друга, наши воспоминанія, наша довѣренность, такъ сказать, наши сердечныя изліянія будутъ еще пріятнѣе и даже удобнѣе. — Бумага скромна; писать къ другу, не то-ли самое, что говоритъ съ самимъ собою?

Г-жа Бланжи. Хорошо, я согласна, но съ тѣмъ однако, чтобъ вы отъ меня ничего не скрывали, вы должны довѣрить мнѣ всѣ ваши тайны, всѣ мысли....

Графъ. Клянусь, я ничего не скрою! — но и вы тоже?

Г-жа Бланжи (*садясь по лѣвую сторону стола*). Ужъ конечно. И такъ, для начала, скажите мнѣ, мой новый другъ, что вы здѣсь будете дѣлать въ уединеніи?

Графъ (*взявъ стулъ отъ фортепьяно, садится подлѣ нея*). Во первыхъ.... буду думать объ васъ.

Г-жа Бланжи. О нѣтъ; прежде объ *ней*.

Графъ. Ужъ это само собой разумѣется, а вы объ *немъ*?

Г-жа Бланжи. Безъ сомнѣнія. Я увѣрена, ваши воспоминанія объ ней должны быть такъ пріятны! —

Графъ. Конечно; но.... все не такъ, какъ ваши. Разсудите сами: я лишился ея до свадьбы, тогда, какъ она мнѣ еще не прина-

Инв 104293 9802
БИБЛИОТЕКА имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

длежала, сердце ея было для меня почти незнакомо; ну, а вы! вы были уже замужемъ!

Г-жа Бланжи. Въ этомъ-то, можетъ быть, вы и имѣете преимущество передо мною! счастіе, которое мы ожидаемъ, несравненно пріятнѣе того, которымъ уже наслаждаемся. Вы были полны любви и будущихъ надеждъ — вамъ все представлялось прелестнымъ, очаровательнымъ; упоеніе, въ которомъ вы тогда находились, вѣрно и теперь еще наполняетъ вашу душу, не смотря на горе и удрученіе.... а еслибъ надежды ваши сбылись, тогда, можетъ быть, этотъ очаровательный сонъ исчезъ-бы, потому что супружеская жизнь, иногда, вовсе не такова, какъ представляетъ ее неопытная любовь.—Вы-бы, можетъ быть, въ ней нашли несовершенства нашего бѣднаго міра; вспыльчивость, досаду, ссоры, впрочемъ, конечно минутныя....

Графъ (*улыбаясь*). Такъ и вы такъ-же ссорились?

Г-жа Бланжи. Случалось: какъ быть, это необходимо иногда, хотя-бы для того только, чтобы послѣ помириться.

Графъ. Можетъ быть. Впрочемъ эта мысль мнѣ не совсѣмъ нравится.

Г-жа Бланжи. Почему?

Графъ. Не знаю, но.... не могу скрыть отъ васъ, что это меня пугаетъ. Ну, если и мы съ вами будемъ ссориться.

Г-жа Бланжи. За что-же, когда мы условились все откровенно говорить другъ другу?

Графъ. Однакожъ, можетъ представиться случай.

Г-жа Бланжи. Какой-же?

Графъ. Молодая, прелестная вдова невольно привлекаетъ толпу искателей, изъ которыхъ всякій надѣется быть главнымъ повѣреннымъ ея чувствъ.

Г-жа Бланжи. Ахъ, какая мысль! я полагала, что мой новый другъ, лучше думаетъ о друзьяхъ своихъ.

Графъ. Тутъ нѣтъ ничего оскорбительнаго для васъ.

Г-жа Бланжи. Напротивъ, очень обидно. Вы должны вѣрить моему слову, я давно поклялась и теперь клянусь, что навсегда сохраню свою свободу.

Графъ. Точно такъ-же, какъ и я; я далъ себѣ клятву въ этомъ, и если когда нибудь нарушу ее, то пусть лишусь вашего уваженія, вашей дружбы.

Г-жа Бланжи. И я также.

Графъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Г-жа Бланжи. Вѣрьте-же моему слову.

Графъ. Ахъ, какъ я счастливъ! теперь я совершенно спокоенъ. И такъ, мы можемъ теперь, безъ всякаго опасенія, вѣрить вѣчной нашей дружбѣ, которую ничто не нарушить.

Г-жа Бланжи (*встаетъ*). Ничто на свѣтѣ.

Графъ (*относитъ стулъ къ открытому фортепьяно и всматривается въ нотную бумагу*). Ахъ, что я вижу?

Г-жа Бланжи. Что такое?

Графъ. Эти ноты....

Г-жа Бланжи. Что-жъ тутъ удивительнаго?

Графъ. Знаете-ли, это та самая полька, подъ которую мы танцовали съ ней на послѣднемъ вечерѣ.

Г-жа Бланжи. Ахъ, какъ жаль, что нечаянный случай возбудилъ въ васъ такое печальное воспоминаніе.

Графъ. Нѣтъ, нѣтъ, право не печальное, напротивъ.... я всегда слушаю ее съ неизъяснимымъ удовольствіемъ. (*Во время словъ его, госпожа Бланжи сѣла за фортепьяно, и играетъ первые такты польки.*) Ахъ, какъ я вамъ признателенъ! мнѣ кажется я слышу ее! Конечно, у васъ гораздо болѣе выразительности и чувства.... да это все равно, полька таже, и я такъ счастливъ, такъ счастливъ, что просто....(*пока госпожа Бланжи играетъ, графъ беретъ скрипку съ фортепьяно и акомпанируетъ*).

Г-жа Бланжи (*продолжая играть, смотритъ на графа*). Прекрасно, графъ, прекрасно! я не подозрѣвала въ васъ такого таланта.

Графъ (*продолжая акомпанировать*). Что значетъ онъ передъ вашимъ?

Г-жа Бланжи (*переставая играть*). Однако-жъ вы немного ошибаетесь, графъ: тутъ *же* мажоръ.

Графъ. Извините, *си* бемоль.

(*Въ это время входитъ Курсель и останавливается у двери.*)

Г-жа Бланжи. Увѣряю васъ, всмотритесь хорошенько.

Графъ (*смѣясь*). Ахъ, виноватъ, виноватъ точно *си;* что дѣлать: я вовсе не смотрѣлъ на ноты!

Г-жа Бланжи. Вы, графъ, ужасно разсѣяны!

Графъ. Простите, буду стараться смотрѣть на ноты.

Г-жа Бланжи. Такъ начнемъ-же опять, прошу быть повнимательнѣе.

(*Вмѣстѣ играютъ. Курсель садится на стулъ, сложивъ руки, и слушаетъ.*)

Графъ. Поживѣе, поживѣе немножко.

Г-жа Бланжи. Нѣтъ, графъ, не надобно.

*

Графъ. Увѣряю васъ; подъ эту музыку танцуютъ, а танцовать такъ тихо невозможно.

Г-жа Бланжи. Очень можно и даже ловко.

Графъ. Помилуйте.... какъ-же это? (*Напѣвая, дѣлаетъ нѣсколько па.*)

Г-жа Бланжи (*вставъ со стула и напѣвая*). Очень, очень ловко — Тра-ла-ла, тра-ла-ла....

Графъ. Позвольте.... какъ это.... (*Онъ беретъ ее за руки и оба вмѣстѣ поютъ и танцуютъ*).

—

X.

ТѢЖЕ, и КУРСЕЛЬ.

Курсель (*аплодируя*). Браво, браво! брависимо!

Г-жа Бланжи и Графъ (*быстро оставляя другъ друга.*) Ахъ!

Курсель. Сдѣлайте милость, продолжайте, я вамъ не мѣшаю, я только любуюсь.

Г-жа Бланжи. Давно-ли вы здѣсь? Когда вы сюда вошли?

Курсель. При самомъ *же* бемолѣ, прошу извинить мою нескромность; меня не приглашали ни на балъ, ни въ концертъ.

Г-жа Бланжи. Но я....

Курсель. Я было пришелъ поговорить объ наймѣ дома — съ его сіятельствомъ; но вѣдь это можно оставить до другаго времени.

Г-жа Бланжи. За чѣмъ-же? Еслибъ вы знали причину того, что теперь видѣли и слышали, и съ какимъ намѣреніемъ мы....

Курсель. Вамъ нѣтъ надобности оправдываться.... дѣло очень естественное: горе иногда доводитъ насъ до величайшихъ крайностей. Напротивъ, я не знаю, какъ и благодарить графа, за то, что онъ своею любезностью умѣлъ васъ такъ мило развеселить.

Графъ. Помилуйте....

Г-жа Бланжи. Но вамъ надо говорить о дѣлахъ, я васъ оставляю и надѣюсь, что графъ будетъ такъ добръ и не откажется съ нами отобѣдать.

Графъ. Могу-ли я отказаться отъ такого лестнаго приглашенія!

Курсель. Вотъ и прекрасно; съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ послѣ обѣда докончить прерванную мною музыку; я осмѣливаюсь даже этого требовать.

Г-жа Бланжи (*улыбаясь*). Какъ графу угодно будетъ.

Графъ (*кланяясь*). Я совершенно къ вашимъ услугамъ.

Г-жа Бланжи. И такъ—до свиданія.

Курсель Ахъ, какъ вы теперь милы!

Г-жа Бланжи (*съ улыбкою*). Въ самомъ дѣлѣ?

Курсель. Улыбка это такъ къ вамъ пристала (*вполголоса*) что изъ одного кокетства вамъ давно-бы пора утѣшиться.

Г-жа Бланжи. Ну! это не бездѣлица; я объ этомъ подумаю. (*Откланивается и уходитъ.*)

—

XI.

ГРАФЪ и КУРСЕЛЬ.

Графъ. Какъ я радъ, что нахожу васъ здѣсь! Вы были другомъ покойнаго отца моего и вѣрно не откажетесь быть моимъ.... Батюшка своимъ состояніемъ обязанъ вамъ; и мнѣ, право, совѣстно, что я до-сихъ-поръ не явился къ вамъ съ визитомъ....

Курсель. О ничего! вы еще очень молоды; а въ ваши лѣта свѣтскія забавы и развлеченія отнимаютъ все время.... Да вы-же, кажется, были и въ отсутствіи?

Графъ. Точно; но все это нимало меня не оправдываетъ.

Курсель. Да тутъ и оправдываться не въ чемъ.—Послушайте, графъ, дружба такое дѣло, что когда ни начни ее — все во время. Если вы думаете, что нѣсколько просрочили, то можете мнѣ теперь вдругъ заплатить и капиталъ, и проценты.... Извините, я выражаюсь техническомъ языкомъ; это слогъ казначейской.

Графъ. То-есть, самый ясный и отчетливый.

Курсель. Много чести! но примемся за дѣла. Такъ вы желаете снять у госпожи Бланжи эту дачу?

Графъ. Да, я желалъ бы.... (*Съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.*) Скажите, вы давно ее знаете?

Курсель. Кого? эту дачу?

Графъ. Нѣтъ; хозяйку.... госпожу Бланжи.

Курсель. Почти съ дѣтства. А потомъ я былъ другомъ ея мужа. О! эта женщина вполнѣ достойна любви и уваженія!... Что за прелестный нравъ! сколько ума, талантовъ! какъ мило она жила съ мужемъ своимъ.... Покойникъ былъ добрый малый, но плохой любезникъ.

Графъ. Да, мнѣ это сказывали.

Курсель. Сердце у него было прекрасное, и голова недурна.... но за то горячка.... Если, бывало, разсердится.... просто былъ человѣкъ ужасный, а къ несчастію это съ нимъ нерѣдко случалось! Притомъ страсть къ спекуляціямъ.... Его необдуманныя, не-

удачныя предпріятія до того довели госпожу Бланжи, что теперь....

Графъ. Что вы говорите? Неужели ея положеніе.... Но мы не должны допустить, чтобы она....

Курсель. Съ ея добрымъ, благороднымъ характеромъ, съ ея непритязательностію, она, конечно, ни въ чемъ не нуждается и ничего не желаетъ.... да еслибъ и случилась какая нужда, такъ у нея есть самые преданные друзья, которые ничего не пожалѣютъ для ея спокойствія. Но возвратимся къ нашему дѣлу. Сколько вы предлагаете за этотъ домъ?

Графъ. Да сколько вамъ угодно, чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Курсель. О нѣтъ, графъ; но она сама платила тысячу двести франковъ.

Графъ. Очень хорошо, такъ и я дамъ столько же; вы сегодня получите деньги.... Но вы говорили о друзьяхъ.... скажите, у нея ихъ много?

Курсель. Кто ее только знаетъ — тотъ и другъ ея; не говоря уже о толпѣ обожателей.... Еслибъ она захотѣла замужъ — то отъ нея зависитъ выборъ лучшихъ и богатѣйшихъ жениховъ.

Графъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Курсель. Кому-же объ этомъ лучше знать, какъ не мнѣ? всѣ эти господа вздыхатели обыкновенно обращаются ко мнѣ... должно быть, у меня ужъ такая почтенная, отеческая физіономія.... Но она рѣшительно всѣмъ отказывала.

Графъ (*весело*). Какъ, всѣмъ?

Курсель. Разумѣется, поочередно.... никто изъ этихъ господъ не умѣлъ ей по нравиться.

Графъ (*смѣясь*). Это безподобно!

Курсель (*довѣрчиво*). А знаете ли почему? потому-что.... только, пожалуйста, между нами.... если она рѣшится выдти замужъ, то я знаю за кого.

Графъ (*смутясь*). А, вы знаете?...

Курсель. Да, любезный графъ, есть счастливчикъ, которому дано уже формальное обѣщаніе.

Графъ. Кто-же это?...

Курсель. Эго?... Да, если вы хотите, это.... словомъ, это я.

Графъ. Вы?

Курсель. Да, я. Мы условились сыграть свадьбу, какъ только она хоть немножко утѣшится въ своей горести. Теперь, какъ по всему видно, это дѣло пошло на ладъ. Давича, благодаря вашимъ усиліямъ, она уже принялась за музыку и даже пустилась танцо-

вать.... это добрый знакъ! Теперь мнѣ остается только попросить васъ еще объ одномъ маленькомъ одолженіи.... Вы вѣрно не откажете?

Графъ. Меня!... я очень радъ; что-жъ это такое?

Курсель. Видите-ли: я самъ за себя хлопочу; ну, а вы согласитесь, прямо говорить о себѣ какъ-то неловко. Сколько-бы я ни говорилъ ей, что я человѣкъ добрый, кроткій, честный, что имѣю много хорошихъ качествъ, она все можетъ подумать, что я говорю это — изъ самолюбія.... Вотъ, еслибъ на моей сторонѣ былъ еще чей-нибудь голосъ.... хоть напримѣръ-бы, вашъ.

Графъ. Какъ? вы хотите, чтобы я....

Курсель. Все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ заставить ее поскорѣе рѣшиться.... потому-что внутренно она меня любитъ.... ужъ въ этомъ я увѣренъ. Она еще нынче утромъ сама мнѣ это сказала.

Графъ. Нынче утромъ!

Курсель. Да. Но знаете — свѣтскія приличія.... общественное мнѣніе.... и....

Графъ. Возможно-ли? такъ стало-быть это уединеніе, этотъ трауръ, которой она такъ строго соблюдаетъ....

Курсель. То-то и бѣда.... мнѣ кажется, одно это ее только и удерживаетъ.

Графъ (*съ досадою*). Вотъ, послѣ этого, прошу вѣрить вѣчнымъ горестямъ. Впрочемъ, это меня не удивляетъ, всѣ женщины одинаковы!

Курсель. Ну, графъ, и мы, право, не лучше ихъ.

Графъ. Нѣтъ сударь, нѣтъ, не вѣрьте этому. Есть мужчины, у которыхъ глубокія чувства не такъ легко изглаживаются.

Курсель (*равнодушно*). Можетъ-быть, впрочемъ для меня все равно. (*Съ жаромъ.*) Такъ вы согласны мнѣ помочь? Видите-ли, я васъ предпочтительно выбираю въ повѣренные, потому что у васъ есть особенный талантъ, вы какъ-то умѣете ее развлечь; вотъ давича даже и смѣяться заставили; ну, а это-то именно и приводитъ меня къ желаемой развязкѣ.

Графъ. Если дѣло только въ томъ, чтобъ ускорить ваше счастіе, къ которому она, какъ вы говорите, и сама расположена, то будьте увѣрены, я, съ моей стороны, готовъ....

Курсель. О, какъ я вамъ благодаренъ!

Графъ. Помилуйте, за что-же?... это меня самаго пріятно займетъ.

Курсель. Знаете-ли? теперь я думаю, самая благопріятная минута; она одна и если вы до обѣда успѣете выманить у нея благосклонный отвѣтъ, такъ я.... повѣрите-ли?... мнѣ кажется, я еще съ большимъ аппетитомъ отобѣдаю.

Графъ. Въ самомъ дѣлѣ; эта причина такъ.... такъ....

Курсель. Уважительна, хотите вы сказать? не правда-ли? До свиданія (*жметъ ему руку*). Повѣрьте, я самъ, въ подобномъ случаѣ, не откажусь вамъ отслужить. (*Графъ уходитъ.*)

—

XII.

Курсель (*одинъ*). Прекрасно! я увѣренъ, что эта выдумка послужитъ мнѣ въ пользу. Въ дѣлахъ, какъ и въ дипломатикѣ, все зависитъ отъ выбора авдоката или повѣреннаго.

—

XIII.

КУРСЕЛЬ И СОФЬЯ.

Софья. Видно ужъ нынче весь день пошелъ на визиты, еще пріѣхалъ гость.

Курсель. Къ кому? къ твоей барынѣ?

Софья. Или къ вамъ, если угодно?

Курсель. Что это значитъ?

Софья. А то, что въ саду дожидается еще молодой человѣкъ.

Курсель. Еще одинъ! кажется, насъ здѣсь и безъ того довольно.

Софья. Онъ не хочетъ безпокоить барыню, а желаетъ поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ о какомъ-то дѣлѣ....

Курсель. Теперь? Ну, ужъ извини! мнѣ недосугъ; у меня у самаго на умѣ такое дѣло, которое поважнѣе всѣхъ другихъ. Я вотъ только жду отвѣта отъ госпожи Бланжи.

Софья. Да вотъ кстати и барыня. Что это? — Она прощается съ графомъ? и его сіятельство ушелъ.

Курсель. А! такъ онъ уже ушелъ? Узнать поскорѣе, чѣмъ они покончили. (*Поспѣшно выходитъ въ заднюю дверь.*)

—

XIV.

СОФЬЯ и Г-ЖА БЛАНЖИ.

Г-жа Бланжи (*входитъ съ другой стороны и не видя Софьи*). Неповимаю, что за перемѣна въ его тонѣ и поступкахъ! что значитъ насмѣшливый видъ, въ которомъ онъ говорилъ о моей глубокой печали? Да, графъ! я печальна, мнѣ грустно, тѣмъ болѣе, что я въ васъ такъ обманулась.

Софья. Сударыня....

Г-жа Бланжи (*не слушая ее*). Онъ чуть-чуть не укорялъ меня въ томъ, что я почти дала слово Курселю, который впрочемъ.... конечно ужъ тысячу разъ любезнѣе его, у него и нравъ несравненно лучше.

Софья. Сударыня....

Г-жа Бланжи (*не слушая*). Да что еще! вздумалъ за него ходатайствовать! уговаривать меня, и все это такимъ язвительнымъ, даже рѣзкимъ тономъ!... Точно, какъ будто только его и не доставало, чтобъ заставить меня рѣшиться!... И кто просилъ его совѣта? Кажется, я сама знаю, что мнѣ дѣлать!

Софья (*громче*). Сударыня....

Г-жа Бланжи. Что такое, что еще надобно?

Софья. Помилуйте, вотъ ужъ въ третій разъ я хочу доложить вамъ....

Г-жа Бланжи. Объ чемъ?

Софья. Да объ томъ, что съ вами желаетъ говорить....

Г-жа Бланжи. Кто? вѣрно графъ? — тѣмъ хуже!

Софья. Нѣтъ не графъ....

Г-жа Бланжи (*съ нетерпѣніемъ*). Ну, такъ кто-же? господинъ Курсель?

Софья. Нѣтъ, сударыня.

Г-жа Бланжи. Тѣмъ лучше!

Софья. Какой-то незнакомый....

Г-жа Бланжи. Я не могу его принять, скажи, что меня нѣтъ дома.

Софья. Даонъ рѣшился васъ дожидаться.....Онъ сидитъ въ саду....

Г-жа Бланжи (*съ нетерпѣніемъ*). Ну, такъ поди, сама говори съ нимъ, отвѣчай, что хочешь, только оставь меня въ покоѣ, я не хочу его видѣть.... Всѣ они мнѣ до смерти надоѣли.., и.... я хочу быть одна, понимаешь?

Софья. Желаніе ваше скоро исполнится, потому что графъ, кажется, приказалъ подавать свою коляску.

Г-жа Бланжи (*вздыхаетъ*).

Софья (*посмотрѣвъ въ окно*). Да вотъ ужъ и лошади заложены.

Г-жа Бланжи. Ну, хорошо, хорошо; оставь меня!

—

XV.

Г-жа БЛАНЖИ и ГРАФЪ.

Графъ. Сударыня! я сей-часъ имѣлъ честь сообщить г-ну Курселю о томъ, что вы совершенно къ нему расположены....

Г-жа Бланжи (*холодно*). И хорошо сдѣлали. Очень вамъ благодарна.

Графъ. Я даже увѣрилъ его, что вы почти готовы исполнить обѣщаніе, которое ему дали сегодня утромъ....

Г-жа Бланжи. Я!...

Графъ. По-крайней-мѣрѣ, вы сами изволили мнѣ такъ сказать.

Г-жа Бланжи. Ну, вотъ! чего-же лучше? Стало я ужъ, по милости вашей, и сговорена за него?

Графъ. Онъ въ совершенномъ восхищеніи и проситъ позволенія придти поблагодарить васъ лично.

Г-жа Бланжи (*про себя*). Какъ, ужъ и благодарить? Только этого недоставало! (*Вслухъ.*) Да скажите, графъ, кто заставляетъ васъ такъ объ этомъ заботиться?

Графъ. Моя искренняя дружба.

Г-жа Бланжи. Очень вамъ обязана.

Графъ. Я хотѣлъ только предъ отъѣздомъ увѣдомить васъ о результатѣ.

Г-жа Бланжи. А! — вы уѣзжаете?

Графъ. Да. У меня есть очень важное дѣло въ Парижѣ.

Г-жа Бланжи. Я васъ не удерживаю: какъ угодно.

Графъ (*кланяется ей, она ему также кланяется*). Такъ позвольте откланяться. (*Не трогаясь съ мѣста, кланяется ей въ другой разъ — хочетъ уйти и опять останавливается.*) Нѣтъ-ли у васъ какихъ порученій въ Парижъ?

Г-жа Бланжи. Нѣтъ, сударь.... правда.... у меня есть нужныя письма, которыхъ я еще не успѣла дописать; я полагала, что вы съ нами отобѣдаете и потому....

Графъ. Что-жъ дѣлать! я долженъ былъ лишить себя этого

удовольствія; — я думалъ найти здѣсь печальное уединеніе; но теперь вижу, что долженъ поспѣшить отсюда, чтобъ не быть свидѣтелемъ счастія и радости.... Ахъ, милая Гортензія! Никогда еще я не чувствовалъ такъ сильно горесной моей потери.

Г-жа Бланжи. Ахъ, и я тоже!... *Онъ*, по крайней-мѣрѣ, со всѣмъ иначе умѣлъ цѣнить мою довѣренность.

Графъ. *Она*, конечно, не огорчила-бы меня.

Г-жа Бланжи. *Онъ* вѣрно не поступилъ-бы со мною такъ несправедливо.

Графъ. Какъ! Я несправедливо съ вами поступилъ? но вспомните, что сегодня утромъ вы клялись остаться вѣчно вдовою и на этомъ основана была наша дружба; гдѣ-же ваша клятва? Кто изъ насъ нарушилъ ее?

Г-жа Бланжи. Кто? Разумѣется вы! не вы-ли упрашивали меня выдти за того, о комъ я никогда и не думала?

Графъ. Однакожъ вы дали ему слово?

Г-жа Бланжи. Ну.... пусть такъ.... положимъ даже, что я дала слово, однако-жъ не прежде, какъ рѣшусь отказаться отъ теперешней моей свободы, а я хочу ее сохранить!

Графъ. Возможно-ли?...

Г-жа Бланжи. Да, графъ, я сохраню ее навсегда, потому что, начиная съ васъ — всѣ мужчины для меня просто нестерпимы. Довольны-ли вы теперь?

Графъ. Ахъ, какъ вы добры! и какъ я виноватъ передъ вами!

Г-жа Бланжи. Да, виноваты и очень виноваты! Между друзьями должна быть совершенная искренность.... по-крайней-мѣрѣ — требуютъ объясненій — неужели-бы я вамъ отказала?

Графъ. О, вы совершенно правы; но, я не могу пересказать вамъ, что со мною было, когда господинъ Курсель хвалился вашимъ предпочтеніемъ, на которое давняя дружба его можетъ быть и давала ему право, однако считая себя также другомъ вашимъ, я признаюсь, надѣялся быть *первымъ*, и каково-же мнѣ было видѣть другаго, который оспаривалъ у меня это безцѣнное для меня названіе!... Дружба имѣетъ также свою ревность.

Г-жа Бланжи. Не надобно, однако-жъ, что-бъ она непоходила на тиранство.... Вы давича были такъ добры, такъ любезны.... и вдругъ....

Графъ Какъ? неужли я что нибудь....

Г-жа Бланжи. Да васъ трудно было узнать.... откуда вдругъ взялись досада, вспыльчивость, насмѣшка, точно, какъ будто вы мой мужъ!

Графъ. Въ самомъ дѣлѣ? какъ же это случилось? Неужли дружба насъ такъ измѣняетъ! Представьте, давича, я самъ незнаю за что, я внутренно возненавидѣлъ Курселя.... Но за то — теперь даю вамъ слово — я буду любить его до обожанія.

Г-жа Бланжи. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ и я въ свою очередь могу ревновать.

Графъ. О нѣтъ; мои чувства къ вамъ совсѣмъ другаго рода, эти чувства.... ихъ даже объяснить трудно... Это то.... нѣтъ, это ужъ совсѣмъ не то, что я чувствовалъ къ Гортензіи!

Г-жа Бланжи. Надѣюсь.

Графъ. О, никакого нѣтъ сравненія, это что-то такое, что-то.... еще лучше!

Г-жа Бланжи. Однакоя васъ задерживаю: коляска ваша готова.

Графъ. Какъ? Неужли....

Г-жа Бланжи. За чѣмъ-же вамъ себя приневоливать? вы имѣете очень важное дѣло въ Парижѣ.

Графъ. Это важное дѣло состояло въ томъ, что мы съ вами какъ будто поссорились.... Но какъ теперь дѣло это кончено....

Г-жа Бланжи. То вы остаетесь у меня?

Графъ. Очень-бы желалъ, если вы только позволите.

Г-жа Бланжи. Развѣ я вамъ этого не сказала?

Графъ (*съ живостію*). Ахъ, вы такъ добры! вы такъ добры, что я.... Ахъ, вотъ опять Курсель! О, какъ онъ мнѣ надоѣлъ!

Г-жа Бланжи. А вы сбирались его такъ любить....

Графъ. И готовъ, только не тогда, какъ онъ приходитъ къ вамъ; онъ вѣрно идетъ благодарить васъ.

Г-жа Бланжи. Видите-ли, что вы надѣлали.... ну, что я теперь ему скажу?

Графъ. Я, право, не знаю.... Вспомните только: справедливость требуетъ, чтобъ вы у него отняли всякую надежду, также, какъ у меня.

—

XVI.

ТѢ ЖЕ И КУРСЕЛЬ.

Курсель (*тихо графу*). Что я, кстати пришелъ?

Графъ. Какъ нельзя больше — кстати. Я васъ оставляю. (*Выходя дѣлаетъ знакъ госпожѣ Бланжи.*)

—

XVII.

КУРСЕЛЬ И Г-ЖА БЛАНЖИ.

Курсель. Ахъ, я не нахожу даже и словъ, какъ благодарить васъ....

Г-жа Бланжи (*всторону*). Бѣдняжка! онъ мнѣ жалокъ.

Курсель. Я такъ разтроганъ вашимъ вниманіемъ, да притомъ, признаюсь, совсѣмъ не мастеръ на фразы, я люблю идти прямо къ дѣлу. Такъ скажите, когда конецъ вашему трауру? Когда свадьба?

Г-жа Бланжи. О, какъ скоро, господинъ Курсель!.... я еще не рѣшилась.

Курсель. Когда-же это будетъ?

Г-жа Бланжи. Послушайте, мой добрый другъ! я должна быть съ вами откровенна.... какъ мнѣ васъ ни хвалили, а признаюсь, я все еще чувствую, что никакъ не могу рѣшиться!....

Курсель. Ну, чтожъ? и не торопитесь.... Это ничего — я подожду....

Г-жа Бланжи. (*Въ замѣшательствѣ и какъ будто упрашивая.*) Ахъ, нѣтъ, нѣтъ; господинъ Курсель! сдѣлайте милость не дожидайтесь....

Курсель. Отчего-же?

Г-жа Бланжи. Да оттого, что.... рѣшительно.... мнѣ кажется.... я никогда не рѣшусь.

Курсель. И, полноте, вы сами себя обманываете.

Г-жа Бланжи. Не думаю, господинъ Курсель.

Курсель. Повѣрьте мнѣ, я въ этомъ знатокъ.... да чего лучше! вотъ хоть-бы сегодня.... вы вѣрно сами этого не примѣтили.... а состояніе души вашей много улучшилось.

Г-жа Бланжи. Вы думаете?

Курсель. Не только думаю, я даже увѣренъ, хоть вы и не хотите согласиться. Разговоръ вашъ съ графомъ очень подвинулъ впередъ мою надежду.

Г-жа Бланжи. Напротивъ, мой другъ!

Курсель. Какъ напротивъ?

Г-жа Бланжи. Разговоръ этотъ еще болѣе утвердилъ меня въ намѣреніи навсегда остаться вдовою.

Курсель. Какъ? развѣ графъ не обо мнѣ говорилъ съ вами?

Г-жа Бланжи (*въ замѣшательствѣ*). Точно объ васъ.... сначала.... а потомъ....

Курсель. А потомъ онъ вѣрно изволилъ говорить о себѣ?

Г-жа Бланжи. Однако-жъ не такъ, какъ вы понимаете....

Курсель (*нѣсколько грубо*). Мнѣ кажется, что тутъ понимать-то много нечего!

Г-жа Бланжи (*съ живостію*). Нѣтъ, вы ошибаетесь. Вѣрно вамъ не извѣстно, что графъ также лишился той, которую любилъ страстно.... Такъ посудите.... одинакое положеніе, таже горесть.... это было такъ мило, такъ кстати!.... съ первой встрѣчи намъ показалось, что мы уже давнымъ давно знакомы.

Курсель. Въ самомъ дѣлѣ? Гмъ!

Г-жа Бланжи. Ахъ, мой другъ, ни что такъ не сближаетъ людей, какъ несчастіе; одинакое горе всегда располагаетъ къ дружбѣ.

Курсель. Къ дружбѣ? такъ ужъ у васъ и до дружбы дошло?

Г-жа Бланжи. А почему-же нѣтъ? вѣдь дружба не что-нибудь другое.... это просто дружба и — больше ничего.

—

XVIII.

ТѢ ЖЕ И СОФЬЯ.

Софья. Что, сударыня, тотъ господинъ все еще дожидается въ саду. Такой видный мужчина, лѣтъ тридцати, небольше, и очень недуренъ собою. Конечно, онъ не такъ хорошъ, какъ графъ....

Г-жа Бланжи (*съ нетерпѣніемъ*). Ты мнѣ надоѣла. Я велѣла отказать ему.

Софья. Я было и хотѣла. «Что, барыня ваша дома»?.... спросилъ онъ. — Дома, сударь. — «Вы давно у ней служите»? — Три мѣсяца.— «Такъ пожалуйста предупредите ее,» и вдругъ остановился, потомъ прибавилъ: «нѣтъ, нѣтъ, эта нечаянность можетъ поразить ее.... лучше я напишу къ ней». — Я отвела его къ садовнику. Онъ взялъ бумагу, наскоро написалъ нѣсколько строчекъ, потомъ прочелъ, да и вымаралъ; смотрю началъ опять писать, потомъ всталъ, изорвалъ бумагу и началъ ходить по комнатѣ, повторяя: «право, не знаю, что и дѣлать»!

Курсель. Чтожъ все это значитъ?

Г-жа Бланжи. Знаете-ли, что это меня начинаетъ безпокоить.

Софья. Спустя нѣсколько времени онъ сказалъ мнѣ: «Я рѣшился. Пожалуйста: отнесите это письмо къ госпожѣ Бланжи: пусть она его прежде прочитаетъ, а потомъ уже я и самъ явлюсь къ ней».

Г-жа Бланжи. Такъ подай-же скорѣе (*взглянувъ на адресъ*). Ахъ!

Курсель (*видя, что ей дѣлается дурно, подбѣгаетъ къ ней*). Что съ вами?

Г-жа Бланжи. Ахъ!... взгляните, прочтите.... (*Отдаетъ ему письмо*).

Курсель (*вскрикиваетъ*). Что это! онъ! его рука! вашъ мужъ, Бланжи.

Софья. Какъ? такъ это вашъ супругъ, котораго вы такъ любили, котораго такъ оплакивали? и вамъ дѣлается дурно?

Г-жа Бланжи. Мнѣ, дурно?... что за вздоръ?... совсѣмъ нѣтъ!... но радость.... изумленіе.... (*Курселю*). Другъ мой! посовѣтуйте.... что мнѣ дѣлать!...

Курсель. Скорѣе бѣжать къ нему на встрѣчу....

Г-жа Бланжи (*внѣ себя*). Правда ваша!... пойдемте скорѣе.... Ахъ, поддержите меня.... (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ*). Ахъ, это графъ!

—

XIX.

ТѢЖЕ И ГРАФЪ. (Онъ входитъ въ большемъ волненіи.)

Графъ (*съ живостію г-жѣ Бланжи*). Нѣтъ, я не въ силахъ долѣе крѣпиться.... я долженъ узнать рѣшеніе моей участи.

Курсель. Что такое? что еще сдѣлалось?

Графъ. Я не знаю, что сказала вамъ госпожа Бланжи, и на что вы рѣшились, но въ это время я удостовѣрился въ томъ, что происходитъ въ моемъ сердцѣ. Узнайте, чувство дружбы, въ которомъ я васъ увѣрялъ, было ничто иное, какъ одинъ предлогъ, совершенно пустое слово.... теперь я знаю — я вамъ вовсе не другъ: я васъ люблю!

Г-жа Бланжи. Какъ, графъ?

Графъ. Да, люблю страстно, пламенно, жить безъ васъ не могу! Я предлагаю вамъ мою руку, мое состояніе, мою жизнь.... все.... все! Не откажите, не приведите меня въ отчаяніе (*къ Курселю*). Да, сдѣлайте милость, поговорите-же и вы за меня!

Курсель. Кто? я?...

Графъ. Вѣдь я говорилъ-же за васъ.

Курсель. Нѣтъ, теперь ужъ совѣтую вамъ адресоваться не ко мнѣ, а къ ея мужу.

Графъ. Какъ къ мужу?

Софья. Да; онъ возвратился, онъ здѣсь!

Графъ (*пораженный*). Господинъ Бланжи!

Г-жа Бланжи (*въ сильномъ волненіи*). Такъ графъ, я имѣю священныя обязанности, которыя уважаю, а потому извините.... но ваше присутствіе....

Графъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Я какъ громомъ убитъ!... Хорошо-же, если я ужъ осужденъ на вѣчныя страданія, если судьба не перестанетъ меня преслѣдовать, то я, по-крайней-мѣрѣ, постараюсь заслужить ея гоненія. Прощайте.

Г-жа Бланжи. Куда-же вы? что вы хотите дѣлать?...

Графъ (*трагически*). Мнѣ нечего болѣе терять, не о чемъ жалѣть.

Курсель (*останавливая его*). Молодой человѣкъ, что вы задумали!

Г-жа Бланжи. Ради Бога, Эдуардъ!... Ахъ, что я сказала!... мнѣ не должно было васъ такъ называть.... Другъ мой! другъ мой, выслушайте меня!

Графъ (*со слезами*). Нѣтъ!... я слишкомъ несчастливъ!

Г-жа Бланжи. А я графъ! развѣ я счастливѣе васъ....

Графъ (*въ восторгѣ*). Что я слышу!

Г-жа Бланжи (*съ живостію*).... когда вижу васъ въ такомъ отчаяніи? Неужели вы хотите погубить меня, обезславить, лишить послѣдней отрады? И вы увѣряете, что меня любите! (*Быстрое движеніе графа.*) Явамъ вѣрю, графъ; я хочу вамъ вѣрить и клянусь, я тутъ ни въ чемъ не виновата, я сама не знаю, какъ это все сдѣлалось; вы также не виноваты, и я охотно васъ прощаю, но съ условіемъ, вы должны сейчасъ-же уѣхать, я васъ болѣе никогда не увижу.

Графъ. Возможно-ли! вы!...

Г-жа Бланжи. Вотъ все, о чемъ я могу васъ просить. (*Курселю.*) Ахъ, другъ мой, не оставьте меня, пойдемте!... (*Хотятъ идти*).

Софья. Да что вы это, сударыня? не лучше-ли прежде свиданья съ нимъ прочитать его письмо?

Курсель. А что? Она правду говоритъ.

Г-жа Бланжи. Въ самомъ дѣлѣ.... Прочтите, мой добрый другъ! (*Опять отдаетъ письмо Курселю.*) Я не въ силахъ.

Курсель (*разпечатавъ письмо, читаетъ*). «Милый другъ мой, Элиза»! Точно, письмо отъ него.

Г-жа Бланжи. Ахъ, отъ него!

Курсель (*всторону*). Она вздыхаетъ, а сегодня поутру такъ неутѣшно его оплакивала.... (*Читаетъ*). «Милый другъ мой, Элиза! «я желалъ-бы летѣть на крыльяхъ, чтобъ поскорѣе увидѣть, обнять «тебя, добрую, кроткую, любящую, чтобы вымолить твое прощеніе, «потому что я часто былъ недостоинъ твоей чистой любви! Да, я знаю, «моя вспыльчивость, мой глупый нравъ и расточительность отра- «вляли твою жизнь и дѣлали тебя несчастливою.... О, мой милый «другъ! Я готовъ выплакать мои вины кровавыми слезами, лишь-бы «опять обнять тебя, но увы! когда ты получишь это письмо, меня «уже не будетъ на свѣтѣ!»

Всѣ. Ахъ, возможно-ли! Что это?

Графъ. Докончите!

Софья. Чтожъ это значитъ?

Курсель (*пробѣжавъ глазами все письмо*). Это значитъ, что письмо писано имъ еще прошлаго года, изъ Нью Іорка, въ послѣднія минуты его жизни.

Графъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Курсель. И поручено было молодому человѣку, который, по его довѣренности, долженъ былъ отправиться во Францію для окончанія его разсчетовъ по торговымъ дѣламъ.

Графъ (*внѣ себя*). Ахъ, господинъ Курсель! какъ я счастливъ!

Г-жа Бланжи (*Курселю*). О, другъ мой! я не смѣю взглянуть на васъ.... Что должны вы подумать о замѣшательствѣ, въ которомъ сейчасъ меня видѣли?

Курсель. То, что рано или позде, этому надо было случить ся. — Не говорилъ-ли я вамъ еще нынче утромъ, что того гляди настанетъ день, въ который вы почувствуете, что утѣшились? Ну, вотъ я и правъ.

Г-жа Бланжи (*съ живостію*). Да, конечно! Но только, право, я сама еще не знаю, на что рѣшусь.

Курсель. Можетъ быть; а мы вотъ съ его сіятельствомъ это знаемъ. Не правда-ли, графъ? мы это лучше знаемъ? Но, какъ я старинный другъ вашъ, то по праву дружбы, позвольте мнѣ помочь вамъ рѣшиться.... (*Беретъ ее за руку и подводитъ къ графу.*) Будьте счастливы!

Графъ. Ахъ, какъ мнѣ благодарить васъ за такое великодушіе, я вамъ обязанъ счастіемъ цѣлой жизни.

Г-жа Бланжи (*подавая графу руку*). А я еще больше: возможностью провести ее безъ горя!

Графъ. О, мы часто будемъ здѣсь! я послѣ свадьбы непре-

мѣнно куплю эту дачу—построю здѣсь прекрасный домъ, разведу паркъ, цвѣтники....

Курсель. А я, если позволите, въ назиданіе вашему будущему потомству, на самомъ этомъ мѣстѣ поставлю павильонъ, который посвящу двумъ божествамъ.

Г-жа Бланжи. Какимъ-же это?

Курсель. Амуру и Сатурну, то-есть, *Любви* и *Времени*, съ слѣдующею надписью: «*Двумъ вѣрнымъ утѣшителямъ неутѣшныхъ*».

=

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МУДРЕНЫЙ КОНТРАКТЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

М. И. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

Если-бы у каждой новой главы моего романа было заглавіе, то настоящую, по всей справедливости прилично-бы было назвать: антрактъ въ шестнадцать лѣтъ, ибо съ позволенія снисходительныхъ читателей, мы перешагнемъ теперь именно такое разстояніе времени, чтобы досказать поскорѣе нашу длинную, а можетъ-быть, и скучную повѣсть.

Но чтобы насъ не совершенно обвинили въ такой новой и чисто романтической замашкѣ перескакивать цѣлые десятки лѣтъ, прежде нежели начнемъ досказывать, бросимъ хотя бѣглый взглядъ на то, что было въ продолженіе этого длиннаго шестнадцатилѣтняго антракта.

Началось съ того, что на другой-же день, по заключеніи страннаго контракта между двумя бывшими соперниками, а теперь снова друзьями, Бѣльскимъ и Черницкимъ, оба они, въ сопровожденіи своего посредника Борецкаго, отправились

въ завѣтный Ракитинскій переулокъ, гдѣ, разумѣется, ихъ ждали съ нетерпѣньемъ. Другъ двоихъ обычныхъ гостей Петра Спиридоновича съ первой-же рекомендаціи сдѣлался третьимъ другомъ гостепріимнаго дома.

Но не долго было суждено этимъ тремъ друзьямъ пировать весело въ гостепріимномъ для нихъ Ракитинскомъ переулкѣ, какъ можетъ себѣ представить читатель. Прошло нѣсколько недѣль и Петръ Григорьевичъ Черницкій отправился въ Петербургъ; причины для своего отъѣзда ему не для чего было и придумывать, потому-что она явилась дѣйствительно: отецъ писалъ, что онъ вдругъ очень занемогъ и ждетъ непремѣнно и скоро къ себѣ сына.

Одно горе не приходитъ къ человѣку: вслѣдъ за нимъ непремѣнно является и другое. Потерявши невѣсту, Черницкій почти слѣдомъ за этой потерею лишился и отца. Матери у него давно не было. Получа довольно огромное наслѣдство, герою нашему теперь еще болѣе было возможности исполнить предположенный вояжъ, по условію съ своимъ соперникомъ, и онъ дѣйствительно отправился на пятнадцать лѣтъ въ Ситху.

Не прошло мѣсяца послѣ отъѣзда Петра Григовьевича Черницкаго, какъ уже въ домѣ Петра Спиридоновича Ракитина справляли свадебный пиръ Валерьяна Григорьевича Бѣльскаго съ Юліей Петровной. Свадьбу описывать не станемъ: она была какъ и всѣ московскія богатыя свадьбы. Замѣтимъ только мимоходомъ, что и женихъ и невѣста какъ-то не совсѣмъ весело справляли свою свадьбу.... Онъ какъ-будто вздыхалъ тайкомъ о томъ, что брачный вѣнецъ стоилъ ему потери друга, осужденнаго на долголѣтнее изгнаніе, а она какъ-будто улетѣла на эти минуты мыслями куда-то вдаль и какъ-будто жалѣла о комъ-то другомъ.... Подите-же вы съ неразгаданнымъ женскимъ сердцемъ! Жаль, что до насъ не дошли письма Юліи Петровны, бывшей Ракитиной, а теперь уже Бѣльской, къ ея задушевной подругѣ Лизѣ Рельской; можетъ-быть изъ нихъ увидѣли-бы мы новое доказательство старой вѣковой истины, что настоящую цѣну предметамъ мы знаемъ только тогда, когда безвозвратно лишаемся ихъ....

Болѣе, кажется, всѣхъ торжествовала и была вполнѣ довольна при совершеніи этой свадьбы старушка Домна Ѳоми-

нишна, постоянная фаворитка своей госпожи, а значительнѣе всѣхъ покачивалъ своею сѣдою головою и вздыхалъ въ тихомолку Авдей Семенычъ, старый управитель и любимецъ Петра Спиридоновича, который было смекалъ въ этомъ дѣлѣ на кандидата своего любимаго господина.

— Ну что, Семенычъ? не правду-ли я тебѣ говорила съ самаго начала, съ торжествующимъ видомъ шепеляла старушка Ѳоминишна, что будетъ на нашей сторонѣ праздникъ и что на барышнѣ женится непремѣнно Валерьянъ Григорьичъ.

— Ну это, примѣрно доложить, дѣло простаго случая, не безъ конфуза отвѣчалъ старикъ управитель.

— А знаешь-ли, какъ зовутъ этотъ простой случай, Семенычъ? спрашивала съ улыбкою торжествующая Домна Ѳоминишна.

— Ну, какъ зовутъ?

— Его зовутъ Марья Семеновна, простячекъ ты этакой!

Старичекъ управляющій грустно качалъ головой, какъ-бы соглашаясь внутренно, что дѣйствительно слабость характера Петра Спиридоновича была тутъ всему виною, а старушка ликовала, предполагая, что вліяніе барыни на судьбу дочери играло тутъ первую роль и оба добрые служителя ошибались въ этомъ случаѣ, какъ знаетъ читатель, ибо у каждаго событія есть такія тонкія нити, которыя вовсе и не замѣтны для окружающаго ихъ свѣта, а между-тѣмъ эти тонкія паутинныя нити подчасъ тянутъ крѣпче и сильнѣе толстаго морскаго каната.

Василій Васильевичъ Борецкій веселѣе всѣхъ пировалъ на свадьбѣ Бѣльскаго и за первымъ заздравнымъ бокаламъ шампанскаго въ честь молодыхъ, на ушко шепнулъ Валерьяну Григорьевичу, чтобы онъ не забылъ позвать его въ кумовья къ первому своему ребенку, что именно такъ и случилось, и доброму толстячку Василью Васильевичу пришлось опять пить шампанское за здоровье своей новорожденной крестницы, которую въ честь матери назвали также Юлинькой, не дальше, какъ черезъ десять мѣсяцевъ послѣ веселой свадьбы въ Ракитинскомъ переулкѣ.

Этотъ крестинный пиръ былъ послѣднимъ пиромъ въ жизни для дѣдушки новорожденной Юлиньки Бѣльской, Петра

Спиридоныча. Только что успѣлъ онъ поссориться съ своей дражайшей половиной Марьей Семеновной на счетъ будущаго образа воспитанія внучки, которую собирался онъ и выучить и устроить такъ, какъ ему хотѣлось, забывая о томъ, что въ его лѣта, каждый новый день жизни есть благодѣтельный подарокъ Провидѣнія, и только что на другой день крестинъ засѣлъ онъ точить на станкѣ красивую кокосовую гремушку для своей внуки, какъ смерть постучалась къ нему въ двери рабочаго кабинета и Петръ Спиридонычъ, какъ герой среди обычнаго поля битвы, съ оружіемъ въ рукахъ, умеръ тихо за своимъ рабочимъ станкомъ, посреди всѣхъ аттрибутовъ своего любимаго занятія точить и лѣпить; даже не кончивши задуманной имъ игрушки для своей новорожденной внучки, которую тихонько спряталъ себѣ на память также отживающій свой вѣкъ другой старикъ-младенецъ, любимецъ покойнаго, управитель Авдей Семенычъ, грустно проводя на кладбище послѣдняго представителя погасшей теперь совершенно фамиліи Ракитиныхъ, нѣкогда столь знаменитой и цвѣтущей....

Марья Семеновна Ракитина по смерти своего супруга, оттото-ли, что ей не съ кѣмъ было спорить, ибо дочь и зять хотя и жили въ одномъ съ нею домѣ, но совершенно вели жизнь по своему уму-разуму, оттого-ли, что дѣйствительно преклонные года заставили ее подумать о непрочности земной жизни, она, для поддержанія здоровья, отправилась съ своей любимицей, Домной Ѳоминишней, на минеральныя воды.

Потерявъ своихъ представителей, Ракитинскій переулокъ впрочемъ ни мало не утратилъ своего блеска. Новый владѣлецъ дома покойнаго Петра Спиридоныча, Валерьянъ Григорьевичъ Бѣльской, женясь и сдѣлавшись въ слѣдствіе этого постояннымъ московскимъ жителемъ, исправилъ, какъ слѣдуетъ, старинный родовой домъ Ракитиныхъ, не перемѣняя впрочемъ его оригинальной наружности. Заглохшій садъ былъ вычищенъ и отданъ подъ надзоръ искуснаго садовника; пруды опять засвѣтлѣли, бесѣдки помолодѣли, однимъ словомъ, все пришло въ такой-же почти порядокъ, какъ было назадъ тому лѣтъ за двадцать, къ общему удовольствію всѣхъ старожиловъ пресловутаго Ракитинскаго переулка.

Остальныя подробности слишкомъ не важны, чтобы упоми-

нать о нихъ и потому изложа необходимое, мы снова просимъ извиненія у читателя въ длинномъ антрактѣ нашего романа, и перескакиваемъ быстро черезъ цѣлые шестнадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ на Божьемъ свѣтѣ все шло своимъ обычнымъ чередомъ, да и въ кругу людей, избранныхъ нами для нашего разсказа, не было ничего такого, о чемъ-бы стоило упомянуть читателю, чтобы онъ не потерялъ нити происшествія. И такъ, приступимъ къ развязкѣ и посмотримъ, чѣмъ разрѣшится контрактъ, заключенный нашими друзьями, изъ которыхъ одинъ теперь въ Ситхѣ, а другой состоитъ на лицо въ Москвѣ бѣлокаменной.

Въ Ситху мы не поѣдемъ, читатель. Куда! это такъ далеко, да и безпокойно. Нельзя-ли покончить все дѣло въ Москвѣ, оно и проще и короче, къ тому-же русскій человѣкъ тяжелъ на подъемъ, какъ сами вы знаете, не хуже моего.

И такъ прошло шестнадцать лѣтъ.

Шестнадцать лѣтъ! Страшный, долгій срокъ времени, если это время впереди у человѣка, и напротивъ, очень короткій, почти незамѣтный, если это время есть уже наше прошедшее. Если жизнь человѣческую раздѣлить на шестнадцати-лѣтія, то самое незамѣтное изъ нихъ есть то, которое по порядку должно назвать третьимъ. Именно: отъ тридцати-трехъ до сорока-восьми лѣтъ, время летитъ безъ малѣйшей метафоры, стрѣлою. Въ этой истинѣ согласатся со мной всякій изъ читателей, который считаетъ себѣ уже за сорокъ и подъ часъ даже не вѣритъ самому себѣ, что онъ прожилъ уже столько на бѣломъ свѣтѣ. Въ такой-же, или почти такой-же категоріи, находились въ настоящее время и мои два героя, разрозненные такъ далеко между собою. Для нихъ обоихъ, шестнадцать лѣтъ пролетѣли удивительно быстро и сдѣлали такъ мало перемѣнъ, какъ въ ихъ чувствахъ, такъ и въ самой физикѣ, что оба они еще, по всей справедливости, такъ и просились въ современный романъ! Что-же касается до главнаго лица нашего разсказа или, правильнѣе сказать, до героини романа, то наша Юлія Петровна Бѣльская болѣе всѣхъ хорошенькихъ женщинъ подтверждала собою систему Бальзака, признающаго красоту и достоинства въ женщинѣ не раньше, какъ послѣ тридцатилѣтняго возраста ея жизни.

Шутки въ сторону, Юлія Петровна сберегласъ до-сихъ-поръ во всей полнотѣ красоты, и даже, если разбирать безпристрастно, стала много лучше и интереснѣе, нежели какъ была въ шестнадцать лѣтъ, когда читатель познакомился съ нею въ первой части нашего разсказа. У женщинъ есть два рода красоты. Одна — красота первичной молодости, общая имъ со всѣми цвѣтами, другая, — если можно такъ выразиться — вторая красота въ ихъ жизни, имѣющая собственныя свои особенности, и развертывающаяся уже въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ, когда въ прекрасномъ исчезаетъ все дѣтское, неопредѣленное, неполное и оно отливается уже какъ умный и отчетливый ликъ въ мраморѣ Праксителя въ прекрасную форму, собственно ему принадлежащую. Этою второю красотою женщины и блистала теперь черезъ шестнадцать лѣтъ въ полномъ разгарѣ наша героиня.

Самый домъ Бѣльскихъ, въ который мы вводимъ теперь читателя, почти ничего не перемѣнился и все также стоитъ и красуется въ своемъ Ракитинскомъ переулкѣ, получившемъ нѣкогда отъ него и теперешнее оставшееся навсегда за нимъ названіе, какъ Новгородъ удержалъ за собою до-сихъ-поръ названіе Новгорода не смотря на то, что онъ уже давнымъ давно старый городъ; или какъ Неаполь, съ которымъ по-гречески случилась таже самая исторія, какъ съ Новгородомъ по-русски.

Время, въ которое мы вводимъ читателя въ давно уже знакомый ему домъ покойнаго Петра Спиридоныча Ракитина, принадлежащій теперь Бѣльскимъ, есть послѣобѣденное время. Въ угловой диванной комнатѣ сидятъ четыре человѣка. Двое мужчинъ и двѣ женщины. Первый изъ этихъ мужчинъ высокій, до невѣроятности толстый господинъ, съ густыми бакенбардами, съ просѣдью. Онъ сидитъ за маленькимъ столикомъ, на которомъ стоитъ огромная чашка кофе и небольшой карафинчикъ съ ромомъ. Господинъ этотъ собирается влить рому въ свой кофе и въ какой-то нерѣшимости поглядываетъ попеременно то на огромную чашку, то на небольшой карафинчикъ, какъ-будто говоря внутренно самому себѣ: Чего тутъ вливать изъ этого наперстка въ такую огромную лахань? развѣ только для запаха?... Читатель вѣроятно узналъ, что эта особа, выставленная нами на первомъ планѣ, была ни

кто другой, какъ старинный нашъ знакомецъ, добрый толстячекъ Василій Васильевичъ Борецкій.

На большомъ диванѣ, съ кучею шитыхъ по канвѣ подушекъ; сидятъ рядомъ мужчина и дама. Вопреки насмѣшливой и очень часто невѣрной приметѣ, что мужъ съ женой вѣчно смотрятъ въ разныя стороны, Валерьянъ Григорьевичъ съ своею супругою — читателю легко угадать, что это были они— сидѣли очень дружно рядкомъ и даже глядѣли оба рѣшительно на одинъ предметъ. Предметъ этотъ было довольно большое распечатанное письмо, которое Бѣльской собирался читать вслухъ.

Четвертая особа, съ которою читатель еще вовсе не знакомъ, и которую мы за долгъ считаемъ рекомендовать его благосклонности, есть вторая героиня нашего приближающагося къ концу разсказа, дочь Бѣльскихъ, Юлинька. Рекомендовать ее читателю нужно потому именно, чтобы онъ ошибкою не счелъ ее за Юлію Петровну, урожденную Ракитину— такъ похожа была дочь на мать свою. Тоже прелестное, выразительное, меланхолическое лицо, тѣже дивные глаза, такіеже волосы, даже ростъ точно такой-же, не смотря на то, что ей еще не было полныхъ шестнадцати лѣтъ! Юлинька Бѣльская сидѣла у открытаго въ садъ окна и играла съ ручною канарейкой, которая сидѣла у ней на плечѣ и, не смотря на открытое окно и манящую ее зелень сада, не хотѣла промѣнять своего мѣста на древесную вѣтку.

— Ну, что-же ты остановился и не читаешь, любезный другъ Валерьянъ Григорьевичъ? началъ Борецкій, прихлебывая свой кофе и пробуя, не мало-ли онъ влилъ въ него рому; причемъ онъ сдѣлалъ лѣнивый полуоборотъ головою къ хозяину.

— Я хотѣлъ подождать, пока ты кончишь свой кофе, Базиль, отвѣчалъ Бѣльской.

— Да что тебѣ мѣшаетъ мой кофе? Кофе самъ по себѣ, а письмо само по себѣ! Читай, братецъ!

Въ эту минуту канарейка Юлиньки перелетѣла съ плеча своей хозяйки на протянутую къ чашкѣ руку Василья Васильевича.

— Это еще что за исторія? сказалъ Борецкій, не сгоняя впрочемъ съ руки нежданной гостьи. Крестница! возьми свою балованную любимицу — я того и гляжу, что она окунется, какъ сухарь, въ мой кофе!

— Моя Лилинька любитъ васъ, крестный папаша, съ улыбкою отвѣчала Юлинька, а вы ее не хотите приласкать.

— То-есть, твоя Лилинька любитъ не меня, а сахаръ, хочешь ты сказать....

Канарейка какъ-будто поняла, что о ней говорятъ такія обидныя рѣчи и улетѣла обратно на красивое плечико своей хозяйки.

— Ну, начинай-же Валерьянъ, сказала Юлія Петровна мужу. Неужли тебѣ не любопытно поскорѣе узнать, что пишетъ къ намъ общій другъ нашъ Петръ Григорьевичъ Черницкій, да откуда еще пишетъ — изъ Ситхи! Легко вымолвить.

— Къ тому-же, папаша, подхватила Юлинька, общій другъ вашъ, слѣдовательно и мой, хоть я его никогда не видала и знаю только по портрету, который онъ въ запрошломъ году прислалъ намъ — кажется уже болѣе года не писалъ ни строчки изъ своей Ситхки — а я такъ люблю всегда слушать его письма: въ нихъ столько новаго и интереснаго....

— Ужъ не сбирается-ли онъ воротиться въ Россію? сказалъ Борецкій.

— Ахъ какъ-бы я ему обрадовалась! вскричала Юлія Петровна; я всегда такъ много любила Петра Григорьевича, онъ такой милый, веселый, живой.... А ужъ какъ-бы ты полюбила его, Юлинька, продолжала она, обращаясь къ дочери. Я увѣрена въ этомъ!

— Очень-бы рада, мамаша, и я съ моей стороны, поскорѣе взглянуть, похожъ-ли подлинникъ на портретъ, а портретъ очень не дуренъ! наивно отвѣчала Юлинька.

Борецкій и Бѣльской значительно молча переглянулись другъ съ другомъ. На лицѣ перваго показалась обыкновенная его добрая улыбка, у втораго ясно отпечаталось какое-то томительное безпокойство....

Вслѣдъ за тѣмъ Валерьянъ Григорьевичъ Бѣльской началъ читать вслухъ слѣдующее письмо отъ общаго друга Черницкаго изъ Ситхи, адресованное на имя Борецкаго.

—

ГЛАВА II.

„Здравствуй, любезный и старый другъ мой, Василій Васильевичъ, такъ писалъ Черницкій къ Борецкому. Давно уже мы не бесѣдовали съ тобою. Правду надобно сказать: скупъ я на письма, да и ты не щедръ на свои отвѣты. Впрочемъ, не ропщу: ты старинный извѣстный лѣнтяй. Съ молоду, бывало, все отговаривался болѣзнями за разными недугами, которые существовали только въ твоемъ воображеніи — а теперь чѣмъ отговоришься? Просто, одна лѣность, да и все тебѣ тутъ! Промялъ-бы я твою толстую фигуру на свиданіе къ себѣ въ Ситху, сдѣлался-бы и тоньше и поворотливѣе и легче. Всѣхъ болѣе обязанъ я благодарностію милой и несравненной женѣ Валерьяна; она хоть не давала слова писать ко мнѣ, а ни одного мужнина письма не пропустила, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, чтобы не приписать мнѣ своею милою ручкою хотя нѣсколько строчекъ. Цѣлую отъ души и горячо эту добрую ручку....“

— Милый Петръ Григорьевичъ! онъ все такой-же любезный балагуръ, какъ и прежде; время ни мало не измѣнило его! замѣтила съ улыбкою Юлія Петровна, прерывая чтеніе своего мужа.

— Такой-же насмѣшникъ, какъ и прежде, замѣтилъ хладнокровно Василій Васильевичъ; моя толщина безпокоитъ его и въ самой Ситхѣ! По его системѣ, кто толстъ, такъ ужъ непремѣнно и здоровъ, а доктора, вонъ, говорятъ совсѣмъ другое! А ужъ имъ лучше знать....

— Продолжайте, милый папаша, сказала въ свою очередь не совсѣмъ терпѣливая Юлинька, притопывая своею маленькой ножкой.

Валерьянъ Григорьевичъ снова принялся читать, а собесѣдники слушать.

„Не повѣришь ты, любезнѣйшій, Василій Васильевичъ какъ я въ эти пятнадцать лѣтъ отсталъ отъ мысли, что я опять увижу Россію, и въ особенности Москву, и всѣхъ тѣхъ, кого я люблю. Въ первые годы моей американской жизни, какъ уже писывалъ къ вамъ и прежде, мнѣ казалось, что я никакъ не доживу до моего возврата и до свиданія съ вами; я уже даже нѣсколько было и привыкъ къ этой мысли, но теперь,

когда срокъ моего добровольнаго изгнанія приблизился къ концу — пятнадцать лѣтъ разлуки съ вами начинаютъ мнѣ казаться только однимъ длиннымъ тяжелымъ сномъ, и я, просыпаясь отъ него, быстро ворочаю себѣ въ воображеніи все прошедшее и не повѣришь ты, съ какимъ наслажденіемъ мечтаю о минутѣ, когда ворочусь на родину, увижу тебя, Базиль, жену моего незабвеннаго друга даже ихъ малютку Юлиньку....“

— Малютку? вскричала Юлинька Бѣльская, невольно прерывая на этотъ разъ чтеніе, столь много интересовавшаго ее письма изъ Ситхи. Малютку! Повторила она съ набѣжавшимъ на лицо румянцемъ. Съ чего-же взялъ вашъ другъ, папаша, называть меня малюткою? Напишите ему въ слѣдующемъ письмѣ, что эта малютка, когда цѣлуетъ васъ или мамашу, то уже не становится на цыпочки... Петръ Григорьевичъ вѣроятно забылъ, что мнѣ уже давно пятнадцать лѣтъ, или можетъ-быть въ Америкѣ лѣтосчисленіе не такое, какъ у насъ!

— Фай, какъ ты расходилась, крестница, сказалъ Василій Васильевичъ Борецкій. Правду-же значитъ говорятъ, что дѣвушку скорѣе обидишь, назвавъ ребенкомъ, нежели прикинувъ ей даже десятокъ лишнихъ лѣтъ!

— Именно такъ, крестный папаша. Вашъ общій другъ, такъ разозлилъ меня этимъ названіемъ малютки, что я съ этихъ поръ не взгляну ни разу и на портретъ его, не только что похвалю его! надувши свои маленькія розовыя губки, съ полу-серьезною миною повершила Юлинька.

— Черницкій вѣрно такъ много занятъ и заваленъ въ своей Ситхѣ непривычнымъ для него дѣломъ, сказала, какъ-бы заступаясь за Черницкаго, Юлія Петровна, что онъ не видитъ времени, и потому легко могъ забыть, сколько теперь лѣтъ нашей дочери, и вотъ почему онъ называетъ ее малюткою.

— А маменьку, злодѣй, плохо забываетъ, какъ видно! пробормоталъ Борецкой.

Валерьянъ Григорьевичъ на этотъ разъ не сказалъ ничего и только продолжалъ прерванное чтеніе:

„Странную вещь испытываю я на себѣ, другъ Василій; и такъ какъ ты поопытнѣе, хочу спросить тебя, не испытывалъ-ли и ты того-же самаго: мнѣ начинаетъ ка-

заться, что въ жизни у человѣка есть не одна, какъ доселѣ я думалъ, а двѣ молодости! Съ перваго взгляда мысль эта можетъ показаться совершенною нелѣпостью, а разсмотрѣвши повнимательнѣе, найдешь, что едва-ли она не справедлива. Что человѣкъ въ двадцать лѣтъ молодъ — объ этомъ нечего и распространяться много. Это такая-же точно истина, какъ дважды два — составляютъ четыре. Этою прекрасною завидною порою жизни и пользуется молодой человѣкъ, какъ нельзя больше и веселѣе, и тратитъ ее обыкновенно на пропалую, какъ-будто она неистощима.... Но увы! Все проходитъ въ природѣ. Въ тридцать пять лѣтъ нашъ молодецъ остепеняется, говоритъ самому себѣ: мнѣ уже четвертый десятокъ подъ исходъ, а въ сорокъ лѣтъ, человѣка уже зовутъ почти старикомъ; онъ задумывается, становится серьозенъ, какъ-то тяжелѣетъ.... Отъ тридцати-пяти лѣтъ до сорока онъ живетъ съ этою скучною тяжелою мыслію, но тутъ отчасти окружающіе его, которые доказываютъ, что для мужчины сорокалѣтній возрастъ еще не старость; отчасти и самъ онъ, чувствуя, что физическія силы его еще находятся въ хорошемъ и довольно бодромъ состояніи, — какъ-бы то ни было, нашъ постарѣвшій молодецъ вдругъ какъ-будто оживаетъ, взоръ его проясняется, походка становится тверже и веселѣе. „Да что-же въ-самомъ-дѣлѣ! говоритъ онъ самъ себѣ; какая это еще старость? Живутъ-же люди и до ста лѣтъ, а мнѣ еще только сорокъ! Начнемъ-ко опять жуировать жизнію; я еще могу нравиться! Волосы можно подъ парикъ; бакенбарды подъ краску; для зубовъ у насъ есть дантисты — мастера своего дѣла; досадное брюшко можно постянуть узкимъ моднымъ платьемъ, вотъ и все тебѣ тутъ! И вслѣдъ за такимъ разсужденіемъ съ самимъ собою, нашъ сорокалѣтній господинъ дѣлается въ одну недѣлю на взглядъ двадцатипятилѣтнимъ юношей. Вотъ это-то время жизни и состояніе души человѣка я и называю второю молодостью, другъ Василій. У иныхъ она начинается раньше, у другихъ позже. У меня ужъ она также началась, и теперь, можно сказать, существуетъ во всѣмъ своемъ разгарѣ. Черезъ первые десять лѣтъ послѣ моего выѣзда изъ Россіи, я какъ-то вдругъ было упалъ духомъ, состарѣлся и нравственно, и физически, а теперь, когда прошло полныхъ пятнадцать — я опять какъ-будто

помолодѣлъ, повеселѣлъ и радостно смотрю въ мое будущее! Теперь мнѣ эти долгія пятнадцать лѣтъ вдругъ какъ-будто сократились; какъ-будто ихъ и не было; я все тотъ-же, чувства мои всѣ тѣже, однимъ словомъ, моя вторая молодость едва-ли не лучше и веселѣе первой!

„А признаться-ли тебѣ искренно, что всего болѣе содѣйствовало такому быстрому развитію моей второй молодости, другъ Василій? Если ты не угадалъ самъ, то скажу тебѣ на ушко, что это ни что другое, какъ отрадная мысль: я скоро возвращусь на мою родину! Увижу все то, и всѣхъ тѣхъ, кого я люблю! Да. Контрактъ моей пятнадцати-лѣтней службы Американской Компаніи кончился и я — не смотря на то, что мнѣ предлагаютъ утроенныя выгоды — ни одного дня не останусь здѣсь болѣе, ибо я только теперь постигъ вполнѣ, что слово: родина — не пустой звукъ для души человѣка. Въ Россію! Поскорѣй въ Россію! Даже и не въ Петербургъ, а прямо — въ Москву-бѣлокаменную, въ которой я хоть жилъ не долго, но успѣлъ полюбить многое. А и здѣсь славно. Американская природа роскошно хороша, какъ писалъ я вамъ много разъ. Выгоды служебныя также очень значительны. Нѣтъ-ли у тебя въ виду охотника на мое мѣсто? Не вздумаешь-ли самъ даже по-путешествовать, на старости лѣтъ, любезнѣйшій Василій Васильевичъ?“

При этой послѣдней выходкѣ въ письмѣ Черницкаго, Василій Васильевичъ Борецкій закашлялъ довольно значительно, Бѣльской не удержался отъ невольной улыбки, которую замѣтили и всѣ его окружащіе.

— Это что такое значитъ? вскрикнула Юлинька Бѣльская, обращая свое разпылавшееся личико къ матери. Вашъ общій другъ, мамаша, не всегда смѣшно шутитъ.... Можно-ли предлагать крестному папашѣ поѣздку въ эту глупую Америку?

— Ты слишкомъ строга, Юлинька, къ Петру Григорьевичу, улыбаясь сказала Бѣльская. Мало ли вздоровъ позволяютъ себѣ писать въ дружескихъ письмахъ?...

— Да я даже не нахожу съ своей стороны, чтобы это можно было и назвать вздоромъ, сказалъ Валерьянъ Григорьевичъ. Скажу даже тебѣ то, Юлинька, что съѣздить посмотрѣть Америку, было всегдашнею моею мечтою....

— Но между словами съѣздить посмотрѣть и прожить пятнадцать лѣтъ, слишкомъ велика разница, папаша.

— Ахъ, еслибъ ты знала, какъ скоро летитъ время, дитя мое! сказалъ Валерьянъ Григорьевичъ.

— Но что-же дальше? оканчивай твое чтеніе, мой другъ, повершила разговоръ Юлія Петровна, дѣлая знаки рукою дочери, чтобы она не прерывала чтенія.

— Да дальше почти нѣтъ ничего такого, что бы стоило чтенія, медленно произнесъ Валерьянъ Григорьевичъ, пробѣгая глазами остальную страницу письма. Петръ Григорьевичъ пишетъ только о своемъ непремѣнномъ скоромъ выѣздѣ къ намъ и посылаетъ кой-кому свои поклоны, вмѣстѣ съ нѣкоторыми порученіями....

— Но вотъ тутъ еще такъ много написано? спросила Юлія Петровна....

— Это такъ.... Это по одному совершенно постороннему дѣлу, съ видимымъ смущеніемъ отвѣчалъ Бѣльской. Это болѣе касается до Василья Васильевича Борецкаго. Знаешь, Базиль, это о томъ.... продолжалъ онъ оборотясь съ выразительнымъ взглядомъ къ своему другу.

— Ну да, о томъ.... Я очень хорошо понимаю, отвѣчалъ съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ Борецкій; передай-ко мнѣ письмо; я на досугѣ самъ прочту его дома.

— Развѣ ты скоро собираешься отсюда?

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ. Мнѣ надобно еще кой о чемъ посовѣтоваться съ тобою, Базиль.

— А гдѣ ты сегодня вечеромъ, мой дружокъ? спросила Юлія Петровна уходящаго мужа.

— Думаю, что дома... А вы съ Юлинькой?

— Мы хотѣли прокатиться въ паркъ; погода, кажется, прекрасная, и обѣщаетъ хорошій вечеръ.

— Къ тому-же, мамаша, тамъ сегодня французскій спектакль, примолвила Юлинька.

— Не понимаю, что за удовольствіе въ хорошій лѣтній вечеръ, которыхъ у насъ въ добавокъ слишкомъ немного, закупорить себя часа на три въ душный театръ, предпочитая его гулянью! замѣтилъ Василій Васильевичъ, вставая съ своего мѣста, и отправился вслѣдъ за Бѣльскимъ.

— Ужъ вы вѣчно такой ворчунъ, крестный папаша! сказала Юлинька. У васъ на все, что я ни вздумаю, готово возраженіе.

— Да придумываешь-то ты все какъ-то неловко, моя милая крестница, со смѣхомъ пополамъ отвѣчалъ Борецкій. У тебя все ребячье на умѣ, а между тѣмъ, ужъ ты не ребенокъ, а почти невѣста!

— Ну, такъ вы отправляйтесь себѣ въ паркъ, а мы съ Базилемъ проведемъ вечеръ дома, погуляемъ въ своемъ саду.... Мнѣ же еще нужно много писать сегодня вечеромъ, сказалъ Бѣльской.

Угловая диванная опустѣла. Всѣ разошлись въ разныя стороны.

Само собою разумѣется, что войдя въ кабинетъ Бѣльскаго, первымъ дѣломъ нашихъ двухъ друзей было заняться чтеніемъ окончанія письма Черницкаго.

Прочли они вотъ что:

„Наконецъ пятнадцать лѣтъ прошли и я на дняхъ отправляюсь въ Россію, или прямѣе сказать, скачу въ Москву, въ которой заключается все мое земное счастіе. Теперь только я начинаю понимать, что я выигралъ, проигравши первые пятнадцать лѣтъ. Смерть добраго Валерьяна, о которой ты извѣстилъ меня сперва меня глубоко огорчила, а потомъ окрилила мои надежды.... Потому что, признаюсь, и долгая разлука еще не совсѣмъ охладила моей любви. Теперь Юлія Петровна свободна.... она вдова, ей болѣе, чѣмъ когда нибудь нуженъ другъ и поддержка и я, не оскорбляя памяти нашего друга, могу принять эту обязанность на себя. Я увѣренъ, она не отвергнетъ моей постоянной любви, которую не могли охладить ни время, ни разстояніе, она не откажется отъ руки, которая была ей назначена и никому въ мірѣ, кромѣ ее, принадлежать не будетъ и не можетъ. На тебя, добрый мой Базиль, возлагаю расположить ея сердце въ мою пользу. Это письмо было послѣднее. До свиданія!“

Прочтя записку Черницкаго, Бѣльской и Борецкій взглянули значительно другъ на друга и нѣсколько минутъ молчали, какъ-бы не зная, съ чего имъ начать разговоръ.

— Ну, что ты тутъ напроказилъ, дружище Василій Васильевичъ? наконецъ спросилъ Бѣльской.

— А что же было дѣлать, не оставлять-же его въ вѣчномъ изгнаніи. Безъ этой заманки, онъ бы, пожалуй, и не вернулся. Кто-же могъ предполагать, что этотъ кипятокъ досихъ-поръ не остылъ, отвѣчалъ съ небольшимъ смущеніемъ Борецкій. Теперь думать поздно.

— Думать надобно было тогда, когда намъ пришла въ молодыя головы глупая фантазія заключить между собою нелѣпый контрактъ.

— Вотъ ужъ и нелѣпый!

— А какъ-же иначе назвать его?

— Мудреный, какъ мы до-сихъ-поръ называли его, Валерьянъ Григорьевичъ.

— Сдѣлать глупость, я не вижу большой мудрости!

— Но вѣдь дѣло шло ни больше, ни меньше, какъ о жизни котораго нибудь изъ васъ?

И оба друга опять замолкли на нѣсколько минутъ и начали ходить крупными шагами по кабинету, взявши совершенно различныя напрапленія одинъ отъ другаго.

— Какъ подумаешь хорошенько обо всемъ этомъ, началъ снова Бѣльской, остановясь посреди своего кабинета и обращаясь къ Борецкому, и выходитъ на повѣрку то, что главная причина всего этого заключалась въ насъ самихъ; въ томъ ложномъ направленіи ума, которое пріобрѣли мы оба съ Черницкимъ, начитавшись разныхъ глупостей еще мальчишками.

— А! вотъ наконецъ заговорилъ и ты теперь то, что я говоривалъ всегда, подхватилъ рѣчь Бѣльскаго Борецкій.

— Вотъ и жалкій результатъ этой наглядки на чужіе обычаи! продолжалъ въ томъ-же тонѣ Бѣльской. Сдѣлана глупость до такой степени нелѣпая, что, она даже съ годами только что выросла. Но обвиняя себя и Черницкаго, кстати замѣчу тебѣ, другъ Василій Васильичъ и то, что ты въ этомъ дѣлѣ былъ виноватъ даже больше насъ обоихъ....

— Вотъ тебѣ на! Только этого и недостовало! Ты, дружище Валерьянъ, кажется хочешь, по-русской пословицѣ, свернуть бѣду съ больной головы на здоровую?

— Въ томъ то и толкъ, что и твоя-то голова, другъ Борецкій, не была совершенно здорова, когда тебѣ пришла мысль написать ему о моей смерти, не смотря на то, что эта голова была гораздо постарше нашихъ головъ!

— Изъ чего-же ты выводишь такое не слишкомъ лестное для меня заключеніе?

— Изъ того, что человѣкъ, совершенно съ здравымъ смысломъ, не подалъ бы нелѣпой идеи о заключеніи нашего смѣшнаго, или правильнѣе сказать, глупаго контракта съ Черницкимъ, а потомъ....

Борецкій пробормоталъ себѣ подъ носъ что-то въ родѣ общей мысли, о неблагодарности человѣческой, давно вошедшей въ поговорку и оба друга снова начали перекрещивать въ разныхъ направленіяхъ крупнымъ шагомъ кабинетъ.

— Впрочемъ, у насъ впереди еще годъ, не меньше; началъ опять Бѣльской, остановливаясь.

Борецкій молчалъ и продолжалъ свой походъ по кабинету.

— А въ годъ много воды утечетъ, продолжалъ Бѣльской. Кто знаетъ, что можетъ случиться?

Борецкій продолжалъ молчать и ходить по кабинету значительною, для его толстаго корпуса, рысцею.

Рысца эта все шла крупнѣе и крупнѣе, и наконецъ перешла почти въ галопъ. Нашъ добрый толстячекъ Борецкій забѣгалъ по кабинету, забывши на этотъ разъ и о своей одышкѣ. Видно было, что въ головѣ его совершалось что-то не совсѣмъ обыкновенное.

Вдругъ онъ сталъ, какъ вкопаный, посреди кабинета, поднялъ глаза верхъ какъ-будто встрѣчая вдохновеніе свыше и началъ шибко и почти весело потирать руками, что всегда выражало у него довольство самимъ собою.

— Дружище, Валерьянъ Григорьевичъ! вдругъ вскрикнулъ онъ весело.

— Ну, что такое?

— Счастливѣйшая идея!

— Не опять ли такая-же, какъ за пятнадцать лѣтъ назадъ?

— Много лучше. Если я испортилъ, какъ говоришь ты, дѣло, то вѣдь мнѣ-же слѣдуетъ, по всей справедливости, и поправить его, не такъ-ли?

— Поправить! Какъ-будто это можно?

— Въ томъ-то и дѣло, что можно.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто....

— Однако....

— Когда я тебѣ скажу, ты удивишься, какъ это самому тебѣ не пришло въ голову. Но прежде, нежели я сообщу тебѣ о моей выдумкѣ во всей подробности, надобно, чтобы въ это дѣло вмѣшалось еще одно постороннее лицо....

— Кто, напримѣръ?

— Твоя жена.

— Это къ чему?

— Узнаешь послѣ. Вѣдь она еще, вѣроятно не уѣхала въ паркъ. Нельзя-ли попросить ее сюда на часокъ времени?

— Ужели-же ты хочешь разсказать все ей, Василій Васильичъ?

— Это необходимо, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Но однако, скажи-же мнѣ, другъ Василій Васильичъ....

— Ни слова не скажу, пока мы не будемъ здѣсь трое.

— Пусть будетъ по твоему! И то сказать, хуже настоящаго врядъ-ли что можетъ быть.

Валерьянъ Григорьевичъ позвонилъ и приказалъ вошедшему человѣку попросить барыню, для нужнаго и не терпящаго ни минуты отлагательства дѣла, къ себѣ въ кабинетъ.

Вмѣсто одного часа наши трое героевъ повѣсти просидѣли, запершись въ кабинетѣ, болѣе двухъ часовъ съ половиною, къ неизъяснимой тоскѣ Олиньки, боявшейся опоздать во французскій спектакль въ Паркѣ.

Чѣмъ кончалось взаимное это объясненіе, читатель узнаетъ вполнѣ въ слѣдующей послѣдней главѣ нашего долгаго разсказа.

—

ГЛАВА III.

Ровно черезъ годъ послѣ таинственнаго совѣщанія двухъ супруговъ Бѣльскихъ и неизмѣннаго ихъ друга Борецкаго

въ Ракитинскомъ, знакомомъ уже нашему читателю, переулкѣ, произошло слѣдующее событіе.

Впрочемъ, прежде нежели мы приступимъ къ описанію этого событія, случившагося вечеромъ одного изъ жаркихъ іюльскихъ дней, обратимъ вниманіе читателя и на самое утро этого окончательнаго дня нашего разсказа, что будетъ совершенно не лишнимъ для удобнѣшаго понятія хода происшествій.

И такъ, въ одно *прекрасное* утро, часовъ около одинадцати, на дворъ Московскаго Почтамта, къ крыльцу, отъ котораго отъѣзжаютъ и къ которому подъѣзжаютъ дорожныя кареты, извѣстныя подъ названіемъ маль-постъ и экстра-почтъ, подкатили парныя дрожки съ сидящимъ въ нихъ какимъ-то довольно, чтобы не сказать очень толстымъ господиномъ въ гороховаго цвѣта пальто, въ соломенной шляпѣ и съ огромными черными, немножко съ просѣдью, бакенбардами.

Подъѣхавъ къ крыльцу, толстый господинъ въ гороховомъ пальто соскочилъ довольно легко для человѣка съ такою толстою фигурою съ дрожекъ и вошелъ въ пріемныя залы.

— Что вамъ угодно? спросили его.

— Скоро будетъ петербургская экстра-почта? вмѣсто отвѣта спросилъ онъ самъ.

— Опредѣлительно нельзя сказать....

— Однако?...

— Черезъ полчаса, или черезъ часъ....

— По-крайней-мѣрѣ не позже?

— Если позже, то весьма не многимъ.... Какая-нибудь четверть часа разницы....

— Вотъ все, что мнѣ надобно. Могу я здѣсь дождаться экстра-почты? Въ каретѣ ѣдетъ одинъ мой пріятель, котораго я жду съ нетерпѣніемъ....

— Очень можете; вотъ стулъ, не угодно-ли вамъ присѣсть пока?

— Очень вамъ благодаренъ.

И толстый господинъ въ гороховомъ пальто, помѣстился на стулѣ и занялся въ ожиданіи первою попавшеюся ему подъ руку газетою.

Но видно или газета попалась ему не слишкомъ интересная, или ожиданіе его было очень велико и нетерпѣливо, потому что онъ безпрестанно прерывалъ свое чтеніе и встрѣчалъ глазами каждаго отворяющаго входную дверь. Карманные часы его также почти не выходили изъ рукъ, и повимому, толстый господинъ былъ очень недоволенъ ими.... Когда ждешь кого-нибудь нетерпѣливо, часы обыкновенно отстаютъ.

Но такъ какъ въ мірѣ есть всему конецъ, то и нетерпѣливое ожиданіе толстаго господина въ гороховомъ пальто кончилось черезъ нѣсколько времени. Въ растворенное окно залы донеслись до его слуха веселые звуки кондукторскаго рожка, столь знакомаго всякому, кто ѣзжалъ изъ одной столицы въ другую.

— Ѣдутъ! послышалось въ передней комнатѣ.

— Вотъ и экстра-почта, сказалъ одинъ изъ чиновниковъ и взглянулъ на свои часы. Все какъ-то заговорило и засуетилась во всѣхъ комнатахъ; двери захлопали, ноги заходили, голоса заговорили... И нашъ толстый господинъ, въ гороховомъ пальто, въ которомъ читатель вѣроятно, давно уже узналъ Василья Васильевича Борецкаго, бросилъ читать газету и почти побѣжалъ на крыльцо, на встрѣчу въѣзжавшей уже на дворъ почтовой каретѣ.

Какъ тяжелая бомба, брошенная сверху внизъ, пробилъ нашъ толстякъ Борецкій густую и довольно плотную массу народа, собравшагося на крыльцѣ встрѣтить подъѣхавшую карету и бросился прямо на шею перваго, выходящаго изъ нея, съ громкимъ восклицаніемъ:

— Милый другъ, Петя Черницкій! Ты-ли это? Тебя-ли я вижу?

— Базиль! мой добрый старый другъ! Я какъ будто предчуствовалъ, что тебя перваго встрѣчу въ Москвѣ! въ свою очередь прокричалъ новопріѣзжій.

И старые друзья крѣпко обнялись и почти заплакали отъ радости свиданія послѣ долгой разлуки.

Первые слова ихъ одного къ другому были почти одинаковы.

— Ты все такой-же, мой добрый Базиль, ты почти ничего

не перемѣнился, говорилъ Петръ Григорьевичъ Черницкій, обнимая своего друга.

— А ты, другъ Петя, такъ ты просто помолодѣлъ! говорилъ Борецкій, крѣпко пожимая руки давно жданнаго гостя.

— Шестнадцать, почти семнадцать лѣтъ, какъ мы не видались!

— Да! много утекло воды въ эти года, дружище Петя!

— Сколько перемѣнъ....

— И въ свѣтѣ и въ людяхъ!

— Въ свѣтѣ, можетъ быть, въ людяхъ — не знаю, другъ Базиль; по-крайней-мѣрѣ я, кажется, ни мало не перемѣнился. Каковъ былъ при отъѣздѣ, таковъ и при возвратѣ. Въѣхавши въ московскую заставу — мнѣ показалось, что даже все длинное прошедшее изчезло для меня въ одну минуту.... Какъ-будто я вчера только выѣхалъ изъ Москвы.

— Мой добрый Петя!

— Мой милый Базиль!

И друзья снова принялись обниматься и цѣловаться.

— Семнадцать лѣтъ! снова протяжно проговорилъ Черницкій.

— Да, семнадцать! Какъ вѣрное эхо повторилъ Василій Васильевичъ Борецкій.

— Сколько воспоминаній....

— Да, въ семнадцать лѣтъ ихъ понакопится многонько, сказалъ съ обычною своею флегмою на этотъ разъ Василій Васильевичъ. Воспоминанія наши, другъ Петя, продолжалъ онъ, это у жизни человѣческой такая длинная лѣстница, въ которой съ каждымъ годомъ прибавляется новая ступенька, какъ-будто именно для того, чтобы человѣкъ-старикъ могъ подчасъ спуститься по ней до своего младенчества.... Не потому-ли даже и говорится въ свѣтѣ, что подъ старость мы становимся дѣтьми....

— Браво, Базиль! ты начинаешь философствовать! съ улыбкою замѣтилъ Черницкій. Этого прежде, помнится, я за тобой не замѣчалъ!

— Будешь философствовать, какъ на кости накинетъ время семнадцать годовъ лишку. Ты, дружище Петя, въ прошломъ году писалъ мнѣ о второй молодости человѣка, послѣ со-

рока лѣтъ жизни. Если я соглашусь съ тобою на счетъ этой второй молодости, которая, по словамъ твоимъ ни чѣмъ не хуже первой, то согласись со мною и въ томъ, что въ противуположность твоему мнѣнію, должна-же быть у человѣка и вторая старость, послѣ пятидесяти годовъ, которая много хуже первой — а я, другъ Петя, чуть-ли ужъ не въ этой категоріи....

— Но вѣдь ты здоровъ и даже толстъ по прежнему, любезнѣйшій Василій Васильичъ?

— По прежнему! Ты сказалъ настоящее слово. А развѣ я прежде не хворалъ почти постоянно, не смотря на мою обманчивую толстоту?...

— Опять та же пѣсня! Ну, теперь я вижу вполнѣ, что тебя и семнадцать лѣтъ, какъ меня-же, совершенно ни въ чемъ не измѣнили, съ громкимъ смѣхомъ замѣтилъ Черницкій.

— Смѣйся себѣ! Этотъ смѣхъ также не новость для меня. Но не пора-ли намъ заняться дѣломъ? съ тобой есть человѣкъ?

— Разумѣется.

— Слѣдовательно чемоданами распорядится онъ; ему только нужно сказать адресъ дома....

— Но я еще и самъ не знаю, гдѣ остановлюсь....

— Какъ не знаешь?

— Такъ, очень просто; не знаю да и все тутъ. Гдѣ у васъ тутъ нумера получше? по прежнему на Тверской, на Кузнецкомъ Мосту, или нѣтъ?

— Какое-же тебѣ дѣло до этихъ нумеровъ?

— Какъ?

— Ты, значитъ, въ Петербургѣ не получилъ на прошлой недѣлѣ моего послѣдняго письма?

— Не получалъ ни перваго ни послѣдняго.

— Такъ и есть! Иначе-бы ты зналъ, что остановишься въ старинномъ, давно знакомомъ тебѣ Ракитинскомъ переулкѣ, въ домѣ бывшемъ Валерьяна Григорьевича.... а нынѣ вдовы его.

— Бѣдный Вялерьянъ!... такъ молодъ и ужъ насъ опередилъ.... произнесъ Черницкій, отирая слезу. Но ты говоришь въ его домѣ, а какъ Юлинька.... а жена его, хотѣлъ я сказать.

— Она просила меня, чтобы я не допускалъ тебя остановиться по пріѣздѣ въ Москву, нигдѣ, кромѣ ихъ дома. Верхнія комнаты давно ждутъ тебя!

Черницкій хотѣлъ было обрадоваться, но вдругъ отчего-то остановился и задумался крѣпко.

— А что объ этомъ будутъ говорить? Изъ уваженія къ покойному другу, я долженъ беречь славу его жены.... А притомъ мой видъ откроетъ вѣрно еще свѣжія раны ея сердца....

— И полно, все вздоръ! Надобно тебѣ сказать, другъ Петя, что Юлія Петровна никогда не была слишкомъ нѣжною женою.... Эта потеря не стоила ей слишкомъ большихъ слезъ....

— Право? А что, много перемѣнилась Юлія Петровна, Базиль?

— Ровно ничего. Еще на мои глаза она стала лучше и красивѣе прежняго. Есть такія счастливыя натуры, что чѣмъ больше живутъ, тѣмъ, кажется, больше молодѣютъ. Юлія Петровна относится именно къ этому разряду. Я увѣренъ, что взглянувши на нее, ты подумаешь, что оставилъ ее не дальше, какъ вчера!

— Будто?

— Увидишь самъ.

— И она ждетъ меня, говоришь ты, Базиль?

— Съ величайшимъ нетерпѣніемъ! Помилуй, братецъ, всѣ эти семнадцать лѣтъ, у ней только и толку было, что объ миломъ и веселомъ Петрѣ Григорьичѣ! Каждое письмо твое изъ Ситхи, я ручаюсь, она знаетъ почти наизустъ. Портрету твоему обрадовалась чуть не до слезъ.... Чего-жъ тебѣ больше? Все идетъ, какъ нельзя лучше въ этомъ отношеніи, будь покоенъ!

— Но, Базиль.... Неужли-же все это и будетъ такъ.... Я

— Разумѣется, а какъ-же иначе? Я тебѣ ручаюсь за это, счастливчикъ Петя! Помнишь, вѣдь я говорилъ тебѣ и тогда, что по настоящему въ выигрышѣ остался ты, а не Бѣльской?

— Но....

— Что за но? Развѣ ты ужъ разлюбилъ свою Юлиньку, за которую такъ и лѣзъ на заряженный пистолетъ?

— О, напротивъ! Мнѣ кажется, что я теперь люблю ее еще больше, еще сильнѣе. Любовь эта слишкомъ не дешево обошлась мнѣ....

— Ну такъ не о чемъ и толковать; садись со мною на дрожки и покатимъ поскорѣе въ завѣтный Ракитинской переулокъ.

Черезъ пять минутъ человѣку Черницкаго отданы были нужныя приказанія и два пріятеля скакали къ мѣсту назначенія. Черницкій задумывался поминутно, потиралъ себѣ рукою лобъ и повторялъ безпрестанно: Ну, право, мнѣ все это кажется сномъ, не болѣе!

— Да что-же и вся жизнь-то наша, какъ не сонъ? возражалъ ему ни это хладнокровнымъ тономъ Борецкій.

— Или какою-то странною, невѣроятною сказкой! продолжалъ Черницкій.

— Называютъ иные ее и такъ! Повершилъ съ прежнею флегмою Василій Васильевичъ.

— А Москва очень мало измѣнилась въ эти семнадцать лѣтъ моей скитальческой жизни, сказалъ послѣ небольшаго молчанія Черницкій, мимоѣздомъ любопытно озираясь на всѣ стороны; право, она все такая-же!

— На домахъ отъ лѣтъ морщинъ не дѣлается, какъ у насъ грѣшныхъ, отвѣчалъ Борецкій.

— За то дѣлаются трещины; съ улыбкою сказалъ Черницкій. Если меня не обманываетъ память, слѣдующій переулокъ, направо, долженъ быть Ракитинской, Базиль?

— Разумѣется. Если Москва не измѣнилась, то и переулки ея всѣ на своихъ старыхъ мѣстахъ.

Наконецъ рѣзвые лошади Борецкаго домчали нашихъ двухъ друзей и до пресловутаго Ракитинскаго переулка.

— Послушай, любезный другъ Базиль, сказалъ Черницкій.

— Что такое?

— Прикажи остановить лошадей; мнѣ хочется вспомнить старину и придти пѣшкомъ нѣкогда въ столь знакомый и гостепріимный мнѣ домъ покойнаго Петра Спиридоныча Ракитина. Идя съ тобою пѣшкомъ по этому столь извѣстному мнѣ переулку, я перенесусь мыслями въ прошедше и воображу себѣ, что все случившееся со мною до-сихъ-поръ былъ

одинъ только долгій сонъ, что этихъ семнадцати лѣтъ разлуки съ милою Юліей Петровной и не существовало.... Что я вчера только отъ нея, а сегодня опять иду къ ней, по обыкновенію, обѣдать, а она ждетъ меня или, лучше сказать, насъ съ Валерьяномъ Григорьевичемъ, потому что мы хаживали всегда почти вмѣстѣ — у третьяго окна отъ садовыхъ воротъ, которое выходило изъ ея комнаты, въ своемъ любимомъ бѣломъ платьѣ съ голубымъ поясомъ; въ волосахъ бѣлая роза, сорванная сейчасъ ею самою; въ глазахъ добродушіе и нѣжность, на устахъ улыбка, ей одной принадлежащая.... О! ты не повѣришь, любезнѣйшій другъ Василій Васильичъ, какъ всѣ эти вещи живо и быстро воскресли теперь въ моей памяти! Не могу словами объяснить тебѣ, какъ пріятны, какъ сладки для меня всѣ малѣйшія подробности этихъ очаровательныхъ волшебныхъ воспоминаній.... Я какъ-будто оживаю вновь.... Мнѣ такъ легко, привольно дышать полною грудью....

Василій Васильевичъ приказалъ кучеру остановить лошадей. Оба друга слѣзли съ дрожекъ и пошли тихимъ шагомъ пѣшкомъ по Ракитинскому переулку.

— Ты напрасно думаешь, другъ мой Петя, началъ послѣ небольшаго молчанія Василій Васильевичъ Борецкій, что я такой чурбанъ, или холодная льдина, которой недоступны никакія человѣческія чувства. Я очень хорошо понимаю и твое нетерпѣніе поскорѣй увидѣть ту, кого ты любишь такъ давно и страстно, и все очарованіе воспоминаній прошедшаго, которое вызвала теперь растроганная душа твоя. Повѣрь мнѣ, другъ Петя, что я во всемъ и очень живо и тепло сочувствую тебѣ!

Черницкій молча, но крѣпко и выразительно пожалъ его руку.

—

ГЛАВА IV.

Между тѣмъ половина переулка была уже пройдена. Черницкій каждый домикъ привѣтствовалъ, какъ давно не виданнаго друга, каждому окошку и воротамъ улыбался, какъ короткимъ знакомымъ.... вотъ потянулся и длинный садовый за-

боръ, черезъ который привѣтно свѣсились верхи старыхъ деревъ, нѣкогда столь знакомаго сада, вотъ и самый домъ съ своею старинною, но добродушною, если такъ можно выразиться, физіономіею — вотъ наконецъ и третье окно отъ садовыхъ воротъ, въ которомъ, бывало, какъ въ картинной рамѣ весело красовалось прелестное личико милой, приманчивой волшебницы, Юлиньки Ракитиной.

— Не правда-ли, что здѣсь все тоже и также? говорилъ между тѣмъ Василій Васильевичъ Борецкій своему другу. Эти семнадцать лѣтъ почти не сдѣлали никакой перемѣны въ тихомъ Ракитинскомъ переулкѣ. Посмотри, другъ Петя, даже и въ третьемъ окнѣ....

Но при этихъ послѣднихъ словахъ Борецкаго, Петръ Григорьевичъ Черницкій вскрикнулъ во весь голосъ, вырвалъ свою руку изъ руки Борецкаго и бросился быстро къ завѣтному окну.

Въ знакомой сердцу волшебной рамѣ, была таже самая прелестная картина....

Передъ нимъ стояла обворожительная Юлинька!

— Въ-самомъ-дѣлѣ ужъ не сонъ-ли это? прошепталъ себѣ, останавливаясь за нѣсколько шаговъ отъ окна, Петръ Григорьевичъ Черницкій. Да! Это она! Она! И все такъ-же прекрасна и молода, какъ и за семнадцать лѣтъ! Таже ласковая привѣтная улыбка, даже тотъ-же самый костюмъ и бѣлая роза въ волосахъ....

Окно распахнулось....

— Юлія! вскрикнулъ невольно Черницкій, узнаете-ли вы меня? Вы-ли это?

— Разумѣется я! Еще-бы мнѣ не узнать васъ, милый Петръ Григорьичъ! Когда я цѣлое почти утро не отходила отъ окна въ ожиданіи васъ, произнесъ знакомый сердцу милый голосъ; входите поскорѣе въ комнаты....

Не слыша подъ собою ногъ, стрѣлою пустился по знакомой дорожкѣ счастливый Черницкій, чтобы поскорѣе упасть къ ногамъ обожаемой имъ женщины.... Онъ забылъ все, даже обыкновенныя приличія; онъ забылъ даже и то, что эта женщина вдова его лучшаго друга, что онъ еще не можетъ, не смѣетъ объяснить ей всей глубины своей страсти,

высказать ей все, что онъ вынесъ для нея; онъ забылъ даже то, что еще ему неизвѣстно, любитъ-ли его эта женщина и согласится-ли она въ послѣдствіи времени принадлежать ему. Какъ не сказать послѣ этого, что любовь мужчины, даже и подъ сорокъ лѣтъ, есть болѣзненное состояніе души?

Толстячекъ Борецкій былъ еще на половинѣ пути, какъ уже Черницкій держалъ въ рукахъ своихъ руку Юліи и покрывалъ ее горячими поцѣлуями.

— Вы все та-же, все такое-же милое, добродушное существо, Юлія, говорилъ онъ ей почти со слезами на глазахъ. Самое время не имѣетъ на васъ того вліянія, которое замѣтно на другихъ. Вы стали еще прекраснѣе.... Готовъ бы даже сказать еще моложе, если-бы не зналъ твердо, что семнадцать длинныхъ лѣтъ легло между нашимъ послѣднимъ и настоящимъ свиданіемъ.

Юлія улыбалась молча и толко время отъ времени пожимала горячую руку взволнованнаго Черницкаго.

— Скажите мнѣ — продолжалъ онъ — а какъ находите вы меня, Юлія? Не правда-ли, что я постарѣлъ, много перемѣнился? Вы-бы, можетъ быть, не узнали меня, встрѣтясь со мною не здѣсь, а гдѣ нибудь, когда-бы вы вовсе не знали о моемъ возвращеніи, не ждали меня? Не правда-ли?

— Совершенная неправда, Петръ Григорьичъ, отвѣчала Юлія. Я бы узнала васъ всегда и вездѣ, гдѣ-бы не встрѣтилась съ вами.... Взгляните сюда: вотъ вашъ портретъ, присланный вами изъ Ситхи не болѣе, какъ за три года; онъ всегда былъ передъ моими глазами, а портретъ этотъ такъ похожъ на васъ....

— А еслибы не онъ, не этотъ портретъ, Юлія? грустно спросилъ Черницкій.

— Ну, тогда бы совсѣмъ другое дѣло! съ милою улыбкою отвѣчала Юлія; тогда между нами не могло-бы быть и такой встрѣчи, какъ теперь, любезнѣйшій Петръ Григорьичъ.

— А въ сердцѣ вашемъ, значитъ, не было ни малѣйшаго уголка для воспоминанія объ отсутствующемъ другѣ, во все про-

долженіе этой длинной и тяжелой для меня разлуки, Юлія? спросилъ Черницкій почти со слезами на глазахъ.

— Я совершенно не понимаю, что вы хотите сказать этими словами, Петръ Григорьичъ, довольно равнодушно на этотъ разъ отвѣчала Юлія.

— Значитъ, вы забыли все прошедшее?

— Какое прошедшее? Нѣтъ, благодаря Бога, я кажется все помню.

Черницкій грустно закачалъ головою.

— О Юлія! началъ онъ вполголоса; теперь только я вижу, что семнадцатилѣтняя разлука много перемѣнила васъ! Не говорю о вашей наружности — она все таже, но сердце ваше, но прежнеее расположеніе ко мнѣ.... Увы! вѣрно все это измѣнилось и улетѣло, какъ и моя первая молодость! Помните-ли вы, Юлія, какъ за семнадцать лѣтъ, въ этой самой комнатѣ, вы говорили мнѣ, что не знаетѐ человѣка, съ которомъ бы вы такъ пріятно проводили время, какъ со мною? Помните-ли вы, какъ однажды вечеромъ, это было за день до роковой нашей разлуки....

Громкій, веселый хохотъ Юліи прервалъ восторженную тираду влюбленнаго Черницкаго....

Онъ почти окаменѣлъ отъ изумленія. Переходъ отъ надежды къ отчаянію былъ такъ неожиданъ.

Юлія продолжала хохотать....

— Ого! какъ здѣсь веселятся! раздался густой басъ Василія Васильевича Борецкаго и толстая фигура его показалась во входныхъ дверяхъ. Тѣмъ лучше! Для меня веселый, дружескій хохотъ лучше всякой итальянской музыки! Шампанскаго-бы теперь на радости свиданія!

— Петръ Григорьичъ, просто, моритъ меня со смѣху, крестный папаша, произнесла наконецъ съ трудомъ все еще продолжавшая хохотать Юлія.

— Браво, крестница! Я радъ, что вы познакомились такъ скоро и подъ такимъ счастливымъ предзнаменованіемъ, какъ твой хохотъ. Впрочемъ, я зналъ напередъ, что вы сойдетесь скоро между собою....

Петръ Григорьевичъ стоялъ, какъ ошаломленный, посреди комнаты, не находя словъ и только безсмысленно поглядывалъ то на Юлію, то на Борецкаго.

Въ эту самую минуту боковая дверь комнаты отворилась тихо и предъ изумленнымъ Черницкимъ стояла другая Юлія, только не съ бѣлою розою въ волосахъ и не въ бѣломъ платьѣ съ голубымъ поясомъ, а въ чепчикѣ съ дикими лентами и въ коришневомъ домашнемъ капотѣ....

Нужно-ли досказывать остальное? Смѣтливый читатель знаетъ его безъ меня и даже угадаетъ всю развязку моего долгаго разсказа.

Изложимъ коротко только необходимыя поясненія.

Само собою разумѣется, что вся сцена этого театральнаго свиданія съ дочерью вмѣсто матери, придумана была нашимъ добрымъ посредникомъ мудренаго контракта, Васильемъ Васильевичемъ Борецкимъ. Необыкновенное сходство двухъ Юлій, то-есть, матери съ дочерью, помогло, какъ нельзя лучше, дѣлу. Все это было устроено и подготовлено еще задолго до пріѣзда въ Москву Черницкаго изъ Ситхи. Валерьянъ Григорьевичъ Бѣльскій, по совѣту Борецкаго, еще за годъ открылъ женѣ всю исторію своихъ прошедшихъ глупостей и заключенія мудренаго контракта при посредничествѣ общаго ихъ друга Борецкаго. Юлинькѣ сообщили, разумѣется, не все, но подготовили ее къ принятію Черницкаго, о которомъ она такъ много наслышалась, и котораго привыкла любить, какъ общаго друга дома. Портретъ, присланный имъ изъ Ситхи былъ такъ хорошъ, и пришелся такъ по вкусу Юлиньки, что она была никакъ не прочь отъ того, чтобы лично познакомиться съ красивымъ американскимъ путешественникомъ, когда онъ воротится въ Москву; что и сдѣлалось очень удачно, какъ видѣлъ читатель.

Нужно-ли сказывать, что извѣстіе Василья Васильевича Борецкаго о смерти Валерьяна Григорьевича Бѣльскаго было выдумано вовсе не глупо. Черезъ нѣсколько минутъ въ туже самую дверь, изъ которой показалась Юлія Петровна, вошелъ и онъ самъ, къ новому удивленію своего друга, бросившагося къ нему невольно на шею....

— Пьеръ, спросилъ его въ полголоса Валерьянъ Григорьевичъ, скажи мнѣ отъ души, какъ съ этой минуты называть мнѣ тебя, врагомъ или другомъ?

— Ни тѣмъ, ни другимъ, мой милый Валерьянъ Григорьичъ,

также въ полголоса отвѣтилъ ему Черницкій; назови меня лучше своимъ сыномъ!

Въ эту тихую рѣчь первый вслушался нашъ добрый толстячекъ Борецкой.

— Браво! закричалъ онъ! Наша взяла. Я такъ и зналъ, что сегодня за обѣдомъ мы будемъ пить шампанское!

— И благословимъ нашихъ дѣтей на радость и счастіе! прибавилъ Бѣльской.

— А что скажетъ на это та, чьи руки такъ недавно и горячо цѣловалъ я? съ небольшою робостію и почти съ замѣшательствомъ спросилъ Черницкій, подходя къ Юлинькѣ.

— Она скажетъ, что давно уже привыкла любить Петра Григорьича, какъ общаго друга всего нашего дома! съ милымъ румянцемъ дѣвственной стыдливости отвѣтила Юлинька и скрыла лицо свое на груди счастливой матери.

И эта счастливая мать, черезъ минуту подала руку дочери, еще счастливѣйшему Черницкому, прошептавъ ему почти на ухо:

— Любите-же ее больше, Пьеръ, чѣмъ любили ея мать!... и черезъ семнадцать лѣтъ не мѣняйте ее на ту, которая будетъ ее моложе!

Вспыхнувшій Черницкій хотѣлъ что-то сказать, но Юлія Петровна положила свой милый пальчикъ на губы, улыбнулась и.... можетъ быть спрятала подъ этою улыбкою вздохъ матери.

Ровно черезъ мѣсяцъ въ Ракитинскомъ переулкѣ великолѣпно праздновали свадьбу Черницкаго съ Юлинькой Бѣльской.

— Ну, вотъ, друзья мои, говорилъ счастливый толстячекъ Борецкій, пожимая крѣпко руки Бѣльскаго и Черницкаго; ну вотъ, вы называли глупымъ тотъ контрактъ, который я заставилъ васъ заключить нѣкогда между собою; а что-бы было безъ него? Одного изъ васъ ужъ-бы давнымъ давно не было на свѣтѣ, да и другой едва-ли бы былъ женатъ на той, изъ за которой стало все дѣло. А теперь.... теперь по-крайней-мѣрѣ, я далъ вамъ обоимъ по Юліи! Значитъ, все-таки мой контрактъ не былъ глупый....

— Ну да, отвѣчали въ одинъ голосъ оба друга; мы не назовемъ его глупымъ, а только мудренымъ контрактомъ....

— Даже и не мудреный.... подхватилъ настойчиво упрямый толстячекъ Борецкій, а просто чудесный контрактъ, вотъ вамъ и все тутъ!

Очень-бы желательно, чтобы и мнѣніе читателя не разногласило много съ мнѣніемъ добраго толстячка Василья Васильевича Борецкаго.

=

АМЕРИКАНСКІЙ ИКАРЪ *.

—

ПОВѢСТЬ - БЫЛЬ.

—

I.

Тому лѣтъ двадцать пять, въ одной изъ опрятныхъ улицъ Филадельфіи, противъ зданія квакерской молельни, стоялъ незатѣйливый, но довольно красивый домъ, обращенный тремя единственными своими окнами на улицу. Между первымъ и вторымъ окномъ справа была дубовая дверь, — замѣтная даже и ночью, по своему блестящему бронзовому молотку. — Надъ нею красовалась тогда голубая доска съ изображеніемъ цѣлаго десятка часовъ всѣхъ формъ, столѣтій и видовъ; а подъ часами любопытный могъ прочесть слѣдующую надпись, нѣсколько полинявшую отъ времени: «*Джонъ Гудъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ — изъ Лондона*. По совѣсти, слова — *изъ Лондона*, на вывѣскѣ Джона Гуда были совершенно лишними и значили едва-ли не тоже самое, что и у насъ грѣшныхъ: портной Козьма Доброхотовъ — изъ иностранцевъ. Почтенный Джонъ Гудъ родился и выросъ въ Филадельфіи. Объ Лондонѣ-же и Англіи онъ зналъ только то, что они за моремъ. Трудно было-бы, въ ка-

* Сюжетомъ этой повѣсти послужило истинное происшествіе, о которомъ много говорили въ свое время англійскіе и американскіе журналы.

кое угодно время, найти Джона не за работою и не встрѣтить у окна мастерской его блѣдно-желтаго лица, окаймленнаго рамкою рыжихъ бакенбардовъ и такихъ-же всклоченныхъ волосъ, никогда не знавшихъ ни хола, ни гребня. Волоса эти, поднявшись щетиною, обнажали крутой лобъ мастера, нависшій надъ сѣрыми глазами, изъ которыхъ правый постоянно глядѣлъ въ увеличительное стекло, оправленное въ буйволовый рогъ. Джонъ Гудъ былъ чистый американецъ. Суровый въ жизни, холодный ко всему и положительный во всѣхъ дѣлахъ, онъ также неистово жевалъ табакъ и плевалъ на всѣ четыре стороны, какъ и всѣ его соотечественники, также безотчетно любилъ созерцать симметрически разложенныя стопки долларовъ и очень цѣнилъ наслажденіе чистить зубы вилкою, а ноги, въ минуту послѣ-обѣденнаго кейфа, класть на стулъ, или, по меньшей мѣрѣ, на шею косматой ньюфундлендской своей собаки.

Джонъ Гудъ вдовѣлъ уже шестнадцать лѣтъ. Жена его умерла, не подаривъ его ни сыномъ, ни дочерью. Теперь всѣ попеченія и труды мастера были посвящены сиротѣ дальнаго родственника, которую онъ взялъ къ себѣ изъ состраданія, и къ которой привыкъ, какъ къ родному ребенку. Дѣвушкѣ было теперь шестнадцать лѣтъ, ее звали Нелли. Единственною мыслью Гуда было составить ея счастіе. Гордый ея красотою и своимъ мастерствомъ — онъ часто и наивно говорилъ друзьямъ своимъ: «Въ Новомъ Свѣтѣ — первый мастеръ своего дѣла — я; а первая кравица — Нелли.» Послѣдняго Джонъ не преувеличивалъ: Нелли была дѣйствительно красавица и никто не затруднился-бы сказать при взглядѣ на нее: вотъ нашелъ! Съ прелестнымъ личикомъ, полнымъ идеальной красоты, дѣвушка соединяла всю прелесть, всю невинность юности и душу, облагороженную скромнымъ, но добросовѣстнымъ воспитаніемъ протестантскаго пастора. Ахъ, какъ хороша была Нелли!

Природа, казалось, истощила всѣ усилія, создавая въ ней совершенство женщины! Случалось даже, что знакомые Джону квакеры, любуясь голубыми глазками его мнимой дочери, глотали отъ умиленія цѣлые свертки табаку, или, забывая свои правила, приподнимали передъ нею широкія поля своихъ шляпъ — и говорили: здравствуйте, брилліантикъ Нелли!

Къ дому часоваго мастера прилегалъ огромный садъ, обнесенный высокою, каменною стѣною и покрытый на всемъ пространствѣ частою веревочною сѣтью. Садъ этотъ, наполненный птицами всѣхъ родовъ, принадлежалъ единственному подмастерьѣ Джона—Вильяму Тодту, — скромному и старательному молодому че-

ловѣку. Здѣсь, во время досуга, Вильямъ проводилъ самыя счастливыя минуты своей жизни. Слѣдить за нравами своихъ крылатыхъ плѣнницъ, наблюдать ихъ жизнь, привычки, подстерегать малѣйшія ихъ движенія и, главное, изучать механику ихъ полета — составляло всю прелесть, все наслажденіе этихъ немногихъ минутъ отдыха бѣднаго подмастерьи. Случалось нерѣдко, что Нелли забѣгала въ садъ полюбоваться птичками и раздѣлить удовольствіе Вильяма.

Накормивъ птицъ и налюбовавшись ими, молодые люди садились на дерновую скамью и тогда подмастерье читалъ любимаго имъ Купера, или расказывалъ своей хорошенькой собесѣдницѣ о тѣхъ неудачахъ и несчастіяхъ, которыя испыталъ онъ, служа подшкиперомъ, на одномъ изъ американскихъ купеческихъ кораблей. — Въ минуту чтенія или разсказа, малютка довѣрчиво опускала свою русую головку на плечо Вильяма, играя прядью черныхъ кудрей его и любуясь огнемъ черныхъ глазъ красиваго подмастерьи. Часто неосторожная слеза сверкала на шелковой рѣсницѣ дѣвушки и дыханіе ея становилось сильнѣе, тамъ, гдѣ Вильямъ, воскрешая свое минувшее, не могъ удержаться отъ тяжелаго вздоха — или рисовалъ яркими красками опасность, которой подвергался. При этомъ рука Нелли невольно и безотчетно сжимала руку Вильяма и взоръ его, вспыхнувъ, казалось, сыпалъ искры; дрожа, какъ въ лихорадкѣ, онъ быстро поднимался со скамьи, судорожно отдергивалъ свою руку изъ рукъ Нелли и, съ худоскрываемымъ волненіемъ, говорилъ: — пора намъ Нелли.... мы засидѣлись.... мистеръ Джонъ будетъ сердиться.... пойдемъ!

Проводить время вмѣстѣ скоро для нихъ сдѣлалось необходимостію. Вильямъ видѣлъ, понималъ и чувствовалъ, что неосторожно зашелъ слишкомъ далеко; но отступить для него уже было невозможно. Взоръ Нелли, ея невинная довѣрчивость, иногда рѣзвая ласка овладѣли благородною душею Вильяма и всею его волею.... Чѣмъ же все это кончится? — часто спрашивалъ самъ себя подмастерье.... Бракомъ.... но гдѣ-же надежды на него?.... Я знаю мастера: при первой моей просьбѣ, онъ спроситъ: А много ли тысячъ долларовъ, мой голубчикъ Вильямъ, ты припряталъ въ суднучекъ?... Гдѣ-жъ у меня сундуки, и гдѣ доллары?.. Ихъ нѣтъ... и подмастерье опускалъ на волнующуюся грудь свою голову, полную тяжелыхъ, грустныхъ и неисходныхъ думъ.... А Нелли любила хорошенькаго подмастерью, любила сильно, но безъотчетно, сама того незная. Она только иногда спрашивала себя: Зачѣмъ это

Вильямъ груститъ такъ часто.... вѣдь и мнѣ тогда бываетъ грустно.... Какой онъ злой, право, лучше-бы намъ смѣяться.

—

II.

Было утро. Сотня часовыхъ стрѣлокъ въ мастерской Джона показывали на цыфру 12 и сотня маятниковъ мѣрно отсчитывали секунды, чирикая, какъ семья неспокойныхъ сверчковъ. Мастеръ жевалъ табакъ и помакивалъ гусиное перо въ кокосовое масло, смазывая имъ механику большихъ англійскихъ часовъ. Вильямъ Тодтъ разсѣянно водилъ подпилкомъ по небольшему куску желѣза, заставляя его иногда визжать подъ своимъ инструментомъ такъ жалобно, что при этомъ холодный и невоспріимчивый Джонъ — невольно подымалъ голову, дѣлалъ гримасу и долго наблюдалъ за подмастерьемъ.

Вильямъ, казалось, не обращалъ вниманія на своего хозяина—и, занятый какою-то важною мыслью, провизжалъ еще разъ подпилкомъ, сдунулъ со стола желѣзную пыль, — сложилъ въ замасленный ящикъ свои инструменты и вышелъ.

— Надо чѣмъ нибудь кончить, прошепталъ Вильямъ, выходя въ садъ.... Попытаю здѣсь, а послѣ тамъ! При послѣднемъ словѣ онъ указалъ на мастерскую....

— Ахъ.... Вильямъ! вскричала Нелли, — встрѣчая подмастерью. Погляди, погляди: бѣдняжка Киби въ кровь расшибъ себѣ лапку! и лаская пестраго попугая, Нелли, почти съ навернувшимися на глазахъ слезами, цѣловала его зеленую головку.... бѣдненькой мой, голубчикъ. —

— Брось его, Нелли, отвѣчалъ Вильямъ, забывая въ эту минуту свою горячность къ пернатому царству и занятый только мыслію о предстоящемъ объясненіи съ дочерью Джона.

Послѣдняя съ упрекомъ взглянула на него. Глаза ея сверкнули слезой, и надувъ розовыя губки, Нелли медленно опустила на траву попугая.

— Безжалостный!... прошептала она и сдѣлала быстрое движеніе къ дому. Но въ два прыжка Вильямъ перескочилъ аллею, отдѣлявшую его отъ дѣвушки.

— Куда ты, Нелли? прошепталъ онъ такъ робко и нерѣшительно, какъ-будто бы говорилъ этимъ: не сердись.... прости меня!

— Домой.... Пусти меня.... я хочу домой....

— Нелли!... Ты сердишься?... Нелли! почти, стоная проговорилъ подмастерье и рука его невольно сжала руку дѣвушки.... Не сердись.... Полно-же.... Перестань!...

— Отстань.... ты такой сталъ нынче суровый.... ты почти гонишь меня изъ своего сада.... Я уйду. И дѣвушка закусила свою губку, чтобы скрыть слезу, снова повисшую на рѣсницѣ.

Бѣднякъ изнывалъ въ мукахъ своего незавиднаго положенія. Пестрый попугай испортилъ все дѣло, не кстати поранивъ лапку. А Вильямъ шелъ объясниться, шелъ вымолить признаніе у Нелли.

— Нелли.... ты сердита.... ты капризна! сказалъ онъ съ горькимъ, невыдержаннымъ упрекомъ.

— Я?... Прекрасно! Такъ ты же еще меня и обижаешь, Вильямъ?... Пусти меня.... Никогда и ни зачто не прійду въ твой садъ....

— Нѣтъ, Нелли, нѣтъ! Я не пущу тебя.... Пять словъ — и ты свободна.... Если не сегодня, то никогда.... Довольно, будетъ съ меня, много я выстрадалъ.... Пора кончить!...

— Ты страдалъ, Вильямъ? И въ одно мгновеніе лицо дѣвушки приняло выраженіе живаго участія.... Вотъ, прошептала она, какъ ты безсовѣстно меня обманывалъ, называя своимъ другомъ!... Какъ? ты другу не повѣрилъ своего горя? Такъ, Вильямъ, такъ, грустно продолжала дѣвушка, — ты уже не тотъ сталъ для меня, — ты былъ довѣрчивъ и ласковъ, а теперь, вижу, ты разлюбилъ свою Нелли, ты по цѣлымъ днямъ просиживаешь въ мастерской, избѣгая со мною встрѣчи.... Ты называешь меня капризною.... Богъ съ тобою....

— Нелли! Нелли! пощади меня! Языкъ твой говоритъ, не спросясь сердца.... Я разлюбилъ тебя?... Но знаешь-ли, какою любовью я любилъ и люблю тебя?...

Дѣвушка вздрогнула и уставила на Вильяма простодушный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боязливый взглядъ. Какою любовью? прошептала она.

Въ это мгновеніе глаза ихъ встрѣтились, загорѣвшись теплымъ сочувствіемъ. Вильямъ трепеталъ: онъ боялся высказаться, страшась разбить, разрушить свое очарованіе, встрѣтивъ въ Нелли только участіе друга, но не страсть, не взаимность сердца. Чудакъ, онъ не зналъ того, что женщина, какъ бы она ни была молода и невинна, всегда измѣняетъ дружбѣ для первой и горячей любви.

— Какою? повторилъ въ раздумьи подмастерье.... Любовью,

которая изсушила мой мозгъ, разбила сердце, любовью, которая составляетъ теперь все зло, все несчастіе моей жизни....

— Я тебя не понимаю, Вильямъ.... или ты смѣешься надо мною?... Какъ! Зло и несчастіе въ томъ, что ты меня любишь?... Какъ же это? Горе и несчастіе въ томъ, что я тебя люблю?...

— Любишь!... Ты меня любишь.... Нелли! вскричалъ Вильямъ, покрывая горячими поцѣлуями руки дѣвушки.... Но, что я.... продолжалъ онъ.... тѣмъ больше для меня горя.... Вѣдь ты никогда не будешь моею....

— Я твоя!... Право, твоя, отвѣчала простодушно дѣвушка, стараясь утѣшить опечаленнаго подмастерью.... Я никогда, ни за что не растанусь съ тобою.... Я такъ люблю твой садъ, твоихъ хорошенькихъ птицъ, мнѣ такъ весело жить твоимъ счастіемъ.... Я такъ люблю твои умные глаза.... Такъ люблю слушать, когда ты читаешь романы, или расказываешь о своихъ минувшихъ несчастіяхъ.... Нѣтъ, нѣтъ, Вильямъ.... ни за что не растанусь съ тобою — если только ты перестанешь сердиться на меня! — наивно добавила Нелли.

— Боже мой! простоналъ подмастерье — она меня не понимаетъ.... Она любить меня столько-же, сколько и моихъ попугаевъ....

— Но, Нелли, продолжалъ онъ, вѣчно мы не можемъ быть вмѣстѣ.... Ты выйдешь за кого-нибудь замужъ.... я потому говорю за кого-нибудь, что серъ Джонъ не отдастъ тебя за меня....

— Ахъ, глупенькій!... Ахъ, дурачекъ Вильямъ.... Такъ теперь-то я догадываюсь о твоемъ горѣ! весело вскричала дѣвушка.... Да, я никого и ни за что въ мірѣ, кромѣ тебя не назову своимъ мужемъ и другомъ.... Право!... Такъ ты хочешь быть моимъ мужемъ?...

— Да, Нелли! утвердительно и краснѣя отвѣчалъ подмастерья, но твой воспитатель — отецъ твой....

— Батюшка? чудакъ Вильямъ, да онъ каждый день твердить мнѣ: Ты ужъ подросла, Нелли, и скоро, быть можетъ, придетъ твой суженый и разлучитъ меня съ тобою, моя пташка....

— Знаю.... такъ!... Но, вѣрно, мистеръ Джонъ не подозрѣваетъ въ лицѣ своего подмастерьи встрѣтитъ суженаго своей любимицы....

— Это почему?

— Я.... бѣденъ, Нелли.

— Ты добръ и честенъ, Вильямъ.... Ты любишь меня, а я люблю тебя и никого больше.... Ахъ, ты дурачекъ, Вильямъ!... Сейчасъ-же бѣгу къ батюшкѣ и скажу ему: Вильямъ хочетъ быть моимъ мужемъ....

Дѣвушка, весело подпрыгивая, бѣгомъ пустилась къ садовой калиткѣ.

— Нелли! Нелли! Остановись.... Что ты дѣлаешь? кричалъ подмастерье.

— Что-же?... Зачѣмъ?

— Помилуй.... Можно-ли рѣшаться на такое дѣло, не посовѣтовавшись.... Поди сюда.... Обдумаемъ.... поговоримъ.

— Ну, обдумаемъ.... давай говорить, и Нелли граціозно протянула свою ручку Вильяму.

—

III.

Между-тѣмъ вотъ что происходило въ мастерской почтеннаго мистера Джона Гуда. — Съ послѣднимъ скрипомъ дверей, затворившихся за Вильямомъ, Джонъ никѣмъ и ничѣмъ не развлекаемый, совершенно углубился въ свою работу, какъ это съ нимъ постоянно случалось. — Тѣ же маятники чирикали вкругъ Джона, тотъ же свертокъ табаку прыгалъ за его щекою; но не тѣ мысли занимали теперь часоваго мастера, какія по обыкновенію приходили ему въ голову во время занятій. Теперь крѣпко взяло его раздумье о поведеніи подмастерьи. Кой прахъ, думалъ онъ.... точно совѣсть его мучаетъ, какъ будто-бы онъ обокралъ меня!... Боится даже взглянуть мнѣ въ глаза.... Разсѣянный такой.... портитъ подпилки.... визжитъ ими.... Спросишь пилу, — подаетъ стаканъ холодной воды; спросишь воды, несетъ каленый уголь.... Неловко тутъ! Джонъ плюнулъ.

Въ эту минуту густое облако табачнаго дыма накрыло рыжую голову мастера.... Джонъ закашлялся, чихнулъ и уставилъ изумленные глаза на конецъ своего стола. На этомъ концѣ стояла голландская соломенная шляпа, вооруженная гигантскими полями; — за нею, утвердившись на кончикѣ стула, сидѣлъ какой то господинъ, который, улыбаясь чрезвычайно странно, дымилъ, какъ пароходъ, сигарою, скрывая за дымными тучами свое красное лицо, обезображенное оспою....

— Ахъ!... мистеръ Смитъ.... почтенный другъ мой! вскричалъ Джонъ Гудъ, протянувъ къ гостю обѣ руки, запачканныя масломъ.... Мистеръ Смитъ, простите великодушно.... Не замѣтилъ, рѣшительно не замѣтилъ, какъ вы вошли.... Прошу садиться.

— Я ужъ сижу, мистеръ Джонъ.... Много благодаренъ, я ужъ сижу; отвѣчалъ гость, не измѣняя своей улыбки.

Довольные другъ другомъ, гость и хозяинъ размѣнялись еще поклономъ и заговорили о погодѣ. Въ новомъ свѣтѣ, какъ и въ старомъ, разговоръ о погодѣ избитъ, старъ и кроится по одной мѣркѣ. Не подслушивая его, и пока еще гость не высказалъ причины своего нежданнаго посѣщенія, мы успѣемъ познакомить читателя съ хозяиномъ соломенной шляпы и разсказать исторію его жизни. Она интересна.

Янъ Смитъ родомъ голландецъ. — Прадѣдъ, дѣдъ и отецъ его были кровные голландцы. Первый даже когда то посолилъ первую селедку; а послѣдній, въ важныхъ обстоятельствахъ своей жизни, не упускалъ случая напомнить всѣмъ и каждому, что онъ достойный потомокъ того, который изобрѣлъ соленіе сельдей, и память котораго почтилъ Карлъ V, скушавъ на могилѣ его одну рыбку. — Схоронивъ отца, Янъ Смитъ остался круглымъ сиротою. Кромѣ нищеты, шерстянаго колпака и глиняной трубки, онъ ничего не получилъ въ наслѣдство; а ни къ чему не пригодный и выгнанный изъ вѣтхой лачуги нецеремоннымъ пивоваромъ, у котораго покойный служилъ работникомъ, Янъ, утирая кулакомъ слезы, отправился на Амстердамскую биржу, катать бочки и носить кули. — Но и здѣсь не всегда находилась работа для бѣднаго наслѣдника глиняной трубки.

Однажды, въ ненастный, осенній день, Янъ, пробродивъ изъ конца въ конецъ весь городъ и не найдя работы, грустный добрелъ до моста, у котораго, по обыкновенію, столпилась сотня чернорабочихъ, обступившихъ торговокъ съ пласкушею и пирогами. — Облокотясь на перила моста, голодный бѣднякъ болѣзненнымъ взоромъ слѣдилъ за трапезою счастливцевъ. Урчаніе въ пустомъ желудкѣ и щекотаніе горла такъ были невыносимы для Яна, что онъ даже радъ былъ заплакать, еслибъ могъ. Рука его судорожно скользнула въ карманъ и поймала только одну трубку, изъ другаго — выскочили голые пальцы Яна.

— Ничего нѣтъ, прошепталъ онъ со вздохомъ, ровно ничего! — Въ эту минуту рослый англійскій матросъ, давно наблюдавшій жалкую фигуру голландца, раздвинулъ толпу работниковъ, взялъ цѣлую охабку сушеной рыбы съ лотка торговки и ткнувъ чуть не въ самый ротъ Яна кускомъ пласкуши, сказалъ: хочешь, таварищъ? Янъ вздрогнулъ и, безъ помощи рукъ, поймавъ благодѣтельную подачку, въ избыткѣ восторга и благодарности могъ только промычать одно утвердительное: гмъ!

Англичанинъ улыбался; голландецъ терзалъ рыбу, какъ звѣрь, ѣлъ и давился.

— Кажется, пріятель, рыбу-то ты очень любишь? замѣтилъ матросъ, подавая Яну новый кусокъ пласкуши.

— Очень, очень люблю, шепталъ Янъ, считая куски рыбы, оставшіеся въ рукахъ благодѣтеля. Гмъ!... Всё полюбишь, продолжалъ онъ, какъ въ трое сутокъ, кромѣ воздуха, ничего не попадетъ въ ротъ, а это, знаешь, такая пища, которую не варитъ желудокъ....

— Эге!... такъ стало быть ты того....

— Голоденъ, какъ морская собака.... Спасибо тебѣ.... Умеръ-бы съ голода, если бъ не ты.... Право!... Цѣлую недѣлю таскаюсь по городу.... хоть-бы шиллингъ.... Нѣтъ работы, хоть тресни....

— Плохо.... А какъ тебя зовутъ, пріятель?

— Яномъ.

— Славный ты малый, Янъ....

— Спасибо....

— Ты мнѣ понравился.

— Гмъ!... спасибо.

— И я бы даже не задумался помочь тебѣ....

— Помоги.

— Изволь. Ты, какъ видно, сирота?

— Одинъ, какъ перстъ!

— Тѣмъ лучше. Изволь, пріятель: я тебѣ дамъ такую работу, что лѣтъ черезъ пять ты будешь купаться въ золотѣ.

— Въ золотѣ?! — И глаза Яна подернулись масломъ. Онъ заморгалъ отъ удовольствія.

— Толковать долго не для чего, продолжалъ англичанинъ. И отведя Яна въ уголокъ, матросъ осмотрѣлся во всѣ стороны, какъ бы избѣгая свидѣтелей и указалъ на мачты небольшой корветы, качавшейся у пристани.

— Видишь-ли ты это судно? спросилъ онъ.

— Вижу, отвѣчалъ Янъ.

— Я шкиперъ и хозяинъ корветы.... Иди ко мнѣ въ матросы и вотъ тебѣ честное слово Томаса Кофеля — въ накладѣ не будешь, а на первый разъ.... не хочешь-ли получить шесть червонцевъ? Англичанинъ звякнулъ золотомъ и продолжалъ: ты будешь получать каждый мѣсяцъ два фунта стерлинговъ жалованья, каждый день полъ-бутылки рому и полфунта табаку — что хочешь съ нимъ дѣлай.... жуй, кури.... хоть ѣшь!

— Славно.... спасибо!... Но ты говорилъ, что я буду купаться въ золотѣ?

— Будешь. Видишь-ли.... ремесло наше.... торговля.... какъ-бы

тебѣ сказать — не совсѣмъ чистая.... да, словомъ, торговля неграми....

— А!.. Знаю....

— Гмъ! Ты молодецъ, Янъ.... Я тебя полюбилъ.... Ну, думай, душа моя, сегодня ночью я снимаюсь съ якоря.

— Вотъ, ужъ не знаю, что тебѣ и сказать, почтенный Томасъ Кофель, отвѣчалъ Янъ.... Вѣдь, братъ, продолжалъ онъ, я думаю, что тебѣ не безызвѣстно, если съ этою контрабандою поймаютъ насъ твои же соотечественники, то заставятъ выплясывать джигу подъ сосновой перекладиной.

— Есть и такіе, которые съ веревокъ обрываются....

— Да.... случается, но рѣдко.

— А ужъ денегъ то, денегъ!... Все золото, да піастры, да цехины. Ну, рѣшайся, Янъ!

— Давай задатокъ! сказалъ рѣшительно голландецъ — я согласенъ.

— Ступай-же, забирай свои пожитки, да и съ вѣтромъ въ путь.

— Пожитки!... Какіе пожитки.... Да у меня ничего нѣтъ, кромѣ этого колпака и глиняной трубки.

— Ну, тѣмъ лучше.... Идемъ же. Друзья обнялись и отправились къ пристани:

Ровно пять лѣтъ служилъ Янъ Смитъ Томасу Кофелю. Въ продолженіе этого времени онъ рѣдко ступалъ на материкъ, перевозя запрещенный товаръ съ острововъ Полинезіи къ берегамъ Сѣверной Америки. Шкиперъ не обманулъ его. Ремесло было прибыльно и Янъ уже начиналъ считать деньги мѣшками. Но вмѣстѣ съ приходомъ богатства, пришли и опасенія къ голландцу, — потерять въ одну минуту все пріобрѣтенное страхомъ, безсонными ночами и тяжкимъ пятилѣтнимъ трудомъ. Однажды корвета, нагруженная четырьмя сотнями несчастныхъ жертвъ, при полномъ вѣтрѣ, на всѣхъ парусахъ шла къ берегамъ Гудсона. Янъ сидѣлъ на бакѣ, курилъ свою глиняную трубку и щипалъ пеньку. — Вотъ и берегъ близко, думалъ онъ.... только-бы добраться до него счастливо — тотчасъ юркну изъ подъ рукъ звѣря Томаса и раскланяюсь съ опаснымъ ремесломъ.... Баста!

Съ наступленіемъ ночи корвета бросила якорь ввиду города, а Янъ забралъ свое богатство, съѣхалъ на берегъ подъ предлогомъ закупокъ — и ужъ болѣе не возвращался къ своему благодѣтелю.

Янъ тотчасъ купилъ въ окрестностяхъ Филадельфіи прекрас-

ную плантацію, завелся хозяйствомъ и, какъ говорится, забывая минувшее, утонулъ въ нѣгѣ и довольствѣ

Но среди этого довольства и избытка, Янъ ощущалъ какую-то пустоту и грусть въ своемъ одиночествѣ.... Заброшенный случаемъ далеко отъ родины — онъ видѣлъ, что ему недостаетъ друга, — словомъ недостаетъ жены. И вотъ цѣломудренный Янъ Смитъ, недовѣряя свахамъ, сталъ частенько навѣщать городъ и заглядываться на хорошенькихъ американокъ.... Случай привелъ его къ часовому мастеру, и тотъ-же случай познакомилъ его съ Нелли. — Съ перваго взгляда на хорошенькую дочь Джона Гуда, Янъ почувствовалъ, что его пульсы забились какою-то небывалою, не испытанною еще жизнію.... Вотъ амуръ-то, подумалъ онъ.... дай попытаюсь. И съ этимъ словомъ, сказаннымъ втайнѣ, про себя, Янъ протянулъ руку тѣсной дружбы къ отцу дѣвушки, сдѣлавшись вседневнымъ посѣтителемъ часоваго мастера. Послѣдній, понимая намѣреніе богатаго плантатора, ждалъ только вожделенной минуты повѣсить дочь на шею золотому идолу.

Вотъ почему съ появленіемъ Яна, угрюмый, неразговорчивый и всѣмъ и всегда отвѣчавшій на привѣтствіе только короткимъ наклоненіемъ головы, Джонъ Гудъ засуетился, загремѣлъ стуломъ и отвѣсилъ пару крупныхъ поклоновъ своему другу и гостю.

Послѣ поклона и трехъ, четырехъ словъ, сказанныхъ о дождѣ и вѣтрѣ, друзья замолчали. Хозяинъ вытянулъ ноги и положилъ ихъ на голову своей собакѣ. Гость еще болѣе съѣхалъ на кончикъ стула. Какое-то безпокойство и волненіе было замѣтно во взлядѣ и во всѣхъ движеніяхъ послѣдняго. Онъ то кашлялъ, то дымилъ неистово табакомъ или, крякнувъ, наклонялся къ Джону Гуду — и, какъ будто отброшенный отъ него электричествомъ, снова принималъ свою незавидную позу.

— Гмъ.... мистеръ Джонъ-Гудъ, я къ вамъ пришелъ сегодня по очень важному дѣлу, сказалъ наконецъ нерѣшительно Янъ Смитъ и, какъ ужаленный въ пятку, завертѣлся на стулѣ.

— Говорите, говорите, почтенный другъ мой! вскричалъ хозяинъ, выпрямляясь и выдвинувъ впередъ всю свою физіономію.

— По очень, очень важному дѣлу, повторилъ гость, какъ-бы сбираясь съ мыслями.

— Говорите, говорите, я васъ слушаю.... я весь вниманіе.

— Я, вотъ видите-ли, продолжалъ нерѣшительно и запинаясь Янъ-Смитъ.... Я вѣдь хочу жениться. И выговоривъ это, онъ

такъ вздохнулъ свободно, какъ будто-бы цѣлый куль ржи сбросилъ съ плечъ своихъ.

— Доброе дѣло.... весьма доброе дѣло, почтенный другъ мой!

— Гмъ!... вы думаете?

— Я даже одобряю вашу мысль.... даже одобряю; и Джонъ плюнулъ, хоть не кстати, но по неизмѣнной своей привычкѣ.

— Да, хочу, рѣшительно хочу жениться.... Знаете.... скучно.... Одинъ вездѣ.... Очень грустно.... надобно жену.

— Надо, надо!... Жена — другъ....

— Другъ, непремѣнный другъ.... Очень хочется жениться. И жениться.... этакъ на молоденькой-бы.... ужъ, извините, а я чрезвычайно люблю молоденькихъ женщинъ....

— И.... помилуйте.... да кто-же ихъ не любитъ.... Что-же, вамъ стоитъ только кличь кликнуть.... Да вотъ, далеко искать нечего, продолжалъ хитрый Джонъ, хоть-бы дочь — нашего пивовара.... или сестра Чальстона.... или....

— Ни-ни! Я ужъ сдѣлалъ выборъ....

— Какъ.... уже?

— Сдѣлалъ.

— Назовите-же эту счастливицу?

— Счастливицу?... вы говорите счастливицу?

— А то какъ-же?... Я не хочу льстить вамъ, почтенный другъ мой, — но въ новомъ свѣтѣ, да и въ старомъ, едва-ли сыщется такой женихъ, какъ вы.... Я не хочу вамъ льстить, почтенный другъ мой, а вы въ порѣ, мужъ какого надо, прекрасно сохранились, ваши правила, ваше богатство, ваша безукоризненная жизнь....

— Довольно, довольно, благороднѣйшій другъ мой!... Я не могу болѣе таиться. При этомъ ободренный гость торжественно привсталъ со стула, сдѣлалъ шагъ впередъ и, протянувъ свою мясистую руку часовому мастеру, я любю: сказалъ онъ, вашу Нелли.... Отдайте мнѣ её....

— Возьмите! едва не вскрикнулъ Джонъ, но опомнившись, онъ съ обычнымъ хладнокровіемъ пожалъ протянуюю ему руку, плюнулъ и отвѣчалъ:

— Вы любите мою Нелли, благодарю васъ покорно; вамъ угодно быть ея мужемъ, — благодарю за честь....

— Стало быть? спросилъ дрожавшій Янъ Смитъ.

— Стало быть, достопочтенный Янъ Смитъ, мы съ вами породнимся.... отъ вашего предложенія я не прочь.

— Я это предвидѣлъ! вскричалъ обрадованный плантаторъ.... О,

вы благороднѣйшій изъ мастеровъ!... Но, погодите: мнѣ кажется — не рано ли я обрадовался?

— Это почему? серьезно и важно спросилъ мастеръ.

— А дочь ваша... ея согласіе?

— Зачѣмъ оно вамъ? Развѣ не довольно моего согласія?... Если я хочу этого, она должна желать... вы знаете, она сирота, безъ отца, я замѣнилъ ей все, такъ стадо быть.... Но она у меня дѣвушка неглупая и вѣрно оцѣнитъ ваше предложеніе.... Не-угодно-ли, я ее позову сейчасъ и мы кончимъ все дѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ, не торопитесь такъ, великодушный другъ мой. Отложимъ до завтра.... сегодня я такъ взволнованъ.... такъ того.... ужъ лучше до-завтра; тѣмъ болѣе, что я тороплюсь теперь къ банкиру....

— Какъ вамъ угодно, до завтра, такъ до завтра.

Друзья обнялись и разстались.

Въ эту минуту въ мастерскую вошелъ подмастерье.

— А, это ты? весело вскричалъ Джонъ, положивъ обѣ руки на плеча своего подмастерья. Упоеніе его было такъ велико, что онъ готовъ былъ обнять теперь перваго встрѣчнаго.

— Я, мастеръ, отвѣчалъ Вильямъ, — что вамъ угодно?

— Ничего, братецъ, совершенно ничего.... Ты только порадуйся моей радости.... Порадуйся, Вильямъ.

— Съ ума онъ сошелъ, подумалъ подмастерье.

— Вотъ, братъ, недумано и негадано.... Вотъ штука-то, продолжалъ Джонъ... Нелли-то наша....

— Нелли! прошепталъ подмастерье и сердце его заныло въ какомъ-то предчувствіи; что же Нелли? повторилъ онъ.

— Да что! Посмотри-ка, какого жениха подстерегла — плантатора, мильонщика! Порадуйся, Вильямъ, порадуйся нашему общему счастію.

Глухой стонъ вырвался изъ груди бѣдняка. Шатаясь и ослабѣвая, онъ отодвинулся отъ хозяина, ища стула. Джонъ незамѣчалъ его волненія и продолжалъ:

— Вообрази, братецъ, просто приходитъ, жметъ руку.... называетъ великодушнѣйшимъ изъ мастеровъ и того.... говоритъ, давайте дочь вашу.... Почему, думаю, не такъ.... человѣкъ хорошій, солидный.... золотой человѣкъ... капиталистъ.... ну, и по рукамъ.... А?... каково....

— Кто-же онъ? спросилъ, задыхаясь Вильямъ.

— Кто?... Ну, кто.... будто я не сказалъ.... Янъ Смитъ. Ты, впрочемъ, братецъ, ни слова объ этомъ Нелли.... завтра мы ее обрадуемъ.... вотъ запрыгаетъ моя пташка.... Однако, пора зав-

тракать. Ступай-ко принеси съ погреба бутылочку портеру, разопьемъ на радости.

— Я нехочу, мистеръ.

— Не хочешь? портеру-то?

— Да.... цѣлый день нездоровится.... Такъ голова.... грудь.... фу! И Вильямъ, почти шатаясь, оставилъ изумленнаго Джона, который, въ раздумьи покачивая головою и звѣня связкою ключей, самолично отправился въ погребъ.

—

IV.

На другой день, измученный тоской и отчаяніемъ, Вильямъ съ утра оставался въ саду и не заглядывалъ въ мастерскую. Нелли была съ нимъ. Задумчивый подмастерье разсѣянно и безсмысленно общипывалъ какую-то вѣтку; дѣвушка, на шагъ отъ него расположась на скамьѣ, записывала что-то въ небольшую тетрадь.

— Вотъ и еще записанъ одинъ день, въ который Вильямъ грустенъ и угрюмъ, сказала она со вздохомъ, оставляя свою работу.

Подмастерье вздрогнулъ и уставя печальный и болѣзненный взглядъ на дѣвушку:

— И много, много запишешь ты такихъ дней, Нелли, сказалъ онъ.

— Много? Что съ тобою, Вильямъ? Ты грустенъ, блѣденъ.... даже болѣнъ....

И она, медленно подойдя къ подмастерью, уставила на него быстрый, испытующій взглядъ.... Вильямъ! Скажи мнѣ, скажи, о чемъ ты грустишь? Ты плачешь?... О, ради нашей дружбы!

— Прощай, Нелли! со стономъ проговорилъ подмастерье.... Я плачу о нашей разлукѣ....

— Разлука! Какъ.... зачѣмъ? И лицо ея, вспыхнувъ румянцемъ, въ то же мгновеніе покрылость смертною синевою.

— Да, продолжалъ Вильямъ, — мы должны разстаться. Я оставляю Филадельфію и, черезъ недѣлю, снова берусь за старое ремесло матроса.... Прощай, Нелли!

— Но для чего? зачѣмъ?

— Затѣмъ, что ты будешь женою Яна Смита.

— Женою Яна Смита? Кто это тебѣ сказалъ?

— Серъ Джонъ.

— Яна Смита?... этого рябаго, гадкаго.... Фи! что ты, Виль-

ямъ. Да вы, мнѣ кажется, оба, и ты и твой гадкій Смитъ, съ ума свихнули....

— Не шути, Нелли. Отецъ твой далъ слово голландцу, а ты знаешь слово Джона....

— Только-то? перебила Нелли, готовая уже разразиться громкимъ смѣхомъ.

— Этого довольно, чтобы убить меня.

— Ахъ, Вильямъ, какъ ты мало любишь твою Нелли, какъ ты мало вѣришь ей! сказала съ упрекомъ дѣвушка.... Не я ли говорила тебѣ вчера, что кромѣ тебя я никого и ни за что не назову своимъ мужемъ?

— Правда.... но тутъ не твоя воля....

— Какъ? Да, развѣ батюшка будетъ жить съ Яномъ Смитомъ? Развѣ онъ будетъ батюшку ласкать, а не меня, когда я сдѣлаюсь его женою?... Ахъ ты, чудакъ, Вильямъ!... Не будетъ, никогда этого не будетъ! Я скажу имъ обоимъ и скажу на отрѣзъ: Вильямъ очень хочетъ быть моимъ мужемъ.... Ну, и я также хочу быть его женою.... Я его люблю, люблю и сто разъ люблю....

Въ эту минуту изъ распахнувшейся двери мастерской выставилась рыжая голова мастера.

— Нелли! пташка моя, Нелли! крикнулъ онъ.... Скорѣе бѣги сюда! И дверь захлопнулась.

— Ну, вотъ сейчасъ и всему конецъ, весело сказала дѣвушка.... Не грусти, Вильямъ. И она съ громкимъ смѣхомъ бросилась на зовъ отца.

Янъ Смитъ помѣщался на старомъ мѣстѣ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Для него наступала рѣшительная минута. Лицо его то вспыхивало заревомъ кирпичнаго румянца, то блѣднѣло, превращаясь въ цвѣтъ изношенной лимонной перчатки.

— Успокойтесь, другъ мой, будьте свободнѣе, говорилъ Джонъ Гудъ.... Будте развязнѣе.... Съ женщинами, какъ съ врагомъ, храбрость необходима.

— Я свободенъ, совершенно свободенъ; я буду развязенъ, отвѣчалъ Янъ Смитъ, сплетая и заплетая свои коротенькія ноги.

— Тс!... вотъ она идетъ. — Предоставтье мнѣ все уладить.... Успокойтесь.

— Воды.... позвольте холодной воды, шепталъ Янъ Смитъ.

Но уже русая головка Нелли показалась въ дверяхъ мастерской и Янъ Смитъ растерялся совершенно. Онъ даже забылъ отвѣтить на поклонъ дѣвушки.

— Вы меня звали, батюшка? спросила она.

— Звалъ, душа моя, дѣло есть, очень важное.... садись.

— Я не устала.

— Садись-же, другъ мой.

Дѣвушка повиновалась. Джонъ крякнулъ, искоса взглянулъ на дочь, потомъ на гостя, ожидая, не угодно-ли ему будетъ сказать какую нибудь любезность. Но Янъ уже окаменѣлъ. Онъ только хлопалъ глазами, выбивая какой-то нескромный тактъ зубами по глиняному чубуку своей трубки.

— Ободритесь, шепнулъ Джонъ, придавивъ носкомъ сапога ногу гостя. Янъ Смитъ улыбнулся и завертѣлся на стулѣ.

— Ну, отъ него не добьешся толку, подумалъ Джонъ Гудъ, и какъ мнѣ кажется, всю эту механику придется завести мнѣ одному. И онъ глубокомысленно ущипнулъ себя за бакенбарды.

— Нелли, началъ часовый мастеръ — важно, медленно, — ты часто слышала отъ меня въ послѣднее время, что рано или поздно мы должны разстаться съ тобою.... Пора эта пришла.... Я передаю тебя на руки человѣка, жизнь и дни котораго ты будешь обязана лелѣять, какъ дни твоего благодѣтеля, даже болѣе.... Человѣкъ этотъ тебя вполнѣ достойный.

Нелли молчала и слушала.

— Да ободритесь-же, шепнулъ Джонъ Гудъ, снова толкнувъ гостя. Вотъ, мистеръ Смитъ, продолжалъ онъ, человѣкъ, какъ тебѣ извѣстно, очень милый....

Янъ Смитъ поклонился и съѣхалъ на конецъ стула.

Нелли улыбнулась.

— Человѣкъ очень милый, скромный, умный, прекрасныхъ правилъ, продолжалъ Джонъ Гудъ, который любитъ тебя, какъ самъ мнѣ признался....

— Да.... точно съ, рѣшился прошептать Янъ Смитъ.

— Слышишь?... Онъ самъ говоритъ это.... Смѣлѣе, смѣлѣе.... И еще толчекъ.

— Да, да! рѣшительно повторилъ женихъ.... Я васъ такъ.... того, леди.... мистрисъ....

— Смѣлѣе, смѣлѣе; шепталъ Джонъ Гудъ.

— Я васъ обожаю.... Я васъ.... Не будетъ-ли, Джонъ Гудъ?... Нелли что-то молчитъ.

— Продолжайте.... продолжайте.... дѣвушка въ упоеніи отъ вашихъ словъ....

— Я васъ обожаю, даже люблю, съ вашего позволенія.

— Такъ! такъ — хорошо! Продолжайте, шепталъ Джонъ и думалъ про себя: Какъ онъ глупъ то, ай-ай-ай!

— И хотѣлъ бы.... то-есть, желалъ-бы, съ вашего позволенія, дѣлаться вашимъ мужемъ....

— Да, да, такъ.... что нибудь въ этомъ родѣ.... прекрасно... еще пару словъ.... говорилъ мастеръ.

— Словомъ — сдѣлаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою.... О, мистрисъ Нелли.... Неотриньте!... заключилъ Янъ Смитъ. Еще одно слово и онъ задохнулся-бы.

— Ты слышала? сказалъ Джонъ, глядя на дочь и указывая быстрымъ движеніемъ руки на гостя, отиравшаго въ эту минуту крупныя капли пота, выступившія на его подбородкѣ.

— Слышала, батюшка; почтительно отвѣчала Нелли.

— Ну.... стало быть надо отвѣчать.

Легкая улыбка скользнула на устахъ дѣвушки. Она сдѣлала два шага впередъ и устремила на Яна смѣлый и быстрый взглядъ, отъ котораго онъ готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Благодарю васъ, мистеръ Янъ Смитъ, сказала она, за ваше доброе расположеніе ко мнѣ, за вашу любовь....

— Прекрасно, такъ, умница! О, женщины... вотъ вѣдь — никто не училъ, а какъ умѣетъ обстряпать дѣлишко, шепталъ Джонъ Гудъ.

— Но....

— Что? что такое? заворчалъ мастеръ.

— Но вы вѣрно потребуете, чтобы за откровенность я также заплатила вамъ откровенностью?

— Конечно, — замѣтилъ Гудъ.

— И потому простите меня, если я скажу вамъ, что не могу быть вашей женою....

Стулья загремѣли и мужчины повскакали съ своихъ мѣстъ.

— Что.... что такое? вскричалъ Гудъ.... Не можешь?

— Не можете? простонялъ Янъ Смитъ.

— Да.... не могу. Я люблю Вильяма Тодта и никто, кромѣ его, не будетъ моимъ мужемъ.

Трубка выпала изъ рукъ озадаченнаго жениха, и разсыпалась въ мелкіе черепки.

Джонъ Гудъ стоялъ, какъ помѣшанный. Въ это мгновеніе, для довершенія крайности, въ комнату вошелъ подмастерье и всѣ взоры обратились теперь на него. За тѣмъ глубокое и грозное молчаніе воцарилось въ мастерской Джона Гуда. Пылающими глазами онъ мѣрилъ своего подмастерью, на которомъ покоился взоръ Нелли, полный любви и ласки. Янъ Смитъ, не смѣя поднять глазъ, считалъ черепки своего наслѣдства и прислушивался къ тяжелому дыханію своего друга.

Всѣхъ скорѣе пришелъ въ себя послѣдній. Призвавъ на по-

мощь свое хладнокровіе, онъ выступилъ впередъ и взялъ Вильяма за руку.

— Ты, любишь дочъ мою? мрачно спросилъ онъ.

— Люблю, рѣшительно отвѣчалъ подмастерье.

— Гмъ!... и она также любитъ тебя?

— Да.

— Да, батюшка, я уже сказала, что люблю его.

— Вздоръ! Не любишь.... не смѣешь! Не должна.... не умѣешь! Успокойтесь, почтенный Янъ Смитъ, мы сейчасъ все дѣло кончимъ. Вильямъ, продолжалъ мастеръ, ты малый честный, добрый и хорошій работникъ.... но ты бѣднякъ.... Понимаешь?

— Какъ нельзя больше, съ горькою улыбкою отвѣчалъ подмастерье.

— Видишь-ли.... къ тому-же еще ты и умница! Оставаться тебѣ у меня не должно.... Нелли быть твоею женою не можетъ. Приходи сегодня вечеромъ и мы съ тобою разочтемся.... Прощай.... Иди своей дорогой.

Блѣдный, съ истерзаннымъ сердцемъ, Вильямъ болѣзненною улыбкою высказалъ Нелли всю тоску души своей, всю пытку своего положенія — и, молча кивнувъ головою мастеру, закрылъ лицо руками и оставилъ мастерскую.

— Теперь, почтенный Янъ Смитъ, сказалъ неумолимый Джонъ Гудъ, пожалуйте вашу руку.... Нелли, подойди сюда.... Вотъ тебѣ мужъ....

— Батюшка!...

— Ни слова!... Янъ Смитъ — извольте поцѣловать вашу невѣсту...

— Нѣтъ! нѣтъ, батюшка! Простите меня, но я умоляю васъ.... Янъ Смитъ, спасите меня.... О, откажитесь, откажитесь отъ меня! И Нелли въ изнеможеніи упала на стулъ.

— Вся въ покойницу мать, такая-же упрямица! сказалъ равнодушный часовщикъ.

— Ахъ! Сила морская! мистеръ Джонъ Гудъ, мы ее уморили.... Да, что-же вы! успокойте ее.... Я уйду.... Лучше завтра.... послѣ завтра.... на дняхъ! и Янъ Смитъ, подобравъ черепки своей трубки, оставилъ мастерскую, въ то время, какъ Джонъ Гудъ принялся спрыскивать водою безчувственную дочь.

—

V.

Было давно за полночь. Ясная луна освѣщала сонный городъ и далеко бросала уродливыя тѣни домовъ на опустѣвшія улицы Филадельфіи. Легкій вѣтерокъ шелестилъ роскошными цвѣтами и деревьями въ саду Вильяма, заставляя изрѣдка вздрагивать сонныхъ птицъ его. Не спалъ только одинъ подмастерье. Измученный до-нельзя своимъ горемъ, Вильямъ, быть можетъ въ тоскѣ и отчаяніи, сотню разъ обойдя пустынныя аллеи своего сада, въ тяжеломъ раздумьи остановился у колодца....

Мысль геніальная и дерзская занимала его въ эту минуту. Мысль, для которой двѣнадцать лѣтъ онъ сбиралъ всѣ породы птицъ, тратя на нихъ послѣднее свое состояніе, время и безсонныя ночи.

И вотъ какая-то неизъяснимая дрожь пробѣжала по всѣмъ фибрамъ Вильяма. Лицо его вспыхнуло огнемъ восторга.... съ невыдержаннымъ воплемъ радости онъ отшатнулся отъ перилъ колодца и, какъ будто пробуждаясь отъ неяснаго сна, медленно провелъ рукою по лбу. — Нашелъ! прошепталъ онъ. Еще двѣ, три анатоміи надъ орломъ и все кончено.... Золото! золото, Только ты навело меня на мысль.... Трудъ безкорыстный не давался мнѣ. Наконецъ — нашелъ! повторилъ Вильямъ. Она будетъ моею... Я осыплю отца ея долларами. Золото мое перевѣситъ золото Яна Смита... О, Нелли, Нелли!

— Тс!... Я здѣсь! сказалъ знакомый голосъ Вильяму.

— Нелли... душа моя, ты со мною?

— Что это!... Я не узнаю тебя, Вильямъ, сказала дѣвушка: лицо твое такъ ясно, къ глазахъ твоихъ такъ много удовольствія, даже радости. Что это значитъ?

— Правда, я ожилъ. Мы еще не совсѣмъ погибли, Нелли... небо сжалилось надъ нами.

— Что-же это значитъ?

— То, что ты будешь моею.... Джону Гуду нужно золото и я осыплю его золотомъ.

Дѣвушка недовѣрчиво взглянула на Вильяма.

— Помнишь-ли, Нелли, продолжалъ онъ, не замѣчая ея взгляда, то, о чемъ я такъ часто говорилъ тебѣ, что занимало меня всю жизнь, что составляло тяжелый трудъ науки....

— Помню....

— Я почти открылъ....

— Возможно-ли!?

— Открылъ.... открылъ! — и ты будешь моею.... Только нуженъ небольшой срокъ....

— Срокъ?

— Да, два года.

— Два года, а батюшка завтра хочетъ рѣшить все съ Яномъ.... Онъ не слушаетъ моихъ просьбъ и моленій, онъ непреклоненъ....

— И ты рѣшилась?

— Рѣшилась.... идти въ общину Сестеръ Милосердія. Этого никто не запретитъ мнѣ.... Твоя или ничья.... Вотъ зачѣмъ я пришла къ тебѣ.... Пришла проститься.

Слезы брызнули изъ глазъ Нелли и, почти не владѣя собою, она рыдая упала на грудь Вильяма.

— Нѣтъ! нѣтъ, Нелли.... только два года, умоляю тебя — два и мы счастливы, говорилъ Вильямъ.

— Хоть цѣлую вѣчность; но какъ? Невозможно.

— Можно, Нелли, можно. Джонъ неумолимъ. Но есть средство. Иди сейчасъ къ Яну Смиту, иди, я провожу тебя.... онъ добръ. Твои слезы, твои мольбы тронутъ его и онъ самъ придетъ отказаться отъ тебя.

Дѣвушка задумалась.

— Рѣшайся, Нелли, не думай, рѣшайся, упрашивалъ Вильямъ.

— Иду, отвѣчала Нелли, готовая на всякую жертву для своего милаго.

Чрезъ четверть часа Вильямъ и Нелли были за городомъ, а черезъ часъ на плантаціи Яна Смита.

Громкій лай собакъ встрѣтилъ нашихъ странниковъ, при входѣ въ улицу, гдѣ помѣщались амбары плантатора и жалкія лачуги его негровъ.

— Какъ быть! шептала Нелли, прижимаясь къ своему спутнику.... Вильямъ, насъ загрызутъ собаки.

— Не бойся, другъ мой, отвѣчалъ подмастерье, осажденный цѣлою стаею англійскихъ мордашекъ. Ей, кто тутъ есть! Скорѣе! крикнулъ онъ.

На вой собакъ и отчаянный зовъ подмастерьи, въ крайнемъ шалашѣ раскрылось окно, изъ котораго выглянула курчавая голова негра и съ изумленіемъ уставила заспанные глаза свои на нежданныхъ посѣтителей.

— Молчать! крикнулъ негръ на остервенившихся собакъ, и когда послѣднія, послушныя его голосу, съ непріязненнымъ ворчаньемъ разбрелись по своимъ мѣстамъ, курчавый не упустилъ случая сдѣлать вопросъ: Кого вамъ, масса?

— Мистера Яна Смита.... Нужно видѣть по весьма важному дѣлу, отвѣчалъ Вильямъ.

При этомъ имени голова, какъ, вьюнъ юркнула въ окно, и негръ, прикрытый грязными лохмотьями и вооруженный пальмовою дубиною, явился на порогѣ хижины.

— Иди за мной, масса, сказалъ онъ. И почти бѣгомъ пустился впередъ. Едва успѣвая слѣдовать за своимъ провожатымъ, Вильямъ и Нелли прошли съ полверсты неправильною тропинкою, потомъ повернули въ прекрасный паркъ и наконецъ достигли дома плантора.

— Масса, а масса! шепталъ старый Юпитеръ, толкая въ бока своего сонного господина.

— Поди ты отъ меня прочь! чернокожій бульдогъ.... дай спать....

— Масса, меня послали къ вамъ....

— Убирайся....

— Дѣвушка приказала разбудить....

— Какая?... Ну, какая тамъ дѣвушка?... Гдѣ ты ее взялъ!... Ну, глупая, губастая рожа.... чего зубы-то оскалилъ.... Какая дѣвушка?.... Подавай ее сюда.... Проси — въ залу.

Янъ Смитъ, на-скоро накинулъ на плеча халатъ, прикрывъ голову наслѣдственнымъ колпакомъ — и въ этомъ поэтическомъ дезабилье вышелъ къ Нелли.

При видѣ посѣтительницы изумленіе его было неописанно. Онъ разинулъ ротъ, раздвинулъ руками и только могъ прошептать: Нелли Гудъ!

Нелли смѣшалась и не находила словъ, которыми-бы могла начать свою просьбу, а между-тѣмъ Янъ Смитъ успѣлъ ободриться.

— Ага, подумалъ онъ, — красавица-то, какъ видно, опомнилась и сама пришла ко мнѣ съ поклономъ; видно, душа моя смѣкнула, что въ Филадельфіи — одинъ только Янъ-Смитъ.... Странно только, время-то какое она выбрала непоказанное? И голландецъ ободрился совершенно.

— Чѣмъ могу служить вамъ, прекрасная Нелли? спросилъ онъ, стараясь придать словамъ своимъ какъ можно болѣе ласки и пріятности.

— Мистеръ Янъ-Смитъ, начала дѣвушка, дрожа отъ волненія и не смѣя поднять глазъ на рисующагося предъ нею плантатора, простите, что я рѣшилась безпокоить васъ въ такое время.... въ такую позднюю пору....

— Ничего, ничего, прекрасная миссъ. Когда вамъ угодно и

сколько угодно.... Право, ничего.... Вы меня не обезпокоили. Нисколько. Юпитеръ!... Вѣдь я не спалъ?

— Нѣтъ, масса.

— Да, я мечталъ.... Знаете, я нынче все мечтаю.... Юпитеръ! вѣдь я мечталъ?

— Мечталъ, масса.

— Мистеръ Янъ-Смитъ, продолжала Нелли, — увѣренная въ вашемъ добромъ сердцѣ, я.... я пришла къ вамъ....

— Очень вамъ обязанъ, очень обязанъ, прекрасная Нелли, перебилъ Янъ Смитъ, очевидно готовый полюбезничать.

— Мистеръ Янъ Смитъ, продолжала дѣвушка, — вы просили руки моей....

— О, просилъ.... и прошу!

— Но — я сказала вамъ откровенно, что уже люблю другаго....

— Да, вы это сказали.... помню.... Вы поразили меня этими словами.... Я даже разбилъ тогда мою трубку.... Помню.

— И теперь я пришла къ вамъ съ тѣмъ, чтобы умолить, упросить васъ отказаться отъ меня.... Будьте великодушны, мистеръ Смитъ!.... Пощадите меня и бѣднаго Вильяма — мы такъ любимъ другъ друга....

— Какъ.... такъ вы....

— Да, да, сжальтесь надъ нами! вскричала дѣвушка и, забывая свою молодость, свое достоинство, Нелли, заливаясь слезами, упала на колѣна предъ плантаторомъ.

— Встаньте.... встаньте, миссъ Нелли.... Что вы это!... Какъ можно!

— Я буду валяться у вашихъ ногъ, пока вы не откажетесь отъ меня, пока не дадите слова — отказаться! Мистеръ Янъ Смитъ, Вильямъ разбогатѣетъ чрезъ два года и тогда батюшка согласится на нашъ бракъ.... Сжальтесь надо мною.... Неужели мои слезы, моя тоска, мое отчаяніе не трогаютъ васъ? О, сжальтесь, откажитесь! И Нелли рыдала, тяжело, горько....

Не совсѣмъ безчувственное сердце заговорило въ груди Яна Смита. Ему стало грустно за себя — и жаль Нелли.

Почти силою онъ поднялъ дѣвушку и посадилъ ее въ кресло.

— Миссъ Нелли Гудъ, сказалъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ: не смѣю быть врагомъ вашего счастія и не хочу быть имъ. Извольте.... я отказываюсь.... Извольте! Но, прошу васъ объ одномъ.... если чрезъ два года Вильямъ не достигнетъ своей цѣли, то позвольте мнѣ возобновить мое предложеніе.... Позвольте это мнѣ хоть изъ благодарности за мое пожертвованіе.... Да, вы позволяете?

Нелли молчала.

— Вы позволили, продолжалъ Янъ Смитъ такимъ тономъ, какъ-бы получилъ утвердительный отвѣтъ. Завтра я напишу письмо почтенному моему другу Джонъ-Гуду, въ которомъ буду просить отсрочить нашу свадьбу на два года, а самъ уѣду отсюда за 18 миль на свою плантацію. Два года, не два вѣка; и по истеченіи этихъ двухъ лѣтъ — ровно изо дня въ день — я явлюсь къ вамъ.... Впрочемъ, желаю вамъ счастія и успѣха, добавилъ растроганный Янъ Смитъ.... Быть можетъ, хоть за мои чувства вы отплатите мнѣ когда-нибудь благодарностію.

— О, я всегда, всегда буду молиться за васъ, добрый человѣкъ! вскричала Нелли.

Янъ Смитъ пожалъ на прощанье руку дѣвушки, отъ которой такъ великодушно отказался и, растроганный, удалился въ спальню, приказавъ отвести Нелли въ городъ.

—

VI.

Два года — не два вѣка, сказалъ Янъ Смитъ. Аксіома, хотя и незамысловатая, но очевидная! Время шагаетъ быстро, для влюбленныхъ оно летитъ. Нелли и Вильямъ не замѣтили, какъ эти два года юркнули въ вѣчность, и какъ приблизилась рѣшительная минута ихъ жизни.

Янъ Смитъ сдержалъ свое слово и написалъ письмо почтенному своему другу, котораго это неожиданное посланіе чрезвычайно озадачило, но онъ не могъ дознаться причины страннаго поведенія плантатора, который, казалось, даже навсегда забылъ мастера, уѣхавъ на свою дальнюю плантацію. И ровно два года сокрушался Джонъ, теряясь въ догадкахъ.... Правда, онъ подозрѣвалъ тутъ маленькій заговоръ со стороны Нелли и отставнаго подмастерья; но онъ только подозрѣвалъ его. Въ свою очередь Вильямъ, разсчитавшись съ хозяиномъ, заперся въ бесѣдкѣ своего сада и никто почти, въ теченіе двухъ лѣтъ не видалъ его въ Филадельфіи. — Только изрѣдка, мѣсяца въ три одинъ разъ, онъ являлся на рынкѣ, закупалъ желѣзо, проволоку, гвозди, бронзу и снова исчезалъ съ своими закупками....

Городскія кумушки—вездѣ кумушки. Подозрительное затворничество Вильяма не оставило въ покоѣ ихъ обоюдоострыхъ языковъ и странные слухи стали ходить по городу о поведеніи отставнаго подмастерья. Говорили даже, что онъ чародѣйствуетъ, что

онъ связался съ недобрымъ, закабалилъ ему свою душу. Находились и такія, которые своими глазами видѣли, какъ лѣшіе въ полночь выплясывали джигу на бесѣдкѣ Вильяма.

Джонъ Гудъ невѣрилъ сказкамъ и увѣрялъ, что Вильямъ свихнулъ съ ума, занялся алхиміею и открываетъ философскій камень. Одна только Нелли знала настоящую причину затворничества подмастерьи и, не смотря на строгій приказъ отца забыть съумасшедшаго и помнить только о почтенномъ Янѣ Смитѣ — она сдѣлала на оборотъ.

День и ночь проводилъ Вильямъ за работаю, истощая всѣ усилія своего ума, всю твердость, все терпѣніе человѣка, рѣшившагося выпытать и отнять у природы то, чего не дала она ему на долю, рѣшившагося на открытіе, которое чахло у всѣхъ и вездѣ въ ничтожныхъ попыткахъ. Нелли, поддерживая этотъ тяжелый трудъ, этотъ прекрасный жаръ воспріимчивости своею любовью и ласками, не упускала удобнаго мгновенія, дававшаго ей возможность избѣжать зоркаго глаза и посѣтить труженика и любимца своего сердца....

Такъ прошли два года.

—

Таже спокойная, прохладная ночь, какъ и два года тому назадъ, раскидывалась надъ Филадельфіею, таже луна купалась въ колодцѣ Вильяма, но не грусть и тоска лежали теперь на сердцѣ юноши,—нѣтъ.... надежды его сбылись, онъ достигъ цѣли своихъ неимовѣрныхъ трудовъ, мечта его осуществилась.

Счастливый подмастерье медленно прохаживался по аллеямъ своего сада, иногда останавливаясь и какъ-бы прислушиваясь къ чему-то.

— Кажется, идетъ! наконецъ прошепталъ онъ. И дѣйствительно калитка его скрипнула — и, легче серны, Нелли запрыгала чрезъ куртины и цвѣтники, бросаясь въ объятія Вильяма.

— Ну, что? спросилъ подмастерье.... Что мистеръ Джонъ Гудъ?

— Я призналась ему во всемъ, я разсказала ему мое свиданіе съ Яномъ и какъ онъ отказался отъ меня.... разсказала всѣ наши надежды....

— Что же онъ?

— Ни слова....

— Ну, а говорила-ли о моемъ открытіи?

— Какъ же, сказала Нелли..

— Что же онъ?

— Сказалъ: посмотримъ....

— Стало быть, почти все кончено. Янъ Смитъ не можетъ помѣшать намъ: до сроку еще остается пятнадцать дней.

— Да, да, — ровно пятнадцать!...

— И такъ, завтра, Нелли — все должно рѣшиться въ нашу пользу.... О, какъ я буду счастливъ!

— О, какъ горячо помолюсь я....

— А чтобы не откладывать далеко нашего счастья, продолжалъ Вильямъ, — я не задумаюсь продать секретъ моего открытія....

— Грустно только, Вильямъ, что я должна буду разстаться съ тобою на цѣлый день завтра.... О, я запишу каждую минуту моей тоски и грусти въ разлукѣ съ тобою.

— Зачѣмъ грустить, Нелли? Только одинъ день разлуки, а за нимъ цѣлая вѣчность вмѣстѣ....

— Правда, правда, мой добрый Вальямъ.... грустить грѣхъ.

—

VII.

Никогда ни на одномъ англійскомъ митингѣ не было столько шума, гвалту и бѣснующагося народа всѣхъ цвѣтовъ и породъ — какъ 12 сентября 1826 г. на улицахъ и площадяхъ Филадельфіи. Почтенные граждане Филадельфіи прочли необыкновенное объявленіе и, какъ охотники до всего необыкновеннаго, читали, пересказывали и даже пѣли это дивное объявленіе. Вотъ оно:

«Симъ честь имѣю извѣстить почтенныхъ гражданъ Филадельфіи, что я, нижеподписавшійся, 12 сентября настоящаго года, въ шесть часовъ пополудни, въ виду всего города поднимусь на воздухъ при помощи изобрѣтеннаго мною летательнаго снаряда и перенесусь въ теченіе десяти часовъ и двадцати минутъ изъ Филадельфіи въ Нью-Іоркъ.

«Урожденецъ Филадельфіи, часовыхъ дѣлъ подмастерье

«*Вильямъ Тодтъ*».

Въ шесть часовъ площадь, какъ говорится, захлебнулась народомъ. Квакеры, накадчики, краснокожіе индійцы, губастые негры, англичане, кровные американцы, бульдоги и ньюфундлендскіе водолазы — все перемѣшалось между собой. Все шумѣло, кричало, спорило. Иные держали пари, что Вильямъ доставитъ утѣшительное зрѣлище, сломавъ себѣ непремѣнно шею; другіе

клялись, что онъ одурѣетъ и улетитъ выше девятаго неба, откуда вернется замороженною кочерыжкой, — третьи говорили, что не будетъ ни того, ни другаго.... Вильямъ надуетъ легковѣрныхъ и пуститъ всю почтенную публику въ трубу. Во всѣхъ окнахъ пестрѣли женскіе головные уборы или апатическія физіономіи почтенныхъ джентльменовъ Филадельфіи. Балконы представляли тоже зрѣлище. Мальчишки дрались изъ за выгоднаго мѣстечка, кумушки бранились изъ за того же, негровъ колотили за тоже. Словомъ, предисловіе къ потѣхѣ было достойно дива-дивнаго, котораго ожидали.

Но вотъ раздалось въ передовой толпѣ: Идетъ! Идетъ! Магическое *идетъ*, какъ электрическій токъ, пробѣжало по площади и сообщилось всему живому. Языки замерли подъ этимъ токомъ и только однѣ головы, сдѣлавъ послѣднее, быстрое движеніе на встрѣчу Вильяму, на мгновеніе нарушили воцарившееся безмолвіе.

Бодро, съ лицомъ выражающимъ смѣлую самоувѣренность, Вильямъ вышелъ на площадь. На немъ былъ легкій кафтанчикъ стянутый на груди металическимъ корсетомъ, перевитымъ проволокою и пружинами. Къ этому корсету, отъ котораго спускались двѣ небольшія гири, прикрѣплены были два огромныя крыла, обтянутыя шелкомъ.

Смѣлымъ взглядомъ окинулъ Вильямъ нѣмую толпу зрителей, свободно надѣлъ на голову металлическую каску, въ видѣ орлиной головы, отступилъ два шага назадъ, распустилъ гири — и подтянулъ корсетъ....

Минута была торжественная. И вотъ съ шумомъ, задрожавъ отъ воздуха, распахнулись его крылья.... взмахъ.... другой — и Вильямъ, какъ легкое перо, взвился на воздухъ.

— Браво! браво! заревѣла неистовая толпа. Шапки, шляпы, палки, вилки, табакерки и зонтики — все полетѣло вслѣдъ за Вильямомъ. Все кричало и визжало, не исключая даже и собакъ, которыя, подвертываясь подъ ноги обезумѣвшихъ согражданъ, невольно приняли участіе въ общемъ воплѣ....

Даже самый Джонъ Гудъ, стоя на окнѣ своей мастерской неистово билъ кулаками по своей вывѣскѣ и кричалъ: Браво.... браво, Вильямъ!... Нелли твоя — ты великій человѣкъ!

А Нелли, полная страха, съ глазами, попеременно выражавшими то восторгъ, то отчаяніе и ужасъ, стояла подлѣ Джона и слѣдила за полетомъ милаго.

Послѣдній между тѣмъ, поднявшись на значительную высоту.... послалъ кому-то прощальный поцѣлуй и принявъ горизонтальное по-

ложеніе, быстрѣе вихря, исчезъ изъ глазъ толпы, все еще ревѣвшей неистовое браво.

—

VIII.

ДВА ЛИСТКА ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕЛЛИ.

12 сентября.

Одинъ день разлуки — и за нимъ цѣлая вѣчность вмѣстѣ, сказалъ мнѣ вчера Вильямъ. Онъ просилъ меня не грустить.... а развѣ я могу запретить болѣть моему сердцу? Не могу. Нѣтъ.... цѣлый день, и каждая минута въ немъ — минута гибели Вильяма. Страшная мысль.... побѣгу къ батюшкѣ, онъ успокоитъ меня. Ночь близка, до разсвѣта не долго.... Ободрись, Нелли.

13 сентября. Разсвѣтъ.

Какъ много молилась я сегодня. Я изнемогла даже. О, Господи! научи меня молиться тебѣ за моего Вильяма.... Какой-то страхъ и опасеніе тѣснятся въ мою душу.... Хочу быть бодрою, а слезы, невольныя, непрошенныя слезы тутъ какъ тутъ....

А.... вотъ, площадь наполняется народомъ.... всѣ сбираются встрѣтить его.... О, скорѣй, скорѣй побѣгу на терассу.

Полдень.

Всѣ говорятъ: нѣтъ его!... Нѣтъ! и расходятся по домамъ. Батюшка встревоженъ. Нѣтъ его! Вильямъ, лети скорѣй, утѣшь твою Нелли, отсоси отъ сердца ядъ тоски неисходной. Куда улетѣлъ ты?... Ты хотѣлъ вернуться утромъ, а вотъ уже полдень.... голова моя горитъ.... и такъ ноетъ, такъ болитъ грудь.... Буду молиться, буду горячо молится за Вильяма.

Полночь.

Безъ счету разъ взбѣгала я на террасу.... но въ туманной дали не видать моего милаго. Нѣтъ Вильяма, нѣтъ и слезъ у меня.... Глаза сухи, горятъ.... голова пылаетъ.... О, какъ-бы я хотѣла поплакать....

16 *сентября.*

Еще пролетѣло два дни — и мука мукъ, пытка пытокъ не оставляетъ меня. Нѣтъ Вильяма, страшно мнѣ за него.... что, если полетѣвъ за счастьемъ.... О, нѣтъ, нѣтъ — Боже! подкрѣпи меня и спаси мнѣ друга. Тяжело вспомнить о прошедшемъ.... ужасно заглянуть въ будущее! Срокъ близокъ.... Скоро пріѣдетъ Явъ Смитъ.... Нѣтъ Онъ, ненаглядный мой, вернется ко мнѣ.... Онъ прилетитъ къ своей Нелли....

22 *сентября.*

Я не лишилась разсудка. Недѣля горячки и безпамятства.... Только зачѣмъ, для чего терять мнѣ разсудокъ? Богъ не отниметъ его у меня, для того, чтобы я могла молиться за упокой души Вильяма.... Его убили.... Трупъ его съ простреленнымъ черепомъ, истерзанный волками, нашли въ 18-ти миляхъ отъ Филадельфіи.... Батюшка жалѣетъ, что волки изломали весь снарядъ, по остаткамъ котораго нельзя узнать механики изобрѣтенія. Люди указываютъ на меня пальцемъ — и говорятъ: она здорова, она не жалѣетъ Вильяма. Какъ злы эти люди! Я не жалѣю его! Я? О, загляните вы мнѣ въ душу, раскройте грудь.... что тамъ? Тамъ адъ муки, тамъ бездна скорби!...

Завтра пріѣдетъ за мною тетушка и увезетъ меня въ обитель Сестеръ Милосердія; тамъ отцвѣтетъ моя молодость, тамъ, изнуряя тѣло въ трудѣ для страждущаго ближняго, я выстрадаю ему вѣчное блаженство; тамъ одна, незамѣтная міру, я вымолю у Всевышняго прощеніе моему ропоту.... Тамъ молитва моя за душу души моей!

—

IX.

ПЯТЬ ЛѢТЪ СПУСТЯ.

Тускло горѣла ночная лампада въ спальнѣ Яна Смита. Осенній вѣтеръ съ шумомъ и свистомъ врывался въ окны небольшаго домика плантатора, крутилъ мелкимъ дождемъ и дребезжалъ имъ по стекламъ.

Блѣдный, измученный тяжелою и трудною болѣзнію, почти въ предсмертныхъ судорогахъ, метался Янъ Смитъ на своей постелѣ. Старый Юпитеръ, вѣрный, какъ песъ своему господину, печально стоялъ въ ногахъ плантатора, готовясь предупредить малѣйшее прихотливое желаніе больнаго.

— Юпитеръ, простоналъ Янъ Смитъ. Негръ вздрогнулъ и превратился весь въ слухъ и вниманіе.

— Что же нейдетъ пасторъ? прошепталъ больной.

— Онъ сказалъ, масса, что навѣститъ тебя вечеромъ.

— Вечеромъ.... вечеромъ, печально повторилъ Янъ Смитъ.... Но мнѣ нужно утѣшеніе, сказалъ онъ, мнѣ душно.... скучно, Юпитеръ... Часъ мой близокъ!...

Лицо плантатора, вспыхнувъ больнымъ румянцемъ, снова помертвѣло въ синевѣ блѣдности. Онъ силился прошептать что-то и не могъ.

Негръ дрожалъ....

— Сходи за нимъ, простоналъ наконецъ Янъ Смитъ.

— Онъ обѣщалъ, масса, прислать къ тебѣ дѣвушку, ту, что такая всегда грустная, что ходитъ къ намъ изъ общины Сестеръ Милосердія.

— Да, да.... хотя бы она пришла.... Она такая добрая... бесѣда ея такъ утѣшительна.... Она такъ часто навѣщала меня во время моихъ страданій.... О, хоть-бы она....

Въ эту минуту чья то походка и легкій шелестъ женскаго платья послышались въ смѣжной комнатѣ. Радостная улыбка обрисовала тогда уста больнаго и по знаку его, негръ, быстро распахнувъ двери спальни, встрѣтилъ низкимъ поклономъ женщину, закутанную въ бѣлый капуцынъ отшельницы.

Стройный станъ, легкая походка и граціозныя движенія доказывали, что посѣтительница еще очень молода. Лица ея, закрытаго сверху капуциномъ, а отъ подбородка до глазъ кисейнымъ шарфомъ, разглядѣть было невозможно.

— Да будетъ милость небесная надъ тобою, бѣдный братъ мой, сказала она, медленно подходя къ изголовью больнаго.

Янъ Смитъ ожилъ. Онъ силился приподняться и поймать бѣлую, нѣжную, но исхудавшую руку своей утѣшительницы....

— Лучше-ли тебѣ, братъ мой? продолжала она, голосомъ

нѣжнымъ, отраднымъ, который, казалось, врачевалъ боль души и тѣла умирающаго.

— Да, при тебѣ, только при твоемъ участіи, слабо отвѣчалъ Янъ Смитъ и глаза его выразили всю силу живѣйшей благодарности. Но въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ съ необыкновенною вѣрою и спокойствіемъ.... часъ мой близокъ.... здѣсь холодѣетъ. Онъ указалъ на сердце. Помолись за меня, добрый геній страдальцевъ.... Помолись — и послѣднюю минуту моей жизни утѣшь отраднымъ и спасительнымъ словомъ о милосердіи Божіемъ къ кающимся.... О, какіе тяжкіе, неотмоленные и невыплаканные грѣхи я уношу съ собою! добавилъ Янъ голосомъ укора, какъ-бы говоря самъ съ собою.

— Богъ милосердъ, отвѣчала сестра скорби, и всякій грѣхъ искупается предъ его милосердою десницею раскаяніемъ, вѣрою и теплою молитвою грѣшника.

Глаза Яна Смита, съ дрожавшими на нихъ слезами, обратились къ небу.

— Боже, шепталъ онъ, Ты видишь мое сердце, мои слезы и раскаяніе.... Ты слышишь мою молитву.... Молись, молись за меня! вскричалъ онъ, судорожно сжавъ руку отшельницы. Тяжело мнѣ.... о, какъ тяжело! Минуты мои сочтены, а на душѣ, которая растается съ тѣломъ, еще тяготѣетъ грѣхъ.... страшный.... грѣхъ убійства!

Какъ съ горячихъ угольевъ, не владѣя собою, дѣвушка при этомъ словѣ выдернула свою руку изъ рукъ Яна.

— Ты дрожишь при одномъ этомъ словѣ, продолжалъ онъ, вперивъ въ собесѣдницу пылающій взоръ свой.... Да ... да.... слушай мою страшную исповѣдь.... Я разскажу тебѣ все.... все! Ты чиста и непорочна.... Ты отмолишь грѣхъ мой.... Богъ услышитъ твою молитву.... И Янъ съ трудомъ приподнялся на локтяхъ. Мускулы его дрожали.... взоръ блуждалъ, то останавливаясь на дальномъ облакѣ, то на старомъ негрѣ....

— Пять лѣтъ тому назадъ, началъ Янъ голосомъ, ослабѣвающимъ съ каждымъ словомъ,—поздно вечеромъ я охотился въ лѣсахъ моей плантаціи. Со мною былъ тогда Юпитеръ.... Мы уже возвращались домой, какъ вдругъ орелъ, или что-то въ родѣ огромной, невиданной дотолѣ мною птицы, сталъ спускаться надъ нашими головами. Суевѣрный негръ въ ужасѣ упалъ на землю,

произнося заклинаніе и принимая орла за страшное видѣніе.... Я-же, быстро сдѣлавъ два шага впередъ — выстрѣлилъ по орлу изъ моей винтовки.... въ тоже мгновеніе къ ногамъ моимъ упалъ трупъ человѣка, съ простреленнымъ черепомъ....

Дрожа всѣми членами, съ глухимъ стономъ отшельница опустилась на стулъ.

— Да.... я убилъ человѣка.... Убилъ того, счастіе котораго мною было разрушено за два года назадъ.... убилъ моего соперника, которому уступилъ мою невѣсту.... Словомъ.... я убилъ того, котораго оплакивала вся Филадельфія.... Жертвою моею былъ Вильямъ Тодтъ !...

— Такъ это ты убилъ моего Вильяма! вскричала скорбная сестра въ исступленіи, бросясь къ плантатору....

— Нелли! съ ужасомъ прошепталъ Янъ Смитъ.... Нелли !... Ты со мною! О, Боже мой! простоналъ онъ, падая въ изнеможеніи на подушки, въ то время, какъ дѣвушка, глухо рыдая, закрыла лицо руками и снова опустилась на стулъ.

— Нѣтъ.... нѣтъ, Нелли! продолжалъ Янъ Смитъ голосомъ раздиравшимъ душу, голосомъ, который болѣе походилъ на вопли умирающаго подъ пыткой.... Не кляни меня! Грѣхъ мой страшенъ.... Зло велико.... Но я призываю въ свидѣтели Бога, что свершилъ его безъ намѣренія.... Нелли, Нелли, не кляни несчастнаго Яна.

Жаръ охватилъ всѣ члены больнаго, и въ тоже мгновеніе смѣнился предсмертнымъ холодомъ. Несчастный, уставя на дѣвушку глаза, полные молитвы, силился прошептать что-то, но языкъ его уже нѣмѣлъ.

Въ эту минуту въ спальню вошелъ пасторъ.

— Что больной? спросилъ онъ.

— Умираетъ.... прошептала Нелли и, поддерживаемая негромъ, она оставила спальню.

Чрезъ четверть часа отецъ Мортимеръ, успѣвшій только исповѣдать умирающаго, вышелъ въ гостиную Яна.

— Богъ принялъ душу кающагося, сказалъ онъ.... Нелли, помолись за него, дочь моя.... на вашу общину и отцу твоему онъ завѣщалъ все свое имѣніе....

Нелли отвѣчала рыданіемъ. Она не имѣла силъ встать; ее отвезли въ общину. На другой день врачъ объявилъ, что она навсегда лишилась двухъ главныхъ даровъ природы: языка и разсудка.

Тайна Вильяма Тодта навсегда потеряна для человѣчества.

В. САВИНОВЪ.

═

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ГОЛЬБЕРГЪ

и

ЕГО ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Исторія новой датской литературы начинается собственно Гольбергомъ, который родился въ Бергенѣ, въ концѣ XVII вѣка (1684). До него словесность въ Даніи представляла жалкую и ничтожную копію литературы германской. Въ Даніи, какъ и вездѣ, она началась хрониками, нравственными сказаніями и мистеріями, оригиналы которыхъ, иногда латинскія, заимствовались обыкновенно у германцевъ. Эти сочиненія и небогатый запасъ мистическихъ легендъ, съ огромнымъ количествомъ рыцарскихъ разсказовъ, составляли, въ первоначальную эпоху, все поэтическое богатство датской литературы. Реформація, распространившись въ Даніи, дала пищу умамъ и произвела значительное вліяніе на самую словесность. Многіе ученые занялись переводомъ и сочиненіемъ поэмъ эпическихъ и сатиръ, направленныхъ противу различныхъ злоупотребленій. Съ другой стороны, духовныя лица, по примѣру Лютера и первыхъ реформаторовъ, начали издавать книги псалмовъ и священныхъ кантовъ, на языкѣ національномъ *.

* *Датскій языкъ* принадлежитъ къ семейству *скандинавскому* или норманоготскому; онъ употребляется датчанами европейскаго матери-

Гольбергъ дожилъ до тридцатилѣтняго возраста, вовсе не подозрѣвая въ себѣ поэтическаго призванія. Въ продолженіе этого періода его жизни, въ который, безъ его вѣдома, талантъ его созрѣвалъ и развивался, судьба его была очень измѣнчива. Онъ началъ свое гражданское поприще капраломъ и окончилъ его профессоромъ метафизики; странныя двѣ крайности для знаменитаго датскаго Мольера!

Изъ прекрасной біографіи Гольберга, написанной имъ самимъ, видно, что единственною страстью его молодыхъ лѣтъ — было непреодолимое желаніе путешествовать.

Чтеніе какихъ-то путевыхъ записокъ заставило двадцатилѣтнаго Гольберга забыть объ обезпеченномъ своемъ положеніи и покинуть родину, Бергенъ, не смотря на увѣщанія друзей и родственниковъ.

Онъ отправляется въ Амстердамъ, въ карманѣ у него только 60 червонцевъ: вскорѣ онъ принужденъ возвратиться въ Норвегію и преподавать тамъ французскій языкъ, который самъ очень плохо знаетъ. Онъ поселился въ Христіанзандѣ.

Вскорѣ у него явился соперникъ. Туда пріѣхалъ голландецъ и началъ оспоривать у него честь и прибыль подобнаго преподаванія; между ними завязалась борьба, и вотъ какъ Гольбергъ разсказываетъ ея послѣдствія: «Назначили день и часъ; мы явились оба и состязались въ присутствіи нашихъ почтительныхъ учениковъ, но разстались съ равнымъ успѣхомъ. Я наносилъ ему удары на французско-норвежскомъ нарѣчіи, онъ отражалъ ихъ на французско-голландскомъ; не знаю былъ ли когда французскій языкъ такъ жестоко искажаемъ, какъ въ этомъ сраженіи».

Вскорѣ страсть къ путешествію опять проснулась въ немъ и вотъ онъ ѣдетъ въ Англію, почти съ такимъ-же богатствомъ, какъ и въ первый разъ. Всегда любопытный и любознательный, онъ рѣшился пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ Оксфордѣ, чтобы

ка, поселенцами острововъ, высшимъ образованнымъ классомъ осторовъ *Ферера* и Исландіи, и норвежцами. Настоящія формы свои онъ получилъ въ XV вѣкѣ, но введеніе нѣмецкаго языка при дворѣ, вредило успѣхамъ литературы до XVIII вѣка. Датскіе писатели очень удачно обработывали всѣ отрасли словесности и смягчали родной языкъ ,который представляетъ удивительную простоту въ грамматическихъ формахъ. Онъ проще шведскаго, но уступаетъ ему въ гармоніи и важности. Мальтъ-Бренъ сказалъ, что датскій языкъ скорѣе подходитъ къ англійскому и французскому, чѣмъ къ тевтоническому. Датскій языкъ очень обиленъ діалектами.

воспользоваться лекціями тамошняго университета, но нужда заставила его возвратиться въ Данію, гдѣ онъ попытался, для существованія, извлечь пользу изъ знаній, пріобрѣтенныхъ во время путешествія. Смѣло объявилъ онъ какой-то ученый курсъ и на зовъ его сбирались толпами. «Но, говоритъ онъ, когда я потребовалъ уплаты, слушатели мои нашли средство сдѣлаться невидимками, и единственная награда, полученная мною за труды, состояла въ глубокихъ поклонахъ, которыми привѣтствали меня при встрѣчахъ мои ученики».

Наконецъ онъ получилъ мѣсто, которое лучше согласовалось съ его характеромъ, тѣмъ болѣе, что представляло ему возможность путешествовать. Ему поручили образованіе молодаго человѣка, и съ нимъ онъ отправился въ Германію. Мы встрѣчаемъ скорѣе комическаго поэта, чѣмъ будущаго профессора, въ его описаніяхъ.

По возвращеніи въ Данію, изъ третьей поѣздки, онъ явился въ первый разъ на литературномъ поприщѣ, съ нѣсколькими незначительными историческими трудами. Онъ былъ причисленъ къ университету и, пользуясь порученіемъ осмотрѣть высшія лютеранскія училища въ Голландіи, предпринялъ новую поѣздку, которая незамѣтно привела его въ Парижъ и Римъ.

Въ Парижѣ, его самолюбіе французскаго учитель, жестоко поражено было трактирною прислужницею, которая безъ обиняковъ сказала ему, что по-французски онъ говоритъ не лучше испанской коровы. Впрочемъ, подобныхъ непріятностей много навлекло ему его датское произношеніе. Онъ разсказываетъ, что спрашивая у книгопродавца сочиненія Дюшена, получилъ отъ него Лукіяна, и на вопросъ: нѣтъ-ли квартиры? (logis — по его произношенію louchi), ему отвѣчали, что не знаютъ никакой дѣвицы Люши.

Не имѣя возможности, по незнанію языка и правильному его произношенію, извлечь большія выгоды изъ парижской бесѣды, онъ проводилъ все время въ многолюдныхъ публичныхъ садахъ и въ библіотекахъ, гдѣ не было никого, кромѣ студентовъ, онъ приходилъ ранѣе впуска и бросался съ жадностію на словарь Байля, литературную новость того времени, когда еще въ ходу были in-folio, какъ нынче брошюры.

Странно слышать отъ самаго Гольберга его сужденія о Ліонѣ: «Мнѣ казалось, что предо мною новый міръ, потому что жители Ліона отличаются отъ сѣверныхъ обитателей Франціи языкомъ,

нравами и образомъ жизни.» Но съ тѣхъ поръ прошло столѣтіе и всѣ оттѣнки изчезли.

Въ этой поѣздкѣ Гольбергъ является всегда одинаковымъ: онъ жаждетъ новыхъ знаній и открытій, преодолѣваетъ всѣ трудности, переноситъ всѣ лишенія и часто для господствующей страсти своей подвергается сильнымъ непріятностямъ. Во Франціи и Италіи онъ страдалъ лихорадкою, отъ которой, по возвращеніи на родину, вылечилъ его концертъ. Среди неудовольствій и опасностей, онъ постоянно занятъ наблюденіемъ человѣческой натуры и въ особенности подмѣчаетъ ея смѣшную сторону. То, удрученный болѣзнію, онъ въ рукахъ грубаго генуэзскаго трактирщика, то на кораблѣ, окруженномъ пиратами, среди битвы, рыданій, мольбы и обѣтовъ экипажа; наконецъ, въ Римѣ онъ принужденъ, изъ экономіи, самъ готовить себѣ обѣдъ, въ одной рукѣ держа книгу, а въ другой суповую ложку и убѣждаясь на дѣлѣ, что не легко въ одно и тоже время быть философомъ и поваромъ.

При всѣхъ непріятностяхъ жизни онъ всегда занятъ комическимъ эфектомъ, который производятъ на него другія или на оборотъ; забавныя сцены или какое нибудь странное положеніе заставляютъ его забывать грустную невзгоду; описывая себя, онъ смѣется надъ самимъ собою.

Странническая, безпокойная жизнь почти необходима для образованія сатирическаго и комическаго поэта; пороки и характеры людей узнаются всего болѣе, когда бываешь тѣсно связанъ съ ними въ тяжкихъ отношеніяхъ жизни; нужды въ людяхъ заставляютъ изучать ихъ.

Впрочемъ, этотъ опытный взглядъ на вещи мы видимъ и у Сервантеса, солдата въ Лепантѣ, невольника у Мавровъ, у Гольдсмита, у Гольдони и у Мольера, который долго странствовалъ по провинціямъ; наконецъ, по странному сближенію, въ то время, какъ Норвегія, въ лицѣ Гольберга, обозрѣвала Францію и Италію, Реньяръ, и самъ того не зная, готовился къ такому-же поприщу, и послѣ долгаго странствованія и безчисленныхъ приключеній. — вырѣзывалъ еще неизвѣстное имя свое на скалахъ Лапландіи.

По возвращеніи изъ послѣдняго путешествія, продолжительнаго и отдаленнаго, Гольбергъ принужденъ былъ ждать увольненія профессора, котораго каѳедра была ему предназначена. Черезъ нѣсколько времени явилась ожиданная ваканція, но судьба играла Гольбергомъ, и вмѣсто исторіи, ему препоручили препода-

вать метафизику. Эта, такъ называемая метафизика, была просто варварская школьная логика, внушавшая отвращеніе пылкому воображенію Гольберга и его здравому смыслу, основанному на опытѣ. «По этому, говоритъ онъ, при моемъ назначеніи, пріятели мои, знавшіе мое направленіе, предсказывали этой почтенной наукѣ скорый конецъ, и не ошиблись.... Признаюсь откровенно, я не послѣдовалъ моимъ предшественникамъ и никогда метафизика не была въ такой опасности, какъ подъ моимъ покровительствомъ. Въ началѣ я старался скрывать мои мнѣнія, но вскорѣ, по вступленіи, прочелъ рѣчь въ честь метафизики и эта рѣчь привела въ гнѣвъ всѣхъ истинныхъ поборниковъ метафизики, имъ показалось, что вмѣсто панегирика, я произнесъ ей надгробіе.»

Гольбергъ снова принялся за историческіе труды, къ которымъ чувствовалъ болѣе расположенія. Изъ бездны изысканій, компиляцій и латинскихъ диссертацій родилось его первое поэтическое произведеніе. Этотъ случай удивилъ его самого: до-тѣхъ поръ онъ не чувствовалъ никакого влеченія къ поэзіи. Она внушала ему даже отвращеніе; и если иногда онъ читалъ латинскихъ поэтовъ, то дѣлалъ усиліе надъ собою для изученія ихъ языка. «Это было для меня, говоритъ онъ, что-то въ родѣ непріятной микстуры, которую принимаешь по предписанію врача.»

Однако, въ одинъ прекрасный день, утомясь отъ поэмъ, эпитоламъ, эпитафій, которыя сыпались градомъ вокругъ него, онъ рѣшился испытать счастія на поэтическомъ поприщѣ, и для пробы избралъ шестую сатиру Ювенала, самую сильную, ѣдкую и перевелъ ее въ стихахъ. Этотъ человѣкъ, которому назначено было судьбою положить основаніе датской поэзіи, тогда не зналъ еще простыхъ правилъ версификаціи. Одинъ изъ друзей передалъ ему техническія условія искусства и первымъ произведеніемъ Гольберга былъ «Петеръ Порсъ» (Paars), герои-комическая поэма, въ которой разсказываются съ гомерическою важностью похожденія датскаго ремесленника, отправляющагося за нѣсколько верстъ отъ города на свиданіе съ невѣстою. Эта шуточная Одиссея имѣла огромный успѣхъ: «Петеръ Порсъ», въ продолженіе полутора года, былъ перепечатанъ три раза, чего еще не случалось до-тѣхъ-поръ ни съ однимъ изъ датскихъ сочиненій. Критика, зависть и всевозможныя непріятности ливмя полились на человѣка, подарившаго своему отечеству памятникъ, которымъ оно могло гордиться передъ Англіею и Франціею. Разсказывать все это въ подробности, значитъ писать другую комическою эпопею, но гораздо скучнѣйшую Гольберговой.

За «Петеръ Порсомъ» слѣдовали пять сатиръ, но потомъ Голь-

бергъ, наскучивъ нападками, которыя породилъ противъ него его колкій юморъ, бросилъ стихотворство для исторіи и занялся продолженіемъ прежде начатаго разсужденія о духовномъ и гражданскомъ устройствѣ Даніи и Норвегіи. Но среди ученыхъ изысканій, комическій геній пробудился въ немъ съ новою силой и у него родилась мысль устроить въ Даніи національный театръ. Черезъ три года (1722—25), эта мысль осуществилась. Гольбергъ основалъ въ Копенгагенѣ, съ помощію французскихъ артистовъ, театръ, и далъ на немъ около двадцати комедій. Извѣстностью своею онъ преимущественно одолженъ своимъ комическимъ произведеніямъ, и мы бросимъ взглядъ на содержаніе замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ.

Первая и одна изъ лучшихъ комедій Гольберга, безъ сомнѣнія, «Оловянщикъ - Политикъ.» Въ переводѣ эта пьеса не удавалась,— трудно передать истинно національный комизмъ, которымъ она отличается.

Оловянщикъ, — человѣкъ превосходный, но у него маленькій недостатокъ: — онъ любитъ заниматься дѣлами Европы и забывает ъ о своихъ собственныхъ. Чтобъ вылечить его отъ этой маніи, вздумали увѣрить бѣднаго мастера, что онъ назначенъ бургомистромъ. Разумѣется, такое достоинство кружитъ ему голову. Вотъ приказанія, которыя онъ отдаетъ, по этому случаю, своему слугѣ и женѣ своей:

Германъ. Послушай, Генрихъ!

Генрихъ. Что, хозяинъ?

Германъ. Чудакъ! не смѣй называть меня впередъ такимъ именемъ. Если я позову тебя, ты отвѣчай: ваша милость! И если кто меня спроситъ, говори: господинъ бургомистръ фонъ-Бременфельдъ дома.

Генрихъ. А когда вашей милости нѣтъ дома, также надо отвѣчать?

Германъ. Дуракъ! Если я ушелъ со двора, ты говори: его милости, господина бургомистра фонъ - Бременфельда нѣтъ дома; когда я не захочу быть дома, надо отвѣчать: господинъ бургомистръ не даетъ сегодня аудіенціи. — (*Женѣ.*) Послушай, душа моя, вели поскорѣе приготовить кофе для совѣтницъ, которыя, навѣрное, пріѣдутъ къ тебѣ съ визитомъ; теперь всѣ объ насъ должны говорить, что бургомистръ фонъ - Бременфельдъ даетъ полезные совѣты, а его жена угощаетъ славнымъ кофе. Только я боюсь, душа моя, чтобы ты не сдѣлала какого нибудь промаха, не привыкнувъ еще къ новому званію! — Генрихъ, принеси скорѣй подносъ съ чашками, да пусть кухарка купитъ кофе на четыре шиллинга,

время не уйдетъ, послѣ можно и побольше купить.—Отнынѣ, милая, поставь себѣ за правило—говорить какъ можно меньше, пока не выучишься объясняться на знатный манеръ. Не будь слишкомъ застѣнчива, но держись смѣло и гордо, и въ особенности постарайся выкинуть изъ головы ремесло оловянщика, и показывай видъ, что ты всегда была женою бургомистра. Утромъ, чтобъ у насъ былъ чай на столѣ для посѣтителей; вечеромъ кофе и карточная игра. Есть какая-то игра, называемая ломберомъ; я сейчасъ далъ-бы сто червонцевъ, чтобъ наша дочь, дѣвица Энгельке, ее знала. Ты также должна выучиться этой игрѣ; для этого повнимательнѣй замѣчай за гостями, когда они играютъ. Утромъ вы будете вставать часовъ въ девять или въ половинѣ десятаго; одни простолюдины встаютъ съ восходомъ солнца. Впрочемъ, по воскресеньямъ, можешь вставать пораньше, какъ я, когда мнѣ надо припасать лекарство. Я тебѣ подарю дорогую табакерку, которую ты всегда должна держать возлѣ себя на столѣ, когда будешь играть въ карты. Когда кто пьетъ за твое здоровье, говори: не «покорно благодарю», а «très-humble serviteur». Когда тебѣ захочется зѣвнуть, не закрывай рта рукою, такъ не водится между благородными людьми; въ обществѣ надо держать себя, какъ можно развязнѣе.... Ахъ! погоди, я еще что-то вспомнилъ.... У тебя будетъ болонка.... люби ее, какъ собственную дочь, такъ принято въ высшемъ кругу; у жены нашего сосѣда Аріанкэ премиленькая собачка; она на время одолжитъ намъ ее. Твоя собака должна носить французскую кличку, я позабочусь объ этомъ—въ свободное время. Держи всегда собачку на колѣнахъ и при гостяхъ цѣлуй ее, какъ можно чаще.»

Но вскорѣ новый бургомистръ начинаетъ чувствовать невыгоды власти и непріятности политики: утомленный преніями двухъ адвокатовъ, которые наговорили ему съ три короба о Юстиніянѣ и Гроціѣ, онъ получаетъ отъ синдика огромную кипу бумагъ съ просьбою рѣшить ихъ. Тщетно стараясь понять сущность дѣлъ, онъ говоритъ: «Не такъ легко быть бургомистромъ, какъ я думалъ, Генрихъ! Мнѣ надо просмотрѣть бездну бумагъ, въ которыхъ и самъ дьяволъ ничего не разберетъ.» — Онъ принимается писать, встаетъ, отираетъ лобъ, снова сядится и зачеркиваетъ написанное. — Генрихъ!

Генрихъ. Что угодно вашей милости?

Германъ. Не стучи! Видишь, я занятъ! ты меня безпокоишь!

Генрихъ. Я не трогаюсь съ мѣста, господинъ бургомистръ!

Германъ. (*Опять встаетъ, утираетъ съ лица потъ, бро-*

саетъ на полъ свой парикъ, чтобы свободнѣе размышлять съ открытою головою; прохаживается, наступаетъ на парикъ, кидаетъ его всторону и снова садится писать). Генрихъ!

Генрихъ. Что прикажете, господинъ бургомистръ?

Германъ. Смотри у меня.... я вѣдь и того... если ты не будешь смирнѣе!... вотъ уже въ другой разъ ты разстроиваешь мои мысли.

Генрихъ. Помилуйте, господинъ бургомистръ!...

Германъ. Поди, скажи торговкамъ, чтобъ онѣ не кричали, когда проходятъ по улицѣ. Это мѣшаетъ моимъ политическимъ расчетамъ.

Генрихъ въ самомъ дѣлѣ запрещаетъ торговкамъ кричать.— «Но, прибавляетъ онъ, только что одна пройдетъ, смотришь тамъ другая, такъ....

Германъ. Ни слова больше; будь самъ посмирнѣе и молчи. (*Онъ снова садится, зачеркиваетъ написанное, потомъ пишетъ, наконецъ вскакиваетъ, топаетъ отъ досады и кричитъ*) — Генрихъ!

Генрихъ. Что угодно, господинъ бургомистръ?

Германъ. Провалъ возьми мою должность! Не хочешь-ли быть бургомистромъ вмѣсто меня?

Постепенность этого замѣшательства непризваннаго бургомистра и отчаяніе, которымъ оно оканчивается, дышатъ самымъ наивнымъ и естественнымъ комизмомъ.

Но бѣдный охотникъ до политики не достигъ еще конца своихъ затрудненій. Два нескончаемыя прошенія, противуположнаго содержанія, на которыя онъ долженъ отвѣчать, наказаніе подгулявшихъ матросовъ, и тысяча другихъ непріятностей разстроиваютъ совершенно его бѣдную голову. Онъ хочетъ сложить съ себя тягостную должность, но ему не позволяютъ этого сдѣлать. Тогда гнѣвъ его не знаетъ границъ и онъ придирается къ своему слугѣ. — «Генрихъ, говоритъ онъ, неужели ты не въ состояніи мнѣ помочь? послѣ этого ты глупое животное! Растолкуй мнѣ дѣла такъ, чтобъ я понялъ ихъ; а не то я.... я.... я самъ не знаю, что сдѣлаю.... При такомъ положеніи дѣлъ, разумѣется, онъ считаетъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, узнавъ, что надъ нимъ пошутили и что онъ вовсе не бургомистръ. Радуясь этому открытію, онъ радикально вылечивается отъ притязаній на политику и возвращается къ своимъ оловяннымъ издѣліямъ.

«Іоганнъ по возвращеніи изъ Франціи» — комедія, въ которой выведенъ молодой безумецъ, забывшій въ Парижѣ родной датскій языкъ и не выучившійся по-французски. Онъ вводитъ въ

нѣдра старинныхъ патріархальныхъ нравовъ Копенгагена глупое подражаніе парижской развязности и вольности временъ регенства. Въ этой пьесѣ особенно осмѣяна глупая, слѣпая любовь къ дѣтямъ, не позволяющая матерямъ видѣть развивающихся въ нихъ пороковъ, и потомъ величайшее изъ нравственныхъ преступленій, забвеніе должной любви и почтенія къ родителямъ.

Гольбергъ страшно караетъ за этотъ порокъ и потому у него именно и поразительна та сцена, гдѣ Іоганнъ, забывъ долгъ сыновняго почтенія, заставляетъ свою старушку мать танцовать съ собою менуэтъ. Отецъ сначала смѣется надъ курьезнымъ положеніемъ своей жены, которая, по его мнѣнію, достойно наказана за слѣпую слабость свою къ сыновнимъ шалостямъ. Но наступаетъ и его очередь: Іоганнъ, танцуя съ матерью, принуждаетъ отца пѣть. Добрякъ не соглашается; но сынъ въ глубокомъ легкомысліи и его заставляетъ наконецъ уступить. Старики сами видятъ, какъ они смѣшны, вслѣдствіе потворства сыновнему сумасбродству, и отеческія слезы, текущія среди смѣшной сцены, представляютъ въ этой комедіи патетическій элементъ, полный сильнаго и серьезнаго комизма и высокой нравственности.

Сюжетъ «Пробужденія отъ сна» и до Гольберга часто являлся на сценѣ, но подъ его перомъ онъ былъ обновленъ оригинальнымъ характеромъ ютландскаго крестьянина, героя пьесы. Автору хотѣлось показать, до чего можетъ довести простаго человѣка упадокъ нравственныхъ силъ, которымъ не дано должнаго развитія. Характеръ его героя, бѣдняка Іеппэ, унизителенъ; онъ лѣнивъ, склоненъ къ чувственности, наглъ и при возможности, способенъ даже сдѣлаться извергомъ. Есть что-то скотское, что-то напоминающее Шекспировскаго Калибана, въ терпѣливости, съ которою онъ переноситъ войны и брань своей жены, и въ его неодолимой, дикой страсти къ вину. Грозная половина поручила ему сдѣлать закупки въ сосѣднемъ городѣ; надо отдать ей отчетъ въ каждомъ шеллингѣ, а ихъ таки порядкомъ не достанетъ. Іеппэ, проходя мимо корчмы, не можетъ устоять противъ желанія выпить хоть на шеллингъ. Потомъ онъ намѣревается продолжать свой путь, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, останавливается и разсуждаетъ: «Ахъ! выпить-бы еще на шеллингъ? Что еслибъ я попробовалъ выпить еще на шеллингъ! кажется можно. — Нѣтъ, старуха такой гвалтъ подниметъ, что поплатишься и не шеллингомъ; хоть-бы корчма-то изъ глазъ пропала, все было-бы легче, а то вотъ словно кто за полы дергаетъ.— Ну, выпить, такъ выпить, пойдемъ. Что это? Никакъ жена! Экой вздоръ, Іеппэ? — Ужъ она тебѣ мерещится на каждомъ пе-

рекресткѣ, съ метлою въ рукахъ! Перейти развѣ черезъ дорогу. Вотъ испугался! выпилъ-бы еще на шеллингъ! Глотка поетъ: вернись въ корчму! а спина: не ходи! Вотъ слушать! глотка все таки разумнѣе спины.... развѣ постучаться? Эй, Якобъ, слышишь, Якобъ!.. Тамъ когда еще узнаетъ, а здѣсь.... Одна бѣда — сильна баба, а вино меня какъ-то ослабляетъ, а то-бы... ну, что? какъ-же порѣшить? Эхъ, братъ Іеппэ, пересиль себя; вѣдь совѣстно, право, за поганый стаканъ водки въ бѣду попадешь?... Нѣтъ, ужъ нынче-то этого не случится! Ну, подвигайся, что-ли! — А важно-бы пропустить еще на шеллингъ! Худо что я попробовалъ, теперь уйдти не могу!... Эй, ноги, подвигайтесь... Лѣшій-бы васъ переломилъ, если идти не хотите. Не слушаются, бестіи: что станешь дѣлать съ ногами, такъ и наровятъ въ корчму, и тѣло-то мое споръ ведетъ: глотка и ноги хотятъ въ корчму, спина зоветъ въ городъ. Двинитесь-ли вы, собаки! скоты безчувственные! Нѣтъ, упрямы, все въ корчму.... Труднѣе мнѣ ноги вытащить отсюда, чѣмъ вывести сивую лошадь изъ конюшни. Ну, что, если я только на шеллингъ выпью, можетъ Якобъ и повѣритъ мнѣ на шеллингъ или на два, коли попросить его хорошенько? Ну, Якобъ, налейка еще стаканчикъ на два шеллинга.»

Наконецъ Іеппэ уступаетъ искушенію, пропиваетъ всѣ деньги, полученныя отъ жены и падаетъ за-мертво.

Въ этомъ состояніи находитъ его проѣзжій баронъ, приказываетъ перенести въ свой зáмокъ, одѣть какъ можно богаче и положить на свою кровать. Не станемъ говорить объ удивленіи, которое, просыпаясь, испытываетъ Іеппэ, это неизбѣжное и избитое условіе сюжета; лицо, выведенное Гольбергомъ, показываетъ при этомъ всю низость, жадность и порочность своей природы. Прійдя въ себя отъ перваго удивленія, Іеппэ видитъ кольцо на пальцѣ своего секретаря. — «Гдѣ ты взялъ это кольцо?»

Секретарь. Ваше высокомочіе сами пожаловали мнѣ его.

Іеппэ. Не помню. Подай сюда, вѣрно я отдалъ его въ пьяномъ видѣ; такихъ колецъ не дарятъ. Я хочу осмотрѣть другія вещи, которыя вы получили. Мои слуги должны быть довольны жалованьемъ и пищей, которую имъ даютъ.... А подарки — это глупая роскошь.... (*Всторону*). И для чего я сталъ-бы дарить? Кольцо стоитъ по крайней-мѣрѣ десять червонцевъ! Нѣтъ, нѣтъ, пріятель, впередъ этого не будетъ.... Помните, что я говорю: я дѣлаю вамъ подарки вечеромъ, когда бываю пьянъ, надо возвращать мнѣ ихъ утромъ. Слышите-ли? Если слуги получаютъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, они становятся безсовѣстными и смѣются надъ господами. — Сколько ты получаешь жалованья?

Секретарь. Ваше высокомочіе всегда платили мнѣ двѣсти червонцевъ въ годъ.

Іеппэ. Слышите! Двѣсти червонцевъ! А стоишь-ли ты двухсотъ червонцевъ?... Я работаю, какъ лошадь, съ утра до вечера... а могу едва.... Брръ! Опять бредъ на меня напалъ. — Стаканъ вина!... (*Пьетъ.*) Двѣсти чернонцевъ! вотъ, что называется драть кожу съ своего господина. Послушайте, пріятели, я намѣренъ съ вами раздѣлаться, и когда пообѣдаю, прикажу всѣхъ васъ повыгнать въ шею. Вы увидите, что надо мной нельзя смѣяться въ денежныхъ дѣлахъ. Позвать ко мнѣ старосту.

Приходитъ староста; у него серебряныя пуговицы и богатый кушакъ.

— Ваше высокомочіе приказали явиться....

Іеппэ. Да, любезный, съ тебя я начну, тебѣ первый подзатыльникъ.

Староста. Я, кажется, ничѣмъ не оскорбилъ вашего высокомочія, за что-же мнѣ подзатыльникъ?

Іеппэ. Вѣдь ты староста?

Староста. Староста, ваше высокомочіе!

Іеппэ. И ты еще спрашиваешь, за что я хочу тебя выгнать! Сколько тебѣ идетъ жалованья?

Староста. Пятьдесятъ червонцевъ въ годъ.

Іеппэ. Пятьдесятъ червонцевъ! — Вонъ сію-минуту.

Староста. За годъ такой трудной обязанности этого не много, ваше высокомочіе.

Іеппэ. Правда, за то-то я тебя и сгоню.... Да, за то, что ты получаешь только пятьдесятъ червонцевъ. Какъ! у тебя кафтанъ съ серебряными пуговицами, тонкіе нарукавники, коса въ шелковомъ кошелькѣ, а ты получаешь только пятьдесятъ червонцевъ въ годъ! Разумѣется, ты принужденъ обкрадывать меня, бѣднаго человѣка! — Иначе изъ какихъ доходовъ сталъ-бы ты такъ наряжаться!

Староста. Ахъ! милостивый господинъ, пощадите меня хоть для бѣдной жены и малолѣтнихъ дѣтей!

Іеппэ. А много у тебя дѣтей!

Староста. Семеро и всѣ живы, ваше высокомочіе.

Іеппэ. Скажите! семеро живыхъ дѣтей: ну, секретарь, спровадь мнѣ поскорѣе этого негодяя.

Секретарь. Помилуйте, ваше высокомочіе, вѣдь я не дворецкій.

Іеппэ. А, не дворецкій, такъ можешь сдѣлаться имъ, кажется, ты на все мастеръ. Когда его выгонишь, я и тебя велю выгнать.

Староста. О! добрѣйшій господинъ, неужели вы не простите насъ?

Іеппэ. Пятьдесятъ червонцевъ, жена и семеро дѣтей! Если никто не возьмется тебя отработать, я самъ тебя въ зашеи.

Другая пьеса, «Комната родильницы», основана на датскомъ обычаѣ, по которому разрѣшившаяся отъ бремени женщина посѣщается всѣми знакомыми. Гольбергъ, пользуясь этимъ обычаемъ, рисуетъ съ неподражаемой вѣрностью странности мелкаго мѣщанства того времени и рѣзко изображаетъ сплетни и жеманство всѣхъ копенгагенскихъ кумушекъ.

Комическій эффектъ картины усиленъ жалобами мужа, разоряющагося для посѣтителей на кофе, сахаръ и ликеры, и несущаго всю тяжесть хозяйственныхъ распоряженій; къ довершенію горя онъ начинаетъ жестоко сомнѣваться въ своемъ родительскомъ счастіи, которое такъ дорого обходится ему. Понятно, что это безпокойство, усиленное побочными обстоятельствами, дѣлаетъ его положеніе комическимъ и придаетъ живость его негодованію противъ *посѣщеній родильницъ*. Въ числѣ пріятельницъ, навѣщающихъ больную, она принимаетъ знатную даму, которая смотритъ съ удивительною философіею на преимущества своего происхожденія.

Я не презираю людей низшаго класса, говоритъ она, хотя оно мнѣ и слѣдовало-бы. Вообразите, я до того простерла смиреніе, что рѣшилась даже занять у моего портнаго — десять червонцевъ и клянусь вамъ, не хвастуюсь.

Родильница. Вашъ портной слишкомъ безсовѣстенъ, что осмѣлился ссужать деньгами даму вашего достоинства! Глупецъ долженъ былъ догадаться, что вамъ угодно было только испытать его.

Знатная дама. Сначала онъ раздумывалъ, пожималъ плечами, какъ-бы говоря: Я не ожидалъ такой чести; но потомъ, увѣрясь, что я не шучу, онъ поспѣшилъ вручить мнѣ десять червонцевъ съ глубокимъ вздохомъ, выражавшимъ: Ахъ! если бы всѣ знатныя дамы были похожи на эту! — Я увѣрена, что добрякъ вездѣ теперь прославляетъ меня до небесъ; другая, на моемъ мѣстѣ, не рѣшилась-бы на такой поступокъ, не правда-ли?

Родильница. О, разумѣется, нѣтъ!

Знатная дама. Но это ничего не значитъ! — Мы всѣ люди. Даже съ вами я готова поступить такимъ-же образомъ и это нисколько не унизитъ меня.... Дайте мнѣ, пожалуйста, десять червонцевъ, я сейчасъ-же пришлю ихъ вамъ назадъ.

Родильница. Помилуйте, сударыня, неужели вамъ пріятно забавляться на мой счетъ? — Правда, я проста, но все-таки понимаю вещи лучше вашего портнаго.

Знатная дама. Нѣтъ, право, я не шучу.

Родильница. Ахъ! сударыня, никогда въ жизни не рѣшусь я на такую глупость. Сами посудите, идутъ-ли мои деньги къ вашей знатности.

Потомъ являются врачи, цирюльники, гадальщицы. Безпокойство мужа возрастаетъ, но наконецъ онъ увѣряется самъ болѣе зрителя въ невѣрности своихъ догадокъ.

Гольбергъ неподражаемъ въ настоящемъ фарсѣ. Неистощимый огонь сатиры и веселости одушевляетъ всѣ его пьесы, которыя, въ частностяхъ, страдаютъ, впрочемъ, довольно замѣтными недостатками.

Одтоактная комедія, подъ заглавіемъ «Зимній праздникъ» незначительная по сюжету, имѣла, вначалѣ, народный и громкій успѣхъ. Она изображаетъ вѣрно и живо причудливыя увеселенія, существовавшія при Гольбергѣ, въ продолженіе зимнихъ праздниковъ. Это смѣшной и искаженный остатокъ языческихъ торжествъ, которыми древняя миѳологія скандинавовъ ознаменовывала зимнее солнцестояніе; и языческое преданіе сохранилось еще въ народѣ, озаренномъ уже давно свѣтомъ истинной вѣры.

Для Гольберга педантизмъ былъ личнымъ врагомъ; съ нимъ онъ велъ постоянную борьбу и нападалъ на него почти во всѣхъ своихъ комедіяхъ. Особенно въ «Мнимомъ ученомъ» предается онъ вполнѣ своему негодованію. Молодой крестьянинъ, недоучившійся въ университетѣ, возвращается въ свою деревню, и гордостью и дурнымъ латинизмомъ приводитъ въ отчаяніе брата, невѣсту и даже добраго старичка пастора. Есть сцена полная комической силы. Пріобрѣтя нѣкоторое уваженіе смѣшнымъ и надутымъ нарѣчіемъ, онъ падаетъ во мнѣніи земляковъ за нѣсколько неоспоримыхъ истинъ. Бѣднякъ вздумалъ объяснять обращеніе земли вокругъ солнца! Съ этой минуты всѣ возстаютъ противъ него и репутація его потеряна.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія мы взглянемъ на одну смѣшную и замысловатую пародію на пьесы, взятыя съ нѣмецкаго, которыя до него сбывались порядочно въ Даніи, а въ послѣдствіи

оспоривали преимущество у его театра, устроеннаго французскими актерами, подъ вліяніемъ комедіи Мольера. Онъ превесело осмѣиваетъ неправильную форму, господствовавшую вездѣ въ драматическомъ искусствѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ, непринятую во Франціи разборчивымъ геніемъ Расина и возведенную Шекспиромъ на высоту искусства. Французская сцена была бы свободнѣе и очищеннѣе англійской, если-бы великій Корнель не испугался грубаго педантства и поверхностной эрудиціи своихъ критиковъ и не наложилъ-бы на себя добровольныхъ цѣпей. Впрочемъ пьесы, осмѣянныя Гольбергомъ, вполнѣ заслуживали сатиры. Въ нихъ преобладали несообразности характеровъ, напыщенный и непонятный языкъ, отсутствіе истины и вѣроятности: то были не дивныя созданія Шекспира, но мелкія копіи Гарди.

Въ этотъ разъ Гольбергъ не подражалъ Мольеру: онъ, кажется, вспомнилъ объ итальянскомъ театрѣ, который посѣщалъ въ свою бытность въ Парижѣ. Не стѣсняясь, онъ играетъ, по примѣру тѣхъ, кого осмѣиваетъ, временемъ и мѣстностью, возможнымъ и невѣроятнымъ. Венера, Улиссъ, Маркольфій, Митридатъ, крестьяне, евреи и смѣшной слуга, пространство сорока лѣтъ и цѣлая земля, все это составляетъ пьесу, которую онъ назвалъ «Нѣмецкой комедіей». Онъ умно шутитъ надъ пороками и заблужденіями воображенія; забавляя глупостью, часто встрѣчаемою въ произведеніяхъ такого рода, пьеса его доставляетъ удовольствіе зрителю.

Среди бездны несообразностей встрѣчаются мѣста замѣчательныя. Вотъ какъ разсуждаетъ Хиліанъ, слуга Улисса, о быстромъ ходѣ времени: «По крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, еслибъ я понюхалъ табаку, чтобъ освѣжить голову! А то у меня, кажется, лихорадка въ мозгу. Я увѣренъ, господинъ мой, возвратясь, опять скажетъ, что десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нимъ толковали. По этому счету, домой мы вернемся не раньше пяти, шести тысячъ лѣтъ.... Мы вѣдь не бѣжимъ за временемъ, время-то скачетъ себѣ, а мы не двигаемся. Да одно-ли время бѣжитъ отъ насъ: земля исчезаетъ подъ нашими ногами. Часто, когда я набиваю трубку, мы на Востокѣ; она не выкурена, а ужъ мы на Западѣ!»

Наконецъ, по пріѣздѣ въ Итаку, Улиссъ одѣвается великолѣпно, чтобъ внушить почтеніе своимъ недоброжелателямъ и засыпаетъ: онъ пробужденъ двумя жидами тряпичниками. Они отнимаютъ у него театральный костюмъ, который дали ему для роли и требуютъ платежа. Этотъ внезапный переходъ отъ вымысла къ дѣй-

ствительности пробуждаетъ и зрителя, возвращающагося какъ будто отъ мечты, изъ фантистическаго міра, куда его завело воображеніе Гольберга и откуда оно низвергло его вдругъ, неожиданно, по одной прихоти автора.

Послѣ трехлѣтнихъ работъ и постоянныхъ успѣховъ, Гольбергъ почувствовалъ истощеніе силъ и отправился на воды въ Ахенъ, а оттуда снова проѣхалъ въ Парижъ. Въ этотъ разъ дѣла его были въ лучшемъ состояніи и позволяли ему посѣщать собранія кофейной Маріонъ, гдѣ предсѣдательствовалъ Ламотъ. Гольбергъ гордился знакомствомъ ученыхъ и видѣлся часто съ Монфокономъ; съ ними любилъ онъ разсуждать о древностяхъ и религіи. Наконецъ Фонтенель, вѣроятно изъ учтивости, сказалъ ему однажды, что онъ очень уважаетъ заслуги датчанъ въ наукахъ.

Во время перваго пребыванія въ Парижѣ, онъ довольно хорошо изучилъ французскій языкъ и по этому могъ перевести двѣ изъ своихъ пьесъ, которыя намѣревался отдать на сцену итальянскаго театра.

Онъ перевелъ «Оловянщика» для Риккобони, или Леліуса, какъ онъ называетъ его, который находился тогда въ Фонтенебло съ своею труппою. Леліусъ отвѣчалъ, что пьеса превосходна во всѣхъ отношеніяхъ, «tutta maravigliosa»; но онъ боялся знатныхъ особъ, которыя могутъ принять комедію Гольберга за сатиру. Гольбергъ былъ очень огорченъ этимъ принужденіемъ въ дѣлѣ искусства. Онъ сожалѣлъ также объ упадкѣ комедіи и приходилъ въ негодованіе, видя, что театръ пустъ, когда играли Мольера, и пополнялся биткомъ въ представленія фарса. Гольбергъ вовсе не раздѣлялъ мнѣнія германскаго критика, который фарсъ Леграна ставилъ выше «Тартюфа».

Возвратясь изъ пятой поѣздки за-границу, Гольбергъ окончилъ и издалъ сочиненіе особаго рода. Это Овидіевы превращенія на изнанку. Растенія и животныя превращены въ людей, и все дышетъ самой язвительной сатирой. Такъ козелъ дѣлается философомъ, потому что онъ надѣленъ бородой и заносчивымъ характеромъ. Эта поэма, гдѣ насмѣшка иногда замысловата, но вообще холодна и причудлива, воздвигнула снова противъ Гольберга цѣлый легіонъ жесточайшихъ нападокъ. Его обвиняли во всевозможныхъ преступленіяхъ противъ искусства и общества за самую невинную шутку. Гольбергъ разсердился на невѣрныя нападки и въ одномъ изъ предисловій объявилъ, что не хочетъ болѣе ссориться съ человѣческимъ родомъ, который, въ ослѣпленіи гнѣва, очень несправедливъ. Онъ покинулъ сатиру и возвратился къ исторіи.

Труды его на этомъ поприщѣ не принадлежатъ нашему обозрѣнію. Въ нихъ встрѣчаются мѣста, обработанныя превосходно. Среди многочисленныхъ историческихъ, статистическихъ и географическихъ занятій, Гольбергъ написалъ еще нѣсколько комедій, впрочемъ, уступающихъ въ достоинствѣ первымъ. Наконецъ, въ 1741 году, явилось на латинскомъ языкѣ одно изъ удивительныхъ произведеній Гольберга: «Подземныя странствованія Николая Клима». Это былъ послѣдній плодъ его сатирическаго генія.

Тринадцать лѣтъ спустя онъ умеръ, въ 1754 году, богатымъ, уважаемымъ, *барономъ* — онъ — Гольбергъ, написавшій подражаніе «Мѣщанину во дворянствѣ».

«Николай Климъ», шутка Свифта, доведенная do nec plus ultra; это смѣлый философскій вымыселъ, возможный только для сѣвернаго воображенія, флегматическій безпорядокъ котораго не удивляется ничему.

Герой страннаго повѣствованія — норвежскій ученый, который, изъ любопытства, спускается по веревкѣ въ отверзтіе, найденное имъ въ скалахъ Норвегіи. Веревка обрывается и бѣдный Климъ падаетъ въ подземный міръ, гдѣ ожидали его удивительнѣйшія вещи. Сперва онъ не видитъ ничего, кромѣ деревъ, и считаетъ себя въ непроходимомъ лѣсу. Приближеніе опасности заставляетъ его искать спасенія и вотъ онъ бросается на одно изъ сосѣднихъ деревъ, но, о ужасъ! несчастный дѣлаетъ непростительную глупость, Климъ попалъ въ страну, гдѣ жители имѣли образъ растеній и дерево, съ которымъ онъ обошелся такъ неучтиво, была особа мѣстнаго судьи! Посудите о всеобщемъ негодованіи противъ дерзкаго пришельца; его тотчасъ-же заключаютъ въ темницу. Не зная туземнаго языка, онъ съ великимъ трудомъ убѣждаетъ судей въ невинности своихъ намѣреній. Это начало полно шутки, овладѣвающей воображеніемъ и не допускающей разсудокъ оспоривать невозможность факта. Впрочемъ, Гольбергъ и не думаетъ осуществлять свою мечту, между тѣмъ, какъ Свифтъ почти достигъ этого въ своемъ твореніи. Свифтъ съ искусствомъ незамѣтно переводитъ насъ изъ естественнаго міра въ міръ своихъ созданій и самые странные вымыслы облечены у него такою вѣроятностью, представляютъ такія истинныя подробности, что поневолѣ соглашаешься съ тѣмъ старымъ моряком, который сказалъ, прочитавъ «Поѣздку Гулливера»: — «Путешествія капитана Гулливера очень интересны, да жаль, что въ нихъ не обозначенъ маршрутъ».

Гольбергъ не слѣдуетъ этому правилу; прежде всего онъ по-

бѣждаетъ здравый смыслъ читателя и налагаетъ на него молчаніе, не входя съ нимъ въ расчеты. И эта метода можетъ также ввести воображеніе читателя въ область чудеснаго: волшебники не подготовляютъ чуда, но творятъ его мановеніемъ жезла.

Понятно, что Гольбергъ не можетъ придать своимъ говорящимъ деревьямъ всѣхъ свойствъ лиллипутцевъ и поэтому онъ вскорѣ покидаетъ фантистическую сторону своей задачи и черезъ нѣсколько страницъ его древесная область представляетъ лишь сатирическую утопію. Въ первой части авторъ сравниваетъ только для контраста мудрость подземныхъ обитателей съ нашими глупостями.

Оригинально разсказаны различныя приключенія Климa на островѣ Нозорѣ; сначала онъ отправляется къ нолпригамъ, которыхъ глаза имѣютъ форму длиннаго квадрата и въ такой-же формѣ они видятъ всѣ предметы. Забавно, что въ этой странѣ всѣ видятъ и утверждатюъ, что нѣтъ ни круглаго, ни овальнаго. Послѣ такой страны, Климъ находитъ другую, но и эта міръ наизворотъ: молодые люди тамъ опытны и благоразумны, а старики безумствуютъ. Далѣе еще есть земля, гдѣ естественныя отношенія измѣнены удивительнымъ образомъ. Авторъ пробѣгаетъ такимъ образомъ цѣпь странныхъ предположеній, изъ которыхъ извлекаетъ порою комическіе эффекты; но подъ шуткою скрыта нравственная мысль. Здѣсь доказывается, что еслибы измѣнилось хотя одно условіе нашего существованія, — отъ этого произошла-бы бездна недоразумѣній. Вообще у Гольберга отличительный характеръ комизма — серьезность; въ немъ постоянно проявляется нравственное направленіе, не всегда украшаемое геніемъ. Признанный ученикъ Мольера, онъ страдалъ, подобно ему, разстройствомъ здоровья и припадками ипохондріи; въ общественной жизни Гольбергъ былъ тихъ, задумчивъ; любилъ общество женщинъ, но не испыталъ страсти. Въ немъ соединялся темпераментъ Буало съ искрой генія Мольера.

Датчанинъ Гольбергъ и венеціянецъ Гольдони одни съ успѣхомъ шли по стопамъ великаго французскаго комика и оба пріобрѣли всеобщее уваженіе. Они умѣли подражать великому образцу, не рабски списывая его картины, но по возможности, воспроизводя манеру учителя.

Гольбергъ и Гольдони, кажется, раздѣлили между собою Мольера и каждый изъ нихъ овладѣлъ половиною его генія. Итальянецъ перенялъ естественность и живость разговора; житель сѣвера философское направленіе. Но, по математикѣ искусства, двѣ половины не составляютъ цѣлаго. Сложите всѣ возможныя дроби и

вы еще не будете имѣть величественной цѣлости генія; впрочемъ, оба подражателя не превзошли Мольера и качествами, занятыми у него. Удивительная легкость Гольдони не можетъ сравниться съ неистощимостью сильной и откровенной веселости, выливавшейся у Мольера. Гольбергъ не надѣленъ глубокостью мысли, удивляющей насъ въ *Тартюфѣ*. Концепція его — напоминаетъ нѣкоторыя изъ существенныхъ качествъ своего образца, но она остается вѣрною себѣ въ изображеніи характеровъ и нравовъ. Эта слава велика и ни одна европейская литература не можетъ найти другаго имени, которое болѣе Гольберга было бы ея достойно. Но у Гольберга были и личныя сходства съ Мольеромъ: подобно ему Гольбергъ впадалъ иногда въ задумчивость и въ припадки гнѣва противъ человѣческаго рода, но вылечивался отъ этого какими-то пилюлями. Мизантропія Мольера была сильнѣе.

=

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ІОГАННА-ХРИСТІАНА БРАНДЕСА,

НѢМЕЦКАГО АКТЕРА И ДРАМАТУРГА

XVIII ВѢКА.

.... Vita est nobis aliena magistra.
Жизнь для насъ суровая наставница.

Катонъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА I.

Въ Веймарѣ Зейлеръ опять принялъ самъ управленіе театромъ. Въ первое-же представленіе труппа удостоилась единодушнаго одобрѣнія двора и публики. Герцогиня лично изъявила свое удовольствіе всѣмъ членамъ ея, милостиво даровала имъ свободный входъ на всѣ концерты и праздники, дававшіеся при дворѣ. Сверхъ того, она дала намъ разныя другія льготы; между прочимъ освободила насъ отъ платежа акцизовъ и податей.

Во время нашего пребыванія въ Веймарѣ я передѣлалъ для нашего театра комедію Гольдони «*Добрый Бука*», по переводу Эйнзиделя, окончилъ «*Квирлеквикскихъ комедіянтовъ*», «*Холостяка*,» трагедію «*Оливія*», и мелодраму «*Аріадна на островѣ Наксосѣ.*» Веймарскій придворный капельмейстеръ Швейцеръ написалъ къ этой мелодрамѣ превосходную музыку, но она, по обстоятель-

ствамъ, получила вскорѣ другое назначеніе. Тутъ-же занялся я изданіемъ перваго тома своихъ драматическихъ сочиненій, который впослѣдствіи явился у книгопродавца Дика, въ Лейпцигѣ.

Прекрасный загородный дворецъ Бельведеръ, былъ обыкновенною цѣлью моихъ прогулокъ въ досужіе часы. Однажды встрѣтилъ я молодаго парня, въ изодранномъ крестьянскомъ полукафтанѣ безъ рукавовъ и въ дыравыхъ штанахъ. Увидѣвъ меня и мое семейство, онъ посторонился съ дороги и пропустилъ насъ, не прося милостыни. Это меня очень удивило въ нищемъ мальчикѣ. Мнѣ живо представилось время, когда я самъ скитался въ Польшѣ, въ такомъ-же жалкомъ положеніи, я подошелъ къ бѣдняку и сказалъ ему съ участіемъ: Ты, кажется, очень бѣденъ.

Мальчикъ (*весело и безпечно*). Да, очень бѣденъ.

Я. Отчего-же ты не просишь у насъ милостыни?

Мальчикъ. Потому что я знаю, что горожанъ и не проси: ничего не дадутъ.

Я. Чѣмъ-же ты живешь?

Мальчикъ. А тѣмъ живу, что подадутъ добрые люди въ деревняхъ.

Я. Гдѣ-же ты живешь?

Мальчикъ. Да нигдѣ.

Я. Однако-же, надо-же тебѣ гдѣ нибудь ночевать?

Мальчикъ. А вотъ, подъ тѣмъ мостомъ. И онъ указалъ ветхій мостъ, перекинутый черезъ полувысохшій ручей.

Я. Какъ, на голой землѣ?

Мальчикъ. Чтожъ за бѣда? укутаюсь въ свой кафтанишка, и мнѣ мягко и тепло.

Я. Откуда ты?

Мальчикъ. Изъ одной деревушки, миляхъ въ семи отсюда.

Я. Чѣмъ занимаются твои родители?

Мальчикъ. У меня нѣтъ ни отца, ни матери!

Я. И никакой родни?

Мальчикъ. Есть братъ, да двѣ сестры.

Я. Чѣмъ же они живутъ?

Мальчикъ. Сестры въ работницахъ у крестьянъ, а братъ пасетъ свиней.

Я. А желалъ-бы ты быть сытъ и одѣтъ?

Мальчикъ. Какъ не желать, кабы можно.

Я. Такъ пойдемъ со мною.

Онъ пошелъ за нами, и я велѣлъ его накормить и напоить. Наѣвшись, какъ голодный волкъ, онъ пришелъ поблагодарить меня. Между тѣмъ, я успѣлъ обдумать его положеніе и рѣшился сдѣ-

лать доброе дѣло, вырвавъ его изъ нищеты. — Хочешь идти со мною? спросилъ я его.

Мальчикъ. А что мнѣ у васъ дѣлать?

Я. Я позабочусь о тебѣ, постараюсь тебя пристроить. Хочешь чему нибудь учиться?

Мальчикъ Отчего не хотѣть?

Я. Какому ремеслу? Какое тебѣ болѣе по сердцу?

Мальчикъ. Всякое ремесло хорошо, только-бы дало мнѣ средства зарабатывать хлѣбъ.

Я. Такъ пойдемъ со мною.

Мы отвели бѣдняка въ деревню Обервеймаръ, къ крестьянкѣ, поставлявшей намъ масло и молоко, и велѣли ей хорошенько позаботиться о нашемъ пріемышѣ. Онъ пробылъ тамъ нѣсколько дней; когда онъ отдохнулъ и немножко поправился, мы его одѣли и взяли къ себѣ. Мало по малу, хорошая пища, спокойная жизнь и попеченія изгладили всѣ слѣды нищеты. Онъ жилъ у насъ и ходилъ въ школу съ моими дѣтьми. Само собою разумѣется, что злые языки, которыхъ много вездѣ и всегда, тотчасъ начали перетолковывать мое доброе дѣло и распространять самые нелѣпые слухи на счетъ мальчика, котораго я будто-бы хитростью старался втереть въ свое семейство, чтобы воспитать его при себѣ, не открывая его родства. Но я махнулъ рукою на сплетниковъ, и рѣшился сдѣлать изъ бѣднаго мальчика полезнаго и честнаго гражданина. Къ сожалѣнію неблагодарный не оправдалъ моихъ надеждъ. Онъ укралъ двѣ довольно цѣнныя картины и продалъ ихъ одному знакомому мнѣ книгопродавцу. Воровство открылось; наводя справки по этому предмету, я узналъ, что онъ нѣсколько времени былъ замѣчаемъ въ воровствѣ, что онъ уже продалъ и заложилъ разныя цѣнныя вещи, украденные имъ въ разныхъ мѣстахъ. Повергнуть несчастнаго въ прежнее его бѣдственное положеніе, казалось мнѣ слишкомъ жестокимъ; желая узнать, до какой степени онъ былъ виновенъ, и заслуживалъ-ли онъ снисхожденія, я поручилъ двумъ знакомымъ, къ которымъ я имѣлъ безграничное довѣріе, допросить его, не былъ-ли онъ кѣмъ подъученъ; но онъ во всемъ запирался. Полагая, что онъ, можетъ быть, боялся строгаго наказанія, я прибѣгнулъ къ самымъ кроткимъ мѣрамъ; самъ спросилъ его, давъ ему напередъ слово простить его, если только онъ сознается въ своемъ проступкѣ и обѣщаетъ исправиться; но и эта попытка осталась безъ успѣха. Между тѣмъ, какъ я его допрашивалъ, пришелъ мой добрый пріятель, почтенный бургомистръ Шмидтъ. Я разсказалъ ему все дѣло. Онъ пожурилъ мою излишнюю слабость и погро-

зился посадить виновнаго въ тюрьму и предать его суду; угрозы были также недѣйствительны, какъ и увѣщанія. Это упорство принудило меня согласиться на совѣты бургомистра, и посадить закоснѣлаго негодяя на нѣсколько дней въ тюрьму; однакоже никакія строгости не могли вырвать у него признанія. Представить свидѣтелей и преслѣдовать виновнаго судебнымъ порядкомъ, значило подвергнуть его строгому наказанію; я не могъ рѣшиться на это и предпочелъ сбыть его съ рукъ. Съ этою цѣлью я выхлопоталъ, не безъ труда, чтобы его освободили; но, чтобы не оставить его безъ наказанія и не подвергнуть новому искушенію, я уже не принялъ его къ себѣ въ домъ, а отправилъ его подъ полицейскимъ надзоромъ къ приходскому священнику его деревни, съ письмомъ, въ которомъ я сообщилъ ему всю исторію негодяя и просилъ его заняться его исправленіемъ и пристройствомъ; я послалъ ему также нѣсколько денегъ на содержаніе мальчика. Однако-же всѣ мои добрыя намѣренія остались безъ всякой пользы, потому что мальчикъ дорогою успѣлъ убѣжать отъ своего проводника. Моя снисходительность имѣла даже, можетъ быть, самыя несчастныя послѣдствія: нѣсколько времени спустя я узналъ, что несчастный, оставшись безъ пристанища, обратился опять къ воровству, сошелся съ шайкою разбойниковъ, грабилъ съ ними по большимъ дорогамъ, былъ наконецъ схваченъ и приговоренъ къ висѣлицѣ. Я узналъ также, что передъ смертью онъ со слезами разсказывалъ свою исторію и разскаявался въ неблагодарности, которою онъ отплатилъ за мои благодѣянія.

—

ГЛАВА II.

Молва о благосклонности, которую герцогиня Саксенъ-Веймарская оказывала всѣмъ пріѣзжимъ, особенно ученымъ и артистамъ, и слава нашего театра, который былъ дѣйствительно очень хорошъ, разнеслись скоро по всей Германіи, и привлекли въ Веймаръ множество путешественниковъ; между прочимъ, я имѣлъ удовольствіе увидѣться снова съ нѣкоторыми лицами, которыхъ я зналъ въ другихъ городахъ, съ Николаи изъ Берлина, Дикомъ изъ Лейпцига, съ гиссенскимъ профессоромъ Шмидтомъ, съ берлинскимъ прокуроромъ Жильбертомъ, съ Гросманомъ. Послѣдній поселился у насъ въ домѣ и былъ самымъ пріятнымъ гостемъ на нѣсколько недѣль. Передъ отъѣздомъ своимъ, онъ написалъ, тайкомъ отъ меня, критическую статью о нашемъ театрѣ, которая вскорѣ явилась, безъ подписи, въ сборникѣ подобныхъ статей, выходившемъ

въ Галле подъ редакціею фонъ-Гагена. Этотъ сборникъ назывался «Обозрѣніемъ нѣмецкаго театра.» Какъ скоро статья вышла изъ печати, Гросманъ прислалъ мнѣ экземпляръ, который я имѣлъ неосторожность давать, по своему обыкновенію, для прочтенія своимъ знакомымъ, не познакомившись предварительно самъ съ его содержаніемъ. Къ несчастію сатирическій умъ Гросмана позволилъ себѣ въ этой статьѣ нѣкоторыя вольности на счетъ веймарскаго общества, особенно-же не пощадилъ онъ нѣкоторыхъ членовъ нашей труппы, въ томъ числѣ г-жу Зейлеръ и Экгофа. Это скоро разнеслось по всему городу. Никто не подумалъ о Гросманѣ, а какъ я прежде помѣщалъ иногда критическія статьи въ «Хроникѣ партера и театра,» выходившей подъ редакціею Шмидта, то общій голосъ приписалъ мнѣ и эту сатиру. Сама герцогиня повѣрила слуху и наговорамъ моихъ враговъ.

Я скоро убѣдился въ этомъ по ея внезапному охлажденію ко мнѣ. Актеры, съ своей стороны, осыпали меня самыми язвительными упреками, насмѣшкою и даже пасквилями. Я старался оправдаться, какъ могъ; но всѣ мои усилія еще болѣе утверждали всѣхъ во мнѣніи о моей виновности. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые актеры видѣли на поляхъ разныхъ пьесъ, которыя я давалъ имъ читать, замѣтки карандашемъ, представлявшія нѣкоторое сходство съ сужденіями, высказанными въ статьѣ «Обозрѣнія». Дѣло дошло до того, что Зейлеръ, безъ дальнѣйшихъ справокъ, отказалъ мнѣ, а герцогиня, вѣря навѣтамъ моихъ недоброжелателей, утвердила эту мѣру.

Я написалъ обо всемъ Гросману, который тотчасъ-же, въ письмѣ къ гофмаршалу Вицлебену, объявилъ, что онъ авторъ статьи, надѣлавшій столько переполохъ. Вслѣдствіе этого объявленія я былъ снова ангажированъ; однакоже никто не хотѣлъ совершенно отречься отъ мысли, что я, дѣйствительно, въ письмахъ своихъ къ гиссенскому профессору Шмидту, говорилъ довольно подробно и строго объ игрѣ одной актрисы. Архиваріусъ Готтеръ, пріѣхавъ изъ Готы къ Шмидту, читалъ эти письма, а Гросманъ сдѣлалъ изъ нихъ выписки и безъ вѣдома моего напечаталъ въ «Сборникѣ» фонъ-Гагена. Нѣсколько времени спустя, Гросманъ самъ пріѣхалъ въ Веймаръ нарочно за тѣмъ, чтобы лично оправдать меня; однакоже нѣкоторые изъ актеровъ, которымъ возобновленіе моего ангажемента было не по сердцу, потому что я имъ заграждалъ дорогу, всѣми средствами старались поддержать подозрѣніе публики. Съ этого времени я утратилъ довѣріе товарищей и публики, и мнѣ стали оказывать одну холодную вѣжливость.

Виландъ присутствовалъ у наслѣднаго принца при чтеніи моей

комедіи «*Холостякъ*»; но это чтеніе дало ему очень посредственное понятіе о моемъ литературномъ дарованіи, тѣмъ болѣе, что онъ не видалъ другихъ, лучшихъ моихъ пьесъ. Какъ скоро первый томъ собранія моихъ драматическихъ сочиненій вышелъ изъ печати, я счелъ долгомъ вѣжливости поднести ему экземпляръ. Онъ принялъ мой подарокъ очень вѣжливо, но въ тоже-же время сказалъ мнѣ съ какимъ то страннымъ выраженіемъ: — «Благодарю васъ за вниманіе. Правда, любезный господинъ Брандесъ, что Парнасъ высокъ и крутъ, и не многимъ дается счастіе взойти на его вершину; однакоже ваши усилія взобраться на него похвальны, и меня весьма радуетъ, что и вы стремитесь внести свою лепту въ великое цѣлое литературы.» Такой отзывъ былъ довольно обиденъ для моего авторскаго самолюбія; однакоже я подавилъ свое неудовольствіе и отвѣчалъ, что, чувствуя всю слабость своихъ средствъ, я никогда не надѣялся взобраться на такую недоступную высоту, а желалъ только, по мѣрѣ своихъ силъ, содѣйствовать пользѣ ближняго. Архиваріусъ Готтеръ, случившійся въ то время въ кабинетѣ Виланда, у котораго онъ гостилъ, понялъ колкость его отзыва, и спросилъ его, читалъ-ли онъ «*Графа фонъ-Ольсбаха*» и нѣкоторыя другія мои сочиненія. — «До-сихъ-поръ, отвѣчалъ Виландъ, я знаю изъ сочиненій господина Брандеса одного только «*Холостяка*,» пьесу довольно забавную для потѣхи райка; но непремѣнно прочту этотъ томъ, и надѣюсь, что прочту его съ удовольствіемъ.» Я вышелъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ привѣтствій, смущенный и задѣтый за живое.

Швейцеръ только-что кончалъ свою партитуру къ моей мелодрамѣ «*Аріадна на островѣ Наксосѣ*», когда явилась опера «*Альцеста.*» Какъ придворный капельмейстеръ, Швейцеръ получилъ приказаніе немедленно положить на музыку новое произведеніе великаго поэта. Онъ тотчасъ приступилъ къ дѣлу, и желая сдѣлать эту оперу лучшимъ своимъ произведеніемъ, перенесъ въ нее всѣ лучшіе нумера, сочиненные имъ для «*Аріадны*». Партитура была скоро кончена, голоса выписаны, розданы пѣвцамъ, разучены, и мы имѣли удовольствіе увидѣть превосходную нѣмецкую оперу.

Какъ страстный любитель музыки, я не пропускалъ ни одной репетиціи. Виландъ самъ занимался постановкою своей пьесы. Однажды, увидѣвъ меня, онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и сказалъ: — «Господинъ Брандесъ, мнѣ чрезвычайно пріятно видѣть васъ здѣсь; позвольте мнѣ обнять собрата. Я читалъ ваши комедіи и скажу вамъ безъ всякой лести, что онѣ доставили мнѣ чрезвычайное удовольствіе. Прошу васъ, продолжайте упражнять свое дарованіе и сообщайте мнѣ впредь все, что выйдетъ изъ подъ

вашего пера; вы этимъ доставите несказанное удовольствіе вашему почитателю и другу».

Такой лестный и неожиданный отзывъ знаменитаго поэта привелъ меня въ восторгъ. Я поблагодарилъ его отъ души; однакоже не могъ удержаться, чтобы не замѣтить ему рѣзкую противуположность между этимъ сужденіемъ и тѣмъ, которое онъ высказалъ незадолго предъ тѣмъ; почему я считалъ долгомъ приписывать его благосклонный отзывъ болѣе его снисхожденію и доброму сердцу, чѣмъ мнѣнію его о заслугахъ моихъ произведеній.

Кончивъ вскорѣ послѣ того свою трагедію «*Оливія*», я поспѣшилъ воспользоваться позволеніемъ Виланда и прочелъ ему рукопись. Онъ указалъ мнѣ на нѣкоторые недостатки; исправивъ ее по его совѣтамъ, я поднесъ ее, съ посвященіемъ, герцогинѣ, и отправилъ въ Лейпцигъ, къ Дику, для напечатанія. Нѣсколько времени спустя она была представлена и имѣла огромный успѣхъ.

—

ГЛАВА III.

Во время немилости, въ которую я впалъ вслѣдствіе статьи Гросмана, я объѣхалъ Тюрингію, Саксонію и часть Франконіи. Въ этомъ путешествіи, предпринятомъ съ цѣлью поправить мое здоровье, разсѣяться отъ огорченій, а также пріискать себѣ мѣсто въ порядочной труппѣ, я имѣлъ случай видѣть много любопытнаго. Между прочимъ, никогда не забуду смотра, который одинъ изъ самыхъ мелкихъ владѣтельныхъ князей Франконіи дѣлалъ своимъ войскамъ, состоявшимъ изъ пяти, шести сотенъ человѣкъ. Какъ я много слышалъ о замѣчательныхъ маневрахъ, которыя долженъ былъ совершить этотъ корпусъ, то я полюбопытствовалъ взглянуть на интересное военное зрѣлище. Оно происходило въ небольшой долинѣ, въ окрестностяхъ столицы. Я отправился въ назначенный день и, на небольшомъ холмѣ, отдѣлявшемъ городъ отъ долины, увидѣлъ двѣ пушки, изъ которыхъ палили отъ времени до времени. Когда я приблизился, мнѣ сказали, что одному канонеру, по неосторожности, оторвало руку по локоть. Я старался съ возвышенія открыть войско, и послѣ долгихъ усилій, увидѣлъ наконецъ горсть солдатъ, стоявшихъ лагеремъ среди зелени. Какъ меня не увѣдомили о числѣ войска, то я принялъ сначала эту горсть людей за пикетъ, и все искалъ главнаго корпуса, который, по моему мнѣнію, долженъ былъ со-

стоять, по-крайней-мѣрѣ, изъ нѣсколькихъ тысячъ. Но мнѣ объяснили, что тутъ все войско. Я сошелъ съ холма, чтобы посмотрѣть на маневры вблизи, и почти въ ту-же минуту на возвышеніи раздалось два выстрѣла, возвѣщавшіе прибытіе князя и его семейства.

Войско поспѣшно выстроилось и отдало честь княжеской фамиліи, которая позавтракала совсѣмъ дворомъ въ приготовленной для нихъ палаткѣ. Затѣмъ начались маневры, дѣйствительно замѣчательныя въ своемъ родѣ. Когда они кончились, князь и его супруга стали обходить ряды. Въ это мгновеніе увидѣлъ я одного знакомаго мнѣ придворнаго пѣвца, который, по приближеніи князя, вышелъ изъ фрунта, гордо вытянувшись, и сдѣлалъ ему на караулъ. Я спросилъ, какимъ образомъ онъ попалъ сюда?— «Развѣ вы не знаете, преважно сказалъ мнѣ сосѣдъ, что каждый разъ, какъ бываетъ смотръ, онъ зо фрунтѣ, и долженъ пропѣть бравурную арію»?

За исключеніемъ короткаго времени, когда я долженъ былъ бороться съ клеветами и интригами, пребываніе мое въ Веймарѣ было очень пріятно. Окруженный нѣжно любимымъ семействомъ и друзьями, пользуясь уваженіемъ публики и милостью герцогини, я отъ души желалъ, чтобы мое положеніе не перемѣнялось до самой моей смерти. Повидимому, я могъ этого надѣяться; но Провидѣніе рѣшило иначе; мнѣ предстояло еще много лѣтъ скитальческой жизни.

Ужасное, неожиданное несчастіе разрушило мои сладостныя надежды. Шестаго мая 1774 года, въ часъ по-полуночи, герцогскій дворецъ загорѣлся, какъ полагаютъ, отъ молніи. Въ нѣсколько минутъ весь верхній этажъ былъ объятъ пламенемъ. Пожаръ продолжался нѣсколько дней, и какъ пожарная команда въ Веймарѣ была въ весьма плохомъ состояніи, прекрасное зданіе сгорѣло до основанія, за исключеніемъ архива и башни. Герцогиня была нездорова; она принуждена была вскочить съ постели и бѣжать, въ дождь и грозу, въ одномъ шлафрокѣ; наконецъ скотница, встрѣтивъ ее на скотномъ дворѣ, отдала ей свой плащъ, чтобы защитить ее отъ холода.

Весь городъ сбѣжался на пожаръ. Одни заливали огонь, другіе выносили изъ пламени ящики съ серебромъ и другими драгоцѣнными вещами. Весь гардеробъ герцогини сгорѣлъ; также погибли вся мебель, отличная библіотека и картинная галлерея, небольшая, но заключавшая нѣсколько цѣнныхъ картинъ, оригинальныхъ произведеній разныхъ великихъ художниковъ. Галлерея могла-бы быть спасена, еслибъ живописецъ, въ завѣдыва-

ніи котораго она находилась, былъ поповоротливѣе и не растерялся. Правда, что вскорѣ послѣ того, какъ разнесся слухъ о пожарѣ, онъ прибѣжалъ съ своею служанкою и съ огромной корзиной, которую наполнилъ картинами, взялъ еще нѣсколько подъ мышки, и отнесъ въ безопасное мѣсто; но онъ такъ медлилъ возвращеніемъ, что когда пришелъ, все уже было истреблено пламенемъ. Его впослѣдствіи спрашивали, неужели нельзя было спасти болѣе картинъ, чѣмъ онъ спасъ? и говорятъ, что онъ отвѣчалъ простодушно: «По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы спасти картины своей работы».

За бурею, причинившею этотъ пожаръ, послѣдовали ужасные дожди, продолжавшіеся нѣсколько недѣль почти безъ перемежки. Вода страшно прибыла въ рѣкахъ и 27 мая наводненіе залило всѣ низменныя окрестности и даже нѣкоторыя части города; жители принуждены были спасаться изъ своихъ домовъ въ окна. Къ счастью, дожди въ это время прекратились, и вода мало по малу спала, не причинивъ большаго вреда.

Герцогиня, во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ, явила столько-же твердости духа, какъ и сострадательности. Не смотря на то, что она сама понесла огромныя потери, она раздала богатыя награды всѣмъ содѣйствовавшимъ къ прекращенію пожара и обильную помощь пострадавшимъ. У Зейлера сгорѣла значительная часть театральныхъ костюмовъ, хранившихся во дворцѣ; за нихъ ему выплатили. Какъ со всѣмъ дворцомъ сгорѣлъ и театръ, то играть было негдѣ, и поневолѣ надо было распустить актеровъ; однако-же великодушная герцогиня позаботилась о пристройствѣ ихъ въ другомъ мѣстѣ, и рекомендовала ихъ герцогу Саксенъ-Готскому, который охотно принялъ всю труппу на очень выгодныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, пробывъ въ Веймарѣ около трехъ лѣтъ, въ спокойствіи и довольствѣ, мы выѣхали съ сердцами, исполненными благодарности къ принцессѣ, которая насъ такъ облагодѣтельствовала и которой возвышенный, образованный умъ и прекрасное сердце стяжали ей уваженіе и любовь, не только ея подданныхъ, но и каждаго, кто имѣлъ счастіе знать ее.

—

ГЛАВА IV.

Въ Готѣ и дворъ и публика приняли насъ съ невыразимымъ радушіемъ и благосклонностью. Въ здѣшнемъ дворцѣ, какъ и въ Веймарскомъ, мы нашли небольшой, но хорошенькій театръ, превосходно устроенный и снабженный всѣми нужными машина-

ми. Слѣдовательно намъ не нужно было долго готовиться къ открытію представленій; не прошло недѣли послѣ нашего пріѣзда, какъ мы уже играли, и съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Гросманъ, гостившій уже нѣсколько времени у меня, поѣхалъ съ нами въ Готу. Разныя несчастныя обстоятельства лишили его средствъ пропитанія; а какъ онъ съ дѣтства еще имѣлъ нѣкоторую склонность къ актерскому званію, то онъ и рѣшился серьезно посвятить себя драматическому искусству; онъ дебютировалъ съ большимъ успѣхомъ и былъ ангажированъ.

Я мало видалъ городовъ, гдѣ было бы такъ пріятно жить, какъ въ Готѣ. Гостепріимство составляетъ одну изъ главныхъ чертъ въ характерѣ жителей; каждый ставитъ себѣ въ честь и въ особенное удовольствіе принимать у себя и угощать ученыхъ, литераторовъ, артистовъ; вообще каждому порядочному и образованному человѣку открыты всѣ дома. По этому неудивительно, что почти всѣ члены нашей труппы скоро пріобрѣли множество друзей и сдѣлались домашними людьми во многихъ хорошихъ семействахъ. Герцогское семейство и дворъ осыпали меня и мое семейство изъявленіями самаго лестнаго благорасположенія. Моя дочь продолжала обработывать свой голосъ подъ руководствомъ знаменитой пѣвицы Гатташъ, сестры композитора и придворнаго капельмейстера Георга Бенды, и совершенствоваться въ игрѣ на фортепьяно у талантливаго придворнаго пьяниста Рейнгарда. Показавъ въ нѣсколькихъ концертахъ свой замѣчательный талантъ, она обратила на себя милостивое вниманіе герцогини и принцессы Луизы, сестры герцога, и сдѣлалась скоро любимицею и почти постоянною собесѣдницею послѣдней.

За исключеніемъ торжественныхъ случаевъ, герцогская фамилія въ сношеніяхъ своихъ съ артистами оставляла всякій этикетъ и ставила себѣ въ долгъ являться самыми добродушными хозяевами. Герцогиня довольно часто призывала меня съ женою и дочерью по утрамъ, угощала насъ завтракомъ, дарила плодами, цвѣтами и другими предметами. Не рѣдко приходилъ въ это время и самъ герцогъ, какъ добрый семьянинъ, бесѣдовалъ съ женою игралъ съ дѣтьми, говорилъ со мною о театрѣ и литературѣ, приглашалъ мою дочь что-нибудь спѣть или сыграть.

Вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Готу, я прочелъ своему другу Георгу Бендѣ свою мелодраму *«Аріадна на островѣ Наксосѣ»*. Пьеса ему очень понравилась и какъ Швейцеръ не окончилъ партитуры, какъ обѣщалъ, то онъ вызвался написать ее самъ. Герцогская фамилія приняла большое участіе въ успѣхѣ этого новаго рода сочиненія. Принцесса Луиза изъявила желаніе, чтобы

пьеса была поставлена со всевозможнымъ великолѣпіемъ и взяла на себя издержки на костюмировку; герцогъ, соединявшій съ образованнымъ вкусомъ рѣдкое знаніе древностей, самъ выбралъ костюмы; герцогиня напечатала пьесу на свой счетъ и подарила мнѣ все изданіе; декораціи были написаны подъ моимъ надзоромъ, на иждивеніе герцога. Такимъ образомъ мелодрама была скоро представлена въ самомъ блистательномъ видѣ и съ большою славою для Бенды, для Шарлотты, исполнявшей въ ней главную роль, и для меня.

Я уже говорилъ, что жители Готы чрезвычайно гостепріимны и любятъ общество. Нигдѣ я не видалъ, чтобы умѣли доставлять себѣ самыя пріятныя удовольствія съ меньшими хлопотами и расходами. Въ числѣ удовольствій, нравившихся мнѣ всего болѣе и принадлежавшихъ собственно Готѣ и преимущественно среднему классу, упомяну только праздникъ новоселья, который здѣсь называется Das Tischrücken. Когда кто переѣзжаетъ на новую квартиру, всѣ его друзья соединяются, чтобы отпраздновать у него новоселье. Хозяину этотъ праздникъ ничего не стоитъ. Друзья распредѣляютъ обѣдъ со всѣми принадлежностями, винами, дессертомъ и даже приборами — на части, по числу сложившихся гостей, и потомъ бросаютъ жеребій, кто что долженъ поставить или о чемъ заботиться. Тотъ, кому выпадетъ быть общимъ распорядителемъ, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ доставить всѣ принадлежности къ столу, приборы, посуду, бѣлье и прочая. Когда всѣ предварительныя распоряженія окончены, гости отправляютъ депутата къ хозяину, объявить ему о намѣреніи ихъ отпраздновать его новоселье и сговориться на счетъ дня. За тѣмъ въ условленный день распорядитель съ утра является въ домъ хозяина, принимаетъ кушанье и вина, присылаемыя сложившимися друзьями, дѣлаетъ всѣ надлежащія приготовленія къ столу, принимаетъ гостей, хозяйничаетъ за обѣдомъ, на которомъ самъ хозяинъ и его семейство только почетные гости. Обѣдъ бываетъ обыкновенно такъ обиленъ, что семейство хозяина можетъ цѣлую недѣлю кормиться остатками.

—

ГЛАВА V.

По контракту Зейлера съ Саксенъ-Готскимъ дворомъ, ему предоставлено было право отправляться на время ярмарки въ Лейпцигъ и давать тамъ представленія. Мы поѣхали туда въ первый разъ осенью; но какъ городской театръ былъ уже занятъ труп-

пою Доббелина, то мы должны были открыть свои представленія въ большомъ деревянномъ балаганѣ, построенномъ незадолго передъ тѣмъ директоромъ Вассеромъ, у Гримскихъ воротъ. Для дебюта мы дали трагедію Вейссе «*Ричардъ* III».

Нѣкоторые изъ друзей Доббелина, въ томъ числѣ можетъ быть и его кредиторы, боясь, чтобы наши представленія не уменьшили его сборовъ, рѣшились съ перваго же вечера нанести Зейлеру смертельный ударъ, который принудилъ-бы его тотчасъ-же возвратиться въ Готу. Для этого, передъ началомъ спектакля, они подломили нѣсколько лавокъ въ галереяхъ и положили ихъ такъ, чтобы при сильномъ движеніи онѣ затрещали и даже обрушились. Хитрость удалась. Едва началось представленіе, какъ съ разныхъ концовъ раздались крики: балаганъ рушится! — и нѣсколько человѣкъ начали ломиться сквозь толпу, чтобы выдти. Публика, испуганная трескомъ скамеекъ и криками, вскочила и въ ужасномъ безпорядкѣ бросилась къ выходамъ; многіе едва не были задушены и задавлены въ темнотѣ; другіе растерявшись, прыгали изъ ложъ въ партеръ, чтобы скорѣе выдти. Даже актеры бросились со сцены и выбѣжали изъ театра; одинъ Экгофъ сохранилъ довольно присутствія духа, чтобы остаться на мѣстѣ, и стараться успокоить немногихъ изъ зрителей, которыхъ могли еще убѣдить разумныя слова. Его примѣръ придалъ мужества другимъ; нѣсколько отважныхъ человѣкъ отправилось въ галлереи, чтобы удостовѣриться въ опасности и увидѣли причину переполоха. Они объявили, что опасности никакой не бывало; актеры возвратились на сцену, большая часть бѣжавшихъ зрителей усѣлись по своимъ мѣстамъ, и представленіе пошло своимъ порядкомъ и не было болѣе прерываемо. На слѣдующій день городское начальство нарядило опытныхъ архитекторовъ для освидѣтельствованія зданія; оно оказалось совершенно прочнымъ, безопаснымъ; городское начальство распубликовало донесеніе экспертовъ и представленія наши могли продолжаться. Наши противники придумали было противъ насъ другую продѣлку: бросили изъ райка въ залу нѣсколько зажженныхъ тряпицъ, крича; что театръ горитъ; сначала публика нѣсколько встревожилась, однако-же такаго страху, какъ въ первый разъ, небыло; зрители скоро убѣдились, что это была подлая продѣлка и что никакой опасности нѣтъ. Такимъ образомъ всѣ старанія завистниковъ принудить Зейлера прекратить свои представленія остались безуспѣшны.

Лейпцигъ въ это время былъ для меня чрезвычайно пріятнымъ мѣстопребываніемъ, старые мои друзья приняли меня со всевозможнымъ радушіемъ; къ нимъ присоединилось еще нѣсколько но-

выхъ знакомыхъ, литераторы Бланкенбургъ и Шинкъ, ученый Крейхгауфъ, граверъ Тенертъ и нѣкоторые другіе. Особенно пріятно было мнѣ знакомство поэта Гекинга, бывшаго впослѣдствіи первымъ тайнымъ финансъ-совѣтникомъ въ Пруссіи, и Гальскаго профессора Гольдгагена, впослѣдствіи перваго совѣтника по горному управленію. Оба находились въ то время въ Лейпцигѣ и жили въ одномъ домѣ со мною. Однажды, въ книжной лавкѣ, я встрѣтилъ профессора Базедова и поспѣшилъ изъявить ему свою радость этой неожиданной встрѣчѣ и напомнить старое знакомство.

— Вашъ покорнѣйшій слуга, отвѣчалъ Базедовъ, взглянувъ на меня съ такимъ видомъ, какъ будто не зналъ меня.

Эта холодность нѣсколько смутила меня. — «Извините, г. профессоръ, вы, кажется, не узнаете меня, сказалъ я; нѣсколько лѣтъ тому назадъ я имѣлъ честь быть представленъ вамъ нашимъ общимъ другомъ, поэтомъ Михаэлисомъ.

Базедовъ. Михаэлисомъ? а! вѣрно въ Дессау?

Я. Нѣтъ, не въ Дессау, а въ Альтонѣ, въ одной изъ бесѣдокъ на Эльбѣ, гдѣ вы изволили играть въ кегли.

Базедовъ. Это очень немудрено, я люблю играть въ кегли; но я васъ не могу припомнить; позвольте узнать фамилію?

Я. Брандесъ.

Базедовъ (*перелистывая разныя книги*). Что это такое? Напиши только книгу и, хочешь — нехочешь, а всѣ тебя знаютъ.

Можетъ быть эти слова относились вовсе не ко мнѣ, а только къ книгѣ, которую ученый профессоръ перелистывалъ; однакоже Каутеръ, — такъ назывался книгопродавецъ, — замѣтилъ, что я могъ принять ихъ на свой счетъ, и шепнулъ ему: — Вы ошибаетесь, г. профессоръ: это извѣстный актеръ и литераторъ, котораго драматическія сочиненія вы, безъ, сомнѣнія читали.

Базедовъ (*продолжая перелистывать книги*). У меня нѣтъ лишняго времени, чтобы тратить его на чтеніе подобныхъ вещей.

Это грубое обхожденіе взбѣсило меня. Я обратился къ книгопродавцу, заговорилъ о нѣкоторыхъ новыхъ книгахъ, о ихъ авторахъ; между прочимъ, о только что вышедшей книгѣ ученаго Вольке, и при этомъ случаѣ ввернулъ, что я считаю его въ числѣ своихъ лучшихъ друзей.

Базедовъ (*вслушиваясь*). Вольке вамъ другъ?

Я. Да, я его очень уважаю; я имѣлъ счастіе познакомиться съ нимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, здѣсь, въ Лейпцигѣ.

Затѣмъ я продолжалъ съ жаромъ говорить о его учености, о его прекрасной душѣ, и прочая.

Базедовъ. Вы совершенно правы; Вольке человѣкъ съ большимъ дарованіемъ и съ прекрасною душою; предостойный человѣкъ.

Я (*съ колкостью*). И при всѣхъ его достоинствахъ ни малѣйшей спѣси. (*Послѣ нѣкотораго молчанія, между тѣмъ, какъ Базедовъ продолжалъ перелистывать книги.*) Осмѣлюсь-ли, г. профессоръ, просить васъ при случаѣ засвидѣтельствовать ему мое почтеніе?

Базедовъ. Съ большимъ удовольствіемъ. Ваше имя?

Каутеръ взглянулъ на меня и пожалъ плечами.

Я. Брандесъ, артистъ Зейлеровой труппы.

Базедовъ. Хорошо, я запишу.

И онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и сталъ вписывать мое имя и званіе, повторяя ихъ по складамъ. Чтобы не навлечь новую грубость, я простился съ Каутеромъ и вышелъ, отвѣсивъ низкій поклонъ ученому профессору, который все еще писалъ по складамъ мое имя и званіе.

—

ГЛАВА VI.

Какъ скоро ярмарка кончилась, мы возвратились въ Готу. Бенда, между-тѣмъ, кончилъ партитуру «*Аріадны*». Черезъ нѣсколько недѣль эта мелодрама была представлена, и съ-тѣхъ-поръ повторялась очень часто. Около этого времени пріѣхалъ въ Готу изъ Касселя молодой археологъ Распе, извѣстный своими несчастіями, и умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ. Онъ былъ въ Касселѣ инспекторомъ кабинета медалей и древностей, и ѣхалъ, по приказанію ландграфа, въ Италію, для усовершенствованія въ своемъ предметѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ рѣдкостей, недостававшихъ въ кабинетѣ. Распе изъявилъ желаніе познакомиться со мною. Зная его уже и какъ ученаго, и какъ поэта, по его археологическимъ и по драматическимъ сочиненіямъ, я не только принялъ его съ уваженіемъ, должнымъ извѣстному ученому и литератору, но даже извѣстилъ о его прибытіи дворъ и исходатайствовалъ ему позволеніе представиться брату герцога, который только что возвратился изъ Италіи, и самъ много занимался археологіею. Онъ былъ принятъ чрезвычайно благосклонно и получилъ даже нѣкоторыя порученія въ Италію.

Распе былъ очень пріятный и забавный собесѣдникъ; но иногда за самою шумною веселостью слѣдовало у него глубокое уныніе; часто также при одномъ взглядѣ на портретъ жены, съ кото-

рымъ онъ никогда не разлучался, глаза его наполнялись слезами. Онъ объяснялъ эту неровность настроенія духа горестью разлуки съ женою, которую онъ оставилъ въ Берлинѣ, у ея родныхъ, и тайнымъ предчувствіемъ, что онъ ее болѣе не увидитъ. Въ минуты откровенности, онъ показывалъ мнѣ иногда медали и драгоцѣнные камни, находившіеся въ кабинетѣ ландграфа, по его словамъ, въ двухъ экземплярахъ, и которые ему поручено было обмѣнять на недостававшіе. Я совѣтовалъ ему предложить ихъ герцогу, который былъ знатокъ въ этихъ вещахъ, и самъ имѣлъ довольно большую и цѣнную коллекцію; но онъ не согласился, говоря, что въ Италіи онъ надѣется обмѣнять ихъ выгоднѣе. Наконецъ, я узналъ причину его тоски въ ту минуту, какъ всего менѣе ожидалъ. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ поздно вечеромъ, встревоженный и разстроенный, и сказалъ мнѣ, что онъ получилъ предписаніе отъ ландграфа поспѣшить отъѣздомъ въ Италію, и что онъ отправляется на разсвѣтѣ. Затѣмъ онъ простился со мною, обнялъ меня и поспѣшно вышелъ. На слѣдующій день я получилъ еще записку, писанную передъ самымъ его отправленіемъ, въ которой онъ говорилъ, что очень несчастенъ, но что, несмотря на все, что мнѣ будутъ говорить о немъ, онъ однако-же не совсѣмъ недостоинъ моего уваженія и дружбы. Все это было для меня новою загадкою; но она разрѣшилась въ тотъ-же день, когда я увидѣлъ въ газетахъ циркулярное приглашеніе схватить Распе, гдѣ ни случится, какъ виновнаго въ похищеніи разныхъ драгоцѣнныхъ вещей изъ кабинета, ввѣреннаго его попеченію. Можно себѣ представить, какъ поразило меня это извѣстіе; я не зналъ, какъ я покажусь на глаза герцогской фамиліи послѣ того, какъ этотъ человѣкъ не только бывалъ у меня каждый день, но даже чрезъ меня былъ представленъ ко двору. Однако-же дѣло обошлось безъ другихъ послѣдствій для меня, кромѣ шутокъ и насмѣшекъ товарищей.

Нѣсколько времени спустя, въ Лейпцигѣ я получилъ довольно подробныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи, отъ одного изъ друзей Распе, бывшаго даже нѣкоторое время его спутниковъ. По его словамъ, Распе съ юношескихъ лѣтъ оказывалъ такую-же склонность и такія-же способности къ мотовству, какъ и къ археологіи. Долги его росли съ каждымъ днемъ, а кредитъ междутѣмъ упадалъ; наконецъ, ему не осталось другаго средства, какъ взять изъ ввѣреннаго ему кабинета нѣсколько медалей и другихъ драгоцѣнныхъ вещей и заложить ихъ, съ тѣмъ, чтобы выкупить ихъ по немногу, когда жалованье его увеличится, какъ онъ имѣлъ полное право надѣяться. Къ несчастію, Распе долго не могъ ни

расплатиться съ долгами, ни выкупить заложенныя медали; по той же причинѣ, онъ не положилъ на мѣсто разныя драгоцѣнныя вещи изъ кабинета, бывшія еще въ его рукахъ.

Тогда начали вслухъ порицать его мотовство и намекать на то, что у него вѣрно есть какіе-нибудь безчестные источники доходовъ. Эти слухи обратили на себя вниманіе герцога; и враги Распе поспѣшили внушить ему сомнѣніе въ честности консерватора. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ интригъ, герцогъ приказалъ освидѣтельствовать кабинетъ; разумѣется, что многихъ вещей по описи не оказалось, и немедленно былъ распубликованъ по всей Германіи циркуляръ объ арестованіи виновнаго.

—

ГЛАВА VII.

Во время пребыванія своего въ Готѣ, я написалъ въ досужіе часы трагедію «*Медичи*». При сочиненіи ея я пользовался совѣтами моихъ друзей Энгеля и Бенды, и жены тайнаго совѣтника Лихтенштейна, отличавшейся столько-же природнымъ вкусомъ, какъ и образованностью. Исправивъ пьесу по ихъ совѣтамъ, я напечаталъ ее во второмъ томѣ собранія моихъ драматическихъ сочиненій, вышедшемъ около того времени.

Въ концѣ зимы Зейлеръ отправился опять съ труппою въ Лейпцигъ, чтобы пробыть тамъ все время ярмарки; тамъ получилъ онъ предложеніе отъ Дрезденскаго двора играть въ Дрезденѣ, на такихъ выгодныхъ условіяхъ, что онъ рѣшился его принять. Заключивъ и подписавъ контрактъ, онъ возвратился въ Готу, чтобы уничтожить свой контрактъ съ здѣшнимъ дворомъ. Герцогу жаль было лишиться театра, и онъ рѣшился учредить постоянный театръ на собственномъ иждивеніи. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ лучшихъ артистовъ нашей труппы поступить къ нему, какъ скоро кончится срокъ ихъ контрактамъ съ Зейлеромъ; жалованья имъ положено только три четверти того, что они получали у Зейлера, но за то, въ случаѣ закрытія театра, они могли полагаться на половину своего оклада въ видѣ пожизненной пенсіи. Экгофъ и нѣкоторые другіе актеры не замедлили принять предложеніе. Зейлеръ, котораго это ставало въ очень затруднительное положеніе, всѣми силами старался удержать хоть часть своей труппы, обѣщавъ значительно возвысить жалованія. Другъ мой Энгель, который работалъ для него и принималъ въ немъ большое участіе, совѣтовалъ мнѣ пристать къ послѣдней части; а какъ притомъ Зейлеръ обѣщалъ мнѣ боль-

шія выгоды, то я безъ труда согласился на ихъ убѣжденія. Мало-по-малу нашъ директоръ успѣлъ сманить нѣсколько хорошихъ актеровъ съ другихъ театровъ, и наша небольшая труппа сдѣлалась такимъ образомъ довольно полна.

Къ осени дворъ отправился въ Альтенбургъ, на ландтагъ, и труппа послѣдовала за нимъ. Герцогъ и его супруга нисколько не измѣнились къ тѣмъ актерамъ, которые уклонились отъ предложенія поступить на придворный театръ; напротивъ, они до послѣдняго времени посѣщали наши представленія и осыпали насъ изъявленіями своей благосклонности и подарками. Я не разъ сожалѣлъ въ душѣ, что не принялъ предложенія герцога, который былъ всегда такъ милостивъ ко мнѣ и къ моему семейству; но дѣло было уже сдѣлано, и перемѣнить его не было никакой возможности. Черезъ мѣсяцъ ландтагъ закрылся, и герцогская фамилія возвратилась въ Готу. Труппа новаго придворнаго театра послѣдовала за нею, подъ управленіемъ Экгофа, который былъ назначенъ директоромъ; а Зейлеръ, съ тою частью труппы, которая осталась ему вѣрною и съ вновь ангажированными артистами, поѣхалъ въ Лейпцигъ.

—

ГЛАВА VIII.

Въ Лейпцигѣ главною заботою Зейлера было, по возможности, пополнить труппу и обогатить репертуаръ новыми пьесами, чтобы достойно явиться въ Дрезденѣ. Актеры, съ своей стороны, такъ содѣйствовали ему своимъ усердіемъ, что черезъ нѣсколько недѣль онъ былъ въ состояніи открыть театръ, и мы отправились на мѣсто назначенія, гдѣ насъ ждали съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

По прибытіи нашемъ въ Дрезденъ, курфирстъ поручилъ главное управленіе нѣмецкаго театра барону фонъ-Кенигу, завѣдывавшему всѣми увеселеніями двора. Онъ долженъ былъ принять на себя, вмѣсто Зейлера, не только выборъ пьесъ, но даже отчасти и распредѣленіе ролей. Мы давали свои представленія на небольшомъ театрѣ, неподалеку отъ дворца, на которомъ, для большаго разнообразія, давались также иногда оперы-буффы, имѣвшія большой успѣхъ. Нѣсколько дней спустя послѣ нашего пріѣзда, вся труппа была представлена вдовствующей герцогинѣ Саксонской, которая милостиво допустила насъ къ рукѣ. Впослѣдствіи мы получили дозволеніе подходить къ рукѣ самого курфир-

ста и его супруги, въ извѣстные торжественные дни, при выходѣ ихъ изъ церкви. Курфирстъ проходилъ обыкновенно сквозь ряды представлявшихся ему очень скоро, и подавалъ имъ руку, не обращая ни на кого особеннаго вниманія; супруга его, напротивъ, проходя послѣ него, останавливалась передъ каждымъ и очень милостиво разговаривала. Точно также поступали герцогъ Карлъ Курляндскій и его супруга, у которыхъ строгость этикета соблюдалась какъ и у вдовствующей курфирстши.

Дрезденское общество чрезвычайно любитъ удовольствія и въ особенности театръ. Какъ въ городѣ давно уже не бывало порядочной нѣмецкой труппы, то нѣсколько богатыхъ молодыхъ людей разныхъ званій сложились и устроили между собою домашній театръ, который въ короткое время достигъ высокой степени совершенства, подъ управленіемъ кабинетъ-секретаря Циндриха, человѣка весьма образованнаго и съ замѣчательнымъ дарованіемъ. Этотъ театръ держался уже четыре года, благодаря умному управленію и добровольнымъ пожертвованіямъ, какъ учредителей, такъ и многихъ другихъ лицъ.

Кромѣ того, съ нѣкотораго времени, довольно плохая кочующая труппа поселилась въ Фридрихштадтской пивоварнѣ и давала импровизированныя представленія. Плата за входъ была самая ничтожная; зрителямъ, кромѣ спектакля, предстояло удовольствіе выпить кружку пива, и даже, если было угодно, выкурить трубку. Тутъ нерѣдко происходили самыя забавныя сцены. Въ одномъ представленіи, на которомъ я былъ какъ приглашенный гость, герой пьесы былъ приговоренъ къ казни. На сценѣ былъ устроенъ эшафотъ и виновнаго торжественно привели подъ конвоемъ. Взошедши на эшафотъ, онъ обратился къ зрителямъ, произнесъ претрогательную рѣчь и потомъ преспокойно положилъ голову на плаху. Арлекинъ, исправлявшій въ этотъ день должность палача, подошелъ къ плахѣ, и уже занесъ топоръ надъ головою несчастнаго. — «Пощади»! закричало нѣсколько зрителей, бросая на сцену свои носовые платки. — «Пощади»! подхватилъ хоромъ весь театръ. Арлекинъ опустилъ топоръ, и сказалъ: — «Ну, коли этимъ господамъ такъ угодно, это другое дѣло! Слышишь, негодяй? вставай-же, поблагодари этихъ господъ и убирайся»! Осужденный всталъ и началъ въ предлинной и нескладной рѣчи изъявлять свою благодарность публикѣ. Рѣчь была-бы еще длиннѣе, еслибъ арлекинъ - палачъ, замѣтивъ, что онъ началъ уже слишкомъ завираться, не погналъ его со сцены палкою. Затѣмъ арлекинъ объявилъ почтеннѣйшей публикѣ, что на слѣдующій день будетъ представлена опять таже пьеса, но

просилъ почтеннѣйшую публику не миловать этого негодяя, потому-что это мерзавецъ, котораго давно пора повѣсить.

—

ГЛАВА IX.

Къ этому времени дочь моя подросла и уже довольно часто являлась въ комедіяхъ и въ небольшихъ операхъ; но какъ она еще не получала жалованья и появленіе ея на сцену причиняло мнѣ довольно значительныя издержки, потому-что я долженъ былъ ее костюмировать, то я рѣшился напомнить Зейлеру обѣщаніе, данное имъ въ Готѣ, увеличить мнѣ жалованье. Онъ однако-же, подъ разными предлогами, отложилъ исполненіе моего требованія до другаго времени. Наше доброе согласіе давно уже нарушалось каждый день соперничествомъ нашихъ женъ; съ другой стороны, я въ это-же время получилъ съ разныхъ сторонъ очень выгодныя предложенія: лейтенантъ Ротманъ приглашалъ меня на Мюнстерскій театръ, котораго онъ былъ директоромъ; Таборъ звалъ меня къ себѣ, въ Франкфуртъ на-Майнѣ; Шрёдеръ — въ Гамбургъ. Поэтому я рѣшился разойтись съ Зейлеромъ и принять предложеніе Шрёдера, которое казалось мнѣ выгоднѣе другихъ. Слухъ о моемъ намѣреніи разнесся скоро по городу и всѣ стали наперерывъ стараться помирить насъ. Курфирстша соизволила лично и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ изъявить моей женѣ желаніе свое и всего двора, чтобы мы остались въ Дрезденѣ. Тоже подтвердила мнѣ вдовствующая курфирстша. Наконецъ, по предложенію барона фонъ-Ракница, дворянство и богатѣйшіе изъ горожанъ составили подписку, чтобы вознаградить меня за прибавку жалованья, въ которой Зейлеръ отказалъ мнѣ. На другой-же день я получилъ сорокъ два червонца при безъименной запискѣ, въ которой мнѣ обѣщали всѣми силами содѣйствовать и помогать мнѣ и моему семейству. Не убѣдиться всѣми этими доказательствами уваженія и любви публики было бы съ моей стороны слишкомъ неблагодарно; я пошелъ къ Зейлеру и объявилъ ему, что остаюсь у него еще на годъ, не требуя прибавочнаго жалованія. Подписка, открытая въ мою пользу финансъ-совѣтникомъ Мульднеромъ, первымъ моимъ благодѣтелемъ и другомъ, шла такъ успѣшно, что въ короткое время была собрана довольно значительная сумма. Бо̀льшая часть подписчиковъ рѣшила, что эти деньги слѣдовало употребить на портретъ моей жены. Вслѣдствіе этого рѣшенія, живописцу Графу поручено было снять съ нея портретъ въ одной изъ лучшихъ сценъ роли *Аріадны*. Этотъ пор-

третъ, во весь ростъ, вышелъ чрезвычайно удачно; къ нему заказали превосходную раму, и въ новый годъ художникъ поднесъ его моей женѣ, отъ имени всей дрезденской публики.

Въ началѣ весны дворъ уѣхалъ въ Пильницъ, а труппа отправилась на Лейпцигскую ярмарку. Тутъ кругъ моихъ друзей и знакомыхъ увеличился еще многими новыми лицами, изъ которыхъ я назову только поэта Іемгера, профессора Шохера и купца Брейткопфа. Зейлеръ сдѣлалъ весьма полезное пріобрѣтеніе въ лицѣ Опица, молодаго человѣка съ необыкновенными способностями, который былъ студентомъ Лейпцигскаго университета и готовился къ ученому званію, но рѣшился, по страсти, посвятить себя драматическому искусству.

Зейлеру очень хотѣлось предохранить на будущее время свою труппу отъ распаденія; дѣйствительно, эта труппа почти вся состояла изъ истинныхъ артистовъ и довела свою игру до такого согласія, до такой стройности и отчетливости, какихъ не было, можетъ быть, ни въ одной труппѣ въ Германіи. Для осуществленія своей мысли онъ предложилъ намъ, вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Лейпцигъ, образовать капиталъ для назначенія пожизненныхъ пенсій заслуженнымъ актерамъ или тѣмъ, которые, по какимъ нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ, принуждены будутъ отказаться отъ сцены. Всѣ члены общества одобрили эту мысль и охотно согласились на еженедѣльный вычетъ изъ жалованія, соразмѣрный окладу каждаго. Зейлеръ, съ своей стороны, назначилъ два представленія въ годъ въ пользу этого капитала. Первый бенефисъ былъ устроенъ нѣсколько дней спустя послѣ этого благодѣтельнаго рѣшенія. Гросманъ сочинилъ на этотъ случай рѣчь къ публикѣ, которую произнесла моя дочь; она въ первый разъ еще обращалась къ публикѣ, однако-же исполнила это порученіе очень мило и съ чувствомъ, и удостоилась единодушныхъ рукоплесканій. Къ сожалѣнію, обстоятельства скоро перемѣнились и прекрасная мысль Зейлера была оставлена.

По окончаніи ярмарки мы возвратились въ Дрезденъ. Но какъ лѣтомъ дворъ рѣдко бываетъ въ этомъ городѣ и всѣ зажиточные жители разъѣзжаются по дачамъ и деревнямъ, Зейлеръ перенесъ свои представленія въ большой балаганъ за Черными воротами, близъ Линкскихъ купаленъ. Онъ надѣялся на гуляющихъ и купающихся, и послѣдствія показали, что разсчетъ его былъ основателенъ. Мнѣ особенно было пріятно это пребываніе за городомъ, потому что оно благопріятствовало моимъ литературнымъ занятіямъ. Кромѣ множества пьесъ, которыя я по окончаніи отдалъ для чтенія разнымъ своимъ знакомымъ, и которыя такимъ обра-

зомъ пропали, я написалъ въ это время комедію: «*Свадьба, или магиха*», которая въ слѣдующую зиму была представлена въ Дрезденѣ съ большимъ успѣхомъ, такъ-же, какъ моя трагедія «*Медичи*». «*Свадьба*» была также представлена въ скоромъ времени и имѣла успѣхъ въ Берлинѣ подъ названіемъ «*Мужчина или женщина?*» которое очень удачно придумалъ для нея Энгель.

Многія мои роли въ это время были переданы вновь ангажированнымъ актерамъ и слѣдовательно театръ могъ на нѣкоторое время обойтись безъ меня. Поэтому я рѣшился взять отпускъ и съѣздить на нѣсколько недѣль въ свой родной городъ.

Я не въ силахъ описать радости моей матушки, которая почти не надѣялась уже меня видѣть. Какъ умильно благодарила она Бога за это неожиданное счастіе! Тетушки уже не было въ живыхъ; это было мнѣ тѣмъ прискорбнѣе, что передъ смертью она простила меня и изъявляла желаніе меня видѣть; а я не могъ лично убѣдиться въ перемѣнѣ ея чувствъ, благодарить ее, сказать ей, что я никогда не переставалъ любить ее и считать ее своею благодѣтельницею! По смерти ея, матушка, ослабѣвъ отъ старости и огорченій, и не имѣя болѣе силы работать, исходатайствовала себѣ, чрезъ своихъ благодѣтелей, помѣщеніе въ монастырѣ святаго Петра, гдѣ она надѣялась спокойно кончить жизнь.

Матушка не успѣла насмотрѣться на меня, наговориться со мною, какъ наступилъ срокъ моему отпуску, и я долженъ былъ ѣхать назадъ въ Дрезденъ. Я утѣшилъ ее, какъ умѣлъ, и, прощаясь, далъ слово при первой возможности пріѣхать къ ней опять, съ женою и съ дѣтьми.

—

ГЛАВА X.

Возвратясь въ Дрезденъ, я имѣлъ удовольствіе нечаянно застать тамъ своего друга Энгеля. Вскорѣ пріѣхали также Моисей Мендельсонъ и извѣстный писатель Мейснеръ. Первый пожелалъ видѣть мою драму «*Аріадну*». И пьеса, и игра моей Шарлотты удостоились одобренія философа, который осыпалъ насъ увѣреніями въ своемъ уваженіи и въ своей дружбѣ.

Какъ дворъ и большая часть публики предпочитали комедію серьезной драмѣ, я вздумалъ попытаться, въ досужіе часы, передѣлать для нашего театра нѣкоторыя комедіи французскихъ писателей. На первый разъ я выбралъ Мольерова «*Врача по неволѣ*».

Зейлеръ поставилъ комедію; но она не имѣла большаго успѣха, и я рѣшился бросить переводы и посвятить все свое время сочиненію оригинальныхъ пьесъ.

По наступленіи осени, мы закрыли свой загородный театръ, и отправились опять въ Лейпцигъ вознаградить себя, во время ярмарки, за довольно скудные лѣтніе сборы. Пробывъ тутъ четыре недѣли, мы узнали, что дворъ возвратился въ Дрезденъ, и должны были ѣхать въ то самое время, какъ дѣла наши шли самымъ блистательнымъ образомъ, чтобы поспѣшить открыть свой театръ въ столицѣ.

Какъ безпрестанные переѣзды прерывали ученіе моей дочери и принуждали ее на время совсѣмъ бросать свои занятія, то я рѣшился, по пріѣздѣ дъ Дрезденъ, отдать ее въ пансіонъ. Тутъ она получила отличное воспитаніе съ дѣвицами Бишофсвердеръ, Рехтеръ и многими другими, поступившими въ заведеніе вмѣстѣ съ нею. Учителями ея въ музыкѣ были знаменитый пьянистъ Траншель и бывшая его ученица, дѣвица Анекъ. Впослѣдствіи Маріоттини, пѣвецъ итальянской оперы, давалъ ей уроки пѣнія.

Лессингъ, возвращаясь въ это время изъ своего путешествія въ Италію, заѣхалъ въ Дрезденъ, и очень обрадовался, видя меня и мое семейство въ такомъ счастливомъ положеніи. Онъ не могъ долго оставаться въ городѣ и мы только за обѣдомъ побесѣдовали съ нимъ спокойно; главными предметами разговора были его путешествіе и современное состояніе нѣмецкаго театра. Онъ очень сожалѣлъ о явномъ паденіи истинной комедіи; строго порицалъ историческія драмы, входившія съ нѣкотораго времени въ моду, и разныя причуды, стукотню, турниры, безпрестанныя перемѣны декорацій, лошадей, и проч., которыми онѣ были напичканы. Съ колкостью критиковалъ онъ также неуваженіе къ языку и къ нравственности, проявлявшіяся во многихъ пьесахъ этого рода. Меня-же онъ поздравлялъ съ тѣмъ, что я остался вѣренъ первому своему направленію и не увлекся, подобно нѣкоторымъ другимъ писателямъ, примѣромъ великихъ геніевъ, завладѣвшихъ первенствомъ на театрѣ и въ литературѣ, которыхъ дарованіямъ онъ однако-же отдавалъ полную справедливость. Между-тѣмъ, какъ мы бесѣдовали, явился братъ Лессинга, только что пріѣхавшій изъ Каменца, и съ которымъ онъ не видался уже нѣсколько лѣтъ. Его приходъ прервалъ нашъ разговоръ. Я простился съ своимъ другомъ, котораго, къ моему огорченію, мнѣ не суждено было болѣе видѣть.

Въ теченіе этой зимы, Зейлеру было сдѣлано предложеніе ангажироваться съ своею труппою въ Мангеймъ. Какъ ему обѣща-

ли тамъ гораздо большія выгоды, чѣмъ какими онъ пользовался въ Дрезденѣ, и какъ онъ былъ притомъ очень недоволенъ тѣмъ, что дрезденская дирекція не соглашалась на его требованія, не давала ему денежнаго пособія, условленнаго въ контрактѣ, и сверхъ того, безпрестанно требовала отъ него принятія или увольненія нѣкоторыхъ актеровъ, на что онъ не могъ соглашаться, то онъ не поколебался принять новое приглашеніе. Между-тѣмъ Дрезденскій дворъ такъ привыкъ къ нѣмецкому театру, что не могъ уже обойтись безъ него и рѣшился основать театръ на своемъ иждивеніи. Для устройства этого театра и для управленія имъ избрали меня. Каммергеръ графъ Марколини предложилъ мнѣ принять это порученіе. Довѣріе, которое оказывалъ мнѣ дворъ, было слишкомъ лестно, а предложенное мнѣ жалованье, по 1300 талеровъ въ годъ, съ обѣщаніемъ прибавки по сту талеровъ каждый годъ, было слишкомъ заманчиво, чтобы мнѣ долго размышлять. Я, не колеблясь, принялъ предложеніе и отошелъ отъ Зейлера. Едва пронесся слухъ о предполагаемомъ основаніи придворнаго театра, какъ изъ Богеміи, изъ Франконіи, со всѣхъ концевъ Германіи нахлынула толпа актеровъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Испытавъ всѣхъ этихъ господъ, я выбралъ изъ нихъ лучшихъ и ангажировалъ также нѣсколько дебютантовъ, подававшихъ хорошія надежды. Въ числѣ послѣднихъ были дѣвица Зейфертъ, молоденькая дѣвушка съ замѣчательнымъ талантомъ, и Флукъ, который впослѣдствіи, съ помощью своего дарованія и труда, сдѣлался первоклассным артистомъ. Я пригласилъ также нѣсколько извѣстныхъ актеровъ съ другихъ театровъ, которымъ, по моему предложенію, были назначены хорошія жалованія. Нѣкоторые изъ Зейлеровыхъ актеровъ также перешли ко мнѣ, и такимъ образомъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, моя труппа достигла надлежащей полноты и требуемаго совершенства. Въ концѣ зимы Зейлеръ отправился въ Лейпцигъ, чтобы пробыть тамъ ярмарочное время и замѣнить отпавшихъ членовъ своей труппы новыми. Потомъ онъ отправился съ остатками старой труппы и съ вновь приглашенными актерами въ Мангеймъ, а я остался въ Лейпцигѣ съ ядромъ будущей придворной труппы, ждать пріѣзда артистовъ, которыхъ я ангажировалъ съ другихъ театровъ, чтобы съ ихъ помощью прилично открыть ввѣренный мнѣ театръ.

—

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА I.

Недѣли черезъ три по отъѣздѣ Зейлера, приготовленія мои были кончены, и я уже сбирался открыть театръ съ своею вновь сформированною труппою, какъ неожиданное происшествіе разрушило всѣ планы. Открылась война съ Баваріею и Дрезденскій дворъ счелъ необходимымъ уменьшить свои расходы. Сумма, назначенная на содержаніе нѣмецкаго театра, обращена на другіе предметы; итальянская опера совсѣмъ распущена, а бывшему ея директору, въ вознагражденіе понесенныхъ имъ убытковъ, дарована, по ходатайству графа Марколини, привиллегія на содержаніе нѣмецкаго театра. Эта перемѣна обстоятельствъ была для меня, конечно, очень непріятна; однако же она не произвела никакого существеннаго измѣненія въ моемъ контрактѣ; только я долженъ былъ, вмѣсто званія директора придворнаго театра, довольствоваться званіемъ режиссера театра Бондини. Но какъ Бондини не имѣлъ почти никакого понятія о нѣмецкомъ теарѣ, то онъ исправлялъ должность директора подъ надзоромъ барона фонъ-Кёнига. Нѣкоторые изъ актеровъ, ангажированныхъ мною съ другихъ театровъ, были очень недовольны этою перемѣною; но дѣлать было нечего, имъ оставалось покориться судьбѣ и радоваться, что хорошія жалованья, на которыхъ они были приглашены, были оставлены имъ въ цѣлости.

Какъ скоро осенняя ярмарка кончилась, я отправился съ труппою Бондини въ Дрезденъ. Новые актеры дебютировали съ огромнымъ успѣхомъ; особенно Рейнеке съ перваго разу явился первоклассным артистомъ и скоро сдѣлался любимцемъ публики.

Черезъ нѣсколько недѣль, по возвращеніи нашемъ, пріѣхала въ Дрезденъ, съ мужемъ. давнишняя моя знакомая, госпожа Мара, которую я зналъ еще въ то время, когда она называлась дѣвицею Шмелингъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я разстался съ Зейлеромъ, я взялъ свою дочь домой и опять пустилъ ее на театръ. Ея учитель музыки, Траншель, желая блеснуть своею ученицею при пѣвицѣ, которой слава гремѣла по всей Европѣ, сочинилъ для нея варіяціи на прелестную тему изъ «*Дезертира.*» Госпожа Мара, услышавъ молодую пѣвицу, была восхищена ея талантомъ и вызвалась давать ей каждый день уроки пѣнія. Вскорѣ послѣ того поэтъ Мейснеръ передѣлалъ свою комедію «Der Liebesteufel,» (заимствованную изъ французской комедіи Леграна), въ оперетку,

подъ названіемъ «*Алхимика*»; придворный капельмейстеръ Шустеръ сочинилъ къ ней музыку и прибавилъ къ роли моей дочери большую бравурную арію, которую она спѣла съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Съ этого времени имя Минны Брандесъ сдѣлалось извѣстнымъ въ музыкальномъ мірѣ.

Бондини, знавшій толкъ въ музыкѣ и умѣвшій оцѣнить талантъ моей дочери, былъ въ восторгѣ, что могъ обогатить свою труппу молодою артисткою, подававшею такія огромныя надежды. Онъ подарилъ ей превосходный золотой медальонъ и назначилъ ей независимо отъ меня и моей жены, четыреста талеровъ въ годъ жалованья.

Вскорѣ послѣ того, шведскій посланникъ, писавшій своему двору о замѣчательномъ талантѣ молодой пѣвицы, получилъ предписаніе ангажировать ее для стольгольмской оперы, назначивъ ей четыреста талеровъ въ годъ жалованья на первое время, до изученія шведскаго языка, съ тѣмъ, чтобы она въ тоже время продолжала совершенствоваться въ оперномъ пѣніи, подъ руководствомъ капельмейстера Неймана. Однако-же, какъ ни лестно было для моей дочери это предложеніе, повторенное самимъ Нейманомъ, я не могъ рѣшиться отпустить ее отъ себя въ такихъ молодыхъ лѣтахъ и счелъ долгомъ уклониться отъ него.

Въ это время я написалъ мелодраму «*Ино*», къ которой музыку сочинилъ придворный капельмейстеръ короля прусскаго, Рейхардъ. Она была представлена съ успѣхомъ на многихъ театрахъ; однако-же никогда не производила такого фурора, какъ «*Аріадна.*»

Незадолго передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Дрездена, неожиданно пріѣхалъ къ намъ знаменитый вѣнскій актеръ Брокманъ. Всѣ, видѣвшіе его или знавшіе его только по наслышкѣ, заранѣе восхищались тѣмъ, что увидятъ его въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его ролей. По приказанію вдовствующей курфирстши и по желанію нѣкоторыхъ почтенныхъ любителей искусства, я сообщилъ Брокману общее желаніе; онъ охотно согласился сыграть роль графа Эссекса, въ трагеліи Ѳомы Корнеля; я даже назначилъ день. Получивъ его согласіе, я тотчасъ объявилъ о томъ публикѣ, и доложилъ вдовствующей курфирстшѣ, прося въ то-же время позволенія представить ей знаменитаго артиста, на что она милостиво согласилась. Многіе изъ моихъ друзей и знакомыхъ изъявляли желаніе лично познакомиться съ нимъ. Чтобы удовлетворить ихъ желанію, я рѣшился дать, наканунѣ представленія, большой обѣдъ, на который пригласилъ его самаго и его почитателей. Но къ моему великому удивленію и прискорбію, утромъ того дня я получилъ записку отъ Рейнеке, въ которой онъ извѣщалъ меня, что

Брокманъ, по приказанію императора, долженъ былъ немедленно ѣхать въ Вѣну, что онъ поручилъ ему сказать мнѣ, какъ прискорбно ему было, что онъ немогъ играть обѣщанной роли и принять участіе въ праздникѣ, которой я давалъ для него. Я поспѣшилъ доложить объ этомъ обстоятельствѣ вдовствующей курфирстшѣ, и мнѣ показалось, что она уже все знала; она сказала мнѣ, что, по ея мнѣнію, Брокманъ поспѣшилъ отъѣздомъ вовсе не по приказанію императора, а скорѣе по просьбамъ и убѣжденіямъ Рейнеке, который до-сихъ-поръ игралъ роль графа Эссекса съ необыкновеннымъ успѣхомъ и боялся, чтобы несравненная игра Брокмана не повредила его славѣ. Не могу ручаться, что догадка курфирстши была основательна; какъ бы то ни было, а этотъ случай лишилъ насъ удовольствія видѣть на нашемъ театрѣ одного изъ величайшихъ нѣмецкихъ актеровъ и изъявить уваженіе къ его таланту.

—

ГЛАВА II.

Къ концу года Бондини раздѣлилъ труппу и рѣшился, по внушенію Рейнеке, который безпрестанно интриговалъ и возбуждалъ несогласія, послать на зиму одну часть, подъ моимъ управленіемъ въ Лейпцигъ, давать небольшія оперы, а драматическую труппу оставить въ Дрезденѣ подъ собственнымъ своимъ управленіемъ и комитета, избраннаго актерами подъ вліяніемъ Рейнеке.

Предвидя, что мнѣ не выдержать зимы съ одною оперою, я настоялъ на томъ, чтобы давать также комедіи. Для этого я нанялъ нѣсколько порядочныхъ актеровъ изъ колующихъ труппъ, взялъ двухъ дебютантовъ, подававшихъ хорошія надежды, и пригласилъ еще нѣсколько талантливыхъ артистовъ съ другихъ театровъ. Эти артисты, моя жена, дочь и нѣсколько пѣвцовъ, изъявившихъ готовность участвовать въ комедіяхъ, составили недурную драматическую труппу, и чрезъ нѣсколько недѣль я могъ уже открыть театръ. Счастіе благопріятствовало мнѣ: я выбралъ пьесы, которыя нѣсколько лѣтъ уже не давались, и которыя были по силамъ моимъ актерамъ; публика была снисходительна и одобрила всѣ мои распоряженія. Въ девять недѣль, изъ которыхъ три недѣли театръ былъ закрытъ, по случаю рождественскаго поста, я собралъ для Бондини три тысячи талеровъ.

Вдругъ Бондини написалъ мнѣ, что дрезденская публика также желаетъ имѣть оперу, и велѣлъ немедленно ѣхать съ своею труппою. Я долженъ былъ, противъ воли, проститься съ городомъ,

гдѣ мнѣ такъ везло, и отправляться въ Дрезденъ, гдѣ меня ожидали новыя непріятности.

Какъ скоро я пріѣхалъ въ Дрезденъ, обѣ труппы были опять соединены въ одну, и я опять вступилъ въ свою должность режиссера, въ которой, какъ я предвидѣлъ, мнѣ пришлось бороться съ тысячею новыхъ козней. Интриги увеличивались съ каждымъ днемъ, не смотря на мое стараніе исполнять свои обязанности со всевозможною осмотрительностью, снисхожденіями, а иногда и съ надлежащею строгостью. Мое здоровье, прежде столь крѣпкое, начало примѣтно разстроиваться, и я наконецъ рѣшительно слегъ, такъ, что нѣсколько недѣль не могъ заниматься театромъ. Рейнеке чрезъ это достигъ своей цѣли; ему было ввѣрено управленіе театра до моего выздоровленія и онъ могъ уже безпрепятственно приводить въ исполненіе свои злобные замыслы. Первымъ его дѣломъ было унизить въ глазахъ публики лучшихъ актеровъ, которыхъ я привезъ изъ Лейпцига, заставляя ихъ играть роли нетолько совершенно несогласныя съ ихъ средствами, но которыя онъ самъ игралъ передъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, и въ которыхъ они, естественно, должны были подвергнуться, можетъ быть и незаслуженной, немилости зрителей. Вслѣдствіе этого Бондини отказалъ имъ всѣмъ, одному за другимъ. Когда я выздоровѣлъ, я увидѣлъ безпорядки, надѣланные безъ меня, и открыто изъявлялъ свое неудовольствіе; но поправить зло уже было не въ моей власти. Бондини былъ человѣкъ честный и благонамѣренный, но ужасно безхарактерный, и не имѣлъ почти ни малѣйшаго понятія объ управленіи театромъ. Рейнеке воспользовался моею болѣзнью, чтобы предупредить его противъ меня и овладѣть его волею; а потомъ я уже не могъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, бороться съ его вліяніемъ.

—

ГЛАВА III.

Вскорѣ послѣ моего выздоровленія, посланникъ курфирста Пфальцскаго, баронъ Гальбергъ, призвалъ меня къ себѣ и объявилъ мнѣ, что по разнымъ обстоятельсвамъ, Зейлерова труппа была удалена изъ Мангейма, что курфирстъ рѣшился учредить постоянный театръ на свой счетъ, что суперинтендентъ театра, баронъ Дальбергъ, очень желалъ-бы видѣть меня въ главѣ новой труппы, и что, слѣдовательно, отъ меня одного зависѣло согласиться на предложеніе принять управленіе новымъ придворнымъ театромъ подъ его надзоромъ и на хорошомъ жалованьи. Предложеніе это пришлось,

какъ нельзя болѣе, кстати; мнѣ давно уже надоѣли непріятности, которыми преслѣдовали меня на каждомъ шагу мои недоброжелатели, а новыя ихъ интриги совершенно вывели меня изъ терпѣнія. Поэтому я принялъ предложеніе безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Однако-же, чтобы оградить себя отъ упрековъ, я рѣшился, прежде, чѣмъ подписать контрактъ, поговорить съ Бондини. Я представилъ ему всю непріятность своего настоящаго положенія, напомнилъ ему условія, на которыхъ онъ ангажировалъ меня; доказалъ числами, какъ успѣшно шли его дѣла прежде, и даже недавно еще, въ Лейпцигѣ, когда я одинъ завѣдывалъ управленіемъ театра; и объявилъ, что для своей чести и для выгоды театра, я долженъ требовать, по силѣ своего контракта, чтобы управленіе было опять ввѣренно мнѣ одному, безъ участія комитета, который досихъ-поръ порождалъ одни несогласія и безпорядки; въ случаѣ-же, если онъ не согласится на мое справедливое требованіе, я буду принужденъ принять гороздо выгоднѣйшее предложеніе, которое имѣю ввиду. Бондини, дѣйствовавшій совершенно подъ вліяніемъ Рейнеке, выслушалъ мое объясненіе съ оскорбительнымъ для меня равнодушіемъ, и упорствовалъ въ сохраненіи комитета; а какъ, съ возвращенія моего изъ Лейпцига, я началъ замѣчать, что и публика, вѣроятно вслѣдствіе тѣхъ-же интригъ, не оказывала мнѣ уже прежняго уваженія, то я разсудилъ, что всего благоразумнѣе будетъ добровольно удалиться и воспользоваться предложеніемъ барона Гальберга. Бондони безъ труда согласился отпустить меня, и даже приплатить мнѣ четыреста талеровъ вознагражденія за мое отреченіе отъ контракта. Кончивъ дѣло съ нимъ, я немедленно отправился къ посланнику, объявилъ ему, что я раздѣлался съ Бондини, и просилъ заключить со мною контрактъ на дирекцію мангеймскимъ театромъ. Но онъ, къ крайнему моему удивленію, отвѣчалъ ,что въ Мангеймѣ между тѣмъ были приняты другія мѣры, что Зейлеръ, узнавъ о предполагаемомъ учрежденіи придворнаго театра, соблазнился надеждою обезпечить себя на будущее время и предложилъ себя въ директоры. Какъ контрактъ со мною еще не былъ заключенъ, суперинтендентъ театра, опасаясь, что если дрезденская дирекція предложитъ мнѣ выгодныя условія, я возобновлю свой контрактъ съ нею, согласился на предложеніе Зейлера, съ тѣмъ однако-же, чтобы въ случаѣ моего пріѣда, онъ раздѣлилъ удравленіе театра со мною. Зейлеръ, имѣвшій цѣлью только обезпечить себя на будущее время, безъ труда покорился этому условію и подписавъ контрактъ за себя и за жену, возвратился съ нею въ Франкфуртъ на-Майнѣ, чтобы распустить свою труппу, которая имѣла въ этомъ городѣ так-

же мало успѣха, какъ и въ Мангеймѣ. Сообщивъ мнѣ эти извѣстія, посланникъ объявилъ мнѣ, что если я соглашусь принять управленіе театромъ вмѣстѣ съ Зейлеромъ, мнѣ дадутъ двѣ тысячи триста гульденовъ годоваго жалованія со дня открытія театра, а до того времени пять сотъ гульденовъ, и сверхъ того заплатятъ мнѣ за проѣздъ. Эта неожиданная перемѣна обстоятельствъ была мнѣ очень непріятна и поставила меня въ весьма затруднительное положеніе. Возобновить послѣ моего рѣшительнаго отказа контрактъ съ Бондини на старыхъ условіяхъ было-бы слишкомъ унизительно для моей чести; да притомъ, еслибъ я и рѣшился на такой поступокъ, то имѣлъ полный поводъ сомнѣваться, чтобы онъ на то согласился послѣ моихъ рѣзкихъ отзывовъ о его управленіи. Искать занятія при другихъ театрахъ было совершенно противно моимъ выгодамъ. Стало быть, мнѣ оставалось только покориться судьбѣ и подписать контрактъ, присланный изъ Мангейма; только я выбросилъ статью, возлагавшую часть управленія на меня, и предоставилъ его Зейлеру одному. Къ этому меня особенно побудило увѣреніе посланника, что Зейлера не любили въ Мангеймѣ, и что я могъ надѣяться заступить его мѣсто, когда публика лучше узнаетъ мой характеръ и мою опытность. Управлять театромъ одному было для меня гораздо лестнѣе; но, зная образъ дѣйствій Зейлера и чрезмѣрное самолюбіе его жены, я сдѣлалъ непростительную ошибку, уступивъ ему свою часть власти, и потомъ больно поплатился за нее.

Едва успѣлъ я подписать контрактъ съ мангеймскимъ театромъ, какъ получилъ письмо изъ Праги, отъ графа Коловрата Либштейна, который приглашалъ меня отъ имени графа Клари и всего прагскаго дворянства, принять на хорошемъ жалованьи и другихъ выгодныхъ условіяхъ, управленіе постояннымъ театромъ, который они предполагали основать въ этомъ городѣ. Къ сожалѣнію, уже было поздно; контрактъ былъ подписанъ. Приди это предложеніе нѣсколькими днями раньше, я принялъ-бы его съ радостью.

Какъ мнѣ оставалось еще цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ до вступленія въ мои новыя обязанности, я употребилъ часть этого времени на сочиненіе трагедіи «*Оттилія*». Остальное свободное время я проводилъ въ обществѣ своихъ друзей или въ прогулкахъ по восхитительнымъ окрестностямъ Дрездена. Особенное наслажденіе доставляло мнѣ живописное помѣстье Зейферсдорфъ. Однажды имѣлъ я удовольствіе присутствовать съ своимъ семействомъ на великолѣпномъ праздникѣ, на которомъ собралось все отборнѣйшее общество Дрездена, и который владѣлецъ этого пре-

краснаго помѣстья, графъ Морицъ фонъ-Брюль, давалъ по случаю дня рожденія своего брата, фельдцейхмейстера фонъ-Брюля. Кромѣ разныхъ сельскихъ увеселеній, устроенныхъ съ большимъ вкусомъ, тутъ былъ и домашній театръ, на которомъ прелестная хозяйка явилась и умною писательницею, и отличною актрисою. Мнѣ поручено было написать для открытія представленія прологъ, который былъ произнесенъ сыномъ графа. Давно уже не зналъ я такихъ безмятежныхъ удовольствій, какими я наслаждился въ этомъ почтенномъ семействѣ, въ которомъ, не смотря его знатность и богатство, не было слѣда спѣси.

Двое изъ высокихъ моихъ покровителей были въ это время въ Дрезденѣ: герцогъ Гольштейнъ-Бекскій и принцъ Леопольдъ Брауншвейгскій. Послѣдній помнилъ еще мое пребываніе въ Брауншвейгѣ и принялъ меня чрезвычайно благосклонно; герцогъ нѣсколько разъ почтилъ меня своимъ посѣщеніемъ и осыпалъ самыми лестными свидѣтельствами своего благорасположенія.

Шарлотта, желая также употребить съ пользою шесть мѣсяцевъ свободы, съѣздила съ нашимъ сыномъ въ Берлинъ и дала нѣсколько успѣшныхъ представленій на тамошнемъ театрѣ. Доббелинъ, бывшій въ то время директоромъ этого театра, щедро наградилъ ее. Я долженъ былъ остаться въ Дрезденѣ до выздоровленія дочери, которая давно уже была больна; какъ скоро она поправилась, мы поѣхали также въ Берлинъ, гдѣ я предполагалъ пробыть нѣкоторое время съ своимъ семействомъ.

—

ГЛАВА IV.

Двѣнадцать лѣтъ уже не бывалъ я въ Берлинѣ. Въ это время произошло много перемѣнъ; многихъ изъ моихъ прежнихъ друзей и покровителей не было въ живыхъ; всѣхъ чувствительнѣе была для меня утрата моего вѣрнаго друга Жильберта. Изъ всего круга друзей, среди котораго я нѣкогда провелъ столько сладкихъ часовъ, оставались только Рамлеръ и Виланко. Рамлеръ, великій поэтъ, жилъ по-прежнему скуднымъ жалованьемъ въ четыреста талеровъ, а Виланко былъ все еще поручикомъ. Зато съ невыразимою радостью узналъ я, что старый другъ мой Энгель получилъ наконецъ порядочное мѣсто, благодаря стараніямъ министра Седлица. Я опять отдалъ на его строгій судъ свои новыя драматическія произведенія и исправилъ ихъ по его совѣтамъ. Моя дочь съ восторгомъ увидѣла свою наставницу и подругу, госпожу Мару, которая встрѣтила ее съ распростертыми

объятіями и съ прежнимъ усердіемъ принялась за уроки, которыя она принуждена была прервать въ Дрезденѣ. Какъ Минна между-тѣмъ сдѣлала большіе успѣхи подъ руководствомъ пѣвца Маріоттини, то ей немного нужно было времени, чтобы, съ помощью наставленій такой великой артистки, усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ до того, что она могла уже смѣло явиться передъ публикою. Первый концертъ ея далъ хорошій сборъ и успѣхъ его поощрилъ молодую пѣвицу къ новымъ занятіямъ и усиліямъ.

Во время нашего пребыванія въ Потсдамѣ, принцесса Амалія Прусская неоднократно приглашала меня къ себѣ, но я не могъ исполнить ея приказанія. По возвращеніи моемъ, приглашеніе было возобновлено, и я поспѣшилъ явиться. Принцесса начала разговоръ самымъ лестнымъ привѣтствіемъ. — «Донынѣ, сказала она, я не любила нѣмецкаго театра; но чтеніе вашихъ пьесъ доставило мнѣ столько удовольствія, что я примирилась съ нимъ и впредь намѣрена посѣщать его постоянно». Такая неожиданная похвала нѣсколько смутила меня, ибо я самъ очень хорошо понималъ слабость своихъ драматическихъ произведеній. Затѣмъ она спросила меня, не соглашусь-ли я принять управленіе Берлинскимъ театромъ, вмѣсто Доббелина, которымъ ни она, ни братъ ея не были довольны, и увѣрила меня, что если я хочу, то мнѣ не будетъ недостатка ни въ надлежащей помощи, ни въ покровительствѣ.

Какъ ни лестно было мнѣ это предложеніе, однако-же я долженъ былъ отъ него отказаться, по причинѣ контракта, заключеннаго съ Мангеймомъ. «Труппа въ своемъ родѣ недурна, сказала принцесса; но управленіе очень плохо; Доббелинъ вовсе не умѣетъ распоряжаться». Я потупилъ взоры и молчалъ. Потомъ принцесса сдѣлала мнѣ другое предложеніе, еще болѣе неожиданное. Она желала сочинить ораторію, и хотѣла, чтобы я написалъ ей текстъ. Это требованіе поставило меня въ ужасно-затруднительное положеніе, я рѣшился прямо сказать правду. Я представилъ ей, что я вовсе не владѣю стихомъ, и притомъ имѣю слишкомъ ограниченныя познанія въ музыкѣ, чтобы написать нѣчто достойное ея музыкальнаго таланта, и затѣмъ совѣтовалъ ей лучше обратиться къ профессору Рамлеру. Принцесса была, по-видимому, недовольна, и отвѣчала: — «Рамлеръ хорошій поэтъ, я это знаю; но я желаю, чтобы текстъ къ моей ораторіи былъ написанъ вами, а не имъ». Я видѣлъ, что надо было исполнить волю принцессы и обѣщалъ прислать ей требуемую поэму изъ Мангейма. Затѣмъ она меня отпустила.

—

ГЛАВА V.

Мы выѣхали изъ Берлина, и, объѣздивъ нѣкоторыя части Германіи, прибыли въ Мангеймъ. И правду сказать, мы пріѣхали на мѣсто назначенія въ самую пору! Нѣсколько дней уже было нестерпимо душно, и со всѣхъ сторонъ собирались густыя тучи. Наконецъ, онѣ покрыли все небо непроницаемымъ, чернымъ слоемъ. Едва мы въѣхали въ городъ, какъ поднялся страшный вихрь и разразилась ужаснѣйшая буря, которая свирѣпствовала нѣсколько часовъ и причинила много вреда въ окрестностяхъ. Увѣряли, будто молнія упала на театръ, однако-же не зажгла его, а только повредила нѣсколько крышу. Нашему хозяину, который былъ порядкомъ суевѣренъ, это показалось очень дурнымъ предзнаменованіемъ для насъ. Впрочемъ, предсказаніе его отчасти сбылось и очень скоро. Нѣсколько дней спустя послѣ нашего пріѣзда, у насъ украли на очень значительную сумму бѣлья, серебра и разныхъ драгоцѣнныхъ вещей, и я не могъ открыть виновнаго. Вскорѣ затѣмъ, слуга, котораго я привезъ съ собою изъ Дрездена, сбѣжалъ; но дождался, мошенникъ, чтобы я сперва одѣлъ его заново съ ногъ до головы. Какъ только принесли ему новое платье, онъ пришелъ ко мнѣ показать обнову, благодарилъ меня очень усердно, потомъ выпросился со двора по своимъ дѣламъ и съ-тѣхъ-поръ не являлся. Уже въ Дрезденѣ, незадолго предъ моимъ отъѣздомъ, служанка бѣжала отъ меня со всѣмъ моимъ серебромъ; но тогда полиція приняла такія дѣятельныя мѣры, что чрезъ нѣсколько дней виновная была схвачена, и я получилъ всѣ свои вещи.

Какъ намъ предшествовала въ Мангеймѣ довольно громкая слава, то всѣ спѣшили посмотрѣть на важное пріобрѣтеніе, которое сдѣлалъ театръ; на слѣдующее утро на нашей квартирѣ проходу небыло отъ множества любителей театра, приходившихъ поздравить насъ съ пріѣздомъ. Въ нѣсколько дней мы завели столько новыхъ знакомствъ, что потеряли имъ счетъ; всѣ эти лица и множество другихъ, которыхъ мы едва знали по имени, считали долгомъ присылать намъ подарки, состоявшіе большею частью изъ мѣстныхъ произведеній. Суперинтендантъ театра, баронъ Дальбергъ, принялъ насъ также весьма любезно; при первомъ-же свиданіи онъ подарилъ мнѣ драму своего сочиненія, въ которой должны были участвовать вновь ангажированные актеры, и въ которую онъ вставилъ нѣсколько очень лестныхъ намековъ на меня и на мою жену. Такъ какъ Саксенъ-Готскій дворъ рѣшился закрыть театръ, вслѣдствіе несправедливыхъ требованій

актеровъ, то баронъ Дальбергъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы ангажировать въ Мангеймъ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ артистовъ этой труппы; ихъ ожидали съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Но увы! лучшаго изъ нихъ не дождались! Экгофа уже небыло; изнурительная лихорадка похитила его у искусства въ полномъ развитіи его дивнаго таланта.

Тутъ я попрошу снисходительнаго читателя дозволить мнѣ небольшое отступленіе, чтобы поговорить объ этомъ замѣчательномъ артистѣ. Я давно слышу, что многіе почитатели его желали-бы имѣть подробную его біографію; нѣкоторые даже ожидали ее отъ меня, потому что я нѣсколько лѣтъ былъ коротко знакомъ съ покойнымъ. Однако-же, какъ я въ послѣднее время лишился того довѣрія, которое онъ оказывалъ мнѣ прежде, то я самъ знаю о его жизни только то, что могъ прочесть въ «*Лѣтописи нѣмецкаго театра*» и въ другихъ изданіяхъ. Въ 1757 году, когда я началъ свое драматическое поприще на театрѣ Шенемана, Экгофъ былъ уже извѣстнымъ, великимъ актеромъ, гордостью нѣмецкихъ театровъ;* уже тогда можно было предвидѣть въ немъ перваго, единственнаго представителя германскаго драматическаго искусства, и англичане и французы, такъ ревнующіе славѣ своихъ артистовъ, ставили его уже на ряду съ Гаррикомъ и Лекеномъ. Онъ былъ малъ ростомъ, сложенъ довольно дурно, и вообще наружность его на театрѣ не предупреждала въ его пользу тѣхъ, которые не знали его еще, какъ артиста. Но достаточно было ему нѣсколькихъ минутъ, чтобы восторжествовать надъ самыми холодными зрителями. Вы забывали недостатки его роста и сложенія, и впивались въ каждое его слово, въ каждое движеніе; передъ вами былъ не актеръ, а то лицо, которое онъ хотѣлъ представить; каждый разъ, какъ онъ являлся на сценѣ, онъ какъ-будто волшебствомъ вливалъ въ публику то чувство, которое хотѣлъ въ ней возбудить. Только въ сценахъ, не представлявшихъ рѣшительно никакого интереса, и въ роляхъ, которыхъ главный характеръ состоялъ въ благородствѣ и изяществѣ пріемовъ, можно было предохраниться отъ увлеченія и замѣтить въ немъ недостатокъ воспитанія. Память его была изумительна. Въ какіе-нибудь четыре или пять часовъ онъ могъ выучить роль въ нѣсколько листовъ довольно твердо, чтобы играть. Его свѣдѣнія въ теоріи искусства были довольно ограничены, потому что безпрестанное участіе въ представленіяхъ не давало ему времени много читать. Нельзя не радоваться тому, что онъ не пошелъ по слѣдамъ Урбильдера, потому что тогда мы не имѣли-бы въ немъ того оригинальнаго, изумительнаго артиста, обязаннаго своимъ талан-

томъ только природѣ и себѣ. Онъ прекрасно усвоивалъ себѣ представляемые характеры; но почти никогдаа не ограничивался тѣми чувствами, которыхъ требовало самое дѣйствіе. Въ трагическихъ роляхъ онъ, казалось, ощущалъ болѣе скорби, чѣмъ ощущаетъ несчастный на самомъ дѣлѣ; но онъ умѣлъ такъ искусно увлечь публику, что это никогда не казалось преувеличеніемъ. Притомъ, въ самыхъ даже патетическихъ сценахъ, когда сила чувства повидимому совершенно овладѣвала имъ, онъ однако же никогда не забывался и всегда владѣлъ собою; эта способность доходила у него до того, что онъ нерѣдко трогалъ зрителей до слезъ, оставаясь самъ совершенно холоденъ.

Напримѣръ, въ драмѣ Шлассера «*Дуэль*», въ которой онъ исполнялъ роль отца, память однажды измѣнила ему, и онъ никакъ не могъ вспомнить послѣднихъ словъ своего разговора съ дочерью, въ которомъ онъ предлагаетъ ей достойнаго супруга. Какъ такіе случаи, при его чудесной памяти, за нимъ не водились и слѣдовательно онъ не привыкъ импровизировать, то очень естественно, что онъ смѣшался, и невольно выказалъ досаду на суфлера, который недовольно громко подсказывалъ. Наконецъ, онъ какъ-то успѣлъ войти въ роль, и докончилъ, съ небольшимъ измѣненіемъ, свою роль, слѣдующими словами: «Донынѣ дочь моя была образцомъ повиновенія; ей извѣстно мое рѣшеніе и желаніе, и я убѣжденъ, что она неизмѣнитъ тѣмъ прекраснымъ качествамъ, которыя являла до-сихъ-поръ, не откажетъ старику отцу въ радости ожить въ своихъ внукахъ». Ропотъ, возбужденный въ публикѣ его промахомъ, еще не утихъ; иллюзія была разрушена, актеры почти сбиты съ толку. Конечно, въ эту минуту, Экгофъ не могъ глубоко чувствовать то, что говорилъ. Однако-же въ его голосѣ, въ выраженіи его лица было нѣчто столь трогательное, что они мгновенно покорили всю публику; вся зала зарыдала, и сами актеры были такъ взволнованы этимъ неожиданнымъ эффектомъ, что не могли продолжать, и должны были начать сцену сызнова.

Экгофъ игралъ почти всякаго рода роли, но не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ; однако-же тѣ даже роли, которыя наименѣе соотвѣтствовали характеру его таланта, выигрывали у него противъ того, какъ ихъ исполняли нѣкоторые изъ его товарищей, потому что онъ умѣлъ всегда придать имъ одушевленіе, жизнь, которая никакъ не давалась другимъ, не смотря ни на какія усилія. Люзиньянъ, въ «Заирѣ,» Дорбессонъ въ «Отцѣ семейства», Гартлей въ драмѣ Бомарше «Евгенія», Агапито, въ «Мнимый больной» Гольдони, мужикъ въ «Деревенскомъ наслѣдникѣ»

Мариво, и нѣкоторыя другія роли были верхомъ его искусства.

Смерть его невознаградимая утрата для нѣмецкаго театра. Къ счастію, онъ оставилъ нѣсколько достойныхъ учениковъ, которые образовались по его примѣру, чтобы въ послѣдствіи съ честью идти по его стопамъ. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательны Ифландъ, Берхерсъ и Мейеръ. Ифландъ достигъ высокой степени совершенства, и игра его, на мангеймскомъ театрѣ, донынѣ живо напоминаетъ его незабвеннаго учителя всѣмъ, кто имѣлъ счастіе видѣть этого великаго артиста.

Въ Мангеймѣ къ намъ присоединились также нѣкоторые актеры изъ распущенной Зейлеровой труппы; эти господа, мое семейство, и еще нѣсколько другихъ прибывшихъ артистовъ, составили довольно полную труппу, которая впослѣдствіи была еще пополнена двумя комиками съ мюнхенскаго театра.

Баронъ Дальбергъ, прекрасный, почтенный человѣкъ и талантливый драматическій писатель, употребилъ всѣ средства, чтобы придать этому новоучрежденному театру надлежащую прочность и достоинство. Онъ самъ показалъ мнѣ зданіе театра, которое превзошло всѣ мои ожиданія своею обширностью, красотою и богатствомъ отдѣлки. Сцена и зала были расположены, какъ нельзя лучше, декораціи довольно многочислены и даже роскошны, гардеробъ полонъ костюмовъ, сдѣланныхъ со вкусомъ и достаточно разнообразныхъ.

Какъ публика изъявляла желаніе скорѣе видѣть на сценѣ мою жену, то въ ожиданіи пріѣзда актеровъ изъ Готы, было поставлено нѣсколько небольшихъ пьесъ, въ которыхъ главныя роли исполняли она и госпожа Зейлеръ, бывшая также въ Мангеймѣ съ мужемъ. Но едва представленія успѣли открыться, какъ пошли для насъ непріятности. Послѣ мелодрамы Аріадна, Шарлотта была вызвана, и встрѣчена всеобщими рукоплесканіями; госпожа Зейлеръ неудостоилась этой чести въ Медеѣ, ея любимой роли, хотя она играла ее незавидно; это бросило между ними яблоко раздора и старое соперничество ожило. Сначала мы могли не обращать на него вниманія, потому что у публики были глаза и уши, и она могла судить сама о достоинствѣ и заслугахъ той и другой артистки; но съ теченіемъ времени оно дошло до того, что намъ не было никакого покою отъ интригъ госпожи Зейлеръ, и безпрестанныя непріятности совершенно разстроили здоровье моей жены.

Первымъ моимъ литературнымъ трудомъ, въ Мангеймѣ, была драма которую я писалъ по желанію принцессы, Амаліи Прусской.

Окончивъ свою поэму, я подвергнулъ ее суду нѣкоторыхъ композиторовъ, и сдѣлалъ въ ней перемѣны и исправленія, какія они нашли нужными. Затѣмъ я отправилъ рукопись къ принцессѣ, которая наградила меня весьма лестнымъ собственноручнымъ письмомъ.

Какъ моя трагедія «Оттилія», написанная за нѣсколько лѣтъ, нуждалась еще въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ, я принялся передѣлывать ее по указаніямъ Энгеля. Потомъ я отдалъ ее актеру Стефани младшему, случившемуся въ Мангеймѣ, проѣздомъ въ Вѣну, съ тѣмъ, чтобы онъ постарался поставить ее на тамошнемъ театрѣ. Вѣнская дирекція приняла пьесу съ радостью и прислала мнѣ за нее пятьдесятъ червонцевъ.

Окончивъ эту пьесу, я принялся за окончательную отдѣлку драмы «Констанція фонъ-Детмольдъ», или «мѣра за мѣру,» и потомъ передѣлалъ совершенно свою трагедію «Миссъ-Фанни», подъ названіемъ «Кораблекрушеніе.» Обѣ пьесы были представлены въ Мангеймѣ съ большимъ успѣхомъ, и суперинтендантъ театра далъ мнѣ въ вознагражденіе весь сборъ втораго представленія послѣдней. Знаменитый французскій композиторъ Давци написалъ къ ней музыку, которая произвела такой сильной эфектъ, особенно въ сценѣ кораблекрушенія, что сами актеры были поражены. Затѣмъ я принялся отдѣлывать начисто комедію «Молодой скупецъ или наслѣдство.» Баронъ Дальбергъ одобрилъ ее, и обѣщалъ мнѣ за нее также весь сборъ втораго представленія, оно однако-же не состоялось, потому что я вскорѣ затѣмъ оставилъ Мангеймскій театръ. Рукопись, впрочемъ, осталась въ рукахъ дирекціи и, незнаю какимъ образомъ, попала въ руки какого-то мелкаго издателя, который напечаталъ ее безъ моего вѣдома, и недавъ мнѣ никакого вознагражденія; имя этого издателя я умолчу.

Изъ моихъ новыхъ комедій, «Свадьба, или мачиха», первая была представлена на здѣшней сценѣ; она имѣла огромный успѣхъ и доставила мнѣ, какъ автору, рѣдкую честь быть вызваннымъ публикою. Дочь моя вскорѣ удостоилась той-же чести въ оперѣ «Земира и Азоръ.»

—

ГЛАВА VI.

Въ числѣ лицъ, съ которыми я особенно коротко познакомился въ Мангеймѣ, былъ извѣстный гравёръ Синценикъ. Онъ изъявилъ желаніе представить публикѣ образчикъ своего искусства, выгравировавъ портретъ моей жены въ роли Аріадны, писанный Графомъ. Я охотно согласился, и онъ сдѣлалъ на моемъ иждивеніи

эту извѣстную гравюру, которая нынѣ такъ цѣнится знатоками и любителями.

Баронъ Дальбергъ, не щадившій ни издержекъ, ни труда для удовольствія публики, поставилъ между прочимъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ оперу «Розамунду,» которой текстъ принадлежитъ перу знаменитаго Виланда. Замѣчательно, что тѣ изъ актеровъ, которые не участвовали въ представленіи, по мудрому распоряженію кассира, должны были платить за входъ въ театръ; иначе ихъ не впускали. Впрочемъ, нашему кассиру не въ первый разъ случалось дѣлать такія глупости. Мнѣ разсказывали, что незадолго передъ тѣмъ онъ поступилъ еще глупѣе и грубѣе съ Лессингомъ, который былъ приглашенъ въ Мангеймъ для совѣщанія объ устройствѣ новаго театра. По случаю его пріѣзда назначили великолѣпное представленіе одной изъ его драмъ и кассиръ заставилъ его заплатить за билетъ. Это дошло до суперетенданта, который порядкомъ намылилъ ему голову. Кассиръ послѣ этого счелъ долгомъ исправить свой промахъ; онъ написалъ Лессингу письмо, въ которомъ извинялся въ своей ошибкѣ, и вложилъ въ него гульденъ, цѣну билета. Лессингъ взялъ деньги и съ улыбкою отдалъ ихъ на водку подателю.

Послѣ перваго представленія «Розамунды», супруга курфирста пожелала видѣть главныхъ пѣвцовъ, въ томъ числѣ мою дочь, занимавшую главную роль. Какъ отецъ, я счелъ долгомъ идти съ нею. Курфирстша, не видѣвъ меня на сценѣ въ числѣ пѣвцовъ, спросила, кто я такой? — «Отецъ Розамуды, ваше высочество,» отвѣчалъ я. — «А, Виландъ!»—Одинъ каммергеръ подошелъ къ ней и объяснилъ ей, кто я. — «Такъ вы отецъ этой прелестной молодой пѣвицы? Весьма пріятно васъ видѣть и поздравить васъ съ такою дочерью; вы можете гордиться ею». За тѣмъ она дозволила намъ подойти къ рукѣ, и отпустила насъ.

Что касается окрестностей Мангейма, то дѣйствительно трудно найдти болѣе живописную страну. Въ ясные дни я обыкновенно отправлялся смотрѣть на нихъ съ башни Академіи, и нерѣдко просиживалъ тутъ по нѣсколько часовъ. Куда ни посмотришь, вездѣ являются такіе чудесные виды, что жаль отъ нихъ оторваться: Гейдельбергъ, Франкенталь, Вормсъ, Шпейеръ, Оперсгеймъ, Швецингенъ, и множество другихъ. Рейнъ и Неккаръ, извиваясь широкими извилинами по долинѣ, представляютъ самую разнообразную и самую восхитительную картину. Отъ времени до времени я посѣщалъ разные сосѣдніе города и часть такъ называемой Горной Дороги (die Bergstrasse). Но изъ всѣхъ этихъ мѣстъ ни одно не любилъ я такъ, какъ Гейдельбергъ; съ его горы, видъ несравненно лучше еще, чѣмъ изъ Мангейма.

Въ первый разъ, какъ я посѣтилъ это дивное мѣсто, готовясь войти въ гостинницу, я увидѣлъ маленькаго старичка, который бѣжалъ со всѣхъ ногъ комнѣ навстрѣчу; онъ рекомендовался содержателемъ гостинницы, и разсыпался въ привѣтствіяхъ и въ изъявленіяхъ радости, что видитъ меня у себя, и въ добромъ здоровьи, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки. Я не могъ однако же припомнить, откуда онъ зналъ меня, пока онъ не объяснилъ мнѣ, что онъ былъ нѣкогда управителемъ у моей спѣсивой родственницы, вдовы подполковника Фонъ Л**, въ Ганноверѣ. Затѣмъ, онъ разсказалъ мнѣ, что немедленно послѣ моего выѣзда изъ ея дома, госпожа его умерла, сдѣлавъ за нѣсколько часовъ передъ смертью духовное завѣщаніе, которымъ она отказывала все свое имѣніе, довольно богатое, старой сестрѣ своего покойнаго мужа. По смерти ея, управитель удалился на свою родину, въ Пфальцъ, съ небольшимъ капитальцемъ. Онъ поселился въ Гейдельбергѣ, завелъ гостинницу и, благодаря своей дѣятельности и расторопности, скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ обывателей города. Мнѣ очень пріятно было видѣть добраго старика въ такомъ счастливомъ положеніи; а онъ такъ обрадовался мнѣ, что угостилъ меня лучшими кушаньями и лучшимъ виномъ, какіе у него были въ домѣ, и ни за что не хотѣлъ взять съ меня денегъ.

Большое удовольствіе доставилъ мнѣ также неожиданный пріѣздъ Саксенъ-Веймарскаго наслѣднаго принца, въ сопровожденіи молодаго, но славнаго уже поэта и тайнаго совѣтника, Гёте. Вслѣдъ за нимъ пріѣхала и сама владѣтельная герцогиня. Высокіе путешественники сохраняли строгое инкогнито. Я тотчасъ представился имъ, и былъ принятъ такъ-же просто и такъ-же благосклонно, какъ въ прежнее время. Моя дочь, по желанію своей высокой покровительницы, спѣла нѣсколько арій въ домашнемъ концертѣ, бывшемъ у барона Дальберга, и удостоилась самыхъ лестныхъ похвалъ. При этомъ случаѣ я былъ очень обрадованъ присутствіемъ совѣтника правленія Эйнзиделя, въ которомъ я узналъ того же прямаго, простодушнаго и любезнаго друга, какимъ знавалъ его встарину.

—

ГЛАВА VII.

Во второе лѣто, проведенное нами въ Мангеймѣ, ужасный зной породилъ множество опасныхъ болѣзней. Блестящіе успѣхи моей Шарлотты во всѣхъ ея роляхъ, даже самыхъ незначительныхъ, возбуждали зависть ея соперницъ; на сценѣ-ли, или въ обществѣ, вездѣ была она окружена интригами другихъ актрисъ и ихъ покровителей. Эти непріятности давно уже разстроили ея здо-

ровье и она захворала жестокою желчною горячкою, которая продержала ее въ постели нѣсколько мѣсяцевъ и едва не свела въ могилу. Я самъ, мое семейство и многіе изъ актеровъ заболѣли въ то-же время горячкою, хотя не столь опасною; такъ, что дирекція принуждена была на нѣсколько недѣль закрыть театръ. Наконецъ мы всѣ выздоровѣли, благодаря неутомимымъ попеченіямъ моего друга, доктора Гута. Но какъ враги наши не переставали возбуждать противъ насъ новыя козни, я рѣшился, по совѣту врача, оставить совсѣмъ Мангеймъ, и искать занятія въ другомъ мѣстѣ. Желаніе мое скоро исполнилось; черезъ посредство актера Шрёдера, съ которымъ я былъ друженъ, я былъ ангажированъ на Гамбургскій театръ, съ жалованіемъ по шести сотъ червонцевъ въ годъ и съ бенефисомъ.

Едва я заключилъ контрактъ съ гамбургскою дирекціею, какъ дѣла въ Мангеймѣ перемѣнились. Г-жа Тоскани, довольно хорошая актриса и задушевная пріятельница г-жи Зейлеръ, бывшая, съ самаго пріѣзда нашего въ Мангеймъ, одною изъ главныхъ соперницъ и недоброжелательницъ моей жены, вдругъ такъ возгордилась своими успѣхами и заслугами, что стала смотрѣть свысока на всѣхъ товарищей. Отсюда произошли размолвки, интриги, открытыя ссоры. По случаю жалобы, принесенной госпожею Тоскани на Зейлера суперинтенданту и министру Оберндорфу, было произведено изслѣдованіе. При этомъ случаѣ поступили другія жалобы; всѣ несправедливыя и притѣснительныя дѣйствія Зейлера, въ томъ числѣ и въ отношеніи къ моей женѣ, выведены на свѣжую воду. Зейлеръ признанъ виновнымъ и удаленъ отъ театра вмѣстѣ съ женою.

Баронъ Дальбергъ, узнавъ непріятности, которыя мы должны были терпѣть, старался по возможности загладить ихъ. Онъ предложилъ мнѣ возобновить мой контрактъ, съ тѣмъ, чтобы мнѣ заступить мѣсто Зейлера и получать три тысячи гульденовъ жалованья, кромѣ разныхъ другихъ выгодъ. Самъ министръ Оберндорфъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ моихъ покровителей, повторилъ это предложеніе. Но, увы, уже было поздно! Баронъ Дальбергъ писалъ гамбургской дирекціи, что мангеймскій дворъ очень желалъ, чтобы контрактъ мой съ нею былъ уничтоженъ; но дирекція не согласилась, и я долженъ былъ ѣхать. Передъ отъѣздомъ однако-же, жена моя имѣла еще удовольствіе сыграть съ огромнымъ успѣхомъ Медею, любимую роль г-жи Зейлеръ, и получить, отъ имени всей публики, увѣреніе въ искреннемъ ея сожалѣніи о томъ, что наговоры и интриги враговъ не позволили отдать полную справедливость и должную дань уваженія такому прекрасному таланту.

Принцъ и принцесса Изенбургскіе удостоили насъ самаго лестнаго выраженія своей благосклонности. Прощаясь съ нами, они обняли мою жену и дочь, а принцъ пожаловалъ мнѣ значительной денежный подарокъ, и просилъ меня прислать ему одинъ экземпляръ гравюры, изображавшей Шарлотту въ роли Аріадны, для того, прибавилъ онъ, чтобы сохранить ее на память о семействѣ, доставившемъ ему столько удовольствія и которое онъ такъ уважалъ. Публика также хотѣла доказать намъ, при прощаніи, свою любовь и уваженіе. Баронъ Дальбергъ и нѣкоторые другія знатныя лица подарили моей дочери собраніе богатыхъ костюмовъ; а купеческое сословіе, наканунѣ нашего отъѣзда, прислало ей превосходные золотые часы.

Въ то самое время, какъ я заключилъ контрактъ съ Гамбургскимъ театромъ, получилъ я письмо изъ Версали отъ своего пріятеля, профессора Фриделя, котораго я передъ тѣмъ извѣстилъ о своемъ намѣреніи оставить Мангеймъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ пріѣхать на нѣкоторое время съ семействомъ въ Парижъ, гдѣ моя дочь, рекомендованная самымъ выгоднымъ образомъ г-жею Мара и капельмейстеромъ Георгомъ Бендою, могла поступить на выгодныхъ условіяхъ въ королевскую академію музыки. При этомъ онъ предлагалъ намъ жить на его квартирѣ, гостями. Цѣль его была прекрасна; но онъ составилъ себѣ слишкомъ высокое понятіе о талантѣ моей дочери, повѣривъ на слово нашимъ добрымъ друзьямъ. Онъ воображалъ ее уже вполнѣ развитою артисткою, которая могла смѣло выступить на одной сценѣ съ парижскими артистками, и его нѣмецкому патріотизму особенно льстила мысль, что можетъ быть она, нѣмка, еще отобьетъ у нихъ пальму первенства. Я объяснилъ ему это въ своемъ отвѣтѣ; описалъ ему свою дочь безпристрастно, какъ артистку еще молодую и неопытную, подававшую огромныя надежды, но еще далекую отъ совершенства, и наконецъ объявилъ, что не могъ воспользоваться его любезнымъ приглашеніемъ не только по этой причинѣ, но и потому, что заключилъ контрактъ съ Гамбургскимъ театромъ.

Никогда, можетъ быть, семейство актеровъ не удостоивалось такихъ изъявленій живѣйшаго участія и искренняго, всеобщаго уваженія, какими добрые жители Мангейма, осѣняли насъ въ день нашего отъѣзда. Не только всѣ наши друзья, но и множество людей, намъ вовсе незнакомыхъ провожали насъ до заставы; всѣ улицы оглашались прощальными привѣтствіями и пожеланіями намъ счастія.

—

ЮМОРИСТИКА.

ДАЧЕМАНІЯ

или

РАЗВЪ МЫ ХУЖЕ ДРУГИХЪ?

ДРАМАТИЧЕСКАЯ КАРТИНА СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ.

Д. Андреевскаго.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Семенъ Петровичъ Огурчиковъ.
Мареа Спиридоновна, жена его.
Даша, Саша, Маша } дочери ихъ.
Ѳома Ѳомичъ Щетининъ.
Настасья Андревна Балабайкина.
Ѳекла, кухарка Огурчиковыхъ.

Дѣйствіе въ С. Петербургѣ.

—

(Комната, довольно опрятно меблированная, на лѣвой сторонѣ старомодный флигель.)

I.

ДАША, САША И МАША.

Даша. Я буду акомпанировать, а ты пой.
Саша. Но что-же мнѣ пѣть?

Даша. Ахъ, какая ты непонятная! Что пѣть? Ну, пой: *черный цвѣтъ*, а Маша между тѣмъ будетъ смотрѣть въ окно, не остановится-ли кто нибудь изъ прохожихъ. Вотъ и намедни, помнишь-ли, у насъ подъ окномъ стояла цѣлая толпа молодежи.

Всѣ. Помнимъ, помнимъ!

Даша. Они еще намъ аплодировали.

Всѣ. Да, да — аплодировали.

Даша. И такъ, всѣ по своимъ мѣстамъ. Я сажусь за фортепьяно, ты Саша стань подлѣ меня, а ты Маша смотри въ окно и увѣдомляй насъ обо всемъ.

Саша (*становится возлѣ флигеля*). Я готова.

Маша (*становится у окна*). И я такъ-же.

Даша (*акомпанируя*). Ну, теперь тебѣ начинать.

Саша (*поетъ.*)

Черный цвѣтъ, —
Друга цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ
Навсегда,

Что Маша? никого нѣтъ?

Маша. Остановился, было, какой-то рыже-бородый купецъ, да потомъ махнулъ рукою и пошелъ дальше.

Саша. Ну, и больше никого?

Маша. Сестрицы! вонъ какіе-то молодые люди.... кажется намѣднишніе.

Даша. Скорѣй за дѣло.

Саша (*поетъ громко*).

Черный цвѣтъ,
Друга цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ
Навсегда,
И клянусь,
Не влюблюсь
Въ цвѣтъ другой
Никогда.

(*Съ улицы раздаются аплодисманы и крики:* Фора! фора! бисъ!)

—

II.

ТѢЖЕ И МАРѲА СПИРИДОНОВНА.

Марѳа Спиридоновна. Что это за шумъ такой? А! Окно отворено. Понимаю, понимаю, вы изволите заниматься музыкой. Безстыдницы! и окно отворили, чтобы на улицѣ толпа собралась. (*Подбѣгаетъ къ окну и затворяетъ его.*) Вотъ оттого-то вы до-

сихъ-поръ и сидите въ дѣвкахъ, что ужъ слишкомъ много воли берете. Вамъ-бы только брянчать, да по окнамъ повѣсничать!

Маша. Маменька! вы напрасно сердитесь. Сегодня прекрасная погода. Я отворила окно для того, чтобы хотя нѣсколько освѣжиться.

Даша. Да, мамаша! Намъ вѣдь не съ кѣмъ ходить гулять. Вы сами это очень хорошо знаете.

Саша. Теперь мы только одни живемъ въ городѣ. Всѣ на дачахъ живутъ.

Марѳа Спиридоновна. Такъ чтожъ такое?...

Даша. Вотъ и Плюшкины, и Фигуревичевы, и Брызгаловы, всѣ, кромѣ насъ, пользуются дачными удовольствіями.

Маша. Отчего-бы, мамаша, и намъ не жить?...

Саша. Да, мамаша, что мы за исключеніе такое? —

Марѳа Спиридоновна. Ну, полноте, полноте болтать по пустому, лучше постарайтесь-ка уломать вашего папашу, а то онъ затвердилъ одно себѣ: не хочу, да не хочу. Ну, что станешь тутъ дѣлать? Но авось онъ какъ нибудь согласится. Ужъ мы, во что-бы-то ни стало, а будемъ нынче жить на дачѣ.

Дочери (*хоромъ*). Добрая мамаша!...

Мар'ѳа Спиридоновна. На Крестовскомъ, или въ Палюстровѣ, или у Лѣснаго! —

Дочери. На Крестовскомъ, въ Палюстровѣ, у Лѣснаго! Ахъ, какъ это мило!

Марѳа Спиродоновна. Мнѣ и самой надоѣло жить въ городѣ, совсѣмъ нѣкуда выйти. Лѣтній Садъ далеко, острова также. Ужасъ, да и только! Подите, душеньки, займитесь покуда чѣмъ нибудь, а я постараюсь въ это время поладить съ папашею.

Дочери. И такъ рѣшено, мамаша, мы будемъ на дачѣ?

Марѳа Спиридоновна. Будемъ, я вполнѣ надѣюсь на себя.

Дочери. Прощайте, мамаша! а въ случаѣ неуспѣха, мы ваши вѣрныя помощницы. (*Уходятъ*).

—

III.

МАРѲА СПИРИДОНОВНА, одна.

Пора мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, взяться за умъ. Всѣ живутъ на дачахъ — всѣ, только мы, Огурчиковы, не живемъ! Это ужасно! Это такъ обидно для самолюбія, что.... (*плюетъ.*) Чѣмъ-же мы хуже другихъ? чѣмъ хуже этихъ Фигуркиныхъ, Бирюлкиныхъ, Плюшкиныхъ, и тому подобныхъ?... Рѣшительно ничѣмъ! Кажется, Семенъ Петровичъ мой такой-же дворянинъ, какъ и всѣ они,

а можетъ быть отчасти и получше еще, и вдругъ какая-нибудь тамъ Бирюлькина чванится, гордится, да еще и замѣчанія мнѣ смѣетъ дѣлать: «Вы, говоритъ, Мароа Спиридоновна, довольно оригинально живете, всѣ, говоритъ, на дачахъ, а вы одни въ Петербургѣ живете»!... А потомъ снисходительнымъ тономъ говоритъ: «Пожалуйста, не забывайте насъ».... Нѣтъ! во что бы-то ни стало, а надо мнѣ будетъ уломать Семена Петровича! А какія у насъ чудесныя окрестности, выбирай, что хочешь. Вездѣ пароходы, дилижансы, такъ удобно.... за пятиалтынничекъ садись и катай! А оркестры — Тевтоніи, Конкордіи, Александріи.... просто чудо!

На дорогѣ Петергофской
Отдохнула-бъ я душой;
Иль заѣхать на Крестовскій,
Это просто рай земной;
Иль въ Палюстрово забраться,
Рада-бъ съ нынѣшняго дня.
Въ ключевой водѣ купаться —
Страхъ здорово для меня.
Вонъ, Настасьѣ-то Андревнѣ,
Какъ услуживаетъ мужъ:
Изъ Палюстровой деревни,
Водитъ самъ ее подъ душъ.
(*Задумывается.*)

—

IV.

МАРОА СПИРИДОНОВНА и СЕМЕНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Семенъ Петровичъ (*входя*). Э! да что это ты такая печальная? Мароа Спиридоновна! а Мароа Спиридоновна!

Мароа Спиридоновна. И онъ туда-же, еще спрашиваетъ.... Что? грѣховодникъ ты этакой!

Семенъ Петровичъ. Да чѣмъ же я грѣховодникъ-то, матушка, скажи пожалуйста?

Мароа Спиридоновна (*гнѣвно*). Всѣмъ, рѣшительно всѣмъ!

Семенъ Петровичъ. Вотъ тебѣ на!...

Мароа Спиридоновна. Какое тебѣ дѣло до жены! стрададаетъ-ли она, мучится-ли,—тебѣ все равно, ты на все это смотришь, какъ будто-бы посторонній человѣкъ! Стыдно тебѣ такъ поступать со мною, Семенъ Петровичъ, стыдно!... Я тебя уважаю, люблю, пекусь о тебѣ, а ты что мнѣ за это?... что?...

Семенъ Петровичъ. Что?... Я даю тебѣ на расходы, я тружусь.

Мароа Спиридоновна. Еще-бы ты и не трудился! Вотъ-бы

забавно было! На то ты мужчина, чтобы трудиться, а не жить, склавши руки. Ну, посуди самъ, теперь ужъ лѣто на дворѣ.

Семенъ Петровичъ. По календарю еще не наступило.

Марѳа Спиридоновна. Убирайся ты съ своими календарями! Я ихъ и знать не хочу! Я тебѣ говорю, что теперь лѣто.

Семенъ Петровичъ. Ну, положимъ, что лѣто, что-жъ изъ этого?

Марѳа Спиридоновна. А то, что ты притворяешься, будто меня не понимаешь.

Семенъ Петровичъ. А зачѣмъ ты говоришь загадками?

Марѳа Спиридоновна. Загадками?... Какія ты тутъ загадки нашелъ? Самъ ты загадка! Никакой искренности въ тебѣ нѣтъ! Ну, прилично-ли лѣтомъ жить въ Петербургѣ? не грѣхъ-ли? не стыдно ли? Сообразно-ли это съ здравымъ разсудкомъ? Всѣ рѣшительно на дачахъ, а мы?...

Семенъ Петровичъ. За всѣми не угоняешься, матушка. Иные, напримѣръ, абонируются въ бель-этажѣ на итальянскіе спектакли, разъѣзжаютъ четверней, — такъ не уже-ли и намъ подражать тѣмъ людямъ, которые имѣютъ огромныя средства?

Марѳа Спиридоновна. Да я тебѣ не про кареты да италіанскіе спектакли говорю. Я говорю про дачу! а для этого не надобно имѣть огромныхъ средствъ. Да что далеко ходить! Вотъ, напримѣръ, Илюшкины, Бирюлькины, Хохликовы! богаты что-ли? а ужъ давно перебрались, одни въ Тентелеву деревню, другіе въ Палюстрово, и живутъ себѣ, да наслаждаются. А мы?... Этакой упрямецъ!...

Семенъ Петровичъ. Что-жъ дѣлать, матушка! не могу, да и только!... средствъ нѣтъ. Еслибъ это было возможное дѣло, то я бы съ охотою, — а то сама посуди: три дочери невѣсты!... Той платьеце, другой платочекъ, третьей бурнусикъ, деньги то вотъ такъ и текутъ. Вѣдь три дочери на возрастѣ, — это что?...

Марѳа Спиридоновна (*нѣжно*). Ну, полно отнѣкиваться! Сеня! жизненечекъ-ты мой, голубчикъ, страсть ты моя! согласись! Да ну-же, отвѣчай что-ли!

Семенъ Петровичъ. Не могу! Какъ честный человѣкъ, средствъ нѣтъ, концы съ концами едва свожу. Пойдетъ-ли тутъ на умъ дача?

Марѳа Спиридоновна. Сеня! если ты любишь меня, то изъ любви ко мнѣ наймешь дачу. Къ чему томить цѣлое семейство въ душномъ Петербургѣ!

Семенъ Петровичъ. И въ Петербургѣ очень пріятно жить.

Марѳа Спиридоновна. На насъ станутъ указывать пальцами.

Семенъ Петровичъ. Вотъ что выдумала еще! Впрочемъ, если и найдутся такіе глупцы, которые рѣшатся на это, то пускай указываютъ. Ихъ указыванія — намъ не указъ.

Марѳа Спиридоновна. Такъ ты рѣшительно не хочешь ѣхать на дачу?

Семенъ Петровичъ. Рѣшительно.

Марѳа Спиридоновна. Какъ посмотрю я.... какое у тебя черствое сердце! и на лицѣ что-то такое звѣрское! По крайней-мѣрѣ, такъ добрые люди не смотрятъ.

Семенъ Петровичъ. Старая пѣсня, матушка. Слышалъ я ее отъ тебя не разъ.

Марѳа Спиридоновна. Жена у тебя хуже старой мебели! Тебѣ не жаль ее! У! злодѣй! прозаическое существо!

Семенъ Петровичъ (*всторону*). Ну, пошла опять!

Марѳа Спиридоновна. Тебѣ-бы все скряжничать, да копить. Отъ тебя со временемъ можно будетъ всего ожидать. Ты на все способенъ. Ахъ! что я за несчастная такая! За что я должна терпѣть вѣчныя мученія!

Семенъ Петровичъ. Поплачь, поплачь! Оно кстати: нынче-же засуха.

Марѳа Спиридоновна. Ты.... ты не мужъ! а....

Семенъ Петровичъ. Кракодилъ, — что-ли?

Марѳа Спиридоновна. Хуже! въ тысячу разъ хуже всякаго крокодила! Ты просто — тиранъ. (*Уходитъ.*)

—

V.

Семенъ Петровичъ (*одинъ*). Ну, насилу отбаярился! Ужъ эти мнѣ жены, жены!... Не пляши по ихъ дудкѣ, такъ какъ разъ произведутъ въ крокодилы, да въ тираны. Нѣтъ! мое почтеніе! Я не хочу быть у жены всепокорнѣйшимъ слугою! Уступи-ка ей, хотя разъ, такъ сядетъ на шею, да и поѣдетъ. Нѣтъ, почтенная Марѳа Спиридоновна! не удастся вамъ взять меня въ руки. Вотъ уже двадцать третій годъ пойдетъ, какъ вы меня слушались. Неужели теперь я отступлю отъ своихъ правилъ! Нѣтъ! — ужъ это дудки! ни за что не найму дачи!

Богачу, аристократу,
Жить на дачѣ не грѣшно,
А ужъ нашему-то брату
Какъ-то дико и смѣшно.
Вонъ, иной найметъ лачугу,
Иль какой-нибудь сарай,

И кричитъ преважно другу,
Къ намъ *на дачу* пріѣзжай!

—

VI.

СЕМЕНЪ ПЕТРОВИЧЪ, САША, ДАША И МАША.

Дочери (*вмѣстѣ*). Здравствуйте папаша! — а мы къ вамъ съ просьбою.

Даша. Вы такъ добры, что вѣрно не откажете....

Маша. Папаша! Мы напередъ увѣрены въ вашемъ согласіи.

Саша. Вы, папаша, такъ насъ любите.

Семенъ Петровичъ (*улыбаясь*). Ну, что вамъ надо, мои милые цыплята? Люблю, разумѣется, люблю; да кому-же васъ и любить, какъ не мнѣ? Я все для васъ, кажется, дѣлалъ, сколько мнѣ средства позволяли.

Даша. Милый папаша!

Саша. Неоцѣненный папаша!

Маша. Душка — папаша!

Семенъ Петровичъ. Г-м! Ну, ну! не ублажайте, если я могу, то съ радостію исполню вашу просьбу. Ваше счастіе для меня дорого.

Даша. Такъ вы соглашаетесь?

Саша Вы не будете противорѣчить?

Маша. Вы точно исполните нашу просьбу?

Семенъ Петровичъ. Позвольте, позвольте! Не тарантите такъ! Я еще не знаю: о чемъ вы хотите меня просить. Впрочемъ, я догадываюсь: вѣрно вамъ надо купить что нибудь? А?...

Дочери (*хоромъ*). Ахъ! папаша, вы не угадали!

Семенъ Петровичъ. Такъ чего же вы хотите? право, я въ толкъ не возьму.

Дочери (*хоромъ*). Дачу! папаша, дачу!

Семенъ Петровичъ (*всторону*). И онѣ тоже... Тьфу! Да это просто наказаніе. (*Вслухъ.*) Нѣтъ! нѣтъ!! ни за что, ни за какія блага въ мірѣ!... Что за дачеманія такая на всѣхъ нашла? Какъ будто лѣтомъ ужъ нельзя и жить въ Петербургѣ? Вѣдь жили-же прежде, и въ голову вамъ не приходили такія бредни.

ДОЧЕРИ (*поютъ сквозь слезы*).

Мы васъ, папаша, умоляемъ:
Не мучте вашихъ дочерей.
Мы въ городѣ больны, страдаемъ,
Наймите дачу поскорѣй.

СЕМЕНЪ ПЕТРОВИЧЪ (*рыдая*).

О дочки! я и самъ ужъ плачу,

Но я, любя свою семью,
На дачу гроша не истрачу,
Оплачемъ-же судьбу свою.

(*Сквозь слезы.*) Да, я уже сказалъ, такъ и кончено! Утѣшьтесь-же! нынче и безъ вашихъ слёзъ, кажется, дождикъ сбирается. Ободритесь.... ободритесь, и извольте сейчасъ отправляться въ свою комнату.

Дочери. Но.... папаша!...

Семенъ Петровичъ (*громко*). Безъ всякихъ «но».... Когда вамъ приказываютъ, то вашъ долгъ повиноваться, а не разсуждать. Ну! направо кругомъ!... маршъ по угламъ!

Дочери Уходятъ.

—

VII.

Семенъ Петровичъ (*одинъ*). Ну, на силу спровадилъ ихъ.... Вотъ выдумали! Какіе-нибудь тамъ Фигуркины, Бирюлькины, Хохликовы, изъ какихъ-то пустыхъ приличій мерзнутъ на дачахъ, и лѣзутъ въ долги.... такъ и намъ туда-же? Нѣтъ! чортъ возьми! Этого никогда не будетъ!

—

VIII.

СЕМЕНЪ ПЕТРОВИЧЪ И ѲЕКЛА.

Ѳекла (*кланяясь*). Батюшка, Семенъ Петровичъ! соизвольте выслушать.

Семенъ Петровичъ. Ты зачѣмъ, старуха? Что тебѣ надо?

Ѳекла (*плачетъ*). Ахъ, отецъ родной! Конечно, я баба простая, деревенская, ничего не понимаю, ничего въ толкъ не возьму; но вотъ, ей-ей, не въ моготу, кормилецъ! сердчишко вотъ такъ и надрывается.

Семенъ Петровичъ (*принимая участіе*). Ужъ не обидѣли тебя кто-нибудь? или, можетъ быть, ты чѣмъ-нибудь недовольна?

Ѳекла. Всѣмъ довольна, отецъ-ты мой! Этакихъ господъ, какъ вы, со свѣчкой поискатъ надо-ть. Два цѣлковыхъ получаю, и горячее всякое, и по воскресеньямъ со двора пущаете къ свату. Всѣмъ довольна!...

Семенъ Петровичъ. Такъ отчего-же ты плачешь?

Ѳекла. Ахъ! косатикъ ты мой! Какъ-же не плакать-то? Вѣстимо, дѣло бабье, иной разъ такъ-вотъ не изъ чего, глядя на другихъ, расхнычешься.

Семенъ Петровичъ. Да скажешь-ли ты наконецъ?

Ѳекла. Не сердися батюшка! Все, все скажу, сударь мой!

Семенъ Петровичъ. Говорите-же, я слушаю.

Ѳекла (*Утирая глаза передникомъ*). Батюшка! Семенъ Петровичъ! жаль мнѣ вашу хозяюшку. Ужъ она — голубка моя, такъ убивается, такъ убивается, что индо жалко. Сударъ ты мой, Семенъ Петровичъ! смилуйся, отецъ родной! найми ты ей, хоть махонькой чуланчикъ, батюшка!

Семенъ Петровичъ. И она туда-же! Ну, этого еще недоставало. Рѣшительно весь домъ противъ меня.... (*Обращаясь къ Ѳеклѣ.*) Пошла вонъ!

Ѳекла (*кланяясь*). Батюшка! хоть не дачу, а хоть клетушечку, все-таки будетъ сердцу легче!

Семенъ Петровичъ (*показывая на дверь*). Вонъ! вонъ отсюда!... Твое мѣсто въ кухнѣ, а не здѣсь! Вотъ я тебя!...

Ѳекла. Ахъ-ти! бѣда какая! (*Уходитъ и возвращается*). Батюшка! у меня вонъ есть знакомый огородникъ. У него на заднемъ дворѣ отдается просторная избенка.

Семенъ Петровичъ. Вонъ! вонъ! или я тебя! (*Выталкиваетъ ее, потомъ застегиваетъ суртукъ.*) Фу, пропасть! что такое со мною дѣлается! голова идетъ кругомъ! Дома однѣ только непріятности. Побѣгу куда нибудь, куда глаза глядятъ. Авось какъ-нибудь разсѣюсь, забуду всѣ эти бабьи дрязги! (*Бѣжитъ въ дверь и сталкивается съ Щетининымъ.*)

—

IX.

СЕМЕНЪ ПЕТРОВИЧЪ И ѲОМА ѲОМИЧЪ ЩЕТИНИНЪ.

Щетининъ. Семенъ Петровичъ! Что это съ тобою? Куда ты бѣжишь?

Огурчиковъ (*обнимая его*). Въ объятія дружбы, Ѳома Ѳомичъ! только одна твоя чистая и безкорыстная дружба въ состояніи меня утѣшить. Въ домѣ — отъ послѣдней, цѣпной дворняшки, до жены включительно — все противъ меня....

Щетининъ. Несчастный другъ! Но что-жъ ты сдѣлалъ такое?

Огурчиковъ. Ничего! Я невиненъ и чистъ, какъ голубь.

Щетининъ. Такъ виновата вѣрно твоя голубка?

Огурчиковъ (*съ увлеченіемъ*). Охъ! не спрашивай. Она поставила себѣ за правило не давать мнѣ ни на волосъ покоя. Утромъ, за обѣдомъ, вечеромъ, то и дѣло твердитъ: дачу, дачу

и дачу! Точно вотъ, какъ Отелло, венеціанскій мавръ, кричитъ: крови! крови! крови!...

Щетининъ. Ахъ! ужъ не говори, дружище! И моя жена отчасти имѣетъ эту Отелловскую замашку. Она меня то-и дѣло жалуетъ въ кровопійцы. Ну, скажи, пожалуйста: похожъ-ли я— Ѳома Ѳомичъ Щетининъ — на какого-то вампира?

Огурчиковъ. Какой ты вампиръ! Ты, братъ, скорѣй похожъ на барана.

Щетининъ. И я ей тоже говорилъ, такъ нѣтъ, свое твердитъ. Ужъ женщинѣ что попалось на язычекъ, такъ ужъ мое почтеніе!... Я, кажется, довольно добръ и снисходителенъ, исполняю всѣ прихоти своей жены; а въ благодарность—она меня изволитъ величать вампиромъ.

Огурчиковъ. А меня, моя Мароа, зоветъ крокодиломъ.

Щетининъ. Крокодиломъ! Фу, ты пропасть! Вѣдь, ни кто кромѣ жены не придумаетъ такого скотскаго названія!

Огурчиковъ. Но я не уступлю женѣ, Ѳома Ѳомичъ! Я ей ни зачто не покорюсь, я человѣкъ самостоятельный, твердый, непреклонный! Я не позволю собой шутить.

Щетининъ. Эхе-хе, Семенъ Петровичъ! Блаженъ ты! стократно блаженъ! У тебя что то этакое воинственное есть, этакое Марсовское что-то, и пріемы, и голосъ, и все; а я, шутъ знаетъ что такое! Никакъ не могу быть этакимъ Марсомъ, — не могу.... Ужъ натура глупая такая.

Огурчиковъ. Да, братъ, ты не человѣкъ, а просто мокрая курица!

Щетининъ. Что дѣлать, любезный другъ? что дѣлать? Самъ знаю, чувствую это.... и не могу преобразовать себя. Видно, натура глупая такая.

Огурчиковъ. Всѣмъ ты хорошій человѣкъ, Ѳома Ѳомичъ: исправенъ во всемъ, пьешь умѣренно, цыганъ слушать не ѣздишь; только вотъ эта проклятая слабость! Ну, а что?... ты на дачѣ живешь?

Щетининъ. Какъ же, мой другъ, какъ же. Жена еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пристата ко мнѣ, чтобы нанялъ. «Намъ, говоритъ нужна дача; до зарѣза, говоритъ, нужна».

Огурчиковъ. И ты согласился?... Несчастный!... Ну, какой-же ты мужчина?... Какой ты мужъ?

Щетининъ. Знаю, дрянной.... слабый, то-есть просто колпакъ! (*махнувъ рукою.*)

Огурчиковъ. Что-же ты намѣренъ теперь предпринять?

Щетининъ. Да хочу закупить, по приказанію жены, кое-ка-

кія вещи, а потомъ отправлюсь на дачу. Послушай! Я увѣренъ, что ты напрасно возстаешь противъ своей жены, не сегодня, такъ завтра, а все-таки она восторжествуетъ. Я тебѣ это предсказываю. Не лучше ли ужъ тебѣ покориться необходимости?

Огурчиковъ (*всторону*). И онъ то же, со всѣми заодно! (*Обращаясь къ нему.*) Ахъ, ты баба! дрянь!

Щетининъ. Я знаю — право, не упорствуй! Плюнь на все, (*плюетъ*) да и согласись.

Огурчиковъ. Какъ-бы не такъ! Нѣтъ, Ѳома! меня трудно переиначить! Другъ ты мнѣ, или нѣтъ?

Щетининъ. Что за странный вопросъ? Разумѣется другъ.

Огурчиковъ. Ну, такъ уйдемъ, убѣжимъ, уѣдемъ изъ этого проклятаго дома! Вези меня куда хочешь. Я сегодня не въ состояніи здѣсь оставаться, иначе я надѣлаю какихъ нибудь бѣдъ.

Щетининъ. Хорошо, поѣдемъ въ звѣринецъ Зама. Звѣринецъ превосходный! Разнообразіе удивительное!

Огурчиковъ. Счастливая мысль!... Да, да.... вези меня къ Заму, авось при взглядѣ на дикихъ звѣрей, я самъ перестану быть звѣремъ. Пойдемъ!

Щетининъ. Пойдемъ! Но я тебѣ все-таки предсказываю, что, кажется, ты будешь такой же колпакъ, какъ и я. (*Уходятъ.*)

—

X.

Марѳа Спиридоновна, потомъ **Балабайкина**.

Марѳа Спиридоновна. Ахъ! какъ тяжела жизнь замужней женщины! Сколько въ ней мученья, слезъ, особенно съ такимъ муженькомъ, какъ мой Семенъ Петровичъ! Его ничемъ, кажется, не урезонишь! То-ли дѣло, напримѣръ, его пріятель, Ѳома Ѳомичъ, благородная душа, человѣкъ самой отличной нравственности! Вотъ такого-бы мужа мнѣ, и я была-бы вполнѣ счастлива!

Балабайкина (*входя*). Марѳа Спиридоновна!

Марѳа Спиридоновна. Ахъ! Настасья Андревна! это вы? (*Подбѣгаетъ къ Балабайкиной и, обнявъ ее, три раза цѣлуетъ.*) Вотъ неожиданный сюрпризъ-то сдѣлали! Ну, какъ вы здоровы? Что ваши дѣтки подѣлываютъ?

Балабайкина. Слава Богу, всѣ здоровы, вамъ кланяются.

Марѳа Спиридоновна. Да что это вы стоите, Настасья Андревна! Прошу покорно, присядьте, матушка, на диванчикъ. Я такъ рада, такъ рада, что вы насъ посѣтили.

Балабайкина. Ахъ, Марѳа Спиридоновна! не говорите, на силу выбрала время, хлопотъ такая пропасть, что ужасъ! Вѣдь вы знаете, весь домъ только мною и держится. Вѣдь вы знаете моего Антона Антоныча.... Онъ ничего....

Марѳа Спиридоновна. Да, да, матушка! ничего.... правда ваша, безъ васъ просто погибъ онъ, сердечный.

Балабайкина. Кромѣ службы, Антонъ Антонычъ ни въ чемъ не свѣдущъ; слѣдовательно, вся обязанность лежитъ на мнѣ. Если-бъ не я, то куда ему, онъ-бы и дня не прожилъ.

Марѳа Спиридоновна. О! точно, вы ему необходимы.

Балабайкина. Ну, да я ему за то и не даю много воли.

Марѳа Спиридоновна. И прекрасно вы дѣлаете.

Балабайкина. А вы, Марѳа Спиридоновна?

Марѳа Спиридоновна. Ахъ! обо мнѣ лучше ужъ и не говорите!

Балабайкина. Отчего это?

Марѳа Спиридоновна. Вы знаете моего Семена Петровича?

Балабайкина. Знаю.

Марѳа Спиридоновна. Это не мужъ, а чудовище, крокодилъ!

Балабайкина. Вы думаете!?

Марѳа Спиридоновна. И крокодилъ самый опасный!

Балабайкина. Не можетъ быть!

Марѳа Спиридоновна. Все очень можетъ быть, Настасья Андревна.

Балабайкина. Но вы недавно еще такъ хвалили его?

Марѳа Спиридоновна (*выходя изъ себя*). Это я, какъ-нибудь ошибкой! Для него ни почемъ мученія жены и дѣтей. Всѣхъ насъ въ грошъ не ставитъ.

Балабайкина. А! Онъ вѣрно васъ не слушается?

Марѳа Спиридоновна. Хуже.

Балабайкина. Измѣнилъ, что ли?

Марѳа Спиридоновна (*ломая руки*). Хуже! хуже!! Когда ужъ дѣло пошло на объясненія, то я должна вамъ все высказать. Вы моя лучшая пріятельница, а потому смѣю надѣяться, что все это останется между нами.

Балабайкина. О, безъ сомнѣнія! Ужъ что мнѣ сказали, такъ ужъ это и кончено.

Марѳа Спиридоновна. И такъ слушайте и судите! Высказавъ свое горе, я, можетъ быть, нѣсколько облегчу себя. Вообразите: мой муженекъ, этотъ варваръ, чудовище, этотъ кроко-

дилъ! не хочетъ ни за какія блага въ мірѣ нанять дачу. А?... что вы скажете?

Балабайкина. А!! Мароа Спиридоновна! я съ вами теперь согласна. Это не пустяки, это ужасная вещь! это явное оскорбленіе! Я вамъ совѣтую не отступать, а вникнуть подробно въ это дѣло, — да съ подробно. Такое упорство вашего мужа не поведетъ къ добру, повѣрьте.

Мароа Спиридоновна. Ахъ, Настасья Андревна! я испробовала всѣ средства, чтобы обратить его на добрый путь: и бранилась, и плакала, и просила, ничто не помогаетъ! Ахъ! въ какомъ я теперь отчаяніи!...

Балабайкина. Отчаяніе ни къ чему не послужитъ. Вотъ вы лучше поставьте на своемъ, Мароа Спиридоновна.

Мароа Спиридоновна. Но, ужъ я говорю, что истощила всѣ средства.

Балабайкина. Поищемъ новыхъ, авось найдутся. Вотъ и мой Антонъ Антонычъ сначала было не соглашался ѣхать на дачу, да какъ раза два, три я упала въ обморокъ, такъ онъ, не бось и уступилъ! Ну, а вы падали ли въ обморокъ предъ Семеномъ-Петровичемъ?

Мароа Спиридоновна. Нѣтъ, матушка! отродясь не падывала.

Балабайкина (*сплеснувъ руками*). Ахъ, да какъ-же вы еще неопытны! Помилуйте, Мароа Спиридоновна! помилуйте! Да съ кѣмъ нынче не дѣлаются спазмы? Э, да вы еще ужасно недальновидны! Да знаете-ли вы, Мароа Спиридоновна, что обморокъ самая важная статья въ супружескомъ быту?

Мароа Спиридоновна. Признаюсь, Настасья Андревна! вотъ ужъ я не думала.

Балабайкина. Напрасно! напрасно! а вотъ я, такъ всегда пользуюсь этимъ средствомъ. Антонъ Антонычъ чуть заупрямится — я сейчасъ: ахъ! мнѣ дурно! дурно!

Мароа Спиридоновна. Ну, и что-жъ изъ этого выходитъ?

Балабайкина. Что выходитъ?... Удивительные результаты выходятъ. Мой Антонъ Антонычъ дѣлается овечкою.

Мароа Спиридоновна. Неужели?

Балабайкина. Смотритъ мнѣ въ глаза, цѣлуетъ руки, проситъ прощенія, извиняется, что оскорбилъ и прочая, и прочая.

Мароа Спиридоновна. И всему причиною обморокъ? А я думала неприлично падать въ обморокъ. Вотъ дура-то была! Такъ вы говорите: обморокъ? Охъ! отлегло отъ сердца! Ахъ!

кабы вашими устами, да медъ пить. О! вы моя истинная, истинная пріятельница!

Балабайкина. Помилуйте!... Надо же помогать ближнему.... Однако до свиданія, Марѳа Спиридоновна!

Марѳа Спиридоновна. Куда-же это вы спѣшите?

Балабайкина. Надо еще сдѣлать кое-какія закупки.

Марѳа Спиридоновна (*провожая ее*). Не смѣю васъ удерживать.... Такъ обморокъ, говорите вы?...

Балабайкина (*прощаясь*). Отличное лекарство! Оно въ нѣсколько минутъ преобразовываетъ мужчинъ. Только не забудьте, Марѳа Спиридоновна: глаза надобно закатить подъ самый лобъ.

Марѳа Спиридоновна. Не забуду, не забуду! Какъ вы обязательны!

Балабайкина. Помилуйте!... Я считаю своимъ долгомъ утѣшать страждущее человѣчество. Прощайте, однакожъ! Мнѣ некогда! (*Цѣлуются три раза.*)

—

XI.

МАРФА СПИРИДОНОВНА.

Обморокъ! обморокъ! Вотъ спасительное средство! Ну, покрайней-мѣрѣ, я теперь спокойна. Вотъ ужъ двадцать третій годъ пошелъ моего супружества съ Семеномъ Петровичемъ, а мнѣ никогда и въ голову даже не приходило упасть въ обморокъ. Не забыть-бы только наставленія милой Настасьи Андревны: падая въ обморокъ, надобно будетъ закатить глаза подальше. Даромъ, что я никогда не падала въ обморокъ, но ужъ если захочу упасть, то не ударю лицомъ въ грязь и упаду на славу! (*Уходитъ*).

—

XII.

ОГУРЧИКОВЪ и ЩЕТИНИНЪ.

Щетининъ. Я тебѣ говорилъ, что развлечешься. Ну, что?... Каковъ звѣринецъ?

Огурчиковъ. Отличный звѣринецъ! Съ тѣхъ поръ, какъ я побывалъ въ немъ и посмотрѣлъ на гіенну, то мнѣ, кажется, что жена моя овечка.

Щетининъ. Такъ надо будетъ намъ когда-нибудь съѣздить къ Заму во время кормленія змѣй.

Огурчиковъ. А что? Развѣ любопытно?

Щетининъ. Кому какъ, а меня такъ весьма занимаетъ. Живьемъ глотаютъ мокрыхъ курицъ. Однако, куда ты поѣдешь нынѣшнимъ вечеромъ?

Огурчиковъ. Да думаю на преферансъ къ Егору Егорычу. Отличный малый—этотъ Егоръ Егорычъ! всегда проигрываетъ. Онъ меня еще третьягодни просилъ къ себѣ. Хочешь, поѣдемъ вмѣстѣ?

Щетининъ. Пожалуй, я не прочь. Женѣ на шляпку пригодится.

—

XIII.

ТѢЖЕ и МАРѲА СПИРИДОНОВНА.

Марѳа Спиридоновна (*подбѣгаетъ къ мужу и обнимаетъ его*). Здравствуй, жизненочекъ мой! Гдѣ это ты пропадалъ? (*Увидя Щетинина*). Ахъ! Ѳома Ѳомичъ! Я васъ и не примѣтила! Ну, что?... Какъ ваша супруга?

Щетининъ (*кланяясь*). Все такъ-же, такая-же, какъ и прежде-съ, то-есть, жива и здорова съ.

Марѳа Спиридоновна. А что? вы въ городѣ все еще живете?

Щетининъ. Нѣтъ, третьягодня переѣхали на дачу, въ Палюстрово.

Марѳа Спиридоновна. Вотъ, видишь, Сеня! Всѣ порядочные люди теперь уже на дачахъ, только ты не хочешь.

Огурчиковъ. Ну, да! не хочу, и кончено дѣло!

Марѳа Спиридоновна. Отчего-же кончено?

Огурчиковъ. А оттого, что кончено!

Марѳа Спиридоновна. Оттого, что ты эгоистъ! что ты скупъ, какъ процентщикъ!

Щетининъ (*всторону*). Ну, пошла! пошла! Теперь какъ разъ опять пойдетъ перепалка....

Марѳа Спиридоновна. Ты послѣ этого не человѣкъ, а крокодилъ!

Огурчиковъ. Ѳома Ѳомичъ! слышишь? опять это животное прозваніе.

Марѳа Спиридоновна (*разгорячаясь*). Ѳома Ѳомичъ! будьте судьею нашего спора. Вы человѣкъ благонамѣренный, вы поступаете съ своею женою не такъ, какъ этотъ эгоистъ. Ну, посудите сами: не права-ли я, что съ дочерьми должно жить на дачѣ?

Щетининъ (*съ растановкою*). Да, по нѣкоторомъ соображеніи.... вы.... отчасти правы....

Огурчиковъ. Нѣтъ! посуди Ѳома Ѳомичъ: кто въ этомъ спорѣ правъ? кто виноватъ? У меня нѣтъ денегъ, а она....

Щетининъ (*съ растановкою*). Да.... то есть, по зрѣломъ разсужденіи.... ты правъ.

Марѳа Спиридоновна. Ахъ, я несчастная! За что я терплю такія страданія? и отъ кого-же? отъ мужа, котораго я привыкла любить и уважать.

Огурчиковъ. И въ добавокъ еще мучить! Нѣтъ! матушка, рѣшено и подписано: все лѣто ты просидишь въ Петербургѣ.

Марѳа Спиридоновна (*притворяясь*). Ахъ! что это?... Батюшки! Мнѣ дурно!... Дурно! Я падаю!... (*закатываетъ глаза подъ лобъ*) Ѳома Ѳомичъ! поддержите! (*Лишается чувствъ, Ѳома Ѳомичъ поддерживаетъ ее и сажаетъ въ кресла*).

Ѳома Ѳомичъ (*въ испугѣ*). Ай! ай! что это?... апоплексія!... Ну, Семенъ!... Да ты въ самомъ дѣлѣ крококодилъ! убилъ жену! Смотри, я тутъ не виноватъ.

Огурчиковъ (*испугавшись*). Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, что это? Вотъ не ожидалъ. Что я надѣлалъ! Марѳа Спиридоновна! Марѳа Спиридоновна! Очнитесь.... Не слышитъ!...

Щетининъ. И кажется не дышетъ! Эхъ! Семенъ Петровичъ! Вотъ до чего ты довелъ ее своимъ упрямствомъ. Смотри! глаза совсѣмъ куда-то закатились!...

Огурчиковъ (*въ испугѣ кричитъ*). Эй! кто нибудь!... Ѳекла! Ѳекла!... Дѣти!... воды, Гофманскихъ капель, одеколону!... Ѳекла! Дружище! сбѣгай, пожалуйста, на кухню за водой!

Щетинъ (*бѣжитъ въ кухню*). Бѣгу! бѣгу!... Смотри, я не виноватъ! отвѣчай одинъ.

Огурчиковъ. Вотъ нежданная окказія, право! Двадцать три года съ нею живу, а ни разу не случалось подобной шутки!... Я ужъ вѣрно слишкомъ круто повернулъ. Надобно быть поуступчивѣе немножко, а то, пожалуй, такихъ бѣдъ наживешь....

—

XIV.

Щетининъ, Огурчиковъ, Марѳа Спиридоновна, дочери и Ѳекла.

Дочери (*подбѣгая къ матери*). Мамаша! мамаша! Что съ вами? Ахъ! ахъ! ахъ!..!... Обморокъ!... Помогите! (*Всѣ бѣгаютъ и кричатъ на разныя голоса.*) Маменька умираетъ!... Ай! ай!...

Огурчиковъ (*кричитъ и бѣгаетъ за ними*). Молчите, дуры!. тише!... Ахъ!... Батюшки!...

Щетининъ (*торопливо*). Вотъ цѣлый кувшинъ! а Ѳекла сейчасъ тащитъ ведро.

Огурчиковъ (*обмахивая и помогая ей*). Марѳа Спиридоновна, Марѳа Спиридоновна! очнись, душенька! вымолви хоть словечко! Ей-ей, все сдѣлаю! Ты хочешь дачу? Изволь! найму дачу, найму, Марѳа Спиридоновна! а Марѳа Спиридоновна!

ОГУРЧИКОВЪ.

Встань! очнись! тронись мольбою!

ДОЧЕРИ, вмѣстѣ.

Кто-бы ждалъ такой бѣды?

ЩЕТИНИНЪ.

Дай-ка спрысну я водою!

ѲЕКЛА, входя.

Вотъ еще ведро воды.

ОГУРЧИКОВЪ.

Замолчите!... надоѣли (*гонитъ дочерей прочь*).

ЩЕТИНИНЪ.

Я ей чепчикъ замочилъ!...

ДОЧЕРИ, плачутъ.

Мы на вѣкъ осиротѣли!

ѲЕКЛА, также плачетъ.

Баринъ барыню убилъ!...

ОГУРЧИКОВЪ.

Перестаньте хныкать, черти!

ДОЧЕРИ И ѲЕКЛА.

Нѣтъ, мы плачетъ всѣ на взрыдъ!

ЩЕТИНИНЪ.

Вотъ! Убилъ жену до смерти,
Да и плакать не велитъ!

ОГУРЧИКОВЪ становится на колѣна.

Встань! очнись, дружочикъ! крошка!
Дача будетъ! дача есть! —

ЩЕТИНИНЪ.

Крови-бъ ей пустить немножко:
Фунтовъ восемъ, или шесть!

ОГУРЧИКОВЪ.

Хоть въ долги по горло влѣзу,
На проценты хоть займу,
Пусть прійдетъ мнѣ до зарѣзу,—
Но ужъ дачу я найму!

Щетининъ. Я побѣгу за цирюльникомъ (*хочетъ уйти*).

Марѳа Спиридоновна (*какъ будто приходя въ чувство*). Гдѣ я?... Что со мною?...

Всѣ. Обморокъ! Придите въ себя! выпейте водицы!...

Огурчиковъ. Успокойся! успокойся, мой другъ! клянусь тебѣ: я найму дачу, во что бы то ни стало.

Марѳа Спиридоновна. Ахъ! Оживаю, оживаю!...

Всѣ. Поздравляю!...

Огурчиковъ. Сегодня же поѣду пріискивать дачу.

Марѳа Спиридоновна. Ахъ! теперь легче! легче!...

Огурчиковъ. Ну, и славно! хоть отъ души отлегло! Сейчасъ-же беру извозщика (*махая рукою, сквозь зубы говоритъ*). Эй! Ѳекла! извозщика! На Петровскій! на Крестовскій! на Елагинъ, въ Палюстрово!

Дочери. Ахъ, добрый папаша!

Марѳа Спиридоновна (*вскакиваетъ, и обнимая мужа, говоритъ*). Ахъ, мой дружечикъ! Какъ ты милъ!

Огургиковъ. Вотъ, прошу покорно, а давно-ли вы изволили честить крокодиломъ! чудовищемъ, тираномъ!

Марѳа Спиридоновна. Полно, мой другъ! Какъ тебѣ не стыдно! Вы не вѣрьте ему, Ѳома Ѳомичъ! Онъ у меня удивительный шутникъ. Поцѣлуй меня, душенька!

Огурчиковъ (*цѣлуя жену*). Вотъ оно! Плакались денежки...

Дочери. Ахъ папаша! какой вы добренькій!

Щетининъ (*ему въ полголоса*). Другъ мой! теперь ты вполнѣ сталъ похожъ на настоящаго мужа. (*Всторону.*) Такой-же колпакъ, какъ и я.

Огурчиковъ.

Да, кажется, на то похоже:
Я побѣжденъ на вѣрняка.

Щетининъ.

За то, какъ я, стяжалъ ты тоже
Названье мужа-колпака!

Всѣ, вмѣстѣ.

Простите наши недостатки,
Нельзя нигдѣ прожить безъ нихъ,
У всѣхъ есть дачи и припадки,
Такъ *тѣмъ-же хуже мы другихъ?*

═

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Двоеженецъ или милордъ и сапожникъ. Драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго *П. Л.*

Слѣпой курицѣ все пшеница. Шутка въ одномъ дѣйствіи, подражаніе французскому, *К. Тарновскаго и Ѳ. Руднева.*

Женихъ въ закладѣ, а невѣста въ накладѣ, или по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Митавская Ярмарка или Филатка въ маскерадѣ. Интермедія въ одномъ дѣйствіи.

(*Бенефисъ г. Марковецкаго.*)

Г. Марковецкій сдѣлался съ нѣкотораго времени однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ петербургской драматической труппы. Мы не разъ имѣли случай говорить о быстромъ, самобытномъ развитіи его наивно-комическаго таланта. Талантъ этотъ, въ настоящую минуту, кажется, вошелъ въ полную силу и достигъ внутренняго сознанія, что видно изъ отсутствія однообразія, которое прежде отнимало у него много вліятельности и ставило его въ уровень съ нѣкоторыми предшествовавшими образцами. Но комическое дарованіе г. Марковецкаго можетъ и должно еще совершенствоваться. Мы говоримъ *можетъ*, потому-что артистъ имѣетъ еще нѣкоторые недостатки молодости, не совсѣмъ сглаженные рутиною; мы говоримъ *должно*, потому-что видимъ

быстрые успѣхи на сценѣ г. Марковецкаго, видимъ, съ какой страстію и стараніемъ онъ занимается своимъ дѣломъ. Никогда еще не случалось видѣть господина Марковецкаго на сценѣ съ нетвердою ролью. Это отрицательное достоинство, въ обязанности артиста, становится нынѣ въ молодомъ актерѣ чрезвычайно важнымъ, ибо ясно свидѣтельствуетъ, что онъ идетъ по настоящему пути искусства и съ него не собьется, подобно многимъ другимъ прославленнымъ актерамъ, которыхъ творчество наконецъ начинаетъ ограничиваться одними внѣшними фарсами. Это такъ натурально: можетъ-ли актеръ выразить всю внутреннюю жизнь представляемаго лица, продумать его характеръ, почувствовать истину его положеній, точно, и вѣрно выразить его мысли и чувства, когда онъ даже не знаетъ, что ему должно говорить и дѣлать и, какъ знаменитый автоматъ Фабера, ждетъ, чтобы тронули послушныя клавиши, которыя приводятъ въ движеніе его мускулы и заставляютъ издавать звуки, или иначе, чтобъ ему, какъ школьнику, подсказали урокъ изъ суфлерской дыры? Разумѣется, что въ промежутки этого выслушиванія и, желая скрыть свое незнаніе, какъ лѣнивый школьникъ передъ учителемъ, онъ прибѣгаетъ къ заиканіямъ, повтореніямъ, паузамъ, наполняемымъ гримасами, часто вовсе неумѣстными и рѣшительно противурѣчащими и характеру лица и требованіямъ дѣйствія. Этого-то важнаго недостатка никогда не замѣтите въ г. Марковецкомъ. Его игра чиста и обнажена отъ фарсовъ, что даетъ право причислить его къ благороднымъ комикамъ. Мы видимъ его попеременно въ самыхъ разнообразныхъ характерахъ, то ловкимъ повѣсой, то купчикомъ, то простымъ мужикомъ, то школьнымъ учителемъ, то простачкомъ, то проныро́й-шулеромъ, часто въ одинъ и тотъ-же вечеръ въ роли старика и молодаго человѣка, и вездѣ онъ простъ, натураленъ, сознателенъ, и никогда не испортитъ, а если только есть возможность, то придастъ жизнь и колоритъ роли. Онъ чрезвычайно удачно умѣетъ входить въ положеніе лица, что свидѣтельствуетъ о тонкомъ артистическомъ тактѣ, и рисуетъ свои характеры довольно разнообразно и типично, такъ, что представляемый имъ французъ или нѣмецъ ужъ никакъ не будетъ сбивать на русскаго. Въ одномъ недостаткѣ только можно упрекнуть его: въ однообразіи органа, который еще не довольно развитъ въ тоническомъ отношеніи, а иногда и въ недостаточной

измѣняемости маски при костюмировкѣ. Но эти два недостатка изглаживаются съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ пріобрѣтенія навыка и опытности. Вообще г. Марковецкій актеръ, для котораго, изучивъ нѣсколько его натуру, авторы смѣло могутъ создавать гораздо значительнѣйшіе характеры, чѣмъ тѣ, которые онъ доселѣ выполнялъ.

Теперь, отдавъ полную справедливость трудолюбію и таланту г. Марковецкаго, который съ каждой новой ролью завоевываетъ себѣ все болѣе поклонниковъ въ образованной части зрителей, мы обязаны сказать, что бенефисъ его на этотъ разъ былъ не изъ самыхъ счастливыхъ по выбору и по выполненію пьесъ. Г. Марковецкій далъ, что могъ достать, а досталъ, чего почти дать нельзя. За выборъ трудно упрекать бенефасіанта, когда почти выбирать не изъ чего.

Двоеженецъ или милордъ и сапожникъ — драма новѣйшей французской фактуры. Здѣсь всѣ несообразности и театральные эфекты соединены въ самой пестрой смѣси. Авторъ выводитъ дѣйствія и лица невозможныя, путаетъ, запутываетъ и наконецъ, самъ не зная, какъ выпутаться, оканчиваетъ драму нелѣпостью выше всякой мѣры. Вотъ въ чемъ дѣло.

Лордъ Мортимеръ, промотавшійся жуиръ, обремененъ вопіющими долгами, вѣчно-жаждущими друзьями и молоденькой спроткой Нелли, надъ которой кто-то, по безумію, поручилъ ему опеку. Домъ его постоянная таверна, съ неумолкающею оргіею. Хорошъ институтъ для молодой дѣвушки! Но этого мало: если настоящее Нелли такъ незавидно, то будущность ея еще безотраднѣе: кутило-опекунъ промоталъ ея наслѣдство. Дѣвушка сдѣлалась невѣстой и лордъ пріискиваетъ ей жениха, который не потребовалъ-бы ея приданаго. Славное средство раздѣлываться съ отчетами по опекѣ! Сапожникъ Горикъ, снимая мѣрку съ маленькой ножки Нелли, простеръ свои нескромные виды до того, что рѣшительно потерялъ отъ нея голову. Онъ начинаетъ на ней свататься, но она, не чувствуя къ нему ничего особеннаго, проситъ часъ на размышленіе. Между тѣмъ, изъ комнаты, гдѣ пируетъ молодежъ, выходитъ пріятель Мортимера, лордъ Ильвертонъ, молодой человѣкъ, въ высшей степени одержимый сплиномъ. Онъ несчастенъ до нельзя: представьте себѣ, у него полмилліона доходу, множество замковъ, желѣзное здоровье, привлекательная на-

ружность, чудесное пищевареніе, пустое сердце и легкомысленная голова.... Тутъ рѣшительно есть отъ чего сойти съ ума или застрѣлиться! Ильвертонъ и рѣшается на послѣднее, да по счастію, находитъ, что этотъ способъ утѣшенія уже слишкомъ опошлился отъ частаго употребленія. Онъ полагаетъ, что вмѣсто того гораздо оригинальнѣе было-бы влюбиться въ хорошенькую женщину.... да гдѣ возмешь сейчасъ хорошенькую женщину? А тутъ, какъ нарочно, и выходитъ Нелли.... чего-же лучше! Разъ, два, три, онъ въ нее и влюбленъ, разъ, два, три, и жениться хочетъ, разъ, два, три и руки ея проситъ у своего пріятеля Мортимера. Но почтенному джентльмену - опекуну мало того, что Ильвертонъ даритъ ему наслѣдіе Нелли, ему хотѣлось-бы еще кое-что пріобрѣсти наличными. Ну, продать свою питомицу не ловко, хотя въ Англіи и продаютъ женъ на рынкѣ, рядомъ съ огурцами и капустой, притомъ-же Нелли ему не жена.... а вотъ что можно: поставить ее на карту. Мортимеръ проигрываетъ Нелли Ильвертону за 100 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Нетерпѣливый влюбленный тотчасъ-же везетъ свой выигрышъ къ нотаріусу и всюду, куда слѣдуетъ, по установленному порядку, и прежде, чѣмъ бѣдная дѣвушка успѣла образумиться отъ своего счастія — она уже миледи Ильвертонъ.

Сапожникъ Горикъ, узнавъ объ этомъ событіи, рветъ на себѣ волосы отъ ревности и, называя поступокъ Нелли предательствомъ, обѣщается отплатить жестоко Ильвертону. Нелли блаженствуетъ: она вдругъ стала богата, знатна, любима, сама любитъ. Мужа ея медовый мѣсяцъ также порядочно развлекъ, хандра его почти совсѣмъ прошла. Надо вамъ сказать, что лордъ былъ уже женатъ прежде и на прехорошенькой женщинѣ, которую звали Идой, но она умерла въ дальнемъ его помѣстьи, въ Шотландіи, гдѣ она скучала, въ то время, какъ онъ самъ ѣздилъ — разгонять свой сплинъ — въ Лондонъ.

Вотъ, разъ, въ одинъ изъ самыхъ сладкихъ дней этого медоваго мѣсяца, когда Нелли таетъ въ любви и нѣгѣ и расположена ко всему прекрасному, даже къ уплатѣ сапожнику Горику по счету своего мужа, она вдругъ слышитъ страшный шумъ на улицѣ, подбѣгаетъ къ окну и видитъ, что полишмены тащатъ куда то бѣдную, больную женщину. Она велитъ людямъ ее позвать. Оказывается, что эта больная нищая прожила двѣ недѣли у сапож-

ника Горика, но не достала денегъ, чтобы заплатить ему и онъ просилъ посадить ее въ тюрьму. Нелли въ негодованіи платитъ долгъ за нищенькую и выгоняетъ Горика. Но злокачественный сапожникъ предъ уходомъ успѣлъ разслушать, что нищая назвала себя женою Ильвертона, и бѣжитъ объявить властямъ о такомъ противузаконномъ двоеженствѣ лорда. Фу, какъ дико! скажете вы: выходитъ этотъ лордъ самая неистовая синяя борода, закоснѣлый злодѣй и преступникъ! — Ничуть не бывало: онъ кротче и добрѣе любой мериносовой овцы, онъ даже плачетъ, узнавъ о несчастіяхъ своей первой жены, онъ всхлипываетъ, бросая для нея вторую, и рыдаетъ, оставляя обѣихъ — для того, чтобъ по закону приличнымъ образомъ быть повѣшеннымъ за двоеженство. Видите, какой добрѣйшей души человѣкъ! Это положеніе достойно водевиля, не только что драмы. — Но какъ же это все случилось? имѣете вы полное право спросить. Я обязанъ отвѣчать но если отвѣтъ мой покажется вамъ горячечнымъ бредомъ, прошу винить не меня, а автора, я передаю только факты. Видите ли: Ида Ильвертонъ, или простѣе жена № 1, оставленная въ замкѣ въ Шотландіи, сперва очень скучала, потомъ стала ревновать мужа, а наконецъ вышла изъ терпѣнія и написала ему, что, молъ, просто она тутъ умираетъ отъ тоски и непремѣнно хочетъ ѣхать въ Лондонъ. На это письмо она скоро получила отвѣтъ, въ которомъ значилось: «Пріѣзжай-молъ, душа моя! Почему не пріѣхать? камердинеръ мой, такой-то, тебя проводитъ.» Ида собралась, захватила деньги и бриллiанты, и маршъ. Камердинеръ-же *такой-то* не только ее проводилъ, но и провелъ. Сперва онъ ее завезъ въ горы, а тамъ было и доѣхалъ, чтобы обокрасть. Онъ-то и устроилъ всю эту штуку: ея письма къ лорду не отправилъ, а отлорда самъ написалъ ей отвѣтъ; а когда она успѣла убѣжать ночью изъ разбойничьей лачуги, въ которую онъ ее завезъ, то написалъ къ Ильвертону, что де молъ супруга ваша погоревала, погоревала, да взяла и умерла: мы ее прилично оплакали и съ честью похоронили. На лорда при этомъ извѣстіи нашелъ самый одуряющій сплинъ, отъ котораго онъ, какъ мы видѣли, излечился вторичной женитьбой. — Ахъ, бѣдный! скажете вы, вотъ попалъ-то, какъ курь во щи, и за это его повѣсятъ! Да не лучше-ли бы вмѣсто его повѣсить каммердинера *такого то*, мошенника, который ради воровства, накутилъ такихъ бѣдъ и ввелъ въ со-

блазнъ невиннаго? — Оно конечно, было-бы красивѣе и логичнѣе, коли вы хотите; только тогда драмы не вышло-бы, да и весь предыдущій сумбуръ остался-бы безъ развязки. — Но утѣшьтесь: вашего кліента не повѣсятъ, жертва злобы и коварства будетъ спасена.—Но какимъ-же образомъ?—Самымъ юридическимъ. Въ ту-самую минуту, когда двоеженца ведутъ въ Ньюгетъ, вбѣгаетъ другъ его Мортимеръ, главный виновникъ несчастія Ильвертона, потому-что онъ получилъ письмо отъ леди Иды Ильвертонъ еще до свадьбы своего пріятеля съ Нелли и могъ-бы остановить бракосочетаніе, но онъ въ это время занялся разговоромъ съ публикою, и когда собрался догонять Ильвертона, они были уже обвѣнчаны. .. И такъ, вбѣгаетъ Мортимеръ и трагически говоритъ: «Остановитесь! онъ невиненъ, онъ не двоеженецъ!» — Какъ-такъ? Но вотъ обѣ жены на лицо, онъ отъ нихъ не отпирается. — «Все вздоръ! у него одна жена, Ида, а Нелли — ему не жена, потому-что свадебный контрактъ ихъ не подписанъ мною, ея *опекуномъ*, а безъ моей подписи онъ недѣйствителенъ по закону.» — А, если такъ, милордъ, такъ извините; наше почтеніе! говорятъ сбиры и отправляются во свояси. — Ну, а какъ-же бѣдная Нелли, которая послѣ знатности, богатства, громкаго имени, любви, счастія — теперь остается рѣшительно ни причемъ? — Нелли тутъ-же утѣшается и предлагаетъ свою руку пенстовому сапожнику Горику, который забѣжалъ было навѣдаться, скоро-ли будутъ вѣшать его соперника.

Не знаемъ, точно-ли англійскіе законы допускаютъ такую нелѣпость въ отношеніи брачнаго союза, но что здравый смыслъ и эстетическій вкусъ не допускаютъ такой уродливости въ литературномъ созданіи, за это ручаемся. Драма эта, не смотря на участіе въ ней Сосницкаго, Марковецкаго, Максимова, г-жъ Жулевой и Дюръ, не произвела никакого впечатлѣнія.

—

Теперь другая исторія, уже московская. Сысой Сысоичъ Бубликъ, какъ и всѣ бублики, человѣкъ очень пресный. Однако же у него есть этакіе порывцы и къ честолюбію и къ обогащенію Но обогатиться въ нашъ вѣкъ человѣку съ незавиднымъ толкомъ и съ довольно устарѣлой спиной, не такъ-то легко. Это можетъ произойти развѣ какимъ-нибудь необыкновеннымъ случаемъ. Вотъ Сысой Сысоичъ и прибѣгаетъ къ такому необыкновенному слу-

чаю. Узналъ онъ, что есть нѣкто Сучковъ, одаренный необычайной магнетической силой, а унего Сучкова есть сомнамбулъ Петръ Андрѣ ичъ, котораго онъ можетъ усыпить по своему желанію, а тотъ во снѣ и за облаками видитъ и въ землю проникаетъ. Бубликъ тотчасъ подбивается въ друзья къ этимъ пріятелямъ, переводитъ ихъ къ себѣ въ домъ, кормитъ, поитъ, деньги даетъ имъ въ займы, и только проситъ, нельзя-ли этакъ какъ-нибудь въ магнетическомъ снѣ провѣдать, гдѣ зарыты клады? Въ Москвѣ, молъ, во время на французовъ многіе зарывали въ землю свои сокровища, да потомъ и не вынули.... Такъ какъ-бы этакъ? — Шарлатанамъ магнетизма это какъ нельзя больше съ руки, они ѣдятъ и пьютъ за четверыхъ и надуваютъ бѣднаго Бублика, какъ цѣлая шайка. Ужъ простакъ готовъ и домъ купить у Дѣвичьяго поля, на который указалъ сомнамбулъ, и дочь свою выдать за главнаго плута. Остается побѣдить послѣднее сомнѣніе Бублика; для этого у Сучкова припасена подученая ясновидящая: еще одинъ опытъ и хорошенькая невѣста Таня и домъ съ кладомъ въ его рукахъ. На бѣду, выгнанный Бубликомъ воспитанникъ его Алеша, влюбленный въ Таню, пробирается въ домъ, подслушиваетъ заговоръ магнетизера и его помощника, напаиваетъ этого помощника до пьяна и самъ является подъ видомъ ясновидящей. Разумѣется, что опытъ неудаченъ: вмѣсто того, чтобы помогать Сучкову, ясновидящая дѣйствительно теперь очень ясно видитъ его замыслы и обнаруживаетъ плутовство.

Пьеса эта называется: «Слѣпой курицѣ все пшеница», и переведена съ французскаго гг. Тарновскимъ и Рудневымъ, и въ Москвѣ, говорятъ, имѣла успѣхъ; на нашей сценѣ ей не совсѣмъ посчастливилось.

—

«Женихъ въ закладѣ, а невѣста въ накладѣ или По усамъ текло, а въ ротъ непопало», водевиль, съ ужасно длиннымъ заглавіемъ и чрезвычайно короткимъ содержаніемъ. Старая дѣва, достаточно безобразная и значительно желчная, крайне желаетъ выйдти замужъ, но не потому, чтобы въ этомъ предвидѣла для себя особенное благополучіе, а собственно потому, что ей хочется перемѣнить свою фамилію, которая ей страхъ какъ не по нутру. И въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, фамилія ея — *Рѣдька*, таки-такъ просто Рѣдька, безъ всякой приправы и

прилагательнаго. «Будь это еще морковь или рѣпа, говоритъ она, я бы вынесла, а то Рѣдька, что за гадость!» И такъ, чтобы выдти изъ непріятнаго положенія, она рѣшается посредствомъ движимаго и недвижимаго имущества пріобрѣсти себѣ супруга, не изъ породы овощей. Пріискать подходящую персону, она поручаетъ г. Пульсу (разумѣется доктору), который особенно объ этомъ хлопочетъ, потому что при этомъ удобномъ случаѣ надѣется получить обратно свои 4000 рублей, когда-то данные взаймы г-жѣ Рѣдькѣ. По счастію, чрезъ городокъ проѣзжаетъ князь Рефейскій, промотавшійся игрокъ. Это пріятель Пульса и смѣтливый докторъ непремѣнно рѣшается волею или неволею женить его на Рѣдькѣ. Рефейскій, долго противясь, наконецъ поддается. Дѣло почти слаживается, дѣвица Рѣдька даритъ своему жениху на первый разъ запись на домъ и билетъ въ 25,000 рублей. Съѣзжаются гости, и Рифейскій вмѣсто себя и Рѣдьки — представляетъ имъ совсѣмъ другихъ нарѣченыхъ, именно: Лидиньку, племянницу Рѣдьки и поручика Рецеля, своего племянника, а самъ отказывается отъ полновѣсной руки своей невѣсты, на томъ основаніи, что онъ уже женатъ.

Водевиль видимо передѣланъ съ французскаго и довольно неискусно. Многія его сцены и положенія рѣшительно не въ русскомъ духѣ и грѣшатъ противъ нашей общественной жизни и нравовъ. Однакожъ, въ цѣломъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ характеровъ видны истинный комизмъ, а отчасти и оригинальность. Афиша въ отношеніи къ этому водевилю была очень скромна: она не открыла намъ, русское-ли это произведеніе, или переводъ, а равно умолчала и самое имя автора или передѣлывателя.

Разыгралась пьеса довольно неудачно. Г-жа Сосницкая, игравшая роль г-жи Рѣдьки, роль эту видимо не выучила, что очень вредитъ быстрому и правильному дѣйствію пьесы. Г. Самойловъ, который, по большей части, такъ удачно создаетъ свои типы, въ роли доктора Пульса, былъ какъ-то не въ своей тарелкѣ. Одинъ только г. Каратыгинъ 2 оживлялъ пьесу своей игрою. Но одна ласточка весны не составляетъ — и пьеса прошла по сценѣ безъ особеннаго успѣха.

«Митавская ярмарка» — старый фарсъ.

—

Талисманъ. Оригинальная драма-комедія, въ трехъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Соч. *кн. К—ва.*

Старикъ и двое молодыхъ или слѣдствіе маскерада. Басня-водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ танцами. Соч. Г*.

Герой нашего времени. Случай изъ обыкновенной жизни. Соч. *А. Ермолова.*

Я съѣлъ моего друга! Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго *Н. А. Сабуровымъ.*

(*Бенефисъ г. Смирнова* 2).

Г. Смирновъ артистъ, который не имѣетъ яркаго таланта и тѣхъ природныхъ средствъ, которыя даютъ на сценѣ право на первенство, но это молодой человѣкъ очень совѣстливый, толковитый и занимающійся своимъ любимымъ искусствомъ, не какъ ремесломъ. Г. Смирновъ, съ его страстью къ образованію и съ желаніемъ совершенствоваться на избранномъ поприщѣ, будетъ со временемъ очень пріятный и полезный актеръ на русской сценѣ, потому что все преодолѣвается усердіемъ, устойчивостью и постояннымъ трудомъ; но пока онъ еще только необходимость, за недостаткомъ у насъ такъ называемыхъ jeune premier, то-есть молодыхъ людей на роли лицъ изъ порядочнаго общества. По силамъ и средствамъ своимъ, г. Смирновъ дѣлаетъ все отъ него зависящее, ничего не портитъ и даже нерѣдко имѣетъ минуты очень счастливыя. Но еслибъ, съ его рвеніемъ, онъ имѣлъ передъ глазами достойные образцы или знающаго руководителя, онъ могъ бы изъ дарованій своихъ извлечь двойную пользу. Много въ игрѣ его вредятъ робость и нѣкоторыя дурныя привычки — но это зло, отъ котораго легко исправиться. При большемъ сознаніи своихъ силъ явится въ немъ и больше увѣренности, и тогда онъ самъ легко убѣдится въ своихъ недостаткахъ. Повторяемъ, отъ г. Смирнова 2 можно очень многаго надѣяться. Кто учится, всегда кончаетъ тѣмъ, что выучивается.

Бенефисъ молодаго артиста вышелъ съ грѣхомъ пополамъ. Мы говоримъ съ грѣхомъ пополамъ, потому, что одну его половину составляла драма, довольно недурная, а другую издѣлія досужей бездарности, одержимой пьесоманіей. Поговоримъ-же о первой половинѣ, а о послѣдней скажемъ только нѣсколько словъ, потому что, право, она не стоитъ того, чтобы на нее тратить время.

Драма—«Талисманъ» не заключаетъ въ себѣ глубокой основной идеи, которая-бы развивалась во всемъ произведеніи и привела наконецъ зрителя къ какому нибудь выводу. Это простая исторія, разсказанная въ сценахъ, хотя не разъ ужъ встрѣчавшихся въ другихъ произведеніяхъ, но составленныхъ съ умомъ и довольно ловко. Въ такого рода пьесахъ главная заслуга автора состоитъ въ томъ, чтобы поддержать занимательность своего дѣйствія и, не утомляя вниманія зрителя, довести его до развязки. Авторъ «Талисмана» вполнѣ достигъ этой цѣли; но онъ сдѣлалъ еще больше, онъ нарисовалъ два характера довольно оригинально и выпукло. Конечно, вся пьеса, за неимѣніемъ внутренней нити, за недостаткомъ единства, похожа на рапсодическою поэму, однако-жъ отрывки ея сшиты довольно искусно и на первый взглядъ представляютъ какъ будто что-то органически цѣлое. Неопытность сценическая ввела автора во многіе промахи, такъ, на примѣръ, у него выведены три лица, совершенно безполезныя, не только не придающія движенія общему дѣйствію, но даже безъ пользы замедляющія его. Такъ онъ, во многихъ мѣстахъ, подготовляя сильную сцену или драматическій эфектъ, прибѣгаетъ къ средствамъ не совсѣмъ натуральнымъ, къ натяжкамъ и даже иногда къ несообразностямъ очевиднымъ. Такъ, наконецъ, во всей драмѣ, которая разыгрывается коренными русскими и среди руской жизни,- покрой чисто французскій, такъ, что замѣнивъ имена дѣйствующихъ лицъ французскими, вы подумаете, что пьеса надисана гг. Ансло или Анисе Буржуа. Но при всѣхъ недостаткахъ, видно, что авторъ обладаетъ талантомъ, который можетъ насъ подарить чѣмъ нибудь болѣе зрѣлымъ, нежели «Талисманъ».

Вотъ содержаніе драмы. Генералъ Натинъ, старый служака и человѣкъ стараго времени, женился на молодой дѣвушкѣ, воспитанной по модѣ и для блеска. Выдавая ее замужъ, не спросились ея сердца, которое не могло ничего чувствовать къ старику и оригиналу, а просто указали на хорошее состояніе жениха.— Генералъ увезъ свое сокровище въ глушь, въ какую-то дальную деревню, гдѣ старается развлекать свою молодую праздниками, на которые сзываетъ всѣхъ окрестныхъ чудаковъ. Между ихъ деревенскими гостями является наконецъ и молодой сосѣдъ Чужбининъ, пріѣхавшій изъ столицы. Вотъ искра, бро-

шенная въ порохъ. Ольга Павловна влюбляется въ Чужбинина; Чужбининъ чувствуетъ къ ней непреодолимую страсть, но зная объ обязанностяхъ порядочнаго человѣка къ семейному союзу и, съ другой стороны, видя чистоту и непорочность Ольги, онъ рѣшается какъ можно скорѣе уѣхать узъ деревни Натина, гдѣ онъ гоститъ, чтобы скрыться отъ искушенія, которое гложетъ его сердце. Нечаяннымъ случаемъ въ руки его попадаетъ во время бала вѣеръ, на которомъ онъ находитъ свой миніатюрный портретъ. По справкѣ оказывается, что вѣеръ принадлежитъ Ольгѣ Павловнѣ. Чужбининъ внѣ себя отъ восторга: значитъ, онъ любимъ взаимно. Въ эту минуту застаетъ его старикъ Натинъ, видитъ у него вѣеръ, спрашиваетъ—чей, и смѣется вмѣстѣ съ нимъ надъ легковѣріемъ мужей-колпаковъ. Но въ самый разгаръ этой сцены, веселой для одного и очень непріятной для другаго, входитъ Ольга Павловна и, замѣтя вѣеръ въ рукахъ Чужбинина, вскрикиваетъ: Ахъ, мой вѣеръ, а я вездѣ ищу его! — «Твой! восклицаетъ въ свою очередь прозрѣвшій мужъ, и съ его потретомъ»?... Сцена обѣщаетъ разыграться очень трагически, но благодаря ловкости Чужбинина, который успѣлъ шепнуть Ольгѣ Павловнѣ, чтобъ она отперлась отъ своего вѣера, она опять принимаетъ оборотъ спокойный и веселый. И такъ, взаимная страсть обоихъ влюбленныхъ открылась имъ сама собою, открытіе это повело Ольгу даже къ первому проступку, къ обману, но все еще можетъ поправиться, если Чужбининъ тотчасъ-же уѣдетъ, какъ онъ предполагалъ сдѣлать. Но молодой человѣкъ слабъ, и вмѣсто отъѣзда въ столицу, долженъ пролежать у себя въ деревнѣ два мѣсяца въ жестокой горячкѣ. Во второмъ дѣйствіи мы застаемъ ето выздоравливающимъ. При немъ другъ его, штабъ-ротмистръ Долинъ. Ольга Павловна не оставалась равнодушною къ несчастію, котораго была причиною: она часто освѣдомлялась о здоровьи Чужбинина и утѣшала его горе самыми нѣжными записками. Въ послѣдней она писала, что имъ непремѣнно должно разстаться, что она проситъ его уѣхать, ибо она свято чтитъ свои обязанности. Она даже, въ утѣшеніе больнаго, обѣщаетъ пріѣхать проститься съ нимъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ это свиданіе происходило при свидѣтелѣ, при Долинѣ, и чтобы оно было послѣднее. Она дѣйствительно является, во время своей ежедневной прогулки верхомъ. Но едва моло-

дые люди успѣли увидѣться, едва Чужбининъ могъ высказать ей свою благодарность за нѣжное ея участіе, какъ слуга докладываетъ, что пріѣхалъ самъ генералъ. Чужбининъ прячетъ Ольгу въ свою комнату, а самъ, чтобы скрыть смущеніе, притворяется спящимъ. Генералъ входитъ, не будитъ своего молодаго друга и терпѣливо хочетъ дождаться, пока онъ самъ проснется. Между тѣмъ, для препровожденія времени, начинаетъ рыться въ его книгахъ и бумагахъ, видитъ письма, развертываетъ и читаетъ ихъ.... и о, ужасъ! онъ узнаетъ руку своей жены. Къ умноженію его ярости, онъ находитъ и ея хлыстикъ, забытый на стулѣ. Нѣтъ сомнѣнія! она преступна, она здѣсь! Въ эту минуту просыпается Чужбининъ. Вы ждете опять сильной трагической сцены и — опять обмануты. Все дѣло обходится довольно скромно, по свѣтски, безъ криковъ и дуэлей. Мужъ упрекаетъ молодаго человѣка въ неблагородномъ поступкѣ и въ наказаніе смѣется надъ его школьнической, глупой страстью; жену онъ покрываетъ презрѣніемъ. Она откровенно объясняетъ причину своего посѣщенія и даже, въ присутствіи мужа, даритъ Чужбинину на память о себѣ перстень и прощается съ нимъ навсегда.... Супруги уѣзжаютъ довольные, примиренные; Чужбининъ ѣдетъ въ Петербургъ.

Въ третьемъ дѣйствіи мы въ новомъ мѣстѣ и съ новыми лицами. О старой драмѣ нѣтъ и помину, начинается новая, совершенно съ другимъ интересомъ. Передъ нами старикъ, Гарпагонъ въ новомъ родѣ, который всѣхъ увѣряетъ, что онъ страшный мотъ и кутило, а между-тѣмъ дрожитъ надъ каждою полушкою и даже обсчитываетъ свою старую экономку. Это отецъ героя драмы, Чужбинина. У него подъ опекою молодая сирота, Лизанька Стрѣльская, которую ему хочется пристроить такъ, чтобы не выдавать жениху слѣдующихъ ей двухъ сотъ тысячъ рублей. Это почти таже исторія, что и съ лордомъ Мортимеромъ и Нелли въ драмѣ «Двоеженецъ». Но только нашъ скряга нашелъ гораздо удобнѣйшій способъ стяжать себѣ сиротское состояніе! Онъ хочетъ женить на Стрѣльской своего собственнаго сына. Молодой Чужбининъ не можетъ любить Лизаньку; добавимъ только, что и Лизанька, въ свой чередъ, не можетъ любить Чужбинина, потому что давно уже влюблена въ его пріятеля, Долина. Вотъ и завязка новой драмы. Старикъ-скряга дер-

житъ питомицу свою въ ежовыхъ рукавицахъ: онъ дѣйствуетъ на нее принужденіемъ, а на сына убѣжденіемъ. Когда-же это не беретъ, вымышляетъ сказку, что проигралъ, порученное его попечительству, имѣніе Стрѣльской и что если она выйдетъ за другаго, съ него потребуютъ отчетовъ и суммъ, и тогда онъ обезчещенъ и погибъ. Онъ расчиталъ вѣрно: благородное сердце сына не можетъ устоять противъ такого довода: онъ рѣшается пожертвовать своимъ счастіемъ для спасенія чести отца. И въ какую-же минуту должна совершиться эта жертва! Именно въ ту, когда Ольга Павловна, овдовѣвъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ и призываетъ къ себѣ Чужбинина, чтобы раздѣлить съ нимъ свою жизнь и счастіе. Къ общему благополучію, какъ deus ex machina, является ротмистръ Долинъ и разрѣшаетъ этотъ Гордіевъ узелъ однимъ ударомъ. Лизанька открыла ему все и отдала росписку старика Чужбинина въ занятыхъ имъ у отца ея пяти тысячахъ рубляхъ. Долинъ коротко и ясно объявляетъ скрягѣ, что если онъ не согласится на бракъ его съ Лизанькой, а сына со вдовой Натиной, то онъ подастъ на него ко взысканію и все-таки женится на Стрѣльской, потому что заведетъ съ нимъ процессъ; а въ случаѣ его добровольнаго согласія, онъ подаритъ ему эти пять тысячъ. Скупецъ разсчиталъ такъ: лучше отдать чужія деньги безъ процентовъ, чѣмъ приложить къ нимъ еще свои, и обнаружить кое-какіе грѣшки.... «Провалъ васъ побери, говоритъ онъ, и соглашается на предложеніе Долина. Значитъ всѣ счастливы. Здѣсь законный конецъ драмы. Но автору захотѣлось прибавить къ ней еще одинъ актъ, въ видѣ эпилога, актъ совершенно лишній и менѣе всего интересный, который даже портитъ и ослабляетъ впечатлѣніе цѣлаго.

Эпилогъ происходитъ въ гостинницѣ Кулона. Молодой Чужбининъ является къ Ольгѣ Павловнѣ: она съ восторгомъ кидается къ нему на встрѣчу, онъ останавливаетъ ее холодно и возвращаетъ полученный отъ нея перстень. Вдова уже готова упрекать его за измѣнчивость чувствъ и хочетъ разстаться съ нимъ навсегда, какъ въ комнату вбѣгаетъ Долинъ, насильно миритъ и соединяетъ ихъ. Поступокъ и слова его кажутся имъ загадкою, но вотъ растворяется дверь и разгадка является самасобою, подъ видомъ стараго скряги Чужбинина, который повер-

шаетъ картину блаженства своимъ родительскимъ благословеніемъ.

Всякій вѣрно изъ этого разсказа усмотритъ, что драма Кн. К—ва, не лишена драматическаго интереса и сценическаго движенія. Многія сцены ведены съ умомъ и ловкостію, сдѣлавшимибы честь даже любому опытному драматургу. Языкъ вообще чистъ, правиленъ и не натянутъ. Жаль только, что онъ перемѣшанъ прозой и стихами. Такое соединеніе въ одной и той-же пьесѣ какъ-то чрезвычайно неловко на сценѣ: звучные и нѣсколько изысканные ямбы, послѣ простой, натуральной, разговорной прозы, очень похожи на

....яркую заплату
На бѣдномъ рубищѣ пѣвца.

Конечно, лирическія мѣста ничѣмъ нельзя такъ хорошо выразить, какъ стихами, но въ дѣйствіи простомъ и вседневномъ, надо какъ можно избѣгать избытка лиризма. Любовь — чувство очень обыкновенное въ обществѣ, однако мы не слышимъ, чтобы влюбленные объясняли другъ другу свои чувства стихами; и если это когда нибудь и случается между слишкомъ поэтическими душами, то обыкновенно случается на бумагѣ, въ посланіяхъ *къ ней, къ дѣвѣ, къ звѣздочкѣ* и такъ далѣе. Вообще — cela prête au comique—и вмѣсто сильнаго впечатлѣнія, производитъ совершенно противное.

Упрекнувъ автора въ нѣкоторыхъ излишествахъ и натяжкахъ, мы обязаны указать на нихъ. Къ чему, напримѣръ, выведены мать и сынъ Фифины, въ первомъ актѣ? Неужли затѣмъ только, чтобы дурачекъ Фифинъ нашелъ вѣеръ Ольги Павловны? Но это могло сдѣлаться гораздо простѣе и безъ его помощи, а драму освободило-бы отъ двухъ совершенно безполезныхъ, и совершенно ненатуральныхъ лицъ. Кчему въ томъ-же актѣ является какая-то г-жа Пельская и отвлекаетъ собою вниманіе зрителя отъ главнаго хода дѣйствія, тогда, какъ она не имѣетъ даже малѣйшаго участія въ разыгрывающемся событіи? Какъ можно допустить, чтобы свѣтскій человѣкъ позволилъ себѣ рыться въ чужихъ бумагахъ и читать письма, адресованныя къ другому, какъ это дѣлаетъ Натинъ у Чужбинина? Авторъ употребилъ это средство, чтобы доставить въ руки ревниваго мужа письма его жены, но и это можно было сдѣлать простѣе, ненарушая принятыхъ

правилъ приличія. «Кто разломаетъ замокъ, тотъ въ состояніи украсть, кто распечатаетъ чужое письмо, тотъ можетъ вырвать сердце у друга», говоритъ Свифтъ, а г. К—въ хотѣлъ придать своему генералу характеръ доблести и высокаго благородства. Наконецъ, для чего-же самъ Чужбининъ, притворявшійся спящимъ, и слѣдовательно видѣвшій, что около него происходило, не предупредилъ его, проснувшись пораньше? Конечно, онъ этимъ пробужденіемъ нарушилъ-бы пружины драмы, но, значитъ, эти пружины не годились и надо было придумать другія, болѣе правдоподобныя. Читатель видѣлъ, что весь узелъ драмы основанъ на вѣерѣ Ольги Павловны, на которомъ Чужбининъ находитъ свой портретъ. Можно-ли допустить, чтобы скромная, замужняя женщина, которая уважаетъ свои обязанности и дорожитъ своей репутаціей, при всемъ своемъ легкомысліи, сдѣлала такой промахъ! Вѣеръ — вещь, которую дама всегда держитъ въ рукахъ, когда бываетъ въ обществѣ, которую она оставляетъ на стулѣ, на жертву любому любопытному, когда идетъ танцовать; какъ-же можно на этой вещи написать портретъ посторонняго мужчины? Это значило-бы явно обнародовать свою страсть самымъ нескромнымъ образомъ. Проходя такимъ образомъ всю драму отъ начала до конца, мы насчитали-бы въ ней еще многое множество подобныхъ несообразностей, подрывающихъ ея правдоподобіе и естественность въ самомъ основаніи, но мы ограничимся указанными и повторимъ, что всѣ эти промахи произошли вовсе не отъ недостатка таланта въ авторѣ, но отъ его неопытности въ драматургіи и отъ незнанія сцены. Господинъ К—въ, при своемъ дарованіи, явно обнаружившемся въ этой пьесѣ, скоро самъ сознаетъ свои ошибки, и вѣрно подаритъ намъ въ послѣдствіи твореніе болѣе продуманное, а мы отъ души пожелаемъ ему полнаго успѣха.

Драма «Талисманъ» имѣла успѣхъ, несмотря на свои недостатки, и была очень дружно разыграна артистами. Лучшіе два характера, правдоподобнѣйшіе и оригинальнѣйшіе, именно генерала Натина и скряги Чужбинина, были прекрасно переданы гг. Брянскимъ и Самойловымъ. Особливо г. Самойловъ нашелъ случай въ этомъ характерѣ создать одинъ изъ своихъ поразительно-вѣрныхъ и жизненныхъ комическихъ типовъ. Онъ показалъ въ этой роли много наблюдательности и тонкаго психическаго

разумѣнія. Вотъ это комизмъ въ настоящемъ, благородномъ его значеніи. Герои пьесы, Чужбининъ сынъ и Ольга Павловна, нарисованы слабо—и вышли довольно безцвѣтны въ выполненіи г. Максимова и г-жи Самойловой 2. На долю г. Мартынова выпала ничтожная ролъ дурачка Фифина, вводнаго и безполезнаго лица, который всего одинъ разъ является на сцену и ничего собою не выражаетъ. Характеръ Лизаньки весь составленъ изъ ламентацій, которыхъ даже теплый талантъ г-жи Жулевой не въ состояніи былъ оживить. Прочія лица — просто драматическая мебель— объ нихъ и говорить нечего.

Слыхали вы когда нибудь анекдотъ о томъ, какъ одинъ Донъ-Жуанъ, приставъ на бульварѣ съ своимъ дешевымъ восторгомъ къ проходившей дамѣ, вызвался проводить ее домой; какъ дама приняла вѣжливое предложеніе, какъ онъ дорогою влюбился окончательн и даже послѣдовалъ за нею въ ея квартиру, но здѣсьбылъ встрѣченъ мрачною фигурою мужа, который отблагодарилъ его добрымъ назиданіемъ и прохладилъ въ немъ страстный жаръ шестнадцатью стаканами холодной воды, которые заставилъ его выпить? Этотъ вздоръ г. Ермоловъ вздумалъ изложить въ лицахъ и разговорахъ, назвавъ его «Героемъ нашего времени». Это произведеніе, которое нисколько не характеризуетъ ни вѣка, ни его героевъ, было принято съ громкимъ шиканьемъ всего театра. Герой палъ торжественно и вполнѣ достойно нашего времени, не терпящаго отсутствіе ума, остроумія и смысла въ сценическихъ произведеніяхъ.

Другой фарсъ — «Старикъ и двое молодыхъ» Публика приняла пьесу только хладнокровно, тогда, какъ она достойна была участи «Героя нашего времени». Жаль, что скромный и трудолюбивый бенефисіантъ долженъ былъ занимать роль фарсера, переодѣвшись въ танцовщицу, хотя онъ и исполнилъ ее очень ловко. И бѣдный Мартыновъ, первый талантъ русской сцены, долженъ былъ здѣсь примѣрить на себя пустую, шутовскую роль:

Le grand talent — où va-t-il se nicher!

Объ водевилѣ »Я съѣлъ моего друга» нечего и говорить. Это одинъ изъ фарсовъ бульварныхъ, простанародныхъ французскихъ театровъ, онъ вовсе не по вкусу русской публики.

Ѳ. Кони.

=

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа отъ 1/13 сентября.)

Сколько разъ уже говорили, въ стихахъ и въ прозѣ, что «ничто не ново подъ луною!» Древность этой аксіомы, обратившейся уже въ пошлость, достаточно доказываетъ, что самая жажда новости, этотъ недугъ, терзающій человѣчество во всемъ, въ искусствѣ, въ модѣ, также вовсе не новость. Всегда и вездѣ публика приставала, съ ножемъ къ горлу, къ несчастнымъ, обязаннымъ потѣшать хандру этого султана, и требовала отъ него новаго, во что бы ни стало; и всегда и вездѣ находились ловкіе промышленики, умѣвшіе бросить пыль въ глаза и спустить за новость подновленное старьё. Никогда, однако-же, эта болѣзненная жажда новости и искусство поставщиковъ новостей не доходили до такой степени, какъ въ нашъ вѣкъ пресыщенія и промышленности. Изъ неустрашимыхъ производителей, принявшихъ на себя трудную задачу удовлетворять вѣчно возобновляющимся требованіямъ этой всепожирающей гидры, пальма первенства въ наше время безспорно принадлежитъ Александру Дюма. Какихъ новостей, подновленныхъ изъ старины, не дарилъ онъ уже ненасытной публикѣ, Шехеразадныя сказки въ европейскихъ платьяхъ и европейскія исторіи въ маскарадныхъ костюмахъ, драмы въ романахъ и романы на сценѣ, романтическія драмы всѣхъ степеней и званій, драматическія этюды, рапсодіи. Нынче онъ придумалъ еще новость, столь-же новую, какъ всѣ прежнія новости; это *фантазіи*. Но какъ г. Дюма производитъ всѣ свои издѣлія фабричнымъ образомъ, на основаніи политико-экономическаго ученія о раздѣленіи труда, то неудивительно, что онъ выпустилъ свое новое изобрѣтеніе въ двухъ экземплярахъ, изъ

которыхъ одинъ подписанъ самимъ изобрѣтателемъ, а другой господами Гранжѐ и Монтепеномъ, подрядившимися, какъ кажется, перекраивать для сцены его старые романы. Оба представлены на Историческомъ театрѣ.

Фантазія г на Дюма называется La chasse au chastre, «*Охота на жаръ-птицу*», и заимствована изъ эпизода, разсказаннаго имъ же въ одномъ изъ его небывалыхъ путешествій и памятнаго, между прочимъ, тѣмъ, что г. Мери оспаривалъ нѣсколько лѣтъ назадъ его изобрѣтеніе, обвиняя г. Дюма въ незаконномъ присвоеніи чужой собственности. Кому-бы ни принадлежала первая мысль этого эпизода, а дѣло вотъ въ чемъ. Нѣкто г. Луэ, четвертый контрабасистъ Марсельскаго театра, проигравъ цѣлую недѣлю на своемъ громоздкомъ инструментѣ, каждое воскресенье отправляется на охоту; это его единственная страсть. Но около Марсели плохая охота; дичь тамъ миѳъ, заяцъ баснословное животное; только что отъ времени до времени идутъ веренцы перелетныхъ голубей. На нихъ то и охотится г. Луэ. Въ одно воскресенье, однако-же, ему везетъ необыкновенное счастіе, такое счастіе, какое не дается ни одному охотнику; онъ нападаетъ на баснословную жаръ-птицу. Къ несчастію, онъ забылъ, что ее нельзя подстрѣлить никакимъ оружіемъ; стрѣлять въ нее все равно, что бросать порохъ въ воду; кажется попалъ, а жаръ птица летитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывалая. Она летитъ, летитъ, а г. Луэ идетъ, идетъ, не спуская глазъ съ волшебной птицы, пока она не исчезаетъ въ небѣ. Потерявъ надежду подстрѣлить ее, онъ входитъ въ корчму, и проситъ поѣсть; ему отвѣчаютъ: non capisco. Почтенный г. Луэ прошелъ сотни миль, рѣки, горы, долины, и самъ не знаетъ, какъ очутился въ Италіи. Но онъ не запасся на такую дальнюю прогулку; въ карманѣ его пусто, а на желудкѣ также пусто, какъ въ карманѣ; просто пришлось-бы умереть съ голоду, еслибъ не случились въ корчмѣ англійскіе туристы-меломаны; они заставляютъ его играть на двуструнномъ контрабасѣ, также очень кстати случившемся въ корчмѣ, и зато кормятъ его и даютъ ему денегъ. Затѣмъ остается ему только попасть назадъ въ Марсель, чтобы не опоздать на репетицію. Чтобы не подвергнуться уже новымъ штукамъ жаръ-птицы, онъ рѣшается ѣхать моремъ. Море однако же такъ-же вѣроломно, какъ жаръ-птица; буря и нападеніе корсара выбрасываютъ его опять на итальянскій берегъ. На этотъ разъ онъ уже рѣшается ѣхать въ дилижансѣ. Сначала все идетъ, какъ нельзя лучше, кромѣ того, что онъ ссорится съ своимъ сосѣдомъ, французскимъ офицеромъ. Но вотъ новая бѣда. Шайка разбойниковъ нападаетъ на дили-

жансъ, путешественниковъ обираютъ и привязываютъ къ деревьямъ. Одного Луэ, какъ музыканта, увольняютъ отъ этого униженія и ведутъ въ пещеру разбойниковъ. Атаманъ приказываетъ ему играть, потому что ему хочется посмотрѣть, какъ танцуетъ одна молоденькая красотка, которую онъ взялъ въ плѣнъ и въ которой Луэ узнаетъ мамзель Зефирину, танцовщицу Марсельскаго театра. А надо вамъ сказать, что эту шайку давно уже преслѣдуетъ по пятамъ военный отрядъ, и атаманъ ума не приложитъ, какимъ образомъ преслѣдователи такъ хорошо знаютъ всѣ его убѣжища. Дѣло очень просто: командиръ отряда, давнишній знакомый мамзель Зефирины, которая при каждой перекочевкѣ пишетъ гдѣ-нибудь на стѣнѣ, куда шайка перебирается. Однако-же ей пришлось-бы дорого поплатиться за это, еслибъ Луэ не разбилъ свой контрабасъ объ голову атамана, въ то самое мгновеніе, какъ тотъ уже заносилъ кинжалъ на измѣнницу. Въ тоже время является Эрнестъ, разумѣется, тотъ самый офицеръ, съ которымъ Луэ ссорился въ дилижансѣ, — возобновляетъ свое знакомство съ танцовщицею, а Луэ собирается въ Марсель, занять свое мѣсто въ оркестрѣ. Но нельзя-же уѣхать изъ Италіи, не видавъ столицы міра, Рима; и вотъ по щучьему велѣнію поднимается занавѣсъ, и вдали является Римъ, гордо возсѣдающій на своихъ семи холмахъ.

Должно полагать, что плодовитое воображеніе Александра Дюма, этого плодовитѣйшаго изъ писателей нашего времени, ужасно оскудѣло, если онъ можетъ подписывать своимъ именемъ такой наборъ нелѣпостей, который даже не смѣшонъ. Неужели онъ думаетъ, что его имени достаточно, чтобы поддержать всякую пьесу, какъ-бы она ни была ничтожна? Это намъ покажутъ послѣдствія; до-сихъ-поръ «*Охота на жаръ-птицу*» держится однимъ великолѣпіемъ декорацій.

Фантазія, или фантастическая драма г-дъ Гранже и Монтепена также заимствована ихъ стариннаго романа Александра Дюма, вставленнаго имъ въ видѣ эпизода, въ одно изъ своихъ путешествій. Кстати замѣтимъ, что когда г. Дюма основалъ Историческій театръ для представленія своихъ романовъ, они казались ему неисчерпаемымъ источникомъ, и онъ не щадилъ ихъ, а отдавалъ по десятку томовъ на одинъ вечеръ. Теперь, кажется, оказалось, что эта золотая жила гораздо скуднѣе, чѣмъ онъ воображалъ, и вотъ онъ принялся драматизировать не только свои мелкіе романы, но и эпизоды изъ путешествій, пока не поставитъ на сцену до послѣдней своей строчки. Господа Гранже и Монтепенъ свою фантистическую драму, «*Корсиканскіе братья*» выписали почти цѣ-

ликомъ изъ книги, сохранивъ даже путешественника, въ глазахъ котораго происходитъ дѣйствіе и котораго они только переименовали, для приличія, изъ Александра Дюма въ мосьё Менаръ.

Этотъ мосьё Менаръ пріѣзжаетъ въ одну корсиканскую деревушку, гдѣ его принимаютъ со всѣмъ гостепріимствомъ полудикой страны, и на первомъ-же шагу онъ имѣетъ удовольствіе видѣть сцену прекращенія стариннаго кровнаго долга корсиканской вендетты. Эта сцена впрочемъ не идетъ къ дѣлу, а вставлена только для бо́льшей длиноты пьесы. Путешествевникъ привезъ Фабіану Бранки письмо изъ Парижа, отъ его брата-близнеца, Лодовико. Надо вамъ сказать, что эти два близнеца представляютъ странный анатомическій и психологическій феноменъ. Они родились сросшимися, какъ знаменитые Сіамскіе братья; но искусный операторъ раздѣлилъ ихъ, и они остались живы и здоровы; но сохранили какую-то непостижимую физическую и нравственную симпатію, такъ, что чувствуетъ одинъ изъ нихъ, тоже самое и въ тоже мгновеніе чувствуетъ и его братъ за нѣсколько сотъ миль. Такъ и нынче, Фабіано по инстинкту знаетъ, что братъ его страдаетъ, что онъ тяжело раненъ, можетъ быть смертельно; однако же не умеръ, потому что въ родѣ Бранки издавна умершій братъ въ тоже мгновеніе является пережившему. Мосьё Менару не вѣрятся такія чудеса, пока онъ не убѣждается собственными глазами. Въ ту самую минуту, какъ Фабіано запечатываетъ письмо къ брату, полъ раздвигается, является тѣнь Лодовико, и кладетъ руку на его плечо. Да не то̀ еще увидитъ нашъ путешественникъ! Въ этой корсиканской избушкѣ дѣлаются такія вещи, за которыя въ пятнадцатомъ вѣкѣ хозяевъ сожгли бы на кострѣ, какъ чернокнижниковъ, и всю деревню срыли бы до основанія, а мѣсто засѣяли бы солью, чтобы и трава не росла на нечистомъ мѣстѣ. Фабіану, напримѣръ, вздумалось силою симпатіи узнать, что дѣлается съ его братомъ, и вотъ во второмъ дѣйствіи вы видите предъ собою, въ глубинѣ театра, среди облаковъ, Фабіано и его мать, а на сценѣ, Лодовико гуляетъ въ оперномъ маскарадѣ, живъ и здоровъ. Онъ пришелъ сюда, чтобы спасти одну женщину, которую негодяй завлекаетъ въ свои сѣти. Оба брата любили эту женщину; Фабіано отказался отъ нея изъ братской любви, а Лодовико послѣдовалъ за нею въ Парижъ, но нашелъ ее уже замужемъ. Въ отсутствіе ея мужа, мосьё де Шаторено̀ гнуснымъ обманомъ завлекаетъ ее на ужинъ къ своимъ товарищамъ, такимъ же негодяямъ, какъ онъ, съ которыми онъ побился объ закладъ, что она будетъ ужинать съ нимъ. Лодовико слышалъ пари, и идетъ также на

ужинъ, чтобы защитить несчастную жертву. Увидѣвъ себя въ такомъ обществѣ, Эмилія, воображавшая, что она идетъ къ одной изъ своихъ пріятельницъ, объявляетъ при всѣхъ, что Шатаренò обманулъ ее, потомъ беретъ руку Лодовико и выходитъ. Разумѣется, что дѣло не можетъ обойтись безъ дуэли; и въ слѣдующей картинѣ зрители переносятся въ Фонтенеблоскій лѣсъ; Шаторенò стоитъ съ окровавленною шпагою надъ тѣломъ умирающаго Лодовико, а въ глубинѣ театра, въ облакахъ, Фабіано. Въ третьемъ дѣйствіи, Шаторенò и его секундантъ бѣгутъ отъ правосудія; карета ихъ вдругъ опрокидывается, ломается, и Шаторенò съ ужасомъ узнаетъ мѣсто, на которомъ палъ корсиканецъ. Въ тоже мгновеніе ему кажется, будто онъ видитъ тѣнь убитаго!... Нѣтъ, это не тѣнь, это мститель, Фабіано. «Ты убилъ моего брата, говоритъ онъ; Лодовико умеръ въ десять минутъ девятаго; теперь девять часовъ; черезъ десять минутъ ты умрешь.» За тѣмъ опять дуэль, въ которой Шаторенò остается на мѣстѣ.

Если ужъ пошло на диковины, такъ вотъ вамъ еще курьозъ, если не замысловатѣе, то ужъ навѣрное поинтереснѣе куріозовъ Историческаго театра. Это «*Первый увеселительный поѣздъ въ Калифорнію*,» водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, г дъ Кордье и Клервиля, на Театрѣ Разнообразія. Почему этотъ куріозъ названъ водевилемъ, про то знаютъ авторы. По нашему, это просто панорама; передъ вами проходитъ въ два часа времени весь путь отъ Парижа до Санъ-Франсиско. Нѣсколько минутъ переносятъ васъ изъ Европы въ Америку; и вотъ передъ вами Канзаскій бродъ, рѣка Деревъ, устье Южной вилы, Скалистыя горы, долина Уныніа, Готенскій провалъ, Скала Трубы, фортъ Ларами, скала Независимости, Чортовы ворота, Южное ущелье, долина Медвѣжьей рѣки, Соленое озеро съ водопадомъ, кипучіе ключи, озеро Пирамиды, хребетъ Сіерра-Невада, и вотъ вы наконецъ въ Санъ-Франсиско, гдѣ можете полюбоваться на житье-бытье золотопромышлениковъ. Если судить по сценамъ, которыя придумали авторы этого водевиля, то любопытнаго въ немъ немного; впрочемъ можно съ удовольствіемъ взглянуть на охоту на буйволовъ, на горящіе луга, на сраженія индѣйцевъ, на охоту на серн. Какъ дѣло декораціи, эта пьеса очень любопытна, и конечно мы не поколеблемся дать ей предпочтеніе передъ вычурными фантазіями и фантистическими драмами г. Александра Дюма и Комп.

Театръ Драматической Гимназіи поставилъ замѣчательную пьесу «*Фаустъ и Маргарита*». Это ничто иное, какъ первая часть Гётева «*Фауста*», принаровленная къ требованіямъ этой сцены,

сокращенная, упрощенная и нѣсколько подслащенная, чтобы ближе подходить къ обычному репертуару этого театра. Разсказывать содержанія мы не будемъ, потому-что кому не извѣстенъ «*Фаустъ*» Гёте, пьеса-же Драматической Гимназіи въ главныхъ чертахъ не отступаетъ отъ него; передѣлка скроена очень умно и ловко, и дѣлаетъ честь господину Мишелю Каррѐ. Роль Маргариты—новый перлъ въ блестящемъ артистическомъ вѣнкѣ талантливой актрисы этого театра, Розы Шери. Она превосходно умѣла схватить и передать это поэтическое созданіе нѣмецкой фантазіи. Нѣтъ сомнѣнія, что при ея игрѣ и при содѣйствіи прочихъ исполнителей, прелестная пьеса Мишеля Каррѐ долго будетъ держаться на сценѣ и дастъ обильные сборы дирекціи.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать того же о другой пьесѣ, явившейся на театрѣ Драматической Гимназіи, подъ вычурнымъ названіемъ «*Общества взаимнаго предохраненія*». Мысль этого водевиля господъ Клервиля, Сиродена и Морò со временъ самого Мольера безпрестанно въ разныхъ видахъ возбуждаетъ смѣхъ публики. Корнике, мужъ молоденькой, хорошенькой и порядкомъ кокетливой жены, счастливѣйшій изъ смертныхъ. Онъ веселъ, спокоенъ, не знаетъ заботы, которая, какъ червь точитъ сердце бо̀льшей части водевильныхъ мужей. И неудивительно; онъ застраховалъ себя въ обществѣ взаимнаго предохраненія, и такъ доволенъ его бдительностію, что пристаетъ къ своему пріятелю Дювердье, чтобы и онъ не поскупился на волшебный полисъ этого общества. Дювердье наконецъ убѣждается его совѣтами, замѣтивъ, что племянникъ мадамъ Дювердье, молодой врачъ очень недурной наружности. слишкомъ часто ее посѣщаетъ. Онъ начинаетъ наблюдать за женою, и застаетъ ее однажды въ ту минуту, какъ она получаетъ отъ мосьё Альфреда цѣлую кипу писемъ. Оставшись съ нею одинъ, онъ вырываетъ у нея письма; но узнаетъ руку мадамъ Корнике. Не смотря на бдительность общества, на которое такъ крѣпко надѣется Корнике, мосье Альфредъ успѣлъ завести съ нею переписку, и только по настояніямъ своей тетки согласился ее прекратить и возвратить письма. Переговоры объ этомъ и были предметомъ ихъ частыхъ шептаній. Дювердье остается только просить прощенія у жены, причемъ онъ клянется никогда не быть вкладчикомъ общества взаимнаго предохраненія.

На Французскомъ Театрѣ одна только новая пьеса, гордо величающаяся комедіею, между-тѣмъ, какъ она ничто иное, какъ бесѣда четырехъ-лицъ, довольно плохо связанная, испещренная мелкими разсказами, которые вовсе не идутъ къ дѣлу; характе-

ры дѣйствующихъ, или скорѣе говорящихъ лицъ, безцвѣтны и неестественны, и вся пьеса вертится въ какомъ-то небываломъ мірѣ. Эта пьеска называется «*На выборъ*» (A discretion), и принадлежитъ перу господина Плувье, который очевидно хотѣлъ въ ней подражать драматическимъ пословицамъ Альфреда Мюссé, но не имѣетъ ни ума, ни фантазіи, ни изящнаго вкуса, отличающихъ всѣ произведенія этого оригинальнаго писателя.

Мы не можемъ заключить своего обзора, не сказавъ нѣсколько словъ о хорошенькомъ водевилѣ господъ Альбера Монье и Эдуарда Мартена, явившемся на одномъ изъ самыхъ мелкихъ парижскихъ театровъ, именно на театрѣ Folies dramatiques. Ришардѐ, сынъ честнаго ремесленника, заразился модною болѣзнью, хандрою; ему едва минуло двадцать лѣтъ, а уже все ему постыло. Чтобы разнежить тоску, онъ пріѣзжаетъ въ Парижъ съ десяткомъ тысячъ франковъ и тотчасъ идетъ въ игорный домъ, въ надеждѣ проиграться. Но какъ на зло, ему везетъ и онъ выигриваетъ двадцать тысячъ. Послѣ этого ему остается только утопиться; но прежде надо сдѣлать доброе дѣло. Онъ идетъ въ учрежденіе для заклада мелкой движимости и видитъ тамъ бѣднаго работника, который умоляетъ приказчика взять въ закладъ старое платье. Ришарде суетъ въ его узелъ свои тридцать тысячъ франковъ. Но Ладебинъ не замѣчаетъ ихъ и плачетъ до тѣхъ поръ, пока сострадательная швейка, сжалившись надъ его горемъ, не даетъ ему въ придачу платокъ, на который онъ и получаетъ десять франковъ. Ришарде бросился въ рѣку, но обойщикъ Амбруазъ вытащилъ его изъ воды и отвелъ къ себѣ; Ришарде, отъ нечего дѣлать, принялся работать и хандру какъ рукой сняло. Притомъ онъ полюбилъ сестру Амбруаза, предобрую дѣвушку, какъ видно изъ того, что она пожертвовала своимъ платкомъ, чтобы помочь Ладебину. Какъ-то въ разговорѣ объ этомъ, Ришарде съ удивленіемъ узнаетъ, что его тридцать тысячъ франковъ заложены вмѣстѣ съ платкомъ и старымъ кафтаномъ за десять франковъ. Тотчасъ бѣгутъ увѣдомить объ этомъ Ладебина; но хвать, у всѣхъ вмѣстѣ не наберется десяти франковъ, чтобы выкупить залогъ. Тутъ начинаются преуморительные поиски за десятью франками. Наконецъ Ришарде убѣждаетъ одного ростовщика и выкупаетъ свой капиталъ, съ которымъ онъ можетъ обогатить своихъ новыхъ друзей и самъ жениться на сестрѣ Амбруаза.

Съ нѣкотораго времени въ Парижѣ много толкуютъ о знаменитой нѣкогда пѣвицѣ, графинѣ Элизѣ Таккани-Тоска, которая собирается предпринять артистическое путешествіе по главнѣйшимъ городамъ Германіи. Синьора Таккани дебютировала, много

лѣтъ тому назадъ, въ Миланѣ, потомъ въ короткое время объѣхала всѣ значительные театры Италіи и вездѣ возбуждала самый бурный энтузіазмъ; потомъ пріѣхала въ Парижъ и съ перваго своего появленія на сценѣ стала соперницею Джуліи Гризи; весь сезонъ былъ для нея безпрерывнымъ рядомъ торжествъ. Послѣ того молодая артиска вышла замужъ за итальянскаго вельможу, графа Тоску, и уже занималась своимъ искусствомъ только для собственнаго удовольствія. Рѣдкія появленія ея въ благотворительныхъ концертахъ были истиннымъ праздникомъ для любителей музыки и новымъ торжествомъ для артистки. Несчастія, разстроившія состояніе ея мужа, принуждаютъ ее теперь опять поступить на сцену. Извѣстно, что госпожа Малибранъ, присутсвуя при первыхъ ея дебютахъ въ Миланѣ, сказала, что она будетъ величайшею пѣвицею своего времени. Парижская публика надѣется, что эта замѣчательная артистка на зиму будетъ ангажирована на здѣшнемъ театрѣ.

АППОЛИНАРІЙ БОНАВЕНТУРА.

—

II АНГЛІЯ.

(Письмо изъ Лондона отъ $\frac{\text{30 августа}}{\text{22 сентября}}$.)

На театрѣ Ея Величества, новости такъ быстро слѣдуютъ одна за другою, что почти нѣтъ возможности поспѣвать за ними. «I Puritani», «La pruvva d'un oqera seria» «Figlia del Reggimento», «Norma», кромѣ повтореній прежнихъ оперъ, и особенно «*Бури*», которая почти не сходитъ съ аффишки.

Въ «*Пуританахъ*», этой лебединой пѣсни Беллини, мы имѣли опять удовольствіе видѣть г-жу Фреццолини во всемъ блескѣ ея прекраснаго таланта; это безспорно ея лучшая роль. По случаю болѣзни Гардони, мѣсто его въ роли Артура заступилъ Букарде, Этотъ молодой пѣвецъ обладаетъ превосходнымъ голосомъ, но къ сожалѣнію безъ всякой обработки; впрочемъ, если онъ въ этомъ отношеніи уступаетъ Гардони, то выкупаетъ этотъ недостатокъ теплотою и чувствомъ, которыхъ у Гардони никогда не бывало. Лаблашъ и Колетти, въ роляхъ Джіорджіо и Рикардо были истинно неподражаемы; публика заставила ихъ повторить превосходный дуэтъ Suona la tromba. Болѣзнь Гардони принудила его отказаться и отъ роли въ «*Сонамбулѣ*». Тутъ мѣсто его заступилъ Ривзъ. Для безпристрастнаго зрителя это представленіе

имѣло особенный интересъ. Извѣстно, что въ лондонской публикѣ есть двѣ партіи, равно несправедливыя и односторонніе; бельэтажъ и кресла пренебрегаютъ отечественными талантами и покровительствуютъ однимъ иностранцамъ, верхніе ярусы и галереи стараются поддержать все родное. Послѣ этого можно себѣ представить, какой шумъ произвело въ театрѣ появленіе Ривза въ роли Гардони. Впрочемъ пренебреженіе заморской партіи къ этому пѣвцу очень несправедливо; онъ конечно не великій пѣвецъ, голосъ его не изъ самыхъ необыкновенныхъ и могъ бы быть лучше обработанъ, игра его нѣсколько манерна; однако-же, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ можетъ съ честью явиться на всякомъ театрѣ и смѣло вступить въ соперничество съ Гардони. Что касается до насъ лично, мы всегда дадимъ ему предпочтеніе.

La pruova d'un opera seria, эта остроумная шутка, скатившаяся съ пера пезарскаго пѣвца въ минуту шумнаго веселья, разсмѣшитъ самаго угрюмаго и съ букъ. Джонъ Буль забываетъ свой сплинъ, когда видитъ и слышитъ въ этой оперѣ неподражаемаго старика Лаблаша.

Но самою любопытною новостью была *Дочь полка*. Одно уже появленіе этой оперы на афишкѣ возбудило всеобщее участіе и толки, Женни Линдъ первая ввела ее на лондонскій театръ, и съ тѣхъ поръ Англія считала ее недоступною другой пѣвицѣ. Многіе даже вслухъ дивились дерзости г-жи Зонтагъ, осмѣливавшейся вступить въ состязаніе съ несравненною Линдъ. Однако-же, когда она сыграла роль и занавѣсъ опустился, всѣ толки были забыты; всѣ мнѣнія слились въ продолжительныя, единодушныя рукоплесканія и клики восторга. Съ этого представленія г-жа Зонтагъ, если не стала наравнѣ съ своею предшественницею въ любви Англичанъ, то навѣрное заняла первое мѣсто послѣ нея.

Въ «*Нормѣ*» дебютировала новая пѣвица, подъ именемъ синьоры Фіорентини. Настоящее ея имя мистрисъ Дженнингсъ. Родомъ она изъ Севильи, и представляетъ совершенный андалузскій типъ; но она замужемъ за англичаниномъ, и это обстоятельство, было можетъ быть, не безъ вліянія на блистательный пріемъ, который ей сдѣланъ при первомъ ея дебютѣ. Природа одарила ее всѣми наружными условіями для роли Нормы; не очень большимъ, но стройнымъ и величественнымъ ростомъ, выразительнымъ лицомъ и благородствомъ движеній. Голосъ ея, сопрано сфогато, обширенъ, прекраснаго металла и необыкновенно ровенъ. Однако-же, не смотря на всѣ эти богатые дары природы, англійскіе журналы, по нашему мнѣнію, слишкомъ поспѣшили поставить ее въ число самыхъ яркихъ свѣтилъ оперы (the brightest of the operatic

stars). Конечно, хорошій органъ великое дѣло; но онъ долженъ быть усовершенствованъ искусствомъ. А этого то въ дебютанткѣ вовсе нѣтъ. Наконецъ, кромѣ умѣнія владѣть голосомъ, кромѣ обладанія всѣми трудностями и хитростями вокализаціи, отъ артиста должно требовать еще бо́льше; онъ долженъ передавать не одни звуки, но выражать ихъ внутренній смысль; чего въ дебютанткѣ опять нѣтъ. Однимъ словомъ, природа наградила ее превосходнымъ органомъ; но она должна начать обработку его съ самаго начала, и тогда только она можетъ надѣяться быть со временемъ первоклассною артисткою.

Еще два любопытныя представленія на театрѣ Ея Величества были бенефисы г-жи Зонтагъ и Карлотты Гризи.

Г-жа Зонтагъ выбрала для своего бенефиса одно дѣйствіе «*Семирамиды* и одно дѣйствіе *Севильскаго цирюльника*». Въ послѣдней роли, въ сценѣ урока музыки, она спѣла знаменитыя варіяціи Роде, сочиненныя нарочно для нея, и въ которыхъ ни одна пѣвица не могла донынѣ состязаться съ нею. Невыразимо-хороша она также въ «*Семирамидѣ*»; въ ней столько величія и вмѣстѣ съ тѣмъ столько естественности, какъ, можетъ-быть, ни въ одной артисткѣ, занимавшей эту роль до-сихъ-поръ. Что вызовамъ и цвѣтамъ не было счету, объ этомъ и говорить нечего. Синьора Ида Бертранъ и Колетти, въ роляхъ Арзаче и Ассура, также удостоились громкихъ рукоплесканій.

Карлотта Гризи избрала для своего бенефиса одно дѣйствіе «*Жизели*» и сцены изъ «*Эсмеральды*». Само собою разумѣется, что публика не упустила случая изъявить своей давнишней любимицѣ свое удивленіе передъ ея талантомъ. Во все время, пока она была на сценѣ, рукоплесканія не умолкали, такъ, что можно безъ преувеличенія сказать, что она танцовала болѣе подъ звуки рукоплесканій, чѣмъ подъ звуки оркестра, котораго было рѣшительно неслышно. Въ «*Жизели*», рядомъ съ нею отличается молодая танцовщица, подающая большія надежды; это дѣвица Роза; особенно замѣчательна она по благородству и величію позъ, и по выразительности мимики.

Недавно пріѣхала сюда изъ Парижа негритянка, о которой разсказывали очень много удивительнаго и которую парижане уже прозвали черною Малибранъ. Лумлей нарочно для нея заказалъ балетъ «*Серальскія увеселенія*», въ которомъ она должна была явиться передъ здѣшнею публикою. Однако-же ни ея пѣніе, ни игра на гитарѣ не произвели ожидаемаго эфекта, и необыкновенный талантъ доньи Маріи Лорето Мартинесъ здѣсь считается просто газетнымъ пуфомъ.

Дѣла Ковентгарденскаго Театра идутъ весьма плохо. Дирекція вздумала воспользоваться энтузіазмомъ публики къ Галеви, и поставила его «*Жидовку*». Первое представленіе было чрезвычайно блистательно. Роль Рахили занимала г-жа Віардо, Элеазара, по болѣзни Маріо, игралъ Маральти, молодой артистъ, который безъ сомнѣнія чрезъ нѣсколько лѣтъ будетъ однимъ изъ первыхъ теноровъ въ Европѣ. Въ этомъ представленіи онъ въ первый разъ занималъ значительную роль, и явилъ такой талантъ, что съ тѣхъ поръ, какъ скоро онъ выходитъ на сцену, хотя-бы въ незначительной роли, его встрѣчаютъ восторженныя рукоплесканія. Ко второму представленію Маріо выздоровѣлъ и занялъ свою роль, въ которой онъ крайне слабъ; такъ, что не смотря даже на дивную игру г-жи Віардо, опера не могла выдержать болѣе трехъ представленій. За тѣмъ дирекція попыталась давать «*Норму*», но также безуспѣшно, и она обратилась опять къ операмъ «*Пророку*» и «*Гугенотамъ*».

Носится слухъ, что дирекція Ковентгарденскаго театра, для поправленія своихъ дѣлъ, намѣрена на будущій годъ анганжировать французскую комическую оперную труппу, которая будетъ чередоваться съ итальянскою. Такимъ образомъ она вступитъ въ состязаніе и съ другимъ директоромъ, съ Митчелемъ, который также завелъ въ нынѣшнемъ году при своемъ французскомъ театрѣ комическую оперу.

Госпожа Рашель, давъ на прощан'е Корнелевыхъ «*Горацiелъ*», уѣхала съ своею труппою въ Берлинъ, гдѣ, какъ слышно, она производитъ такой же фуроръ, какой производила въ Лондонѣ, и гдѣ также негодуютъ на нее за то, что она позволила окружить себя такими посредственностями.

Концерты продолжаются въ такомъ-же изобиліи и въ такихъ-же огромныхъ размѣрахъ, какъ прежде. Особенно блистательныя были концерты госпожи Миссонъ, Жюля Лефора и Иды Бертранъ. Въ нихъ участвовали почти всѣ знаменитости, собранныя въ настоящее время въ Лондонѣ: Тамбурини *съ сыномъ* (вѣроятно для контраста), Колетти, госпожи Зонтагъ и Фрецолини, валторнистъ Пуцци, арфистъ Годфруа, и даровитая молодая пьянистка Элиза Краницъ. Особенный успѣхъ имѣлъ превосходный духовный концертъ на два голоса «O salutaris hostia», сочиненіе молодаго французскаго композитора Алари. Его исполняли госпожа Миссонъ и Жюль Лефоръ.

Женни Линдъ была здѣсь проѣздомъ въ Ливерпуль, гдѣ она намѣрена дать два концерта, и затѣмъ отправиться въ Америку. Въ

будущемъ письмѣ сообщу вамъ извѣстія объ этихъ концертахъ, которые, безъ сомнѣнія, будутъ очень блистательны.

Въ прошлый разъ я говорилъ о представленіи, данномъ въ пользу заслуженной актрисы, госпожи Гловеръ. Нынче я долженъ присоединить прискобное извѣстіе, что престарѣлая бенефиціянтка не могла выдержать сильнаго слишкомъ волненія, произведеннаго этимъ торжествомъ. Ее принуждены были перенести домой на рукахъ и положить въ постель, съ которой она уже не вставала. На третьи сутки она умерла на рукахъ своего многочисленнаго семейства. Семь тысячъ фунтовъ стерлинговъ, вырученные бенефисомъ, составляютъ все ея достояніе.

Кромѣ госпожи Гловеръ, англійскій театръ лишился на дняхъ еще двухъ талантливыхъ артистовъ: Муньярда, съ театра Адельфи, и мистрисъ Кляффордъ, съ Геймаркетскаго театра. Оба артиста пользовались въ высокой степени уваженіямъ и любовію публики.

В. Б-нъ.

СМѢСЬ.

ДОСТОВѢРНЫЕ РАЗСКАЗЫ ОБЪ АБАЗІИ.

(*Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ.*)

IX.

Наѣзды и поиски. — Опасная забава. — Находчивость горскихъ ораторовъ. — Ужасы наѣзда. — Большой наѣздъ или поискъ. — Ретирада. — Извинительныя причины бѣгства. — Казнь труса. — Плеть и женскія дары. — Клеймо и изгнаніе. — Судъ поединкомъ. — Разсказъ: Доносъ. — Мнимый трусъ. — Поединокъ. — Еще испытаніе. — Пещера за кладбищемъ. — Тѣнь старой Кирримиты. — Храбрый Нурраль.

Обряды христіанскіе и магометанскіе, исполняемые въ горахъ Абазіи и всего Кавказа — были довольно вѣрно и подробно описаны гг. Гельденштетомъ, Гмелинымъ, Броневскимъ и, по словамъ послѣдняго, Данилевскимъ, въ его компиляціи «*Кавказъ и его горскіе жители.*» Не желая повторять сказаннаго, тѣмъ болѣе, что не могу въ этомъ случаѣ ничего сообщить новаго — я перехожу къ предмету — едва-ли не составляющему главную стихію жизни горца, къ его бранной жизни, наѣздамъ и молодечеству въ дѣлѣ битвы.

Жалкіе рабы своихъ буйныхъ страстей, безъотчетной отваги, всосавшіе съ молокомъ матери страсть къ хищничеству, прикрытому кличкою джигита или бродяги рыцаря, горцы Абазіи, принимая первый кусокъ размоченнаго чурека съ кинжала, невольно дѣлаютъ послѣдній на всю жизнь своимъ кормильцемъ.... Страшные примѣры отцовъ распаляютъ кровь юношей; жизнь,

ничѣмъ не развлекаемая, ни сохой, ни молитвой, развѣ только цвѣтистыми разсказами да пѣснями о кровавыхъ подвигахъ абрековъ, невольно дѣлается жизнію отваги и хищничества, становясь дешевле серебряной бляшки съ пояса наѣздника.

Минута безъ бою, брани и молодечества, — цѣлый вѣкъ тоски и грусти для Абазеха.... Ошеломленный своимъ бездѣйствіемъ — онъ тысячу разъ перекличетъ въ своей памяти всѣ имена своихъ знакомцевъ, желая отыскать между ними врага, чтобы въ схваткѣ съ нимъ потѣшить и себя, и одноаульцевъ. Онъ сотню разъ забѣжитъ къ сосѣду узнать, нѣтъ-ли чего новаго, разумѣя подъ этимъ вопросомъ: не сбираются-ли молодцы въ наѣздъ, не зоветъ-ли кто нибудь раздѣлить еще не отмщенную баранту, не показался-ли въ горахъ русскій отрядъ и нельзя-ли погарцовать предъ его штыками?...

Съ закатомъ солнца и съ наступленіемъ прохладнаго вечера, все народонаселеніе аула, истомленное, измученное зноемъ дня, выползаетъ, по обыкновенію, на грязные пороги своихъ закоптѣлыхъ саклей.... Улица аула узка и джигиты прекрасно пользуются этимъ удобствомъ. Не оставляя своихъ рыжихъ войлоковъ и методически покуривая табакъ, — они съ порога перекидываются вопросами и отвѣтами.... Женщины отправляются на лугъ, за аулъ и ведутъ шумную бесѣду въ спорахъ и пересудахъ, мальчишки играютъ въ палки или таскаютъ другъ друга за волосы, отцы поощряютъ ихъ въ этомъ упражненіи ободрительнымъ крикомъ или ласковымъ пинкомъ.... Кажется, все блаженствуетъ.... Отъ осла, привязаннаго у колодца, изъ котораго онъ обреченъ тоскать по колесу ведра, — до красавицы, узнавшей отъ старой гури секретъ, какъ искуснѣе сурмить свои хорошенькія брови.... Кажется, все кончится спокойно.... Джигиты докурятъ свои трубки, скажутъ другъ другу неизбежное *нахарычь* — и на войлокѣ, какъ на коврѣ-самолетѣ, перекатятся въ сакли, чтобы проспать до другаго вечера.... Нѣтъ.... Молодежъ что-то шепчется, перемигнулась и разбрелась по мѣстамъ, осторожно выправивъ винтовки....

— Алархань! говоритъ молодой горецъ другому, который на противуположной сторонѣ аула у порога своей сакли насаживаетъ кусокъ остраго желѣза на потѣшную стрѣлу своего маленькаго брата.... Алархань, повторяетъ онъ, — на которую ногу хромаетъ твоя кобылица?...

— Гумри, ты врешь, какъ грузинская сваха, отвѣчаетъ обиженный горецъ.... и за такую выходку, клянусь честью, я бы тебя огрѣлъ плетью — если-бы не зналъ что ты, по родству вонъ

съ тѣмъ пріятелемъ, что привязанъ у колодца — такъ-же глупъ, какъ онъ.

Старики въ эту минуту оставляютъ свои трубки и подымаютъ головы.... молодежъ перемигивается.

— Обида! обида! шепчетъ сторона Гумри.

— Вздоръ! мы обижены! повторяетъ сторона Алархана, — возвышая голосъ.

— Нѣтъ мы!... Молчать.... Забросаемъ шапками.... закидаемъ навозомъ....

— Увидимъ! увидимъ!

И вслѣдъ за тѣмъ грязь и каменья начинаютъ осыпать джигитовъ и ихъ сакли....

— Стой! говоритъ тогда старый горецъ, подымаясь во весь свой ростъ. Сейчасъ узнаемъ, кто правъ, кто виноватъ....

— Рѣшить споръ.... рѣшить его общимъ дѣломъ! ревутъ горцы....

— Да, да! на чьей сторонѣ будетъ болѣе раненыхъ — та и виновата....

— Такъ! такъ, справедливо, подхватываютъ остальные, давно ждавшіе этого мудраго рѣшенія.

И въ тоже мгновеніе съ гикомъ и бранью правая и лѣвая сторона, похвативъ изъ-за плеча винтовки, ложится за камни и начинаетъ жестокую перестрѣлку.... Женщины съ воплемъ бросаются тогда каждая къ своей саклѣ.... и подъ выстрѣлами выносятъ изъ дѣла раненыхъ, заряжаютъ своимъ мужьямъ и братьямъ винтовки и пистолеты, а молодцы тѣшутся до зари.... Наконецъ, когда одна сторона ослабѣетъ и уменьшится до того, что къ ней на каждый камень, защищаемый однимъ джигитомъ, направлено до шести и семи винтовочныхъ стволовъ.... тогда споръ рѣшенъ.... Большинство невредимыхъ выиграло, а молодежъ достигла своей цѣли и позабавилась, какъ говорятъ горцы.

И такія опасныя упражненія, слѣдствіе бездѣйствія — очень не рѣдки въ горахъ Абазіи. Но они скоро наскучаютъ горцамъ, потому что лишены явной опасности — и еще потому, что требуютъ даже въ минуту запальчивости необыкновенной осторожности.... Бѣда джигиту, въ минуту такой свалки подстрѣлить старика или неучавствующихъ въ дѣлѣ, особенно женщину. Такой неискусный стрѣлокъ лишается навсегда права участвовать во всѣхъ играхъ — и въ первомъ послѣ того наѣздѣ теряетъ свою долю при дѣлежѣ добычи. Слѣдовательно не всегда и не всякій готовъ на эту маленькую домашнюю потѣху, не смотря на то, что отъ чистаго сердца завидуетъ счастливцамъ, посылающимъ другъ другу мѣткій свинецъ.... И потому горцы, въ минуту

бездѣйствія, заискиваютъ всегда случая отправиться цѣлымъ ауломъ въ наѣздъ на оплошнаго сосѣда, или пристать къ партіи дерзкихъ хищниковъ Нижней Абазіи, сбирающихся ударить на русское укрѣпленіе.

Въ первомъ случаѣ трудность состоитъ не въ томъ, чтобы собрать охотниковъ: ихъ всегда много, но въ искусствѣ найти причину, достаточно оправдывающую наѣздниковъ, которыхъ-бы нельзя было назвать послѣ ворами или хищниками, но по крайней-мѣрѣ мстителями, или чѣмъ нибудь въ этомъ смыслѣ.... И тутъ-то горскіе умники изощряютъ свои высокія способности, — придумывая, какъ-бы безъ вины сдѣлать виноватыми своихъ сосѣдей.... А какъ всякое ремесло имѣетъ своего мастера, то и въ каждомъ горскомъ аулѣ есть свой ораторъ — и вмѣстѣ съ этимъ тонкій политикъ.

— Вотъ видите-ли, говоритъ онъ собравшемуся около него почтенному семейству оборванныхъ джигитовъ, — дѣла наши очень плохи.... Рукопашной двѣ луны нѣтъ, сталь заржавѣла въ ножнахъ, порохъ растаялъ въ патронахъ.... За щеку положить нечего, проса ни горсти, хоть всѣ карманы выворотя наизнанку— курица въ нихъ зерна не сыщетъ.... Мальчишки просятъ шашлыка, жены на тощахъ не поютъ пѣсенъ.... Ты, Хазранъ, изодранъ, я тоже весь въ тряпье обернутъ; словно новорожденный....Ты, Гумри, что принесешь въ калымъ твоей расписной красавицѣ Гюльчи? А ты, Луръ-Гай — завтра не будешь-ли ѣсть тощаго твоего ясыря, откормленнаго ночною росою.... Охъ.... плохо.... братья, пора отправляться въ наѣздъ на сосѣда....

— Въ наѣздъ!.. въ наѣздъ! шепчутъ горцы, стѣсняя кружокъ около оратора.

— Да, на сосѣда.... подхватываетъ Луръ-Гай, а что онъ намъ сдѣлалъ?

— Пхе.... ничего!... Придумаемъ....

— Трудно, пріятель — изъ друга врага не скоро сдѣлаешь, какъ онъ отъ насъ за три дня ѣзды....

— Вздоръ, онъ врагъ нашъ, кровный врагъ, продолжаетъ находчивый ораторъ.... Онъ насъ обидѣлъ — обокралъ!...

— Какъ? что? съ восторгомъ повторяютъ слушатели....

— Именно, страшно обокралъ.... Спрашиваю васъ, какъ онъ смѣетъ пасти стада на нашихъ поляхъ и въ нашихъ балкахъ?... А?

— Большая бѣда, — куда намъ траву?... сами ее не ѣдимъ, а барановъ у насъ, вотъ ужъ лѣтъ десять, какъ больше трехъ или четырехъ въ цѣломъ аулѣ не бывало....

— Какъ нѣтъ!... Ну, да положимъ, нѣтъ, кому какое дѣло, а

быть можетъ есть.... Да и есть, то-есть, было атаръ тридцать.... Куда они дѣлись? спрашиваю васъ.

Общій хохотъ.

— А я знаю куда, продолжаетъ ораторъ, не измѣняя ни своей грозной позы, ни своихъ грозныхъ восклицаній.... Скотъ сосѣдній поѣлъ всю нашу траву, не оставивъ стебелька нашимъ баранамъ.... Ну, они и подохли.... съ голоду подохли....

Новый смѣхъ и одобрительное восклицаніе, вслѣдъ за которымъ аулъ оглашается громкимъ крикомъ, въ наѣздъ!... Мстить! мстить!

Когда такимъ образомъ причина найдена, горцы прежде всего назначаютъ день выступленія на поискъ и потомъ дѣлаютъ заручную клятву*. Выбравъ ненастную и темную ночь, они мелкими отрядами и разными тропинками, отправляются до сборнаго мѣста, дѣлясь на партіи, для того, чтобы не подать подозрѣнія и не встревожить обреченнаго на грабежъ аула. Если путь далекъ, то ѣдутъ только ночью, въ глубокой тишинѣ и молчаніи, а день приводятъ въ оврагахъ и пещерахъ; если-же близокъ, то вихремъ переносятся къ мѣсту, всегда стараясь напасть на аулъ въ полночь или по-крайней-мѣрѣ до разсвѣта. Ворвавшись въ селеніе, горцы дѣлятся на двѣ половины. Одна съ гикомъ брасается на табуны коней и атары скота, стараясь отогнать ихъ; другая врывается въ сакли или въ самомъ аулѣ завязываетъ дѣло, давая средство уйти съ добычею безпрепятственно первымъ.... Тутъ хищники не щадятъ ни себя, ни враговъ, оставляя жизнь только однимъ женщинамъ и то молодымъ — годнымъ для продажи въ гаремы Турціи и Персіи....

Такъ въ одну ночь совершается гибель аула, часто богатаго и цвѣтущаго. Разумѣется, слѣдствіемъ этого бываетъ то, что избѣгнувшіе смерти подъ шашками и кинжалами хищниковъ, клянутся къ нимъ въ вѣчной мести — и тогда страшная, неистовая баранта неизбѣжна....

Отправляясь въ большой и дальній наѣздъ, горцы дѣйствуютъ не такъ быстро, иногда обдумывая предпріятіе нѣсколько мѣсяцевъ. Такіе наѣзды всего чаще предпринимаются нѣсколькими аулами, иногда цѣлымъ племенемъ, изъ одного округа въ другой, а болѣе на русскія укрѣпленія и станицы. Увлеченные заманчивыми обѣщаніями и посулами богатой добычи какого-нибудь бродяги, нѣсколько разъ уже обманувшаго великодушіе русскихъ, — горцы охотно принимаютъ его вызовъ и, толпами покидая род-

* Я уже объяснилъ обрядъ заручной клятвы въ легендѣ: просить блюшаго демона.

ныя сакли, дряхлыхъ отцевъ и молодыхъ женъ, — стекаются къ сборному пункту. — Часто случается, что многіе изъ нихъ идутъ, не зная куда и за чѣмъ.... Но эта наивная скромность все-таки не мѣшаетъ абазеху попировать предъ отправленіемъ въ наѣздъ и покричать въ славу общаго успѣха у священнаго дуба.

За день до отбытія въ поле — всѣ мужчины, участвующіе въ дѣлѣ, обязаны разстаться съ своими близкими и за затворенною дверью сакли провести послѣднюю ночь въ аулѣ.... И вотъ, едва только раскинется утренній туманъ надъ предгорьями, какъ по сигнальному выстрѣлу встрепенувшіеся наѣздники сѣдлаютъ коней — и, въ молчаніи слѣдуя за своими преводителями, оставляютъ аулъ, на рѣшетчатыхъ окнахъ котораго бѣлѣются только однѣ чадры — знакъ разлуки. Безъ звука и шопота, съ надвинутыми на глаза кабардинками и провожаемые стариками — горцы вступаютъ въ заповѣдную рощу, оставивъ коней при входѣ въ нее.... Здѣсь каждый изъ старшинъ, окруженный своими одноаульцами, выбираетъ священный дубъ, втыкаетъ въ него крестообразно двѣ шашки, а между ними кинжалъ и мѣрнымъ, печальнымъ голосомъ затягиваетъ обрядную предбитвенную пѣсню; горцы вторятъ ему, изрѣдка ударяя въ ладони, чтобы соблюсти тактъ. По окончаніи пѣсни, старшина, сохраняя всю важность жреца, медленно вынимаетъ изъ дуба кинжалъ и произнеся клятву: не щадить врага и умирать, какъ умирали храбро дѣды и отцы его, цѣлуетъ клинокъ, что повторяютъ за нимъ всѣ одноаульцы.... По окончаніи обряда, наѣздники въ такомъ-же порядкѣ и молчаніи оставляютъ заповѣдную рощу, но едва она потеряется изъ виду, какъ воздухъ оглашается неистовымъ гиканьемъ, выстрѣлами, свистомъ плети и разгульными пѣснями. Впереди отряда всегда несется *Беллатъ* (проводникъ), окруженный десяткомъ лучшихъ, отборныхъ и смѣлыхъ наѣздниковъ.

Въ этомъ случаѣ беллатъ лицо весьма важное: отъ него едвали не зависитъ успѣхъ и неуспѣхъ поиска. А потому, чтобъ быть беллатомъ, надо прежде пройти, какъ говорится, огонь и воду, и для него мало отчаянной храбрости, главной добродѣтели горца — онъ долженъ быть хитеръ, какъ искуситель, остороженъ, какъ самый чуткій воръ.... Онъ душа наѣзда. Его обязанность знать каждую стежку, каждый шагъ въ горахъ, онъ долженъ помнить всѣ броды на рѣкахъ, хотя бы пришлось переправляться черезъ нихъ отряду въ самую темною и страшную ночь, подъ проливнымъ дождемъ и разгульнымъ вѣтромъ. Проходя часто необозримыми степями, или вступая въ горы, искрещенныя у-

щельями — онъ обязанъ вести наѣздниковъ такъ, чтобы ниодинъ шагъ ихъ коней не пропадалъ даромъ.

Днемъ горцы не спускаютъ глазъ съ беллата, десятокъ товарищей котораго рыскаетъ по сторонамъ или впереди, повѣряетъ дорогу съ маршрутомъ, еще за день разсказаннымъ проводникомъ.... Ночью, — потерявъ беллата изъ виду, горцы принимаютъ тѣ направленія, какія указываетъ имъ зажженный трутъ, прикрѣпленный на концѣ стрѣлы, пущенной съ тетивы беллата.

Такъ перекочевываютъ Абазехи — иногда за двѣсти и за триста верстъ отъ своихъ родныхъ горъ.... Въ этомъ, какъ и въ первомъ случаѣ, достигнувъ непріязненнаго округа, — станицы, или укрѣпленія, они прежде всего и болѣе разсчитываютъ на свою осторожность и оплошность непріятеля. Въ дѣлахъ съ черкесами или цибельдинцами, имъ это часто удается и посулы виновника наѣзда, разумѣется, сбываются, но въ дѣлахъ съ русскими, говоря безъ всякаго преувеличенія — почти никогда. Русскій солдатъ подъ ружьемъ не дремлетъ, и здѣсь для охотниковъ на добычу, кромѣ чугуна да свинцу, взятки гладки.

Если пораженіе бываетъ сильно и русскіе отряды, готовые наказать дерзость хищниковъ, преслѣдуютъ ихъ по пятамъ, то въ эту грозную для горцевъ минуту исчезаетъ совершенно даже и тотъ едва замѣтный между ними порядокъ, съ которымъ они отправились въ наѣздъ. Всякій бросается на удачу извѣстной ему дорогой къ своему аулу, — терпя въ пути всѣ ужасы лишеній, и вынося на плечахъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, которыхъ оставить на мѣстѣ считаютъ за позоръ и преступленіе. Горцы не знаютъ ретирады, но они умѣютъ бѣгать съ поля гуртомъ и это называютъ отступленіемъ. Уходить отъ одного врага, хорошо вооруженнаго, двумъ, даже и тремъ прославленнымъ джигитамъ не считается ни трусостью, ни позоромъ, но называется хитростію — имѣющею цѣлью заманить врага, не смотря на то, если-бы давшіе тылъ и не думали оборотить лицо и винтовку къ преслѣдователю. Въ этомъ случаѣ славолюбивые наѣздники оправдываются потерею кинжала, выбитою изъ рукъ шашкою или разряженною винтовкою и растратою патроновъ.

Но залечь во время дѣла въ кусты или спрятаться въ оврагъ и быть пойманнымъ въ такой позорной трусости, кладетъ вѣчное клеймо безчестія на горца. Такому несчастливцу остается посадить себѣ пулю въ високъ или умирать скорѣй подъ штыками непріятелей — иначе весь ужасъ наказанія и позора ждетъ его по возвращеніи въ аулъ.

При первомъ доносѣ о такомъ преступленіи, которое считает-

ся дѣйствительно совершеннымъ, если найдутся четыре свидѣтеля, виновнаго связываютъ ремнями въ его саклѣ и выводятъ на средину улицы, въ толпу собравшихся одноаульцевъ. Тогда жена, а если ея нѣтъ, то сестра принимаетъ изъ рукъ старшины плеть и подъ пронзительный вой зурнъ отсчитываетъ нѣсколько ударовъ по плечамъ виноватаго, потомъ концемъ своей чадры вытираетъ ему глаза, хотя-бы онъ и не плакалъ, давая понять тѣмъ, что трусъ не лучше бабы....

— Простите, его сестры, говоритъ жена, исполняя условный обрядъ, и обращаясь только къ однимъ женщинамъ....

— Нѣтъ! отвѣчаютъ женщины, мы можемъ пожалѣть его только.... И я, говоритъ тогда одна изъ нихъ, дарю ему свои шалвары....

— А я, подхватываетъ другая, — старую чадру....

—А я, перебиваетъ третья, фустанелку. Въ туже минуту приносится все обѣщанное — и мужчины, изорвавъ на виновномъ черкеску, одѣваютъ его въ женскія лохмотья, сурмятъ ему брови и румянятъ лицо.

Тогда старшина называетъ осужденнаго по имени, упрекаетъ его въ позорной трусости и обрекаетъ на изгнаніе.

— А чтобы, добавляетъ онъ, когда ты, голодный и измученный твоею совѣстію, погибнешь въ степяхъ нашихъ, и самый звѣрь не коснулся-бы твоей опозоренной головы.... то вотъ вѣчное клеймо твоего преступленія — и съ этими словами старшина концомъ накаленнаго кинжала выжигаетъ на лбу труса треугольный знакъ. Вслѣдъ затѣмъ, обезумѣвшаго въ пыткѣ такой расправы, при звукахъ зурнъ, женщины, конвоируемыя мужчинами, выгоняютъ палками изъ аула.... Наказаніе ужасно и жестоко обдумано — и примѣры такой позорной казни весьма рѣдки въ горахъ. Обвиненные, очень часто, оправдывая самихъ себя, для доказательства своей невинности, рѣшаются на всѣ испытанія ихъ храбрости, какія только угодно придумать судьямъ — и часто прибѣгаютъ къ публичнымъ поединкамъ съ обвинителями. Если обвиненный убьетъ или хотя ранитъ своего обвинителя, то онъ правъ. Если-же нѣтъ, то ему дѣлается еще два испытанія и, по окончаніи ихъ, въ случаѣ неудачи, казнь его неизбѣжна.

Въ аулѣ Дазари — я былъ свидѣтелемъ подобной расправы.

Старшій сынъ князя Астанъ-Гари, — Ульмій, горецъ необыкновенной силы и храбрости, давно заискивалъ случая отмстить за что-то своему двоюродному брату Нурралу — юношѣ лѣтъ девятнадцати, первому любимцу всѣхъ женщинъ аула и всѣхъ его джигитовъ. — Осенью 1846 года, послѣ наѣзда на

джарійцевъ, Ульмій сдѣлалъ на Нуррала доносъ, подтверждаемый тремя его нукерами, что во время преслѣдованія ихъ джарійцами, Нурралъ струсилъ и, боясь быть настигнутымъ, закололъ своего коня и прилегъ за нимъ въ оврагѣ. — Дѣйствительно, красавецъ дазарійскаго аула вернулся изъ наѣзда безъ коня. Улика была ничтожная — при той прекрасной респутаціи храбраго наѣздника, какую пріобрѣлъ молодой племянникъ Астанъ-Гари.... Но, вотъ что сбило всѣхъ съ толку.... Какъ, думали горцы.... вѣдь доноситъ-то на него не кто нибудь, а двоюродный и молочный братъ.... Къ тому-же князь — и что ему за радость кормить грязью вѣрныхъ своихъ одноаульцевъ и клеймить двоюродный лобъ каленою сталью?... Доносъ былъ принятъ.

Рано проснулся Нурралъ; въ эту ночь ему не спалось что-то.... Напѣвая какую-то пѣсню и мечтая о своей Люли — онъ безпечно, не зная и не вѣдая близкой грозы, короталъ скучное утро на мягкой своей буркѣ — какъ вдругъ на порогѣ его сакли явились незванные четыре нукера Ульмія.

— Что вамъ надо.... зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Вставай, князь.... тебя велѣно связать....

— Связать! Кто велѣлъ?... Вонъ! и запальчивый горецъ бросился къ шашкѣ, но восемь рукъ, быстро остановивъ его движеніе, скрутили молодца и потащили изъ сакли на площадь, гдѣ блѣдная сестра его, красавица Жара, обливаясь слезами, принимала отъ грознаго и неумолимаго дяди позорную плеть.

— Трусъ!... трусъ! шептали мужчины, надвигая на брови шапки и бросая презрительные взгляды на осужденнаго....

— Бѣдняжка, ипташи, гарь-ячь — (красавчикъ!) шептали дѣвушки, печально опустивъ въ землю свою черные глазки, на которые частенько заглядывался Нурралъ.

— Жара.... бей труса брата, нерѣшительно сказалъ старый Астанъ-Гори, когда нукеры, втолкнувъ несчастнаго въ средину кружка женщинъ, отошли къ наѣздникамъ.

При этихъ страшныхъ словахъ лицо юноши вспыхнуло огнемъ румянца, онъ гордо поднялъ голову, отступилъ шагъ назадъ и уставилъ на князя дерзкій и вопросительный взглядъ.

— Кто говоритъ, что я трусъ? сказалъ онъ.... Ссылаюсь на всѣхъ, какъ на свидѣтелей, на глазахъ которыхъ я выросъ, на глазахъ которыхъ десятилѣтнимъ мальчишкою я, по словамъ ихъ, дѣлалъ чудеса храбрости въ первомъ моемъ наѣздѣ.... Ссылаюсь на всѣхъ, что это ложь! Кто доноситъ на меня?

— Молочный братъ твой и сынъ мой.... сказалъ старый князь.

— Я доношу, перебилъ Ульмій, выступивъ впередъ; да я!...

Не будешь-ли отпираться, презрѣнный гадъ, или не дерзнешь-ли потребовать суда и поединка?...

— Ты?... Извергъ! прошепталъ юноша, заскрежетавъ зубами. Развяжите меня.... Я требую суда.... Пусть ты ловче и опытнѣе меня, Ульмій, но за меня правда. Я требую суда и суда кинжаломъ....

Дрожь пробѣжала въ сердцахъ женщинъ. Радостная улыбка скользнула на губахъ горцевъ.... Но всѣхъ довольнѣе былъ Ульмій, заранѣе увѣренный въ побѣдѣ.

— Развяжите его, сказалъ онъ. — Жара, приготовься бить брата, продолжалъ онъ, играя кинжаломъ; послѣ первой раны — онъ твой.... Бабы, припасайте тряпье....

Площадку очистили. Толпа раздвинулась и два наѣздника вышли на арену. Ульмій былъ спокоенъ, но мраченъ, Нурралъ блѣденъ.

— Я бью врага въ голову, не дожидаясь, когда онъ побѣжитъ и подставитъ мнѣ свою шею, сказалъ насмѣшливо Ульмій; и гикнувъ, горецъ въ два прыжка сталъ противъ соперника, быстро направивъ въ грудь его свой кинжалъ.... Нурралъ не двинулся съ мѣста и ловкимъ, расчитаннымъ ударомъ вышибъ кинжалъ изъ рукъ брата, но послѣдній успѣлъ поймать сталь на лету и, упавъ на одно колѣно, принялъ оборонительное положеніе. Одобрительный крикъ раздался въ толпѣ горцевъ....

Снова сошлись враги, крутясь одинъ около другаго и обманывая другъ другу движеніями.... Ульмій начиналъ горячиться и запальчивѣе наступать на Нуррала, послѣдній, подсмѣиваясь надъ нимъ, ловко избѣгалъ каждаго удара и, наконецъ, прянувъ назадъ — быстро бросился на Ульмія, распоролъ ему слегка плечо, но въ тоже мгновеніе кинжалъ Ульмія скользнулъ по груди юноши и разсѣкъ руку....

— Довольно! вскричалъ князь, бросивъ свой кинжалъ въ средину борцовъ.... Дѣло еще не рѣшено.... Вы оба ранены.... Нурралъ, выбирай себѣ другое испытаніе.

— Готовъ на всякое, отвѣчалъ Нурралъ, отирая струившуюся изъ раны кровь и перевязывая руку лоскуткомъ, оторваннымъ отъ чадры сестры. .. Этимъ, я думаю, вы будете довольны, продолжалъ онъ. Я позволяю самому неискусному стрѣлку изъ нашего аула сбить съ головы моей, въ тридцати шагахъ, пулею— мотокъ вотъ этихъ позументовъ.... Пусть стрѣляетъ Нейфтали.... онъ вѣрно попадетъ мнѣ въ лобъ.... Прощай, сестра, продолжалъ онъ, положивъ на голову небольшой мотокъ позументовъ.... Этотъ дуракъ навѣрно убьетъ меня....

— Нѣтъ.... не то! вскричалъ озлобленный Ульмій, желавшій не смерти, но позора брата.... Я придумалъ другое испытаніе твоей храбрости.... Сегодня, ровно въ полночь ты долженъ отправиться за кладбище въ пещеру старой Кирримиты и, начертивъ тамъ на землѣ кругъ, оставить въ немъ свой кинжалъ....

Нурралъ поблѣднѣлъ. Всѣ вздрогнули и въ какомъ-то ужасѣ отступили отъ молодаго князя.

Послѣдній съ злою улыбкою любовался смущеніемъ юноши.

Для суевѣрнаго горца легче было-бы вынести сто мукъ и пытокъ, чѣмъ на сто шаговъ подойти къ пещерѣ старой Кирримиты, брошенной своимъ мужемъ въ темный, смрадный погребъ, названный потому только пещерою, что онъ образовался въ скалѣ, нависшей надъ кладбищемъ. — Горцы и днемъ не охотно рѣшались посѣщать окрестности этого заклятаго мѣста, а ночью никто-бы изъ нихъ, ни изъ храбрости, ни изъ любви — не рѣшился подойти къ нему, увѣренный, что старая Кирримита, которая постоянно каждую ночь ходитъ по кладбищу и ищетъ могилу своего преступнаго мужа, тотчасъ утащитъ смѣльчака въ пещеру и заколотитъ имъ какую-нибудь трещину пещеры....

— Ну, что-же ты, храбрецъ, докажи свою справедливость.... Оправдайся! повторилъ насмѣшливо Ульмій....

Ты требуешь? едва владѣя собою, проговорилъ Нурралъ....

— Понятно, что не прошу....

— Хорошо.... Завтра въ полночь — я несу мой кинжалъ въ пещеру старой Кирримиты.... Но помни, извергъ, что кровь моя ляжетъ на твою голову.... Братія, если я погибну, то заклинаю васъ неисходнымъ мщеніемъ къ Ульмію....

— Шайтанъ!... онъ и на это рѣшился, прошепталъ Ульмій въ то время, какъ горцы, съ удивленіемъ глядя вслѣдъ удалявшемуся Нурралу, пожимали плечами, разсуждая о томъ, какого молодца шайтанъ подтолкнетъ въ объятія старой шакалки.

—

Ровно въ полночь, вооруженный однимъ кинжаломъ, подъ проливнымъ дождемъ, Нурралъ осѣдлалъ своего коня и отправился на страшное испытаніе.... Сердце тревожно забилось въ груди его, когда при входѣ къ кладбищу, онъ, привязавъ коня своего къ чинарѣ, нетвердымъ шагомъ вступилъ на безмолвное селеніе отжившихъ отцевъ и матерей своихъ.... Какое-то неиспытанное до того чувство овладѣло всѣмъ его существованіемъ. Онъ слышалъ, какъ при малѣйшемъ шорохѣ или рѣзкой дроби падающаго дождя холодѣла кровь въ его жилахъ.... Нѣсколько разъ,

трепеща, съ глухимъ стономъ, Нурралъ останавливался, какъ вкопанный на мѣстѣ, принимая какой-нибудь голый пень за бродящую старуху.—«Фу-ты гадость! прошепталъ наконецъ онъ, желая сколько нибудь ободрить себя.... Вѣдь и въ самомъ-дѣлѣ я, пожалуй, стою трехугольной заплаты на мой лобъ... Я трусъ!... Ну, Нурралъ—смѣлѣе.... иди впередъ.... Еще десять шаговъ и ты въ гостяхъ у старой шакалки.... Горецъ ободрился и почти бѣгомъ, прыгая черезъ насыпи, быстро сталъ подвигаться къ таинственной пещерѣ.... Но вотъ и она.... горецъ остановился у мрачнаго входа. Холодъ пахнулъ въ лицо отчаяннаго джигита — и ясный шорохъ, весьма похожій на шаги человѣка, долетѣлъ до его слуха.... Нурралъ задрожалъ и испуганными глазами впился въ глубъ и мракъ пещеры.... Тамъ что-то мелькало.... Новый ужасъ сжалъ холодною рукою малодушное сердце наѣздника.... Нѣтъ!... Лучше адъ и смерть, но не клеймо! прошепталъ онъ рѣшительно — и двинулся за кремнистый порогъ таинственнаго погреба.... Въ тоже мгновеніе женщина высокаго роста, закрытая старою чардою, отъ которой, казалось, такъ и вѣяло могилою — загородила ему дорогу».

— Уйди! глухимъ шопотомъ сказала она, — сдѣлавъ повелительный знакъ рукою.

Нурралъ окаменѣлъ на мѣстѣ.

— Уйди! повторило привидѣніе.... и унеси, безумецъ, съ собою твой кинжалъ.... онъ у тебя за пазухой....

— Демонъ или человѣкъ, рѣшился прошептать горецъ — дай мнѣ дорогу!...

— Уйди.... Еще мгновеніе и ты раскаешься.... Въ эту рѣшительную минуту весь ужасъ позора ожилъ въ памяти Нуррала.... Нѣтъ! вскричалъ онъ, забывая, что говоритъ и что дѣлаетъ.... Нѣтъ! повторилъ онъ, дорогу — или я открою ее себѣ кинжаломъ....

Неистовый хохотъ громкимъ эхомъ пролетѣвшій подъ сводами пещеры, былъ отвѣтомъ на угрозу горца....

— Дорогу! повторилъ онъ — и сталь сверкнула въ рукѣ его. Съ воплемъ отчаянія онъ бросился впередъ и по рукоять вонзилъ кинжалъ въ грудь привидѣнія.... Глухой стонъ и проклятіе слѣдовали за ударомъ — и женщина рухнулась къ ногамъ обезумѣвшаго Нуррала, стараясь въ предсмертной судорогѣ охватить его колѣна....

Нурралъ заглянулъ въ лицо пораженной и въ ужасѣ отступилъ назадъ. Такъ вотъ что! прошепталъ онъ.... и перепрыгнувъ чрезъ охладѣвающій трупъ, горецъ, при входѣ въ пещеру

начертилъ на землѣ кругъ и положилъ въ средину его кинжалъ....

На другой день, съ первыми лучами солнца, горцы отправились въ пещеру повѣрить храбрость Нуррала — и нашли тамъ окровавленный кинжалъ его, а на шагъ отъ кинжала трупъ Ульмія....

Дѣло объяснилось....

В. САВИНОВЪ.

—

МОЛОДОСТЬ И ПЕРВАЯ СЛАВА ЛАБЛАША.

Имя Лаблаша, окруженное блистательной славой, давно уже пріобрѣло самое лестное уваженіе въ музыкальной Европѣ. Этотъ знаменитый пѣвецъ, одаренный отъ природы голосомъ, считающимся едва-ли не чудомъ, умѣетъ владѣть имъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Но особенное удивленіе заслуживаетъ вся его организація, которую можно назвать съ высшей степени музыкальною. Если-бы Лаблашу и не досталось въ удѣлъ такого великолѣпнаго голоса, какимъ одарила его природа, то и тогда онъ занялъ-бы не менѣе блистательное мѣсто въ первомъ ряду современныхъ виртуозовъ. Палашъ и кинжалъ, копье и палица, мечъ, шпага и сабля, равно были-бы орудіями торжества въ рукахъ Роланда, Ричарда и Дюгесклена. При недостаткѣ искусственнаго, кованнаго и вороненаго оружія, эти сказочные богатыри баснословнаго рыцарства схватились-бы за камень, или скалу, чтобы поразить своихъ противниковъ. Лаблашъ, лишенный своего голоса, сталъ-бы играть на віолончели, какъ Бореръ, или вступилъ-бы въ состязаніе съ Блазомъ на кларнетѣ. Отъ скрыпки до барабана, всѣ инструменты у него во власти и ему стоитъ только сдѣлать изъ нихъ выборъ.

Жизнь артистовъ по большей части бываетъ исполнена любопытныхъ и занимательныхъ приключеній. Молодость и первая слава Лаблаша также не лишены біографическаго интереса.

Въ 1791 году, Николай Лаблашъ, марсельскій купецъ, оставилъ свою родину, предавную въ добычу ужасамъ революціи, и переѣхалъ въ Неаполь. Здѣсь онъ завелъ торговый домъ и вскорѣ женился на молодой ирландкѣ — Францискѣ Битакъ, отъ которой имѣлъ впослѣдствіи сына Людовика, и двухъ дочерей, Аделанду и Клелію. Лаблашъ былъ счастливъ. Успѣшный ходъ его дѣлъ да-

валъ ему средства воспитывать прилично дѣтей, которыхъ онъ очень любилъ, и ихъ будущность представлялась ему въ пріятной перспективѣ, обезпечивавшей вполнѣ его родительскую нѣжность. Но отъ несчастія нельзя уберечься. Лаблашъ покинулъ Францію для того, чтобы спастись отъ бѣдствій революціи; другая революція 1799 года застигла его въ Неаполѣ. Она совершенно разорила его, и несчастный умеръ съ печали. Семейство его, пораженное вдругъ столькими бѣдствіями, находилось въ ужасной крайности, до прибытія Іосифа Наполеона, который принялъ несчастныхъ подъ свое покровительство и обезпечилъ воспитаніе трехъ сиротъ.

Адеаида имѣла прекрасный голосъ; она училась пѣнію въ консерваторіи и когда оказала столько успѣховъ, что могла сама сдѣлаться учительницею, вступила въ монастырь Св. Анны, находящійся въ Сессѣ, близъ Неаполя, чтобы давать уроки пансіонеркамъ. Спустя шесть мѣсяцевъ, внутреннее влеченіе къ монастырской жизни внушило ей непреодолимое намѣреніе отречься отъ міра и по окончаніи искуса — облечься въ покрывало отшельницы. Напрасно мать, сестра и братъ отклоняли дѣвушку отъ этого намѣренія : она видѣла въ немъ свое счастіе и не измѣнила ему. Аделаида Лаблашъ сдѣлалась монахиней въ обители Св. Анны, и постоянно отличалась примѣрною жизнью, наслаждаясь полнымъ счастіемъ. Сестра ея Клелія вышла замужъ за испанскаго маркиза Брайду.

Людовикъ Лаблашъ поступилъ также въ неаполитанскую консерваторію, будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду. Первымъ началамъ пѣнія учился онъ у Джентили, потомъ началъ брать уроки у Валенто, который, замѣчая въ ученикѣ своемъ богатыя надежды, полюбилъ его и собственно для него сочинилъ постепенный рядъ музыкальныхъ экзерцицій. Но обнаруживая особеное расположеніе къ музыкѣ, Людовикъ сначала занимался весьма лѣниво. Онъ былъ большой вѣтренникъ и шалунъ: ловилъ мухъ, зѣвалъ на воронъ во время уроковъ. Джентили хотѣлъ насильно вдолбить что нибуть въ эту вѣтренную голову и однажды задалъ ему выучить наизустъ съ полстраницы изъясненія первыхъ началъ музыки ; двадцати четырехъ часовъ, казалось, слишкомъ достаточно для такой неважной работы ; но на другой день, Людовикъ не только не зналъ ни слова изъ заданнаго урока, но даже не читалъ его. Тогда Джентили объявилъ, что онъ не ожидаетъ никакого пути отъ такого безтолковаго мальчика и что будетъ писать къ матери, чтобы она взяла его изъ консерваторіи и выбрала ему другое состояніе, къ которому онъ больше имѣетъ расположенія. Эта угроза

испугала воспитанника; его самолюбіе подстрекнулось; онъ принялся за ученье, и, черезъ два дня, умѣлъ пересказать отъ доски до доски музыкальную грамматику, надъ которой товарищи его корпѣли обыкновенно по полугоду.

Людовикъ не зналъ еще какое поприще выбрать себѣ въ музыкѣ. Сначала сталъ онъ играть на скрипкѣ и на віолончели, хотя имѣлъ прекрасный контръ-альтъ. Такимъ образомъ онъ могъ выполнять три и четыре партіи въ оркестрѣ и въ пѣніи, по мѣрѣ надобности, для подкрѣпленія слабыхъ сторонъ. Когда умеръ Гайденъ, то въ имперіи французской и въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій повелѣно было пѣть заупокойную обѣдню. Въ Неаполѣ, въ церкви консерваторіи, предположено было дать Requiem Моцарта. Въ хорѣ считалось шестнадцать басовъ, двѣнадцать теноровъ, двѣнадцать дискантовъ, и только четыре контральта. Людовикъ имѣлъ разборчивое чувство къ музыкѣ и ея эфектамъ: онъ видѣлъ съ прискорбіемъ, что голосъ, который онъ держалъ, находился въ чрезвычайной несоразмѣрности съ прочими и будетъ ими непремѣнно заглушенъ, даже уничтоженъ. По излишеству рвенія, чтобы поддержать равновѣсіе своего любимаго контръ-альта, онъ бралъ ноты съ особенною силою во все продолженіе пѣнія и такимъ образомъ умѣлъ не только устоять противъ соперничествующихъ голосовъ, даже успѣшно состязался съ ними. Но едва онъ окончилъ послѣдній хоръ, какъ органъ его, утомленный продолжительными усиліями, истощился: онъ не могъ даже говорить. Это совершенное истощеніе продолжалось у его два мѣсяца; врачи боялись, что онъ никогда не возвратитъ его, даже столько, сколько нужно для обыкновеннаго разговора; какъ однажды по утру, проснувшись, онъ вдругъ началъ кашлять, говорить и пѣть, звучнымъ басомъ, удивительной полноты и силы. Онъ побѣжалъ къ фортепьяно, сталъ перебирать гаммы и наконецъ увѣрился въ неистощимомъ богатствѣ новаго пріобрѣтенія, которымъ такъ неожиданно подарила его природа. Ему было тогда пятнадцать лѣтъ. Мы забыли сказать, что онъ родился въ Неаполѣ 6 декабря 1794 года.

Марцелло Перрино, директоръ единственной консерваторіи въ Неаполѣ, гдѣ собраны были тогда всѣ учители и воспитанники трехъ прежнихъ консерваторій, замѣтилъ, что это соединеніе было пагубно для искусства, разрушая соревнованіе, проистекавшее изъ соперничества трехъ школъ, которыя существовали въ Неаполѣ до революціи, и чтобы востановить это соревнованіе, онъ придумалъ раздѣлить своихъ пѣвцовъ на два хора, которые заставлялъ поочередно пѣть каждое воскресенье и назвалъ одинъ изъ нихъ la

Pietà, а другой Santo-Onofrio, именами, запечатлѣнными вѣковою славою, какъ принадлежавшими двумъ стариннымъ консерваторіямъ. Лаблашъ пѣлъ баса въ la Pietá; въ оркестрѣ Santo Onofrio не доставало контробасиста и Перрино сказалъ молодому Лаблашу: «Ты очень хорошо играешь на віолончели; такъ тебѣ легко будетъ держать контрбасъ!» Лаблашъ не любилъ этого инструмента; между тѣмъ велѣлъ написать себѣ гамму контрбаса въ пятницу, и въ слѣдующій вторникъ, на репитиціи, исполнилъ свою партію съ удивительною точностію. Учители стали подлѣ него, чтобы удостовѣриться, что это не обманъ и что звуки, поражающіе ихъ слухъ, дѣйствительно происходятъ отъ инструмента, управляемаго Лаблашемъ. Они не могли надивиться такому чуду. Директоръ наградилъ виртуоза медалью и перевелъ его за столъ вмѣстѣ съ старшими, что составляло особенное отличіе воспитанниковъ, вожделенное по многимъ мірскимъ выгодамъ. Но это напряженное усиліе, требовавшее непрерывнаго, въ продолженіе трехъ дней и трехъ ночей, упражненія на инструментѣ, столь утомительнымъ, причинило ему большой нарывъ на ключицѣ, отъ котораго онъ не иначе могъ освободится, какъ посредствомъ хирургической операціи.

Тогда-то страсть къ театру овладѣла молодымъ музыкантомъ, сдѣлавшись его постоянною мечтою и мыслію. Пять разъ оставлялъ онъ консерваторію, чтобы вступить на драматическое поприще. Въ первый разъ онъ опредѣлился въ Салерно за пятнадцать дукатовъ въ мѣсяцъ (40 су въ день) контробасистомъ, и взявъ впередъ мѣсячное жалованье, остался на два дня въ Неаполѣ, гдѣ и прожилъ всѣ деньги. Между-тѣмъ, стыдясь явиться на новое мѣсто безъ всего, онъ взялъ съ собой чемоданъ, который набилъ пескомъ. Черезъ два дня вице-ректоръ консерваторіи, пріѣхалъ въ Салерно за басомъ, съ двумя сбирами, встрѣтилъ Лаблаша и приказалъ схватить его. Виртуозъ старался найти предлогъ отлучиться. «Г-нъ ректоръ, конечно, позволитъ мнѣ сходить за чемоданомъ въ почтовую контору?» спросилъ онъ. — Не нужно, я самъ это сдѣлаю; вы извольте слѣдовать за этими господами, которые должны проводить васъ въ консерваторію; будьте покойны, я все исправлю. Сказавъ это, вице-ректоръ отправился на почтовый дворъ за пожитками Лаблаша: но impresario, будучи чрезвычайно аккуратенъ, сидѣлъ уже на поличномъ, предъявляя, что чемоданъ и все въ немъ находящееся принадлежитъ ему, въ уплату за пятнадцать дукатовъ, отданныхъ впередъ по контракту, исполненію котораго г-нъ вице-ректоръ изволилъ воспрепятствовать. Требованіе было основательно;

позвали подеста; писецъ не съ бумагу и перо, чтобы снять, допросъ и сдѣлать опись, какъ въ la Gazza Ladra; все было готово, чтобы, съ самою строгою точностію осмотрѣть и переписать движимое имущество, бѣлье, платье и прочую рухлядь бѣглаго виртуоза. Чемоданъ вскрытъ.... и какъ на ту пору въ Салерно не было потомковъ колдуна Алидора, котораго сверхъестественная сила могла-бы однимъ ударомъ волшебной палочки превратить скарбъ, находившійся въ чемоданѣ, въ золотой песокъ, то онъ и оказался тѣмъ настоящимъ пескомъ, который былъ всыпанъ туда Лаблашемъ.

Людовикъ снова сѣлъ на скамьи консерваторіи, которыя съ нѣкотораго времени начали казаться ему слишкомъ жесткими, такъ, что онъ ни на минуту не имѣлъ покоя. Лаблашъ былъ уже извѣстенъ въ музыкальномъ мірѣ и особенно за кулисами; директоры спектаклей и драматическіе коресподенты, употребляли всѣ дипломатическія хитрости, чтобы уговорить его къ новому побѣгу. Подосланные лазутчики подъ разными предлогами прокрадывались съ консерваторію, обманывая бдительность ректора и вице-ректора: они увивались вокругъ молодаго basso cantante, какъ модныя торговки увиваются вокругъ искусной швейки. Лаблашъ цѣлый мѣсяцъ противился всѣмъ искушеніямъ, всѣмъ прельщеніямъ закулисной жизни, выгодныхъ контрактовъ, обѣщанной славы; онъ крѣпился долго и много, боясь преслѣдованій вице-ректора, противъ обольщеній заманчивой будущности.... Лаблашъ упорствовалъ цѣлые тридцать дней и наконецъ рѣшился принять весьма выгодныя условія на Teatro Nuovo, въ Неаполѣ.

Похитители его, желая достигнуть своей цѣли, рѣшились дѣйствовать съ большою осторожностію — и примадонна театра, чтобы не испортить развязки этой импровизированной на скорую руку драмы, согласилась взять на себя роль укрывательницы. Лаблашъ былъ оставленъ у ней на рукахъ, въ ожиданіи успѣха переговоровъ для увольненія его изъ консерваторіи.

Въ Италіи первыя репетиціи лирическихъ драмъ обыкновенно бываютъ у примадонны. Лаблашъ, во время ихъ, не показывался труппѣ, боясь нескромности: онъ удалялся во внутреннія комнаты своей покровительницы и оттуда вслушивался въ музыку и бралъ ноты, отдѣляясь перегородкою отъ прочихъ актеровъ. Между-тѣмъ, неаполитанская полиція сбилась съ ногъ, отыскивая бѣглеца музыканта. Цѣлые двадцать пять дней она рыскала безъ всякаго успѣха, какъ одинъ ходокъ изъ труппы навелъ ее на истинный путь. «Теперь репитируютъ множество по-

выхъ оперъ для открытія Teatro Nuovo. Мы знаемъ очень хорошо женщинъ, теноровъ, вторыхъ басовъ: но между всѣми нами извѣстными, есть-ли, кто бы могъ занять амплуа buffo napoletano? конечно нѣтъ! А impressario не ужели будетъ такъ глупъ, что захочетъ представить публикѣ оперу безъ лица, которое она особенно любитъ? вѣрно нѣтъ! кто-же этотъ buffo? на вѣрное Лаблашъ! Если мы не видимъ, какъ онъ входитъ къ примадоннѣ, такъ это потому, что онъ давно уже тамъ; если онъ не выходитъ вмѣстѣ съ другими, такъ оттого, что живетъ у ней въ домѣ. Пойдемъ, поищемъ, мы вѣрно найдемъ его въ футлярѣ какого нибудь баса!»

Полиція отправилась, начала обыскъ и дѣйствительно нашла бѣднаго buffo cantante, спрятаннаго въ занавѣскахъ постели.

Такія вылазки молодаго виртуоза подали поводъ къ установленію формальнаго закона, въ которомъ было объяснено, «что всякій хозяинъ театра, который сманитъ воспитанника консерваторіи безъ дозволенія правительства, будетъ оштрафованъ 2000 дукатами и подвергнется закрытію театра на пятнадцать дней.»

Перрино, ректоръ консерваторіи, видя, что демонъ театра овладѣлъ Лаблашемъ, какъ страсть къ тяжбамъ Жоржемъ Данденемъ, придумалъ доставить молодому пѣвцу такія-же наслажденія въ школѣ, какія Леандръ успѣлъ приготовить для стараго судьи во внутренности его дома. Данденъ слушалъ длинный процессъ собаки и каплуна, дабы имѣть удовольствіе осудить виновнаго на жаркое или на цѣпь; а для пѣвца, назначеннаго нѣкогда удивлять Европу своимъ талантомъ, придуманы были сценическія потѣхи съ большою пышностію и интересомъ. Во внутренности неаполитанской консерваторіи устроена была театральная зала, что составляло довольно рѣдкій случай, выходящій изъ круга консерваціонныхъ забавъ. Разумѣется, молодой виртуозъ былъ признателенъ къ такой заботливости начальства — получивъ возможность удовлетворять своему пламенному желанію, онъ помирился съ своею участію. Лаблашъ продолжалъ свое ученье въ консерваторіи, которое кончилъ на шестнадцатомъ году отъ роду.

Тогда-то, не безъ труда и хлопотъ, получилъ онъ дозволеніе оставить скамьи консерваторіи и опредѣлился, на роли неаполитанскаго буффа, въ театрѣ Санъ-Карлино, самый меньшій изъ неаполитанскихъ театровъ. Въ Санъ-Карлино давалось два представленія въ сутки, одно днемъ, другое вечеромъ; а по утрамъ дѣлались репетиціи. Лаблашъ тянулъ эту лямку безъ малѣйшей надсады своему органу; всѣ-же его товарищи не могли вытянуть

до году и покинули театръ; многіе изъ нихъ остались навсегда безъ голосовъ. Теперь въ Санъ-Карлино играютъ комедіи, а актеры его считаются лучшими во всей Италіи.

Пробывъ не болѣе пяти мѣсяцевъ съ Санъ-Карлино, Лаблашъ женился на Терезѣ Пиотти, дочери одного актера тамошней труппы, который былъ величайшій комедіантъ, какого производила Италія. Этотъ счастливый бракъ имѣлъ сильное вліяніе на музыкальную судьбу Лаблаша. И настоящею своею славою онъ неоспоримо обязанъ заботамъ и совѣтамъ своей жены. Она умѣла оцѣнить его, и ея провидательная нѣжность употребила всѣ средства, чтобы оторвать его отъ Санъ-Карлино, театра недостойнаго его таланта. Безпечный Лаблашъ остался-бы тамъ на всю жизнь, на роли неаполитанскаго буффо, не помышляя о блестящей будущности, которая его ожидала. Г жа Лаблашъ, безъ вѣдома своего мужа, старалась всячески, чтобы съ Санъ-Карлино принятъ былъ актеръ Милотти, который въ роли неаполитанскаго буффа славился большими успѣхами, и былъ любимъ публикою. При помощи нѣсколькихъ интригъ, ей удались передать ему амплуа Лаблаша. Ея супружеская нѣжность простиралась до того, что она готова была подвергнуть свисту своего мужа, еслибъ успѣхи Милотти не заставили его наконецъ искать въ другомъ мѣстѣ лучшаго счастія. Лаблашъ не смѣлъ бросить свое неаполитанское нарѣчіе и пѣть на тосканскомъ языкѣ: жена убѣдила его рѣшиться на это и выхлопотала ему мѣсто въ Сициліи. Онъ отправился въ Мессину, гдѣ еще цѣлый годъ держался прежняго амплуа неаполитанскаго буффо, которое онъ очень любилъ и въ которомъ не имѣлъ соперниковъ.

Въ Палермо онъ дебютировалъ, какъ basso cantante и имѣлъ отличный успѣхъ. Слава его дошла до Неаполя, откуда посыпались самыя выгодныя предложенія, чтобы заставить его воротиться и занять прежнее амплуа; но жена его, угадывая чѣмъ долженъ онъ нѣкогда сдѣлаться, отстранила эти выгодныя предложенія и удержала его въ Палермо, дабы онъ здѣсь, на глазахъ ея, кончилъ свое образованіе для новаго поприща. Здѣсь онъ познакомился съ твореніями Россини, въ которыхъ исполнялъ роли баса. Его не отпускали изъ Палермо, хотя онъ пробылъ тамъ уже пять лѣтъ. Онъ пробылъ бы и далѣе, но бѣжалъ отъ революціи карбонаріевъ, возникшей тамъ въ 1820 г. Содержатели театровъ въ Палермо были всѣ изъ Милана: они принуждены были оставить столицу Сициліи, гдѣ революціонеры сожгли всѣ театральныя зданія и ихъ принадлежности. Воротившись въ Миланъ, они хвалили безъ памяти Лаблаша и совѣтовали impressario вызвать его,

говоря, что обязываются заплатить всѣ издержки путешествія, если онъ не понравится.

Тогда-то господинъ Россини вызвалъ Лаблаша въ Миланъ, гдѣ онъ дюбетировалъ съ la Scala ролью Данзини въ «Ченерентолѣ» Произведенный имъ восторгъ простирался до бѣшенства; не могли надивиться его голосу, искусству, музыкальному выраженію, комической игрѣ; только находили, что онъ говорилъ по-турецки, а не по-итальянски; такъ, по-крайней-мѣрѣ, выражались журналисты, чтобы охарактеризовать его языкъ. Лаблашъ воспользовался этимъ замѣчаніемъ и приложилъ все стараніе выучиться настоящему итальянскому произношенію, о которомъ до того времени не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, привыкнувъ къ ролямъ неаполитанскаго буффа, говорящаго обыкновенно мѣстнымъ простонароднымъ нарѣчіемъ. Пребываніе въ Палермо только что усилило варварство его произношенія. Славный Раффанели, котораго талантъ оставилъ по себѣ столько воспоминаній въ Италіи и въ Парижѣ, взялъ на себя перевоспитаніе Лаблаша и не могъ нахвалиться быстрыми успѣхами и понятливостію своего воспитанника.

Съ-тѣхъ-поръ, вездѣ, гдѣ не являлся Лаблашъ, таланту его отдавалась полная справедливость; публика ласкала въ немъ актера, осыпала рукоплесканіями пѣвца и оказывала знаки особенной привязанности къ его лицу; нигдѣ не хотѣли съ нимъ разстаться. Въ Миланѣ онъ игралъ шесть лѣтъ сряду: онъ остался-бы тамъ весьма долго, если-бы не пожелалъ видѣть Европу и собрать заслуженную дань удивленія отъ просвѣщенныхъ иностранцевъ, а вмѣстѣ расширить кругъ своей репутаціи. Въ Римѣ и потомъ въ Туринѣ онъ игралъ роль Уберто въ «Агнесѣ, Пэра», съ необычайнымъ успѣхомъ. Пребываніе-же свое въ Вѣнѣ онъ долженъ считать самою блестящею и самою счастливою эпохою своей драматической жизни. Онъ познакомилъ нѣмцевъ съ «Севильскимъ Цирюльникомъ». Рубини и госпожа Менвиль-Фодоръ играли въ ней роли Альмавивы и Розины. — Они-же блистали съ нимъ въ «Тайномъ бракѣ» (Il Matrimonio Segretto) и «Агнесѣ». Роли Ассура и Фигаро, Уберто и Джеронимо, игранныя Лаблашемъ съ чрезвычайнымъ талантомъ, производили неописанный восторгъ Въ Вѣнѣ выбита была медаль въ честь Лаблаша, съ слѣдующею надписью маркиза Гаргалло, переводчика Горація:

Actione Roscio, Joppe cantu, comparandus utrique,
Lauro conserta, ambobus major.
vienne XVIIIXXV.

Послѣ Лайбахскаго конгресса, Лаблашъ представлялся въ Вѣнѣ Неаполитанскому королю Фердинанду, который сдѣлалъ ему самый благосклонный пріемъ, наименовалъ его пѣвцомъ своей капелы, и назначилъ пенсіонъ тестю его, Пилотти, за театральную службу, безъ всякой просьбы Лаблаша. Отсюда онъ воротился въ Неаполь, въ которомъ не былъ цѣлыя десять лѣтъ, перейдя такимъ образомъ вдругъ съ маленькаго театра Санъ Карлино, на огромную сцену Санъ-Карло, гдѣ дебютировалъ ролью Ассура въ «Семирамидѣ», дававшейся тогда въ первый разъ на неаполитанской сценѣ.

—

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КІЕВСКОМЪ ТЕАТРѢ.

(*Съ 25-го апрѣля по 1-е августа* 1850 *годи.*)

Кіевскій театръ — небольшое зданіе, съ двумя ярусами ложъ, 140 креслами, галереей, амфитеатромъ, оркестромъ до 25 человѣкъ (подъ управленіемъ опытнаго капельмейстера г. Ляхера), съ бѣдными, но впрочемъ довольно сносными, декораціями и прекрасными костюмами.

Какъ любитель драматическаго искусства и постоянный посѣтитель театровъ въ другихъ городахъ Россіи, я долженъ сознаться, что здѣшній театръ превосходитъ многіе изъ провинціальныхъ. Въ этомъ вѣтхомъ зданіи играетъ довольно хорошенькая водевильная труппа, которая можетъ занять васъ нѣсколько вечеровъ сряду. Хотя драмы здѣсь идутъ очень плохо, но ихъ требуетъ публика, которая въ тоже время говоритъ: «Зачѣмъ они лучше не даютъ водевилей, ихъ, покрайности можно смотрѣть съ удовольствіемъ?...» А давая одни водевили, содержатель собираетъ такъ мало, что не чѣмъ заплатить изъ сбора за афиши и освѣщеніе.—Значитъ, весьма мудрено угодить на вкусъ кіевской публики.

Кіевская труппа нынѣ находится подъ управленіемъ довольно ловкаго содержателя *Рекановскаго.* Со дня открытія театра послѣ Святой, на нашей сценѣ, по настоящее время, было разыграно 10 драмъ и трагедій, 7 оперъ и оперетъ, и 43 водевиля.

Во время этихъ спектаклей въ труппу нашу поступили новые актеры: *Микульскій, Звѣревъ* 1, *Звѣревъ* 2, *Дрейсихъ, Шигаровъ, Дмитріевъ* и г-жа *Звѣрева*.... Представьте, на нашей сценѣ было 7 новыхъ дебютантовъ! Но должно сказать, что всѣ эти дебюты были рѣшительно незамѣчены и не оцѣнены, потому что проси-

ходили въ пустомъ театрѣ.... При такомъ положеніи, трудно оцѣнять таланты: актеръ тогда только въ состояніи высказать все свое дарованіе, когда онъ одушевленъ вниманіемъ зрителей, а для райка, или какъ его здѣсь называютъ — для *галдареи*, право не стоитъ труда напрасно ломать голову! Но прослѣдивъ нѣсколько спектаклей со вниманіемъ, я рѣшаюсь изложить мои сужденія о Кіевскомъ театрѣ вообще, и объ членахъ его въ особенности.

Кіевскую труппу, какъ большую часть провинціальныхъ труппъ, можно раздѣлить на три класса: къ 1-му я причислю самаго содержателя, Рекановскаго, занимающаго преимущественно всѣ малороссійскія роли; въ этихъ роляхъ онъ умѣетъ просто и натурально и притомъ очень вѣрно передавать характеръ простонароднаго быта Малороссіянъ. Къ сожалѣнію, должно сказать, что онъ, по причинѣ долговременной болѣзни и преклонныхъ лѣтъ, теперь уже очень рѣдко является на сценѣ. Рекановскій почитается первымъ актеромъ на это амплуа во всей Малороссіи, и кіевскіе жители до того избалованы игрой Рекановскаго, что не находятъ уже удовольствія при игрѣ гг. *Микульскаго* и *Звѣрева* 1-го, которые между тѣмъ также люди не безъ дарованія.

Еслибъ *Микульскій*, при своемъ талантѣ и звучномъ тенорѣ, болѣе обратилъ вниманія на изученіе ролей, чрезъ что пересталъ-бы говорить заикаясь, повторять по нѣсколько разъ однѣ и тѣже рѣчи, то онъ былъ-бы явленіемъ не только пріятнымъ, но и замѣчательнымъ для провинціальной сцены. Его амплуа преимущественно роли резонеровъ, чудаковъ, водевильныхъ дядюшекъ и скрягъ. Лучшія роли изъ его репертуара *Золотникова* «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», *Хайлова* «Ямщики», *Губкина* «М. А. Губкинъ» и многія другія. *Г. Звѣревъ* 1-й довольно развязанъ, смѣлъ и непринужденъ на сценѣ, но чтобы возбудить смѣхъ зрителей въ комическихъ роляхъ, онъ самъ безпрестанно смѣется, что невыносимо для зрителей. Онъ очень не дуренъ въ роляхъ *Подколесина* «Женитьба», *Городскаго* «Приключеніе на водахъ», *Понукалова* «Чиновникъ по особымъ порученіямъ», *Разгуляева* «Отсталые люди», *Солдата* «Москаль-чарівникъ», но почти вездѣ прибѣгаетъ къ фэрсамъ, которые часто губятъ всю роль.

Максимовъ играетъ всѣ роли репертуара *Мартынова*. Онъ нравится здѣшней публикѣ, но тоже не безъ недостатковъ и даже очень значительныхъ. Онъ часто, неглижируя искусствомъ, не выучиваетъ ролей, чрезъ что много теряетъ во мнѣніи просвѣщенной части публики. Онъ еще юноша, а потому много у него впереди, если онъ только будетъ стараться обработать свое дарованіе. Любимецъ нашей публики г. *Виноградовъ*. Разнообразіе его

амплуа ясно свидѣтельствуетъ уже о гибкости и силѣ его таланта. Въ роли *Доверстона* «Отецъ и дочь», *Квазимидо* «Эсмеральда» онъ трогаетъ до слезъ! Въ роляхъ *Александра* «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», *Изидора* «Разбитая чашка» и *Клико* «Чрезвычайное произшествіе» смѣшитъ до слезъ!.. Но главное достоинство, и очень рѣдкое на провинціальныхъ сценахъ, въ немъ— то, что всѣ играемыя имъ роли онъ выдерживаетъ до конца, вездѣ понимаетъ намѣреніе автора и вѣрно передаетъ настоящій смыслъ пьесы. Роль *Филиппа*, въ пьесѣ того-же названія, всегда останется въ памяти кіевлянъ! Всякій спектакль публика благодаритъ его вызовомъ. Твердое изученіе ролей и пріятная дикція, не малое достоинство въ молодомъ актерѣ, но весьма жаль, что около себя онъ не имѣетъ достойныхъ себѣ подлинниковъ, которыхъ опытность и примѣръ помогли бы ему развить свой талантъ и быть украшеніемъ въ любой труппѣ!

Женскія драматическія роли занимаетъ г-жа *Крылова*. Въ ней есть наивность и чувство, игра ея непринужденна и тверда. Въ роляхъ драматическихъ она такъ-же хороша, какъ невыносима въ водевиляхъ.

Г-жа *Рекановская* была уже до того расхвалена въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, что послѣ такой оцѣнки безпристрастному судьѣ трудно и высказать свое мнѣніе. Потому я объ ней умалчиваю.

Г-жа *Полянская*, занимая роли сварливыхъ бабъ, старыхъ дѣвъ, вдовъ и свахъ, всегда и вездѣ хороша! ... Но бѣда въ томъ, что она берется и за роли свѣтскихъ дамъ, которыя вовсе не дружатся ни съ ея наружностью, ни съ пріемами. На это амплуа у насъ есть г-жа *Рекановская*, которой манеры въ роляхъ свѣтскихъ дамъ гораздо приличнѣе.

Г-жа *Петрова* перлъ нашей труппы! выходъ ея на сцену сопровождается всегда продолжительными рукоплесканіями. Она мила и развязна.... Роль *Марины* — «Сумбурщица жена», по моему мнѣнію, лучшая ея роль! Она обладаетъ пріятной наружностію, прекраснымъ голосомъ и благородными манерами! Какъ жаль, что этотъ рѣдкій на провинціальныхъ сценахъ талантъ, тоже имѣетъ свой недостатокъ. Г-жа *Петрова* часто качаетъ головой, и это очень ее безобразитъ.

Г-жа *Звѣрева*—занимаетъ почти одно амплуа съ г-жею *Петровой*, но разумѣется ниже ея по таланту и мастерству исполненія. Если публика принимаетъ и вызываетъ ее, то это вовсе не за талантъ, а за живость ея и развязность на сценѣ.

На второмъ планѣ:

Г. Звѣревъ 2. Начиная отъ самой костюмировки, всегда и вездѣ однообразенъ. — Въ игрѣ его нѣтъ сценъ, которыя были-бы выполнены съ тою цѣлью, которая опредѣлена авторомъ. Маленька роль *Гаврюшки*, «*Жены наши пропали*», онъ такъ-же исковеркалъ, какъ и прекрасную роль *Пишона*, въ — «*Слѣпой.*» Единообразная жестикуляція, единообразная походка; апатическій разговоръ, — все дѣлаетъ его невыносимымъ для зрителей....

Г-нъ *Дрейсихъ* — для перваго дебюта въ роли *Падчерицина* «*Крестный отецъ*» былъ очень не дуренъ!... Судя по первому дебюту и въ надеждѣ не ошибиться, рѣшаюсь причислить его къ 1-му классу.

Г. Лиханскій, занимая роли молодыхъ офицеровъ, любовниковъ, покуда причисленъ ко 2-му классу, но замѣчая, какъ постепенно развивается его талантъ, можно надѣяться, что со временемъ онъ будетъ въ числѣ актеровъ 1-го класса.... Г. Лиханскій имѣетъ одинъ недостатокъ, который принадлежитъ собственно не таланту, но часто вредитъ таланту на сценѣ.

Г. Лавровъ, какъ актеръ второстепенный, довольно хорошъ; при этомъ зная малороссійскій языкъ, почти необходимъ въ нашей труппѣ.... Роль *Миколы* — «*Щира любовь*», онъ играетъ не дурно. — Благородство и отсутствіе всѣхъ вычуръ на сценѣ доказываютъ въ немъ умъ и вкусъ.

Г-жа *Карпова* и Г-нъ *Рыбченко* такъ играютъ, что ихъ ни критика, ни публика, ни таланты лучшихъ артистовъ исправить не могутъ; стало быть и говорить о нихъ не слѣдуетъ.

Г. *Дмитріевъ*, для перваго дебюта въ роли *Романа Бобра* — «*Двумужница*», хотя и *убилъ бобра*, но мы не теряемъ надежды, что онъ исправитъ свои недостатки, особенно изъявленіе жара и увлеченія посредствомъ безпрерывнаго качанія изъ стороны въ сторону, на подобіе маятника въ часахъ....

Д-ца «*Полянская*» — дѣвочка 13 лѣтъ.

Г-нъ *Шигаровъ* актеръ на всѣ руки: дайте ему *Донъ-Алонза*— «*Преціоза*», онъ играетъ! Дайте *Карскаго* «*Жена кавалериста*» тоже играетъ! Дайте *Чацкаго* — «*Горе отъ ума*», онъ и отъ него не откажется.... но, къ сожалѣнію, всѣ эти роли онъ коверкаетъ такъ, что трудно узнать ихъ! — Гг. *Шигаровъ*, *Рыбченко*, *Карпова* и другіе, рѣшительно не могутъ доставить удовольствія публикѣ, которая видѣла гг. Мартынова, Григорьева, Щепкина, Живокини, Орлову и другихъ! — Они не принадлежатъ даже къ классу, называемому на театральномъ языкѣ *полезностями* «utiliés», а совершенно напротивъ.

Къ 3-му классу причислимъ *хористовъ* и *хористокъ*, которыхъ много, да пользы отъ нихъ мало!

Вотъ вамъ и весь составъ труппы русскихъ актеровъ въ Кіевѣ! Если-бы еще она могла пріобрѣсть развязнаго, свѣтскаго молодаго человѣка на амплуа любовниковъ, то труппа наша была-бы одной изъ очень хорошихъ для провинціи.

Желая Г. *Рекановскому* многихъ успѣховъ и болѣе пріобрѣсть зрителей, надѣюсь, что со временемъ онъ порадуетъ насъ новыми сюжетами и лучшими пьесами. Конечно, не имѣя, поддержки и при самомъ бдительномъ стараніи содержателя, довольно трудно сформировать хорошую труппу и дѣльный репертуаръ. Впрочемъ и эта труппа доставляетъ удовольствіе.

Когда я оканчивалъ мою статью, мнѣ принесли афишу. Для закрытія спектаклей назначены:

— «*Принцъ съ хохломъ*», водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. «*Богатая старушка*», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ и дивертисманъ.

— Съ наступающимъ постомъ оканчивается первый сезонъ Кіевскаго театра*.

АЛЬФРЕДЪ ФОНЪ-ЮНКЪ.

—

ВЕНЦЕЛЬ ІОГАННЪ ТОМАШЕКЪ.

(*Некрологъ*).

Въ Прагѣ, 3-го апрѣля умеръ, на 76 году жизни, композиторъ, пользовавшійся европейскою извѣстностью, старшина чешскихъ композиторовъ, какъ называли его жители Праги, Венцель (Вечеславъ) Іоганнъ Томашекъ. Тысячи народу, слѣдовавшія въ глубокой горести за гробомъ Томашка, украшеннымъ заслуженнымъ лавровымъ вѣнкомъ, доказывали, какъ уважали и любили жители чешской столицы, издавна извѣстные своею склонностью къ музыкѣ, своего престарѣлаго композитора, который много лѣтъ уже жилъ

* Статья эта, присланная къ намъ 12-го августа, не могла войти въ составъ № 8 Пантеона, и потому напечатана въ этомъ. Между-тѣмъ, мы на дняхъ прочли почти туже статью, того-же автора, въ «Сѣв. Пчелѣ». Вслѣдствіе того, мы хотѣли ее исключить, какъ безполезное повтореніе, но къ несчастію, листъ былъ уже набранъ и сверстанъ. *Ред.*

въ мирномъ уединеніи, близъ Вальдштейнскаго дворца. Случившіеся здѣсь ученики Томашка, въ томъ числѣ знаменитый Александръ Дрейшокъ, несли кисти и факелы. Обрядъ погребенія совершалъ самъ генералъ-гросмейстеръ рыцарскаго ордена Креста Господня, въ епископскомъ облаченіи и съ многочисленнымъ соборомъ.

Венцель Іоганнъ Томашекъ родился 17 апрѣля 1774 года, въ дѣятельномъ, промышленомъ городкѣ Скутчѣ, Хрудимскаго округа, въ Богеміи. Отецъ его былъ зажиточный полотняный фабрикантъ; но потери, которымъ онъ подвергался безъ всякой собственной вины, разорили его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ дать надлежащее воспитаніе своему младшему сыну, будущему композитору. Онъ остался на попеченіи двухъ старшихъ братьевъ, — одинъ былъ приходскій священникъ, другой — чиновникъ. Они помогали ему всѣмъ, что могли удѣлить отъ своего скуднаго жалованья; а когда мальчикъ осиротѣлъ, на 14-мъ году, содержали его совершенно на свой счетъ, съ истинно братскимъ самоотверженіемъ. Первыя наставленія въ музыкѣ, именно въ пѣніи и въ игрѣ на скрипкѣ, молодой Томашекъ получилъ въ Хрудимѣ, отъ регента церковнаго хора, Вольфа. Онъ чувствовалъ особенное влеченіе къ клавикордамъ и къ органу. Старшій братъ его, священникъ, подарилъ ему старую эпинетку, надъ которой мальчикъ принялся трудиться день и ночь, безъ учителя, совершенно самоучкою, потому что во всемъ Хрудимѣ не было человѣка, ни регента, ни кантора, который могъ-бы давать ему уроки на этомъ инструментѣ. Наконецъ, въ хрудимскую школу поступилъ новый ученикъ, который получилъ отъ помощника пастора въ сосѣднемъ приходѣ нѣсколько уроковъ въ генералбасѣ. Совѣты и наставленія этого новаго друга, какъ ни недостаточны были собственныя его познанія, принесли огромную пользу пробуждающемуся генію музыканта и, конечно, имѣли большое вліяніе на дальнѣйшее его развитіе на поприщѣ, начатомъ среди столькихъ трудностей. Молва о прекрасномъ альтовомъ голосѣ Томашка, раздававшемся каждое воскресенье съ хоровъ хрудимской церкви Святаго Сальватора, и объ его чудномъ пѣніи, разнеслись скоро даже далеко за границы Хрудимскаго округа; слава его проникла даже въ минорітскій монастырь близъ Иглавы, котораго церковная музыка, подъ управленіемъ Зегертова ученика, минорітскаго пастора Шуберта, слыла въ то время лучшею во всей Чешской землѣ и Моравіи. Иглавскіе миноріты пригласили его въ свой хоръ солистомъ и охотно позволили ему безденежно пользоваться уроками въ высшихъ клас-

сахъ монастырской школы. Когда голосъ Томашка началъ мѣняться, онъ отправился въ прагскій университетъ. Три года слушалъ онъ тутъ философію, содержа себя между тѣмъ уроками и потомъ посвятилъ себя законовѣденію. Всѣ досужіе часы онъ употреблялъ на глубокое, основательное изученіе гармоніи; творенія Тюрка, Матзона, Марпурга, Кирнбергера, аббата Фоглера, служили основою, на которой впослѣдствіи онъ создалъ себѣ свою собственную, простую, ясную и прочную теорію. Частыя поѣздки въ Вѣну доставили Томашку случай познакомиться съ Бетховеномъ, который охотно прослушивалъ сочиненія малоизвѣстнаго еще прагскаго композитора и помогалъ ему совѣтами.

Въ Прагѣ Томашекъ былъ скоро признанъ отличнымъ пьянистомъ и даровитымъ композиторомъ. Въ знатнѣйшихъ домахъ не хотѣли имѣть другаго учителя, кромѣ его. Несмотря на то, Томашекъ, вѣроятно поступилъ-бы въ гражданскую службу, въ которой, при всей энергіи его творческаго таланта, ему невозможно было бы такъ дѣятельно и съ такою славою подвизаться на поприщѣ искусства, если-бъ Провидѣніе не послало ему богатаго и благороднаго покровителя. Это былъ прежній его ученикъ и просвѣщенный любитель музыки, графъ Георгъ Лонгваль Букуа. Графъ былъ такъ восхищенъ сочиненіями Томашка, и въ особенности его «*Ленорою*», которая не такъ извѣстна, какъ «*Ленора*» Цумштегова, но несравненно выше ея, что наименовалъ его своимъ придворнымъ композиторомъ и назначилъ ему значительное пожизненное жалованье. Получивъ должность, обезпечивавшую его будущность, не налагая на него почти никакихъ обязанностей, молодой композиторъ могъ совершенно посвятить свое время искусству. Два года спустя онъ женился на сестрѣ знаменитаго поэта Эгона Эберта, и при этомъ случаѣ съѣхалъ съ квартиры, отведенной ему у графа Букуа, и завелся своимъ собственнымъ домомъ; это однако-же нисколько не измѣнило отношеній его къ благородному покровителю. Его сочиненія доставляли ему отовсюду самыя лестныя доказательства всеобщаго уваженія его таланту; самою же высокою почестью было данное ему порученіе написать торжественную мессу по случаю коронованія императора Фердинанда I, королемъ Чешскимъ. Всѣ молодые таланты въ Прагѣ добивались, какъ величайшей чести, права именоваться учениками Томашка.

Томашекъ жилъ постоянно въ Прагѣ, и только отъ времени до времени оставлялъ ее на нѣсколько недѣль, чтобы прогуляться. Домъ его былъ средоточіемъ всего образованнаго и артистическаго общества Праги; всю зиму бывали у него самыя занима-

тельные вечера, на которыхъ постоянно были знаменитые путешественники со всѣхъ концовъ Европы. Ни одинъ странствующій сынъ Альбіона не оставлялъ Праги, не видавъ великаго чешскаго маэстро.

Въ обращеніи Томашка съ учениками было нѣчто истинно отеческое; за то и они питали къ своему учителю сыновнюю любовь и почтеніе. Бесѣда Томашка была всегда умна, оригинальна, весела, и подернута легкою ироніею. Онъ былъ самый любезный человѣкъ, пока рѣчь шла о литературѣ или о пластическихъ искусствахъ, которыми онъ занимался, какъ дилеттантъ; но чуть она касалась музыки, онъ становился рѣзокъ и нетерпящъ. Особенно въ послѣдніе годы не допускалъ онъ въ музыкѣ никакого мнѣнія, кромѣ своего собственнаго; сознаніе своего достоинства дошло въ немъ, въ послѣднее время, почти до самообожанія; разительные, оригинальные примѣры этой слабости можно найти въ его автобіографіи, которую онъ началъ было печатать въ прагскомъ альманахѣ «*Любуша*». За исключеніемъ этого одного пятна, характеръ Томашка былъ вполнѣ достоинъ великаго художника. Наружность его была величественна; онъ былъ большаго росту, широкъ въ плечахъ, довольно полонъ, и до самой старости держался прямо и ходилъ бодро; спокойныя, добродушныя черты его лица представляли самый чистый славянскій типъ. Въ семьдесятъ лѣтъ ему было на видъ не болѣе пятидесяти.

Томашекъ безспорно принадлежитъ къ величайшимъ композиторамъ нашего вѣка; и какое уваженіе ни оказывали ему самые великіе судьи въ дѣлѣ искусства, вполнѣ однако-же оцѣнитъ его только потомство. Въ немъ соединяются качества, необходимыя для созданія великихъ твореній, долженствующихъ пережить свой вѣкъ: оригинальная, полная жизни фантазія и свѣтлый, образованный умъ. Всѣ его сочиненія отличаются богатствомъ и новостью мыслей, глубокимъ чувствомъ и яснымъ, художественнымъ изложеніемъ. Онъ не прощалъ ни малѣйшаго проступка противъ достоинства искусства, не терпѣлъ въ музыкѣ никакого шарлатанства, никакой поверхности; малѣйшая его пѣсенка также глубоко обдумана и также тщательно отдѣлана, какъ и большія его сочиненія. Подобно Гёте, котораго онъ очень почиталъ, онъ часто по нѣсколько лѣтъ хранилъ свои сочиненія въ памяти, чтобы дать имъ вполнѣ созрѣть въ умѣ, и только развивъ и разработавъ ихъ такимъ образомъ, принимался онъ ихъ писать; такъ, напримѣръ, было съ его музыкою къ нѣкоторымъ сценамъ изъ Гётева «*Фауста*», которыя донынѣ еще не изданы. Не долж-

но однако-же изъ этого заключать, что Томашекъ создавалъ медленно и съ усиліемъ; его импровизаціи на фортепьяно были восхитительны, и если-бъ кто нибудь могъ положить ихъ на бумагу, они представили-бы цѣлый кладъ мастерскихъ произведеній. Въ свободной фантазіи именно проявлялись неисчерпаемость его творческаго генія; но онъ записывалъ только то, что было обдумано и обработано въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Это не единственная черта сходства его съ Гёте. Какъ Гёте былъ поэтъ по преимуществу объективный, забывалъ свою личность, погружаясь совершенно въ предметъ своей поэзіи, такъ точно и Томашекъ; это особенно видно въ его пѣсняхъ, которыя съ необыкновенною точностью и силою схватываютъ и передаютъ смыслъ и характеръ словъ. Стоитъ только сравнить его музыку съ стихотвореніями Гёте и Шиллера, и каждый принужденъ будетъ сознаться, что невозможно глубже сродниться въ цѣломъ и въ частностяхъ съ духомъ этихъ двухъ поэтовъ, столь различныхъ между собою въ самомъ основаніи ихъ генія. И какъ рѣзко отличаются опять эти сочиненія отъ его музыки къ чешскимъ пѣснямъ изъ знаменитой Кралодворской рукописи. Какъ мастерски умѣлъ онъ въ нихъ усвоить себѣ ритмъ и характеръ старочешской поэзіи.

Наибольшую славу стяжалъ Томашекъ своими дивными церковными сочиненіями, писанными въ самомъ чистомъ и строгомъ стилѣ. Встрѣчающіяся въ нихъ фуги соединяютъ контрапунктическую глубину съ удобопонятностью и поражаютъ своимъ величіемъ; знатоковъ-же онѣ приводятъ въ энтузіазмъ. Однако-же, какъ ни великъ Томашекъ въ духовныхъ сочиненіяхъ, а вникнувъ точнѣе въ характеръ его творчества, мы убѣждаемся, что настоящимъ его призваніемъ была драма; по-крайней-мѣрѣ, въ самыхъ мелкихъ его пѣсняхъ видно, что драматическій элементъ преобладалъ въ немъ. Его опера «*Серафина*» была представлена въ Прагѣ съ огромнымъ успѣхомъ; но возникшія потомъ интриги, а также недостатокъ порядочныхъ либретто, побудили его отказаться отъ этого поприща. Правда, что либретто «*Серафины*» было черезъ чуръ плохо, это самая жалкая передѣлка плохаго либретта Моцартова «*Похищенія изъ сераля*». Сколько намъ извѣстно, Томашекъ оставилъ еще одну оперу, совершенно оконченную, «*Альваро*» и первое дѣйствіе «*Саконталы*», также вполнѣ отдѣланное. Слышавшіе нѣсколько отрывковъ изъ нихъ, отзываются объ нихъ съ восторгомъ. Упрямый маэстро и слышать не хотѣлъ о представленіи своихъ оперъ. Однажды, когда его сильно упрашивали окончить «*Альваро*» и поставить его на сцену, онъ отвѣчалъ: «Я

уже съ «*Серафиною*» едва не слегъ отъ досады и огорченій, и съ тѣхъ поръ поклялся не имѣть дѣла съ этими интригантами, прагскими капельмейстерами; эти господа всегда низводятъ на свой уровень то, до чего ихъ тупыя головы не досягаютъ.» Въ сочиненіяхъ своихъ для фортепьяно Томашекъ проложилъ совершенно новые пути, создалъ новые роды, эклоги, диѳирамбы и особенно преоригинальныя рапсодіи. Особенно замѣчательны его «Tre dithyrambi per il pianoforte», op. 65, изданные въ Прагѣ. Первый отличается энергическимъ, мужественнымъ характеромъ Рима; второй дышетъ всею пластическою красотою, всею прелестью Греціи; въ третьемъ оба характера слиты самымъ удачнымъ образомъ; всѣ полны лирическаго вдохновенія и силы; они новы и характеричны. Въ Богеміи эклоги и диѳирамбы считаются пробнымъ камнемъ для пьяниста, и чешскіе виртуозы предпочитаютъ ихъ всякому другому роду сочиненій.

Высокая художественность, проявляющаяся во всѣхъ твореніяхъ Томашка, уже достаточно доказываетъ, что онъ долженъ принадлежать къ самымъ глубокимъ музыкальнымъ теоретикамъ. Дѣйствительно, онъ вполнѣ обладалъ теоріею музыки и представлялъ ее не въ сухихъ, безжизненныхъ формахъ, а юною, свѣжею, одушевляя ее практикою. Онъ, своими энергическими возстаніями противъ всего, что посягало на достоинство искусства, былъ самымъ могучимъ поборникомъ классической музыки и истиннаго художественнаго вкуса, главнымъ хранителемъ музыкальной славы Богеміи. Его наставленія и примѣръ образовали много достойныхъ молодыхъ художниковъ. Названіе ученика Томашка сильно говоритъ въ пользу музыканта, потому что его школа была достойна своей славы. Томашекъ создалъ свою особенную, весьма оригинальную, ясную и удобопонятную систему ученія о гармоніи, основанную на законахъ природы и излагалъ ее въ частномъ курсѣ, который онъ читалъ ежегодно объ этомъ предметѣ и о контрапунктѣ; этотъ курсъ привлекалъ всегда множество слушателей. Къ сожалѣнію, онъ все откладывалъ обработку своей системы для печати; это большая потеря для науки. Какъ фортепьянный учитель, Томашекъ пользовался такою славою, что къ нему пріѣзжали ученики изъ самыхъ дальнихъ странъ, или обращались къ нему съ письменными просьбами, чтобы онъ рекомендовалъ кого нибудь изъ своихъ учениковъ. Изъ множества его учениковъ, мы назовемъ только нѣсколькихъ наиболѣе замѣчательныхъ и стяжавшихъ европейскую славу; таковы Ворцишекъ, В. Вюрфель, фонъ-Боклетъ, Дессауеръ, Габернъ, Тедеско, Александръ Дрейшокъ, Ку, Шульгофъ.

Томашекъ издалъ болѣе ста сочиненій; въ томъ числѣ опера «*Серафина*», нѣсколько мессъ и реквіемовъ, квинтетовъ, квартетовъ, тріо, множество сочиненій для фортепьяно и нѣсколько тетрадей мелодій на стихотворенія Гёте, Шиллера, Борнса, и другихъ. Въ оставшихся послѣ него бумагахъ, кромѣ оперы «*Альваро*» и перваго дѣйствія «*Саконталы*», есть также множество прекрасныхъ сочиненій: двѣ сцены изъ *Фауста*, «Маргарита за самопрялкою и Маргарита въ соборѣ», сцена изъ «*Валленштейна*», сцена изъ «*Маріи Стюартъ*», сцена изъ «*Мессинской невѣсты*», «*Абельяръ* и *Элоиза*» Попе; всѣ съ оркестромъ; также множество пѣсенъ и мелкихъ сочиненій для фортепьяно.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

=

Bald ist es dieß, bald ist es das;
Bald ist es nichts, bald ist es was.

=

ЛОЛА МОНТЕСЪ, знаменитая плясунья и искательница приключеній, объ артистическихъ подвигахъ которой такъ много говорятъ въ настоящее время французскіе фельетонисты, обращаетъ на себя особенное вниманіе своею послѣднею продѣлкою. Оставивъ Лондонъ, а въ немъ и невыгодное о себѣ мнѣніе, она возвратилась въ Парижъ. Здѣсь Лола наняла превосходный и великолѣпный домъ близъ Елисейскихъ Полей, срокомъ на *двадцать одинъ годъ* (!). Къ этому чудному контракту она присоединила другое диво: меблировала свои покои такъ, какъ только можетъ придумать самое капризное и избалованное воображеніе.... Роспись этой меблировки почти сказочная.... Словомъ, комнаты Лолы были убраны съ изумительною роскошью и все это убранство стоило до 486,000 франковъ, которыми пожертвовалъ для нея какой-то несчастный обойщикъ, расчитывавшій вѣроятно на огромные барыши. Онъ получилъ отъ Лолы только небольшой задатокъ и обязательство уплатить всю сумму къ 10 августа. — Шесть мѣсяцевъ быстро прянули въ вѣчность, наступило роковое число и обойщикъ явился въ прихожей Лолы за полученіемъ долга. Здѣсь, съ перваго шага въ баснословные покои Лолы, разочарованіе бѣднаго обойщика было жестоко... Онъ, къ своему горю, многаго не нашелъ уже въ комнатахъ Лолы. По требованію его, явилась хозяйка и, стараясь успокоить несчастна-

го, она, съ видомъ необыкновеннаго спокойствія, предложила ему обождать минуту, пока сходитъ въ кабинетъ и вышлетъ ему въ уплату сумму, довольно значительную. Цѣлый часъ томительнаго ожиданія прошелъ для довѣрчиваго подрядчика, а Лола не являлась. Съ замирающимъ сердцемъ онъ бросился отыскивать хозяйку и обыскивать домъ, но деньги и Лола, какъ мечта, изчезли для несчастнаго.... Плясунья — въ прекрасной каретѣ, ускакала въ Бельгію такъ быстро и скоро, что все усердіе полиціи задержать ее было безсильно.

—

ГАБРІЕЛЬ, прекрасная и благородная комедія Эмилія Ожье, разборъ которой мы представили нашимъ читателямъ, въ мартовской книгѣ Пантеона, доставила автору академическую премію въ 7,000 франковъ и орденъ почетнаго легіона. Комедія эта возобновлена на классической сценѣ перваго Французскаго Театра, возбуждаетъ въ зрителяхъ полный заслуженный восторгъ и дѣлаетъ полные сборы.

—

ПЕРВАЯ ШПАГА ИСПАНІИ, (primara espada) пронзившая столько быковъ на аренахъ испанскихъ цирковъ, — знаменитый тореадоръ Монтесъ едва не погибъ на послѣдней *корридѣ*. Сбитый на землю разъяреннымъ быкомъ и раненный имъ въ ногу — онъ только обязанъ своимъ спасеніемъ племяннику, который подоспѣлъ во время и съ изумительною ловкостію убилъ быка однимъ вѣрнымъ и сильнымъ ударомъ. Это происшествіе взволновало Мадритъ, изувѣченный герой воловьихъ травлей нашелъ сильное участіе къ своему положенію въ высшемъ кругу мадритской публики.... Едва ли не всѣ знаменитости Испаніи перебывали у его постели, въ больницѣ куда онъ отнесенъ былъ съ мѣста его пораженія.

—

ГОСПОЖА НАДЕЖДА САМОЙЛОВА ВЪ ПРОВИНЦІИ, — до-сихъ-поръ пожинаетъ лавры. Недавно еще играла она свои пять эфектнѣйшихъ ролей въ Одессѣ — съ большимъ успѣхомъ, не смотря на соперничество двухъ значительныхъ талантовъ одесской сцены, госпожъ Орловой и Шубертъ. Вотъ, что говорятъ «Санктпетербургскія Вѣдомости» о послѣднихъ дебютахъ госпожи Самойловой.

Послѣднее извѣстіе о ея успѣхахъ въ губерніяхъ привезъ намъ

«Одесскій Вѣстникъ» въ фельетонѣ котораго напечатано нѣчто въ родѣ *диѳирамба* ея дарованію. Изъ этаго диѳирамба, подписаннаго буквами *Е. Б—чь*, видно, что госпожа Самойлова 1 играла въ Одессѣ роль *Маріи* въ «Дочери втораго полка», *Катеньки* въ «Бѣдовой дѣвушкѣ», *Славской* въ «Людяхъ ангелъ не жена», *Олиньки* въ «Цыганкѣ» и *Маріи* въ «Материнскомъ благословеніи». Далѣе изъ того-же диѳирамба слѣдуетъ, что Одесса никогда не видала на своей сценѣ *лучшей* актрисы, что госпожа Самойлова 1 артистка *знаменитая*, что въ Одессѣ были отъ нея въ восторгѣ, что въ прощальномъ концертѣ своемъ она пѣла сцену изъ «Фрейшюца», русскую пѣсню, въ русскомъ костюмѣ, и сыграла сцену изъ «Бѣдовой дѣвушки.» Восторгъ дошелъ послѣ прощальнаго концерта до того, что они вызвали артистку не менѣе десяти разъ, проводили, или вѣрнѣе *донесли на рукахъ* ея экипажъ (?!?) до квартиры, заставили ее нѣсколько разъ появиться на балконѣ, кричали: брава! прощайте, до свиданія! пріѣзжайте опять къ намъ!... и наконецъ напечатали въ ея честь слѣдующее четверостишіе:

Полна высокихъ вдохновеній
Твоя чудесная игра,
Ты сцены Русской милый геній,
Ты музъ *десятая* сестра.

Стихи эти, какъ изволите видѣть, нисколько не хуже, виноватъ, нисколько не лучше тѣхъ, которые были поднесены той же артисткѣ, вмѣстѣ съ сестрой ея, у насъ, въ Петербургѣ.

Должно однако-замѣтить, что не всѣ въ Одессѣ безусловно восхищались игрою Н. В. Самойловой и что въ томъ-же нумерѣ «Одесскаго Вѣстника», гдѣ напечатанъ вышерѣченный *диѳирамбъ*, напечатано къ нему слѣдующее примѣчаніе редактора.

«Едва-ли вся одесская публика согласится съ этимъ *безусловнымъ похвальнымъ* отзывомъ автора представляемой статьи (то есть, диѳирамба). Н. В. Самойлова, безспорно, выказала здѣсь талантъ въ роляхъ, гдѣ нужна бойкость, развязность и ловкость, и кромѣ того, она очаровательно пѣла русскіе куплеты: но въ роляхъ, проникнутыхъ *глубокимъ чувствомъ* или тѣхъ, гдѣ преобладаетъ *мягкость* и *женственность*, мы думаемъ, что и въ Одессѣ, нѣкоторыя артистки, по-крайней-мѣрѣ не уступали ни въ чемъ знаменитой петербургской гостьѣ. Въ рукопле-

сканіяхъ, которыми встрѣчали и провожали Н. В. Самойлову, мы съ удовольствіемъ видимъ только выраженіе благодарности одесской публики даровитой артисткѣ за посѣщеніе нашей сцены; позволимъ себѣ однако-же замѣтить, что когда эти рукоплесканія и вызовы *превосходятъ мѣру* и мѣшаютъ даже ходу пьесы, то они не всегда могутъ быть приняты за *вѣрную оцѣнку таланта* въ такомъ случаѣ они дѣлаются скорѣе изліяніемъ восторга *поклонниковъ артиста или артистки*, нежели выраженіемъ *мнѣнія всей публики.*»

Къ этому прибавлять нечего. Всякій легко пойметъ настоящее значеніе и диѳирамба и дѣльнаго примѣчанія къ нему редакціи.

—

НЕКРОЛОГЪ. — Съ прискорбіемъ должны мы извѣстить о кончинѣ замысловатаго автора и издателя «*Ералаши*», Михаила Александровича Неваховича, внезапно постигшей его въ Одессѣ. Михаилъ Александровичъ давно уже страдалъ аневризмомъ сердца, и, не смотря на всѣ способы врачеванія и даже частыя поѣздки въ теплыя страны, не находилъ облегченія отъ сильнаго біенія сердца, которое лишало его сна и покою. Путешествіе въ Одессу было имъ предпринято съ такою-же цѣлью, но здѣсь смерть постигла его вдругъ, нежданно. Неваховичъ обладалъ умомъ острымъ, наблюдательнымъ. Онъ матерски умѣлъ подмѣчать смѣшную сторону и пользовался ею часто съ наивнымъ юморомъ, но чаще съ язвительною насмѣшкою. Изданіе его «*Ералашъ*» пріобрѣло всеобщую извѣстность въ Россіи и срывало не одну улыбку съ устъ самыхъ серьозныхъ людей. Вѣроятно, смерть его, а съ нею и прекращеніе *Ералаши*—заставитъ многихъ пожалѣть о талантливомъ карикатуристѣ, слишкомъ рано похищенномъ смертію. Друзья-же оплакиваютъ веселаго и остроумнаго Неваховича самыми искренними слезами.

—

НИКОЛАЙ ЛЕНАУ, ЗНАМЕНИТѢЙШІЙ СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТЪ ГЕРМАНІИ, — также недавно умеръ въ Вѣнѣ. Бѣдный лирикъ страдалъ уже три года душевною болѣзнію, которая лишила его сознанія и полнаго употребленія умственныхъ способностей. Онъ былъ поэтъ въ полномъ знаніи этого слова, всей душой и тѣломъ преданный одному искусству. Политическія событія послѣдняго времени прошли мимо, не коснувшись его души, уже

омраченной завѣсой безумія, и потому не вырвали его изъ волшебнаго міра фантазіи, въ которомъ онъ черпалъ свои образы и чистѣйшія вдохновенія. Въ Дёблингѣ, на попеченіи нѣсколькихъ друзей, жилъ онъ послѣднее время, чуждый всего вещественнаго міра, и въ немногія свѣтлыя минуты мечталъ только о своихъ поэтическихъ предначертаніяхъ, неисполненныхъ и которымъ суждено было никогда не осуществиться. Ленау умеръ на 48 году своей жизни. Многія изъ большихъ его произведеній занимаютъ значительное мѣсто въ германской литературѣ, особливо тѣ, которыя онъ облекалъ въ драматическую форму. Такъ его «Фаустъ», по возвышенности мыслей, глубинѣ созданія и смѣлости формы можетъ стать на ряду съ Гётевымъ. Послѣднее, не напечатанное его произведеніе «Донъ-Жуанъ», какъ увѣряютъ эстетики, есть созданіе громадное, полное жизненности и поэтическихъ красотъ. Онъ трудился надъ нимъ много лѣтъ и съ особенной любовью, и самъ говорилъ, что это вѣнецъ всего, что онъ могъ создать, и что съ окончаніемъ «Дона-Жуана» ему слѣдуетъ умереть. Предсказаніе его сбылось: «Донъ-Жуанъ» оконченъ и пріобрѣтенъ книгопродавцемъ Коттою для изданія — и Ленау не стало. Пересмотръ этого творенія и наблюденіе за изданіемъ, покойникъ поручилъ другу своему, поэту Анастазію Грюну. Августа 22-го распространилась вѣсть о кончинѣ Ленау и опечалила всю Вѣну.... 24-го въ Дёблингъ собрались депутаціи отъ литераторовъ, художниковъ, музыкантовъ и актеровъ, чтобы торжественно проводить гробъ поэта на Вейдлингское кладбище, гдѣ покойный еще при жизни выбралъ себѣ мѣсто для вѣчнаго покоя, въ самой живописной сторонѣ. Гробъ его провожали: министры — Бахъ и Шмерлингъ, поэты и литераторы — Лаубе, Шуселька, Фишгофъ, Франкль, Бекъ, Куранда, Калтенбруннеръ, Фогларъ, живописецъ Пергеръ, и другіе. У входа на кладбище дамы украсили гробъ Ленау вѣнками и букетами изъ иммортелей, а пѣвческое общество Вѣны пропѣло около него прощальный гимнъ. На назначенномъ для погребенія мѣстѣ былъ воздвигнутъ деревянный саркофагъ, украшенный гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ и лавровыми вѣнками. На немъ былъ поставленъ гробъ, и послѣ послѣдняго освященія и напутствія его духовнымъ клиромъ, на эстраду за саркофагомъ попеременно восходили землякъ покойнаго Фогларъ, родственникъ его Шурцъ и наконецъ Гейнрихъ

Лаубе, и произнесли по трогательной рѣчи. Смыслъ этихъ рѣчей состоялъ въ томъ, что они благодарили Бога, лишившаго Ленау возможности видѣть несчастія отечества, во время прошедшихъ смутъ, въ прославленіи его творческаго таланта и человѣческаго чувства, всегда одушевлявшаго его сердце и, наконецъ, въ соболѣзнованіи о ранней потерѣ поэта, который составлялъ славу и гордость современной Германіи.

—

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ОТЪ СТРАСТИ ЗАЛЕТАТЬ ВЫСОКО. Мы уже говорили о господствующей теперь въ Парижѣ модѣ пускаться верхомъ на воздухъ. Эту моду ввелъ отважный воздухоплаватель Пуатвень, который первый выдумалъ подняться на Буцефалѣ. За Парижемъ, разумѣется, тянутся всѣ провинціи: какъ же имъ не имѣть своего моднаго воздушнаго наѣздника? И вотъ такой сильфъ-Лежаръ явился въ Бордо и взволновалъ весь городъ афишками о своемъ верховомъ полетѣ. Фамилія его Гэль. Въ нѣсколько дней онъ выучилъ старую лошадь всѣмъ необходимымъ пріемамъ и на 8 сентября назначилъ свой полетъ изъ Венсена, одной изъ окрестностей Бордо. Народу сбѣжалось видимо-невидимо. Въ четверть седьмаго часа, вечеромъ, Гэль очень храбро вскочилъ на своего Пегаса, и на манеръ Пуатвена поднялся къ облакамъ. Но вѣтеръ гналъ его шаръ къ морю. Видя это, Гэль началъ спускаться и благополучно опустился въ четверть восьмаго въ общинѣ Сеста, на очень узкой полянѣ, между помѣстьями господъ *Пелока* и *Балпори*. Сбѣжалось семь или восемь крестьянъ, работавшихъ по близости, они остановили шаръ, который зацѣпился въ это время якоремъ за сосну. Черезъ нѣсколько минутъ шаръ притянули къ землѣ и отвязали отъ него лошадь. Ноги бѣдной лошадки совершенно окоченѣли, такъ, что она не могла стоять и тотчасъ-же легла. Однако-же, черезъ нѣсколько времени, она опять встала и принялась щипать траву, какъ ни въ чемъ не бывалая.

Поселяне съ трудомъ удерживали шаръ, который освободясь отъ тяжести лошади, сдѣлался легче и получилъ бо́льшую стремительность.

Г. *Гэль*, отъ природы нетерпѣливый и быстрый въ движеніяхъ, командовалъ поселянами, которые съ трудомъ понимали его, потому-что онъ говорилъ по англійски. Отвязавъ лошадь,

Гэль влѣзъ въ привязанную къ шару лодку, для того, чтобы открыть клапанъ и выпустить изъ шара газъ, но этому дѣйствію помѣшалъ одинъ изъ канатовъ. *Гэль* вынулъ изъ кармана ножъ, чтобы перерѣзать мѣшавшій ему канатъ, а поселяне, вообразивъ, что ножъ обнаженъ противъ нихъ, выпустили изъ рукъ веревки Шаръ поднялся съ невѣроятною стремительностію. Якорь, который зацѣпился было за ель, вывралъ ее съ корнемъ *Гэль*, не ожидавшій этого порыва, не устоялъ на ногахъ, упалъ въ лодку и уже не вставалъ; по-крайней-мѣрѣ, слѣдившіе за полетомъ шара, не видали его послѣ этого паденія.

Шаръ пролетѣлъ довольно значительное пространство, — что случилось въ это время съ находившихся на немъ путешественникомъ — этого никто не знаетъ. Одинъ сестасскій поселянинъ утверждаетъ, что видѣлъ, какъ шаръ летѣлъ надъ еловой рощей, *Гэль* лежалъ въ это время въ лодкѣ, свѣсивъ голову и высунувъ языкъ, какъ человѣкъ задохшійся. Если это справедливо, то легко понять, что было достаточно самаго легкаго сотрясенія лодки, чтобы сбросить несчастнаго воздухоплавателя на землю. Якорь, висѣвшій на длинномъ канатѣ, могъ легко зацѣпиться за какое-нибудь дерево и покачнуть лодку, которая была устроена такимъ образомъ, что *Гэль* могъ влѣзать въ нее съ лошади, находившейся подъ ней; въ днѣ ея было сдѣлано широкое отверстіе. Находясь въ лодкѣ, воздухоплаватель опирался спиной о стѣну ея, а ноги свѣшивалъ въ отверзтіе: ясно, что при сотрясеніи онъ легко могъ потерять равновѣсіе. Сверхъ того, должно замѣтить, что онъ отправился въ свое опасное путешествіе въ нетрезвомъ состояніи, и что многіе, опасаясь за него, уговаривали его отложить полетъ до другаго раза.

Около восьми часовъ вечера нашли въ полѣ бѣлое перо, которое *Гэль* снялъ съ головы лошади, въ то время, какъ ее отвязали отъ шара, и пришпилилъ къ своей шляпѣ. Это перо послужило доказательствомъ, что *Гэль* спустился недалеко отъ того мѣста, гдѣ оно найдено. Послѣ долгихъ поискомъ нашли шаръ, вполовину уже освобожденный отъ газа и нисколько не поврежденный, но самого воздухоплавателя нигдѣ не могли отыскать. На слѣдующій день, 9 сентября, поиски также остались безъ всякихъ послѣдствій, но 10 сентября, получено

письмо отъ помѣщика *Полека*, извѣщавшее объ отысканіи тѣла несчастнаго *Гэля*.

Одинъ изъ окрестныхъ поселянъ погналъ въ этотъ день, на зарѣ, коровъ своихъ въ поле. Приблизившись къ опушкѣ лѣса, онъ замѣтилъ, что одна корова подошла къ кусту и что-то обнюхиваетъ; поселянинъ подошелъ къ ней и увидѣлъ мертвое тѣло, которое онъ принялъ сначала за спящаго человѣка. Трупъ несчастнаго воздухоплавателя былъ страшно изуродованъ: онъ лежалъ ничкомъ, руки его были изломаны и сложены на груди, животъ продавленъ, бедра совершенно вывихнуты, ноги переломлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Особенно была обезображена голова, не имѣвшая и тѣни прежняго вида своего; она была искусана собаками или какими-нибудь другими звѣрьми.

Джорджу Гэлю было сорокъ два года отъ роду; онъ родился въ Лондонѣ и служилъ лейтенантомъ въ королевско англійскомъ флотѣ. *Гэль* оставилъ послѣ себя вдову и девять человѣкъ дѣтей.

ЛЕВЪ ВЪ РЕСТОРАЦІИ Не подумайте, чтобъ мы хотѣли говорить о тѣхъ львахъ, которыми набитыя всѣ трактиры, нѣтъ, мы намѣрены разсказать вамъ о самомъ почтенномъ львѣ, о львѣ благонравномъ и умномъ, какого почти никогда не встрѣтишь въ ресторацiи, словомъ, о львѣ четвероногомъ. Продаемъ, за что купили. Если не захотите вѣрить намъ, то обвиняйте во лжи французскіе журналы. Одинъ офицеръ африканской арміи, возвратясь недавно въ Парижъ изъ Константины, привезъ съ собою льва, по имени *Эмиръ*, котораго, какъ новый Андроклъ, вездѣ водилъ съ собою, словно пуделя, на тоненькомъ шнурочкѣ. Офицеръ этотъ былъ извѣстный африканскій охотникъ, и убивъ разъ львицу, взялъ ея маленькаго львеночка и воспитывалъ у себя въ комнатѣ. Питомецъ этотъ оказалъ значительные успѣхи въ наукѣ свѣтскости и сдѣлался любимцемъ всѣхъ друзей своего хозяина, которые усердно кормили его сахаромъ и сдобными булками, когда офицеръ приходилъ съ нимъ въ кофейню Сент Антуанскаго предмѣстія. Посѣтители кофейни привыкли къ Эмиру, который также привыкъ къ нимъ, подходилъ на зовъ и клалъ свою страшную голову на колѣна зовущаго. Эмиръ позволялъ себя гладить и трепать, ласкался къ ласкавшимъ его и очень любилъ сахаръ.

Недавно офицеръ позабылъ привязать льва къ ножкѣ стола и, погруженный въ чтеніе газеты, не замѣтилъ, какъ левъ вышелъ изъ комнаты. Найдя въ другой комнатѣ поднятый трапъ, левъ спустился въ погребъ, принимая его вѣроятно за одну изъ пещеръ своего отечества. Въ это время двое слугъ разливали въ погребѣ вино и сначала не замѣтили льва; но Эмиръ, испугавшись звона бутылокъ, испустилъ глухое рычаніе. Слуги перепугались въ свою очередь, бросили бутылки, оставили бочки откупоренными, съ быстротою молніи взбѣжали по лѣстницѣ, опустили за собой трапъ, выскочили на улицу и пустились бѣжать безъ оглядки.

Скоро въ погребѣ раздался звукъ разбиваемыхъ бутылокъ и страшный ревъ. Эмиръ, чувствуя, что его заперли, пришелъ въ бѣшенство. Онъ ломилъ когтями и зубами доски трапа, который уступалъ уже его усиліямъ; посѣтители разбѣжались, а вслѣдъ за ними стали выбираться и жильцы изо всего дома. По всему околотку распространился паническій страхъ.

Между-тѣмъ офицеръ, думая, что его левъ вышелъ на улицу, отправился искать его. Тутъ встрѣтилъ онъ одного изъ обратившихся въ бѣгство, узналъ отъ него въ чемъ дѣло и поспѣшилъ освободить Эмира. Какъ скоро офицеръ поднялъ трапъ, то левъ, узнавъ своего господина, успокоился и безъ сопротивленія за нимъ послѣдовалъ. Удивительно только, какъ парижская полиція смотритъ на подобныхъ львовъ съ вострыми когтями и зубастою пастью!

—

НОВЫЙ ТРАГИКЪ НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНѢ. Со смерти незабвеннаго, геніальнаго артиста П. С. Мочалова, трагедія и драма на Московской сценѣ сиротѣли. Поэтому можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ публика бросились въ театръ, узнавъ о появленіи новаго дебютанта на трагическія роли. Дебютантъ этотъ былъ актеръ опытный, который пріобрѣлъ себѣ уже нѣкоторую извѣстность на провинціальныхъ сценахъ, именно, г. Полтавцевъ. Онъ дебютировалъ въ роли *Ляпунова*, въ драмѣ Кукольника «Князь Михаилъ Скопинъ Шуйскій». Мы еще не получили отчета объ немъ отъ нашего московскаго корреспондента, и потому, желая поскорѣе подѣлиться съ читателя-

ми пріятною новостію, заимствуемъ отзывъ объ игрѣ г. Полтавцева изъ фельетона Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей. Вотъ онъ:

«Мы вошли въ театръ въ то время, когда Ляпуновъ доканчивалъ уже первый монологъ. Не смотря на прекрасное время, театръ былъ достаточно полонъ. Зрители съ напряженнымъ вниманіемъ слушали дебютанта и наконецъ при его послѣднихъ словахъ: «О Господи! — что, если я измѣнникъ!» разразились рукоплесканіями. Второй монологъ кончился тѣмъ-же,—третій былъ прерванъ рукоплесканіями на срединѣ, по окончаніи акта послѣдовалъ троекратный вызовъ; слѣдовательно, дебютъ самый блестящій. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самомъ дебютантѣ. Онъ очень видный, высокій ростомъ мужчина, красивой наружности, обладающій прекраснымъ голосомъ. Дикція его весьма правильна, исключая небольшихъ погрѣшностей, замѣченныхъ нами въ иныхъ мѣстахъ его декламаціи. Сколько намъ извѣстно, г. *Полтавцевъ* игралъ на провинціальныхъ театрахъ, и потому въ немъ замѣтна большая привычка къ сценѣ. Однимъ словомъ, пріемъ сдѣланный ему публикою, былъ нисколько не преувеличенъ. Нѣкоторые изъ строгихъ цѣнителей замѣтили, что въ дебютантѣ мало чувства и что онъ отъ начала до конца не вышелъ изъ заранѣе-принятыхъ предѣловъ; но многія сцены показали, что если въ немъ и есть этотъ недостатокъ, то въ весьма-малой степени. Мы, съ своей стороны, скажемъ одно, что появленіе такого дарованія, какимъ оказалось дарованіе г. *Полтавцева* въ первый его дебютъ, во всякомъ случаѣ «явленіе утѣшительное». Геніи родятся вѣками, говоритъ пословица; мы думаемъ, что это можно примѣнить и къ даровитымъ актерамъ. Для болѣе вѣрной оцѣнки дебютанта, нужно время и потому мы ограничимся сказаннымъ, прибавивъ, что всѣ патетическія сцены драмы были выполнены г. *Полтавцевымъ* прекрасно.—Вызовы продолжались и въ срединѣ актовъ и по окончаніи; мы потеряли имъ счетъ.

Драма г. *Кукольника* «Князь Скопинъ-Шуйскій» обратилась у насъ какъ-бы въ пробный камень, на которомъ испытываются всѣ драматическіе таланты, и который для большей части служитъ камнемъ преткновенія. Не многимъ удавалось такъ удачно, какъ новому дебютанту, переступить этотъ камень, выходя

на обширное драматическое поприще. Говоря объ этой драмѣ, нельзя не упомянуть о заслуженной артисткѣ здѣшнихъ театровъ, г-жѣ *Львовой-Синецкой.* Многихъ Ляпуновыхъ видала уже она передъ собою, и до сихъ-поръ остается хороша, поразительно хороша въ послѣдней сценѣ, когда, при заунывныхъ пѣсняхъ сѣнныхъ дѣвушекъ, она на колѣнахъ молится объ отвращеніи угрожающей ей смерти.»

БАЛАГУРЪ.

ЛАСТОЧКА ГОРАСА ВЕРНЕ.

Если вамъ когда нибудь доведется быть въ Парижѣ, то бродя по его шумнымъ бульварамъ или пробѣгая вѣчно кипящія жизнію и дѣятельностію его предмѣстія, вы незабудьте заглянуть въ кофейню Фоа. Тамъ, въ углу потолка, прямо надъ печкою, ваше вниманіе остановитъ на себѣ черное пятнышко.... Взглядываясь въ него, вы узнаете красивенькую ласточку, нарисованную такъ искусно, что всякій малютка съ восторгомъ протянетъ ручонки къ ея чернымъ крылушкамъ, окаймленнымъ бѣлою, зубчатою полоскою. Вотъ ея исторія. Давно, очень давно, два живописца — отецъ и сынъ, равно великіе и знаменитые художники, реставрировали кофейню Фоа. Работа Карла и Гораса Верне подходила уже къ концу, какъ вдругъ первый, обращаясь къ своему сыну, сказалъ:—Бьюсь объ закладъ, что я скорѣе тебя напишу на этомъ потолкѣ ласточку. — Увидимъ, отвѣчалъ Горасъ, я утверждаю противное. Въ минуту отецъ и сынъ, схвативъ первыя попавшіяся имъ кисти, взлѣзли по двойной лѣстницѣ на помосты и чрезъ нѣсколько мгновеній двѣ красивыя, мастерски очер-

ченныя ласточки летѣли на потолкѣ кофейной.... Кто выигралъ пари и кто восторжествалъ—рѣшить намъ трудно, потому что одна изъ ласточекъ уничтожена—и вотъ какъ.... Въ 1830 и потомъ въ 1840 году во время возобновленія кофейни, потолки ея также были перекрашиваемы и, разумѣется, размашистая кисть маляра непощадила ласточекъ.... но, къ счастію, преступленіе было свершено только въ половину. Подъ безжалостною кистью маляра изчезла только ласточка Карла Верне.... Въ то мгновеніе, какъ хищный маляръ готовъ былъ мазнуть и послѣднее мнимое грязное пятно, кисть выпала изъ рукъ его и, послушный тайному голосу, молившему о пощадѣ прекрасной памяти великаго художника, онъ пощадилъ эту хорошенькую ласточку, которая цѣла еще и теперь и которую посѣтители Фоа называютъ ласточтою Гораса. Англичане причислили ее къ достопамятностямъ Парижа и, чтобы видѣть эту ласточку, непремѣннымъ долгомъ считаютъ побывать въ кофейной Фоа. Содержатель, пользуясь случаемъ, старается угощать ихъ на англійскій маперъ и окончательно привязываетъ ихъ къ своему заведенію. Говорятъ: одна ласточка весны но составляетъ, но въ этомъ случаѣ она составила препорядочный капиталъ хозяину, которому съ-тѣхъ-поръ улыбается постоянный май.

—

ИЗСТУПЛЕНІЕ КОМПОЗИТОРА.

Артисты вообще влюблены въ свои произведенія и чувствительны къ нимъ, какъ мать къ своему дѣтищу, котораго неосторожный ласкатель ухватитъ за носъ. Поэтъ искусаетъ въ кровь свои губы, если плохой чтецъ возмется декламировать его звучныя риѳмы, живописецъ готовъ, въ забытьи и досадѣ, зачернить кистью, если въ его присутствіи станутъ невпопадъ браковать его фантазію.... Композиторъ въ состояніи вырвать свои виски, вздрагивая, при каждой фальшивой нотѣ въ его изуродованной партитурѣ.... Рудольфъ Крейцеръ, авторъ «*Лодоиски*» и «*Павла и Виргиніи*», какъ нельзя больше, оправдалъ слова наши во время исполненія «*Аристипы*», одной изъ совершеннѣйшихъ его оперъ. На репетиціяхъ ея онъ выносилъ всѣ пытки, всѣ ужасы композитора и капельмейстера, поставленнаго въ жестокую необходимость бороться съ причудами и промахами артистовъ, съ заносчивою посредственностію, готовою взяться за все и ничего не сдѣлать.... Но это бы еще не бѣда—во всякомъ горѣ есть свой отдыхъ, свои утѣшенія, а у Крейцара на этотъ разъ и того не было.—Къ его

конечному несчастію, даже и самъ Лансъ, пѣвецъ опытный, прекрасный знатокъ музыки, не могъ исполнить вѣрно и отчетливо каватину перваго дѣйствія. Какъ нарочно тутъ каждый разъ ему измѣняла память и онъ то останавливался, то переиначивалъ всю мелодію. Композиторъ былъ въ совершенномъ отчаяніи, но дорожа каватиной, не рѣшался его выпустить и генеральная репетиція настала безъ всякаго успѣха.

Лансъ, желая ободрить композитора, напрягалъ свою память и при всемъ томъ въ послѣднее повтореніе каватины, едва не забылся, и только судорожное движеніе палочки композитора заставило его опомниться. По окончаніи репетиціи, Крейцеръ убѣдительно просилъ Ланса не осрамить его и заучить это страшное мѣсто. Лансъ обнадеживалъ, успокоивалъ и обѣщалъ сдѣлать все, отъ него зависящее.

Насталъ день представленія. Томимый муками ожиданія, Крейцеръ первый явился къ своему посту. Отчетливо исполненныя увертюра и хоръ интродукціи, ободрили нѣсколько композитора. Вотъ началась партія Ланса. Дрожа и задыхаясь отъ волненія, Крейцеръ судорожно сжималъ свою палочку и, съ замирающимъ сердцемъ, едва переводя духъ, вслушивался въ модуляціи Ланса, вперивъ въ него пылающій взоръ.... И—о, ужасъ! Пѣвецъ, забывъ предостереженія Крейцера, сфальшивилъ и прямо затянулъ мотивъ втораго дѣйствія....

Несчастный не выдержалъ. Бросивъ свой жезлъ, забывая все и всѣхъ, онъ въ исступленіи сорвалъ съ головы своей парикъ и швырнулъ имъ въ забывчиваго пѣвца. «Бездѣльникъ!» вскричалъ, въ полномъ смыслѣ, опростоволосившійся Крейцеръ, развѣ я не предостерегалъ тебя! Ты доконалъ меня, злодѣй! При видѣ обнаженнаго темя капельмейстера, его жалкаго лица, его комическаго отчаянія, Лансъ забылъ всю важность своей роли и покатился со смѣху. Въ то же мгновеніе весь театръ разразился неистовымъ смѣхомъ и эта курьезная сцена совершенно обезоружила публику. Пьеса прошла шумно и весело, а во второе представленіе, вслѣдствіе этой импровизованной Крейцеромъ сцены, имѣла огромный успѣхъ. Публика, желая видѣть повтореніе смѣшнаго отчаянія капельмейстера, сбѣгалась толпами въ театръ, но опера уже шла превосходно и Лансъ твердо зналъ партію и пѣлъ ее отлично. Если успѣхъ Крейцера висѣлъ на волоскѣ, то можно сказать, что онъ завоевалъ его цѣлымъ парикомъ.

—

НЕ ЗНАЕШЬ, ГДѢ НАЙДЕШЬ, ГДѢ ПОТЕРЯЕШЬ!

Весельчакъ, французъ Гино, разсказалъ недавно анекдотъ, который вполнѣ оправдываетъ русскую пословицу. «Какой-то господинъ, отставной рубака F**, человѣкъ чрезвычайной смѣлости, всегда и во всякое время готовый на опасность, лишь-бы только она была, лишенный въ послѣднее время любимыхъ битвъ и дуэлей, изъ которыхъ онъ выходилъ всегда цѣлъ и невредимъ, рѣшился однажды подняться на воздушномъ шарѣ. Совершенно незнакомый съ дѣломъ аэростатики и не умѣя управлять шаромъ, онъ только поверхностно распросилъ объ этомъ у знатоковъ — и ввиду своихъ друзей поднялся на воздухъ.... Земля уже начинала изчезать подъ нимъ, городъ казался горстью разсыпанныхъ грецкихъ орѣховъ, друзья — муравьями. F**, наслаждался своимъ подвигомъ и чудеснымъ зрѣлищемъ. Вдругъ одна изъ веревокъ, прикрѣплявшихъ къ шару лодку, перемѣнивъ направленіе, запуталась и покачнула лодку. F**. не измѣняя своему геройскому хладнокровію, быстро схватился за другую веревку, по ней смѣло поднялся до сѣтки, окружавшей шаръ, потомъ до самаго шара, распуталъ веревку и тѣмъ-же путемъ, съ тѣмъ-же безстрашіемъ возвратился въ лодку, приведенную въ надлежащее положеніе, но въ тоже время онъ замѣтилъ, что мало-по-малу орѣхи стали превращаться въ домы, а муравьи въ людей и смѣлый воздухоплаватель едва не упалъ въ объятія друзей своихъ.... Тѣмъ не кончилось: послушайте, какъ непрочно счастіе человѣческое... Желая отпразновать счастливое возвращеніе F**, друзья задали ему великолѣпный пиръ, на которомъ веселый воздухоплаватель, столько же смѣлый съ бутылками, какъ съ людьми и стихіями, желая откупорить бутылку шампанскаго, принялся за неизбѣжную въ такомъ случаѣ операцію. Такъ-же хладнокровно перерѣзалъ онъ веревки, придерживающія пробку, какъ когда-то рѣзалъ враговъ своихъ и также хладнокровно готовъ былъ приставить къ закраинѣ пробки ноготь своего большаго пальца.... но въ эту минуту пробка свистнула и врѣзалась въ правый глазъ смѣльчака.... Онъ окривѣлъ на всю жизнь. Странное дѣло, для того ли счастіе сохранило шею F** подъ облаками, чтобы выколотить ему глазъ на землѣ?.. Вотъ ужъ подлинно не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь!

—

БЛАГОДАРНОСТЬ СКУПЦА.

Когда Мальтусъ издалъ свою книгу: «Essay of population», гдѣ доказывалъ необходимость бѣдности и вредъ большаго народонаселенія, всѣ скупые англичане обрадовались и многіе изъ нихъ приходили благодарить Мальтуса. Въ то время жилъ въ Лондонѣ Плугъ - Пульшеней, знаменитѣйшій скупецъ, о которомъ Буркъ сказалъ: Пульшеней получилъ еще милліонъ барыша, теперь вѣрно купитъ себѣ носовой платокъ и перестанетъ сморкаться въ тряпицу». Этотъ Пульшеней долго придумывалъ средство обойтись безъ башмаковъ и рубашки.... И каково-же было изумленіе Мальтуса, когда однимъ утромъ и Пульшеней явился къ нему. «Въ знакъ благодарности за книгу вашу, прошу у васъ позволенія, сказалъ Пульшеней, подарить вамъ 1,000 гиней». При этомъ онъ положилъ на столъ билетъ въ 1,000 гиней и удалился, не слушая возраженій изумленнаго Мальтуса.

Молодой, промотавшійся повѣса, поспорилъ въ кругу пріятелей, что онъ пообѣдаетъ на счетъ скупаго Плугъ-Пульшенея, который изъ экономіи и самъ-то обѣдалъ едва-ли не черезъ день. — «Я пришелъ къ вамъ, сэръ, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать вамъ предложеніе, отъ котораго вы пріобрѣтете 25,000 фунтовъ стерлинговъ», сказалъ молодой человѣкъ, являясь на другой день къ Пульшенею, около обѣденнаго время.... «Но, впрочемъ извините.... вы, кажется, сбираетесь обѣдать, продолжалъ онъ, не хочу мѣшать вамъ, я зайду чрезъ полчаса». — О, вѣтъ, вскричалъ скряга; прошу покорно откушать со мною. Онъ разсчиталъ, что накормить обѣдомъ и получить за это 25,000 фунтовъ стерлинговъ, вовсе не потеря. Гость и хозяинъ пообѣдали.—Ну, почтеннѣйшій, теперь я васъ слушаю.... говорите, говорите вашу умную рѣчь, сказалъ нетерпѣливый скупецъ. «Извольте, она коротка.... Вы даете за вашею дочерью 50,000 фунтовъ стерлинговъ приданаго? — Да, это правда. — «Такъ я готовъ на ней жениться и взять только половину, остальная достанется вамъ даромъ.»

—

Два барышника встрѣтились на рынкѣ. Одинъ продавалъ попугая, другой индюка. — Дорогонько просишь за свою птицу, замѣтилъ послѣдній; моя и больше, да и пожирнѣе, а я не такъ дорожусь. — «Да, вѣдь пріятель — моя говоритъ.— «Ну, что жъ.... а моя думаетъ.... а кто много говоритъ, да мало думаетъ, въ томъ проку мало.»

—

«Чѣмъ ты не доволенъ, говорила мужу жена, ни одно семейство не живетъ согласнѣе насъ, никогда сердца не понимали другъ друга лучше нашихъ.... Самъ посуди, у насъ даже одно желаніе: ты хочеть всѣмъ распоряжаться, и я тоже».

—

Говорить много и хорошо даръ—умнаго; говорить мало и хорошо—даръ мудраго; говорить много и дурно—порокъ фата; говорить мало и дурно—признакъ глупца.

—

Знаменитый англійскій актеръ Гаррикъ присутствовалъ на одномъ изъ представленій французскаго театра. Замѣтя, что главная актриса, послѣ самыхъ ужасныхъ проклятій, приходила въ прежнее хладнокровіе и спокойно смотрѣла на зрителей, онъ вскричалъ: «Вотъ добрая душа, она бранится, да по-крайней мѣрѣ не сердится!»

—

Сынъ Британіи, только что пріѣхавшій во Францію, обѣдалъ за общимъ столомъ въ трактирѣ. Одинъ изъ посѣтителей въ разговорѣ сказалъ, что ножъ его рѣжетъ, какъ бритва. Альбіонецъ не понялъ слова и обратился къ своему сосѣду за объясненіемъ. «Какъ бритва, значитъ—очень хорошо», отвѣчалъ ему сосѣдъ.— Довольный отвѣтомъ британецъ затвердилъ выраженіе и, на другой день, явясь съ визитомъ къ знакомый дамѣ, на обыкновенное привѣтствіе — какъ ваше здоровье? сказалъ:» О сударыня! Я здоровъ какъ бритва!

—

Одинъ помѣщикъ очень хвалилъ колоколъ, который купилъ для своей сельской церкви, за довольно дешевую цѣну. — «Ну, что тутъ удивительнаго, сказалъ сосѣдъ его, страшный хвастунъ, вотъ я такъ разъ купилъ колоколъ въ сорокъ пудовъ и всего заплатилъ за него тридцать цѣлковыхъ.» — Помилуйте, возразилъ хозяинъ, какъ это возможно, да одинъ металлъ дороже стоитъ, если его купить въ лавкѣ.—«Да, въ лавкѣ, подхватилъ хвастунъ, но я вѣдь купилъ его у *носящаго.*»

—

— Который часъ? спросилъ прохожій подъ вечеръ у рабочаго. — «А кто его знаетъ, баринъ, отвѣчалъ работникъ: поговаривали давича утромъ, что долженъ быть часъ десятый.»

—

Одинъ молодой человѣкъ объявилъ, что онъ, въ нѣсколько минутъ, за три рубли серебромъ, каждаго, даже неимѣющаго понятія о живописи, выучитъ отлично снимать портреты. Нашлось много охотниковъ; одни изъ любопытства, другіе изъ желанія вы-

учиться этому завидному искусству, бросились къ нему. Въ назначенный часъ, молодой человѣкъ встрѣчаетъ своихъ посѣтителей въ довольно бѣдной комнаткѣ, собираетъ съ нихъ деньги, и потомъ, подходя къ висящему на стѣнѣ портрету, говоритъ: «Господа, чтобы хорошо снимать портреты, должно сперва взять ихъ обѣими руками снизу, потомъ осторожно приподнять и тихонько опустить на полъ или на стулъ. Такимъ образомъ любой портретъ будетъ снятъ въ двѣ минуты. Для отвращенія-же порчи золоченыхъ рамъ, совѣтую надѣвать чистыя перчатки, или обертывать руки полотенцемъ.»—Затѣмъ учитель раскланялся и ушелъ.

—

Помѣщикъ писалъ къ своему старостѣ, требуя свѣденій о крестьянинѣ Петрѣ Ивановѣ.

Староста отвѣчалъ слѣдующее:

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь-батюшка
Андрей Степанычъ.

Имѣю счастіе донести вашей милости, что по приказу вашему наводилъ я справки о крестьянинѣ сельца Сивой Горки, Петрѣ Ивановѣ и доношу нижеслѣдующее: крестьянинъ Петръ Ивановъ, какъ значится въ нашихъ книгахъ, 7 мая, 1817 года, вступилъ въ первый законный бракъ съ дочерью десятскаго Антона, Степанидой, а 6 Іюля, 1830 года умеръ. Но когда сей, вышеупомянутый крестьянинъ Иванъ Петровъ родился, и точно-ли родился, — о томъ неизвѣстно.

Вашего Высокоблагородія
Милостивца и благодателя моего
нижайшій рабъ
Еремѣй Никитинъ.

—

РАЗГОВОРЫ.

Баринъ. Это ты, Иванъ?

Лакей. Точно такъ, сударь.

Баринъ. Хорошо. А въ которомъ часу ты вчера воротился домой?

Лакей. Въ двѣнадцатомъ съ.

Баринъ. Въ двѣнадцатомъ? А я отпустилъ тебя только до девяти.

Лакей. Извините, сударь, виноватъ.

Баринъ. Ну, ладно, любезный; я научу тебя аккуратности, и какъ честный человѣкъ говорю, до-тѣхъ-поръ не отпущу тебя со двора, покуда ты не будешь возвращаться въ назначенное время.

—

— А, здравствуйте. Какъ поживаете?

— Слава Богу.

— Супруга ваша?

— Приказала кланяться.... Но, позвольте спросить: съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— Будто вы не узнаете? Я Климъ Иванычъ Рапортичкинъ.

— Ну, скажите, а я и не узналъ; но кто-же изъ васъ умеръ,— вы или вашъ братецъ?

—

— Эй, послушайте, Ардальонъ Петровичъ!

— А, любезный другъ, я васъ и не замѣтилъ.

— Куда вы это такъ торопитесь?

— А вотъ, иду сюда, въ трактиръ. Смерть захотѣлось поѣсть ветчины съ картофелемъ.

— Такъ пойдемте лучше обѣдать ко мнѣ. У меня сегодня какъ нарочно тоже самое кушанье, только безъ ветчины.

—

СЦЕНА ВЪ ПАССАЖѢ.

(*Господинъ Пятачковъ, засунувъ руки въ карманы, медленно прохаживается внутра Пассажа, останавливаясь, по временамъ, то у одного, то у другаго магазина; посвистываетъ и разсматриваетъ выставленные товары.*)

Пятачковъ. Фу, ты пропасть! Со всѣмъ не видать хорошенькихъ! Какъ на смѣхъ ни одна не показывается. Ба, ба, ба! Да никакъ это madame Prostokwaschine.... и съ дочкой.... Такъ и есть! Пройдусь-ка съ ними по Пассажу. Въ старые годы я не разъ у нихъ обѣдывалъ, авось пригласятъ по

старой памяти...? Гм! гм! А! Это вы, mesdames? Какой пріятный случай! Давно-ли вы въ Петербургѣ?

Матушка. Всего двѣ недѣли.

Пятачковъ. Какъ провели время въ деревнѣ?

Матушка. Превесело.

Пятачковъ. Какъ вы находите нашъ Пассажъ?

Матушка. Мы только-что вошли; не успѣли еще осмотрѣть.

Дочка. Опять этотъ неносный Пятачковъ! У него особенный даръ попадаться всегда на встрѣчу!

Пятачковъ. (Гм! Mlle. Prostokwaschine что-то нѣжно на меня посматриваетъ. Это нужно принять къ свѣденію; вѣроятно собирается пригласить къ обѣду).—И такъ, вы, я надѣюсь, позволите мнѣ быть вашимъ чичероне?

Матушка. Ахъ, сдѣлайте одолженіе.

Пятачковъ. Такъ не угодно ли вамъ идти впередъ. Вотъ здѣсь, направо, магазинъ мужскихъ платьевъ Кана.

Матушка. Скажите, пожалуйста!

Пятачковъ. Точно такъ. Здѣсь Дарзансъ; а вотъ тутъ кандитерская Пазетти, которая славится своими пирожками. (Вѣрно сей-часъ пригласитъ обѣдать). И точно; удивительные пирожки! Они уступятъ развѣ только тѣмъ, которыя я какъ-то кушалъ у васъ. (Вотъ сію минуту).

Матушка. Неужели?

Пятачковъ. (Она, кажется совсѣмъ и не думаетъ, это странно!)

Дочка. А скажите, мосье Пятачковъ, что это за стекла въ полу!

Пятачковъ. Это окна, въ которыя проходитъ свѣтъ въ туннель, то-есть, въ подвалъ.

Матушка. А что же тамъ, въ подвалѣ-то?

Пятачковъ. Тамъ? О, тамъ помѣщается ресторація, подъ названіемъ «Русскій съѣстной базаръ» и кромѣ того множество пирожныхъ лавокъ. (Сейчасъ, по поводу базара и пирожниковъ разговорится и непремѣнно позоветъ меня къ обѣду).

Матушка. Скажите! Да это преоригинально!

Пятачковъ. (Нѣтъ; это ужъ изъ рукъ вонъ! Что за упрямая женщина, и тутъ не приглашаетъ!)

Дочка. Вамъ, конечно, извѣстно, для чего устроены эти мостики?

Пятачковъ. О, разумѣется.... (*улыбаясь и любезничая*). Вотъ извольте видѣть. Въ торжественные дни, здѣсь будутъ большія гулянья. Изо всѣхъ петербургскихъ жительницъ выберутъ самыхъ прекрасныхъ и любезныхъ дамъ и дѣвицъ; помѣстятъ ихъ

на мостикахъ и онѣ будутъ оттуда осыпать цвѣтами гуляющихъ.

Дочка. Ахъ, какъ это будетъ мило!

Пятачковъ. И вы, безъ всякаго сомнѣнія, будете выбраны первая изъ числа *самыхъ прекрасныхъ и самыхъ любезныхъ* барышенъ.... (Если и тутъ не пригласятъ, такъ это будетъ ужъ и не знаю что такое!)

Дочка. Ахъ, какой вы шутникъ, мосье Пятачковъ!

Пятачковъ. (И только! Нѣтъ, голубушки, вы отъ меня такъ не отдѣлаетесь!) А гдѣ вы остановились?

Матушка. На прежней квартирѣ.

Пятачковъ. То-есть, въ Шестилавочной? Славная квартира! Столовая просторная, свѣтлая и кухня своѣмъ всторонѣ, нисколько не пахнетъ кушаньемъ.

Матушка. Да, грѣхъ пожаловаться! (*Молчаніе.*)

Пятачковъ. Славная нынче у насъ погода?

Матушка. Да, тепло-таки.

Пятачковъ. Вы отсюда куда отправляетесь? (А! вотъ оно!)

Матушка. Разумѣется домой; послѣ обѣда думаемъ поѣхать на Минеральныя Воды.

Пятачковъ. Однѣ?

Матушка. Нѣтъ; со знакомыми. (*У выхода.*)

Пятачковъ. И такъ прощайте, mesdames!

Дочка. Куда-жъ вы это? Пойдемте съ нами.

Пятачковъ. (Наконецъ-то; давно-бы кажется пора).

Матушка. Да; проводите насъ, пожалуйста, только до омнибуса; мы васъ не задержимъ.

Пятачковъ (Нѣтъ; это ужъ ни на что не похоже! Что за мѣдный лобъ эта madame de Prostokwaschine!)

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 8.

ЛЕВЪ И ЛЬВИЦА.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

СОЧИНЕНІЕ

Н. Я. ЯКОВЛЕВСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:	АКТЕРЫ:
Олимпіада Леонидовна Пантерина.	*Г-жа Громова.*
Иванъ Григорьевичъ Снѣжковъ.	*Г-нъ Прусаковъ.*
Алевтина Васильевна, жена его.	*Г-жа Волкова 1.*
Ѳедоръ Степановичъ Мордашко, управляющій имѣніемъ графа Холмогорскаго.	*Г-нъ Каратыгинъ 2.*
Саша, горничная г-жи Пантериной.	*Г-жа Славина.*
Гриша Васильковъ, камердинеръ графа Холмогорскаго.	*Г-нъ Марковецкій.*

Дѣйствіе происходитъ на Каменномъ Островѣ, на дачѣ г-жи Пантериной.

Театръ представляетъ богато-убранную комнату. Среднія двери въ садъ. Двери по обѣимъ сторонамъ на авансценѣ. На правой сторонѣ ширмы и возлѣ нихъ козетка и кресла. На лѣвой сторонѣ открытое окно, изъ котораго видны деревья.

I.

САША, одна, у окна.

Наконецъ догадался и ушелъ. Ужъ барышня давно замѣтила, что онъ безпрестанно прогуливается мимо нашего дома. Но она и не подозрѣваетъ, что я съ нимъ знакома и прочу его себѣ въ мужья.... Онъ ей показался бариномъ.... Правду сказать, мой Гриша настоящій графчикъ !.... Такой ужъ щеголь.... Ужасть, какой франтикъ! Ну, да вѣдь не мудрено: онъ первый камердинеръ графа !.... Но куда дѣвался нашъ Ѳедоръ Степанычъ ?.... Вчера не былъ, да вотъ и теперь не ѣдетъ, и барышня его ожидаетъ..... верховыя лошади давно уже стоятъ у воротъ. Не раздумалъ-ли онъ женится на нашей барышнѣ.... Чего добраго !.... Вѣдь она у насъ совсѣмъ стала не похожа на барышню. Просто гусаръ!.... трудно будетъ съ ней ладить мужу.... А бѣда, если Ѳедоръ Степанычъ не женится на ней.... тогда и намъ не видать красной доли.... (*Смотритъ въ окно.*) Кто-то подъѣхалъ-.... Это онъ !... Когда только рѣшится барышня пойти съ нимъ подъ вѣнецъ.... а ужъ право, давно бы ей пора-- — авось тогда перестанетъ дурачиться.... Впрочемъ, тогда мнѣ до того не будетъ болѣе дѣла....

—

II.

МОРДАШКО И САША.

Мордашко (*съ хлыстикомъ въ рукахъ*). Здравствуй, Саша.... Ну что, Олимпіада Леонидовна вѣроятно ждетъ меня ?....

Саша. Какъ-же-съ, и вчера васъ долго дожидались....

Мордашко. Нельзя было.... графъ задержалъ.... Такъ стало быть она вчера не скакала верхомъ? не съ кѣмъ было ?....

Саша. Нѣтъ съ, ѣздили однѣ....

Мордашко. Какъ ?.... одна верхомъ.... безъ никого ?....

Саша. Да-съ, совершенно однѣ и часа три прогуливались....

Мордашко. Гмъ ! одна верхомъ !.... (*Про себя.*) Глупая баба, нечего сказать ! шальная какая-то ! Да заводы-то у этой дуры чудные, да три дома въ Тамбовѣ огромные, съ лавками.... все ея отецъ набарышничалъ....

Саша. Барыня теперь въ саду, стрѣляетъ въ цѣль.... Прикажете доложить, что вы пріѣхали? Лошади давно уже стоятъ у воротъ.

Мордашко. Видѣлъ, видѣлъ я этихъ проклятыхъ лошадей.... ужъ эта мнѣ верховая ѣзда! Отъ роду никогда не садился на лошадь, а теперь изволь каждый день съ ней скакать, какъ угорѣлый, того и смотри, что простишься съ головой.... Добро-бы еще ѣздила шагомъ, тихонько.... а то мчится какъ пожарный.... а я за ней.... срамъ да и только! И то его сіятельство замѣтилъ насъ.... «Вы, говоритъ шалунъ, Ѳедоръ Степанычъ.... съ вольтижеркой шашни завели!»... (*Про себя,*) Бѣшеная дѣвица.... заводы-то у нея.... (*Вслухъ.*) Ну, что дѣлала вчера, послѣ прогулки, Олимпіада Леонидовна?

Саша. Сидѣли весь вечеръ у этого окна и курили папиросы,

Мордашко. У окна? А кто живетъ напротивъ васъ? Нѣтъ-ли у васъ сосѣда.... франта какого нибудь.... модника.... льва, какъ они себя величаютъ? Пожалуй, не сама Олимпіада Леонидовна, такъ состояніе ея какъ разъ соблазнитъ какого нибудь голенькаго львенка.... здѣсь-же на островахъ они бродятъ цѣлыми стадами.

Саша (*смѣясь*). Не знаю.... можетъ быть я ошиблась.... но мнѣ право показалось.... ха! ха! ха!

Мордашко. Что? что такое? Олимпіада Леонидовна замѣтила кого нибудь?.... влюбилась въ франтика?.... Надо ей нанимать дачу на Каменномъ островѣ! куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней! а все это Снѣжковы сводятъ ее съ послѣдняго ума!... Но говори, говори, что тебѣ показалось?

Саша (*продолжая смѣяться*). Влюбилась, можетъ быть не влюбилась.... а знаете такъ, не много, и въ кого?.... въ моего жениха.... въ Гришу Василькова, камердинера вашего графа. Онъ вчера, поджидая меня, все ходилъ мимо нашего дома, а барышня взяла на свой счетъ.. . Она приняла его за влюбленнаго въ нее.... Онъ ей очень понравился и она назвала его какимъ-то звѣремъ.... и приказала мнѣ разузнать объ немъ.... А мнѣ было такъ смѣшно.... ха! ха! ха!....

Мордашко. Ну да! ну да!.... это такъ.... принарядился лакей, а ей показался чортъ знаетъ какимъ гоголемъ!.... (*Про себя.*) Пора мнѣ ее завербовать.... не то — плохо будетъ.... заводы у нея славные...

Саша. Ужъ я не дождусь той мунуты, Ѳедоръ Степанычъ, когда вы женитесь на Олимпіадѣ Леонидовнѣ, потому что мы надѣемся.... вы обѣщали....

Мордашко. Что обѣщалъ, то будетъ. Ты только, душенька, продолжай быть на моей сторонѣ. Женюсь, выхлопочу твоему Гришѣ у графа позволеніе, а Олимпіаду Леонидовну уговорю дать тебѣ приданое за твою службу.... (*Звонятъ*).

Саша. Барышня возвратилась изъ саду.... зоветъ меня... (*Убѣгаетъ.*)

—

III.

МОРДАШКО.

Вотъ другой, а не я, и не подумалъ-бы жениться на такой взбалмашной.... а я такъ совсѣмъ не прочь, напротивъ, только того теперь и домогаюсь.... потому что ничего такъ не люблю, какъ сложеніе и умноженіе, и ничего такъ не убѣгаю, какъ вычитанія и дробленія.... За то, теперь-таки есть за душой копѣечка, а давно-ли, того, прибылъ въ Петербургъ въ протертыхъ, съ позволенія сказать.... За то мы въ высшій кругъ не стремимся, мы люди простые.... Важные люди имѣнія да домы сбываютъ, а мы, маленькіе, благопріобрѣтаемъ ихъ.... ха! ха! ха!.... А вотъ и моя очаровательница, въ полномъ вооруженіи.... Придется мнѣ проскакать сегодня десятокъ верстъ.... Но, покуда нечего дѣлать.... поскачу не много, за то и она, голубушка, поскачетъ, когда выйдетъ за меня.... Но теперь смиреніе и покорность.

—

IV.

МОРДАШКО и ОЛИМПІАДА ЛЕОНИДОВНА, въ амазонскомъ платьѣ, съ хлыстомъ и куритъ папиросу.

Мордашко. Олимпіада Леонидовна!

Пантерина (*подходя къ окну*). А, это вы!.... Здравствуйте, Ѳедоръ Степанычъ.... (*Смотря въ окно.*) Нѣтъ.... его нѣтъ... я всю ночь его видѣла во снѣ.... онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе.... я чувствую, что неравнодушна къ нему....

Мордашко. Погода прекрасная!.... (*Про себя.*) Она что то все поглядываетъ въ окно....

Пантерина. Что-же вы не пріѣзжали вчера?.... а?

Мордашко. Графъ удержалъ....

Пантерина. А я безъ васъ сдѣлала славную прогулку на моемъ Малекъ-Аделѣ.... Чудный жеребецъ! я отъ нея безъ ума.... покуда я къ нему одному только чувствую привязанность....

Мордашко. Зачѣмъ я не вашъ Малекъ-Адель, Олимпіада Леонидовна? когда вы рѣшитесь наконецъ осчастливить меня?... Когда настанетъ та блаженная минута....

Пантерина (*продолжая смотрѣть въ окно*). Вы опять за старое.... все объ женитьбѣ.... надоѣли.... (*Про себя.*) Кто-бы онъ былъ?.... О, непремѣнно человѣкъ высшаго круга!.... я не могу ошибаться ... (*Вслухъ.*) Скажите, правда, что вашъ графъ красавецъ.... что отъ него всѣ женщины безъ ума?

Мордашко. Молодъ, красивъ и богатъ.... такъ конечно не онъ гоняется, а за нимъ....

Пантерина. Вы должны меня съ нимъ познакомить.... онъ-же здѣсь близко живетъ....

Мордашко. Онъ уже обѣщался мнѣ быть на нашей свадьбѣ....

Пантерина. Не объ свадьбѣ теперь рѣчь.... (*Про себя.*) Что если *онъ* и есть графъ!.... И онъ предпочелъ меня всѣмъ другимъ женщинамъ!

Мордашко. Клянусь вамъ, Олимпіада Леонидовна, что я только и живу одной надеждою, что когда-нибудь вы будете мнѣ принадлежать....

Пантерина. Что такое? принадлежать?... вамъ принадлежать! Развѣ мы живемъ въ Африкѣ, въ Австраліи? Скажите, развѣ мы здѣсь на дикомъ островѣ?

Мордашко. Нѣтъ на Каменномъ....

Пантерина. Вамъ принадлежать? Неуже-ли вы думаете, что дѣвушка, выходя замужъ, дѣлается принадлежностью мужа? Не надѣйтесь, съ подобными мыслями, быть моимъ мужемъ.... вы вандалъ!

Мордашко. Извините, простите, я не такъ выразился.... такъ съ языка сорвалось.... (*Про себя.*) О дура, дура! заводы-то у нея....

Пантерина. Вы, кажется, никогда не читали Жоржа-Занда?

Мордашко. Нѣтъ, не случалось.... нѣтъ времени....

Пантерина. Что-же вы читаете?

Мордашко. Болѣе о сельскомъ хозяйствѣ.... Полицейскія Вѣдомости....

Пантерина. Ха! ха! ха! И вы хотите быть моимъ мужемъ?... Какъ же вы съ вашими мыслями покажетесь въ высшій кругъ? Снѣжковы и тѣ будутъ смѣяться, когда узнаютъ....

Мордашко. Олимпіада Леонидовна.... полноте.... Къ чему намъ садиться не въ свои сани.... Намъ-ли съ вами лѣзть въ большой свѣтъ?... (*Всторону*) изъ мучнаго лабаза.

Пантерина. Не вамъ, конечно.... но я.... Я теперь ни въ какомъ другомъ и дышать не могу. Неужели я могу рѣшиться уда-

литься отъ большаго свѣта? Ужъ не думаете ли вы, что я уѣду въ вашу деревню, начну тамъ съ вами солить огурцы?... я.... львица! (*Подходитъ снова къ окну и смотритъ въ него въ продолженіе слѣдующей рѣчи Мордашко.*)

Мордашко. Выслушайте меня, Олимпіада Леонидовна. Вы знаете, я вашъ давнишній, старинный другъ. Внемлите моимъ словамъ. Вѣдь я управляю также и вашими заводами, и повѣрьте мнѣ, если вы будете продолжать такъ жить, какъ теперь, то года черезъ два, ваши заводы и домики, какъ разъ продадутся съ публичнаго торга. Я знаю, что вы болѣе вѣрите, чѣмъ мнѣ, вашимъ новымъ знакомымъ Снѣжковымъ. Ну, что они за примѣръ вамъ? Они мелкіе дворянчики. Лезутъ изо всѣхъ своихъ крошечныхъ силъ въ знать, а самимъ скоро ѣсть нечего будетъ. Вотъ и вы пустились подражать имъ. Наняли дачу на Каменномъ островѣ, завели десятокъ лошадей, сорите деньгами.... Чѣмъ-же все это кончится? Не лучше-ли намъ съ вами отправиться въ Тамбовъ, куда я по порученію графа самъ скоро ѣду, да заняться тамъ хозяйствомъ? Позвольте мнѣ также вамъ откровенно сказать.... Хотя вы и дѣвушка совершеннолѣтняя, совершенно совершеннолѣтняя.... но все-таки, право.... негодится-же вамъ.... ну, напримѣръ.... хоть скакать безпрерывно на лошади.... курить.... стрѣлять.... Ну, однимъ словомъ, куралесить, какъ только прилично молодому юнкеру.... право такъ!...

Пантерина (*смѣется*). Ха! ха! ха! Вы просто жалки, Ѳедоръ Степанычъ.... Вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о современной женщинѣ!... Вы не въ состояніи понять требованія души женщины эманципированной.... женщины, не уступающей ни въ чемъ мужчинѣ, но сердце которой есть прибѣжище избраннымъ ея души... Скажите, были-ли вы когда-нибудь влюблены?

Мордашко. Помилуйте!... да развѣ вы не знаете?... вотъ уже будетъ лѣтъ пять, какъ я открылся вамъ въ моей любви.... это еще было въ Тамбовѣ.

Пантерина. Положимъ, что вы точно влюблены въ меня.... но могу-ли я отвѣчать на вашу любовь? Могутъ-ли гармонировать между собой требованія моей души съ вашими?... Я женщина съ сильными чувствами.... готовая на всѣ роды любви и жаждущая испытать всѣ сердечныя тревоги сердца, испить до дна поэзію жизни.... Могу-ли я быть вамъ понятна?

Мордашко. Какъ-же, понимаю-съ.... понимаю.... (*Про себя.*) Замолола чепуху, начитанная дура!...

Пантерина. Вы понимаете меня?... Ха! ха! ха! выучите прежде наизусть всѣ сочиненія Занда....

Мордашко. Выучу.... непремѣнно выучу.... (*Про себя.*) На все готовъ.... только бы прибрать къ своимъ рукамъ ея заводы....

Пантерина. Берегитесь! Покуда вы будете собираться читать, я найду, а быть можетъ, уже и нашла, человѣка высшаго общества, которому не такъ будетъ трудно, какъ вамъ, добраться до сокровища моего сердца....

Мордашко (*про себя*), Она, кажется, намѣкаетъ на графскаго камердинера....

Пантерина. Но у меня разболѣлась голова отъ нашего пошлаго разговора.... Мой Малекъ-Адель вѣроятно ржетъ отъ нетерпѣнія.... Ѣдемъ....

Мордашко. И вы говорите, что я не умѣю любить васъ? Какой чортъ заставилъ-бы меня скакать на лошади, если не любовь моя къ вамъ.... (*про себя*) и не випокуренные заводы... (*Вслухъ.*) Вы не можете представить, какое для меня всегда тягостное мученіе догонять васъ на лошади....

Пантерина. Не тревожьтесь.... я подумала объ васъ.... сегодня вы сядете на самую смирную лошадь.... я велѣла для васъ осѣдлать старую Машку....

Мордашко. Какова у нея рысь?... рысь — это главное дѣло.... Спокойная рысь? (*Надѣваетъ перчатки.*)

Пантерина. Боже мой! Что это вы себѣ надѣтаете на руки?

Мордашко. Перчатки.

Пантерина. Это перчатки? Просто кучерскія рукавицы. Нѣтъ, изъ васъ никогда не будетъ порядочнаго чоловѣка.... (*Уходя, про себя.*) И я чуть не рѣшилась выйти за него.... впрочемъ.... во всѣхъ романахъ Жоржа Занда героини имѣли мужьями подобныхъ чурбановъ... (*Вслухъ.*) Я готова....

Мордашко (*слѣдуя за ней.*) Я также.... Олимпіада Леонидовна.... я также.... (*Про себя.*) Нечего дѣлать, надо теперь скакать по ея дудкѣ, но за то потомъ.... потомъ.... (*Уходятъ въ среднія двери.*)

—

V.

САША, выбѣгаетъ изъ боковыхъ дверей и подбѣгая къ окну.

Уѣхала наконецъ!... Теперь я могу поговорить съ моимъ Гришею.... Гдѣ онъ?... (*Смотря въ окно.*) Вишь, какъ барышня-то поскакала!... а Ѳедоръ Степанычъ за ней, какъ съ молокомъ.... А вотъ и мой голубчикъ! (*Дѣлая знаки.*) Сейчасъ.... я приду.... Онъ

идетъ сюда.... вошелъ въ садъ.... Ахъ! онъ смѣльчакъ какой!.. да вѣдь какимъ бариномъ.... Побѣгу къ нему на встрѣчу.... (*Бѣжитъ къ среднимъ дверямъ и встрѣчается съ Васильковымъ.*)

—

VI.

САША И ВАСИЛЬКОВЪ.

Васильковъ. Ты здѣсь одна, Саша?

Саша. Одна, одна.... ничего, не бойся.... войди. Вчера мнѣ неудалось съ тобой повидаться....

Васильковъ (*цѣлуя ее*). Здравствуй, моя милая пташечка... Отчего ты не выходила вчера ко мнѣ?...

Саша. Нельзя было. Барышня весь вечеръ не отходила отъ этого окна.... а все ты виноватъ.... видишь ли, ты ей очень понравился и она вообразила, что и она тебя прельстила....

Васильковъ. Въ самомъ дѣлѣ?... Да точно.... я чуть ее не принялъ за парикмахерскую куклу.... всѣми средствами хотѣлъ отогнать ее отъ окна.... наконецъ, даже рѣшился остановиться и смотрѣть на нее въ лорнетъ, но и это не помогло, она все-таки продолжала глядѣть на меня и выпускать дымъ изо рта....

Саша. Да какъ не засмотрѣться на такого красавчика, какъ ты.... вѣдь настоящій баринъ.... просто, щеголь съ Невскаго Проспекта!... а это что-то у тебя новенькое.... на что́ это у тебя виситъ стеклышко?

Васильковъ. Это, душенька, графъ мнѣ подарилъ... Вотъ видишь-ли, онъ замѣтилъ, что всякая сволочь начала уже носить эти лорнетки, такъ онъ мнѣ и отдалъ теперь.... Ну, намъ еще пригодится.... пыль пускать въ глаза....

Саша. Да какъ-же въ него смотрятъ?

Васильковъ (*вставляя въ глазъ лорнетъ*). А вотъ какъ. Вишь, какъ важно.... знай нашихъ.... не тронь насъ.... львы!... ха! ха! ха!

Саша. Фи! какъ это гадко! И ты такъ смотрѣлъ вчера на нашу барышню?

Васильковъ. Я еще и не въ такія позитуры становился передъ ней.... Важная птица, твоя барышня! Мы видали и почище.... она у тебя *поясиха* какая-то.... Ну, да шутъ съ ней! Только-бы тебѣ деньжонокъ отсыпала побольше... Что-же касается до моего графа, онъ мнѣ обѣщалъ уже награжденіе....

Саша. И за мной дѣло не станетъ.... только-бы Ѳеодору Степанычу жениться поскорѣе на барышнѣ.... вишь, она-то все упря-

мится и кобениться.... Ей все хочется за графа какого-нибудь выйдти замужъ....

Васильковъ. Заморскаго графа ей надо... скомороха какого-нибудь.... чай тебѣ, голубушка, отъ нея житья нѣтъ?..

Саша. Ужъ не говори, Гриша. Толи дѣло было, когда барышня жила у себя въ Тамбовѣ, а я здѣсь, въ модномъ магазинѣ!.... Но, погоди, можетъ-быть, скоро на нашей улицѣ будетъ праздникъ. Какъ женимся.... я буду шить на Гостиный Дворъ, а ты дѣлать папиросы....

Васильковъ. Кто-то идетъ сюда.... посмотри въ садъ....

Саша. Ахъ, бѣда! это Снѣжковы.... они скажутъ непремѣнно барышнѣ, что застали тебя здѣсь со мною.... Послушай.... да притворись бариномъ.... гостемъ....

Васильковъ (*втыкая лорнетъ въ глазъ и принимая важную позицію*). Пожалуй, это намъ ни почемъ, хоть кому съумѣемъ задать перцу....

Саша (*Василькову, какъ гостю*). Да-съ.... Олимпіада Леонидовна поѣхали кататься верхомъ....

—

VII.

САША, ВАСИЛЬКОВЪ, СНѢЖКОВЪ и жена его.

Снѣжковъ (*съ важностью*). Олимпіады Леонидовны нѣтъ дома?

Саша. Никакъ нѣтъ-съ....

Алевтина Васильевна. Нѣтъ.... гдѣ-же она? (*Съ важностью осматриваетъ Василькова.*) А?...

Саша. Кататься поѣхали....

Алевтина Васильевна. Значитъ, скоро будетъ дома.... (*Тихо Сашѣ.*) Это что за господинъ?... а?

Саша. Это.... это.... графъ Холмогорскій, имѣніемъ котораго управляетъ Ѳедоръ Степанычъ.

Алевтина Васильевна. Графъ Холмогорскій! (*Тихо мужу.*) Jean, это графъ Холмогорскій.

Снѣжковъ (*забывъ всю свою важность*). А, а, а, а!

Алевтина Васильевна (*Сашѣ*). Скажи, что мы возвратимся, теперь мы заѣдемъ къ нашей знакомой.... къ *княгинѣ* Чинчихановой....

Снѣжковъ (*уже говоритъ съ робостью*). Да, скажи, что мы пріѣдемъ прямо отъ княгини Чинчихановой, нашей знакомой...

(*Тихо женѣ.*) Я поклонюсь графу.... а? какъ ты полагаешь.... надо?..

Алевтина Васильевна. Конечно.... и я также....

(*Снѣжковъ и Алевтина Васильевна почтительно кланяются Василькову, который важно киваетъ имъ головой.*)

Алевтина Васильевна (*мужу*). C'est un véritable lion, mon cher.

—

VIII.

САША и ВАСИЛЬКОВЪ.

Саша (*смѣется*). Ха! ха! ха! Я насилу могла удержаться отъ смѣха.... ха! ха! ха! Ну, Гриша.... молодецъ!

Васильковъ. Понатерлись.... голубушка.... понатерлись.... вѣдь я съ мололѣтства въ графскомъ домѣ.... знаемъ всѣ господскія ухватки.... А что это за птицы сюда прилетали?

Саша. Дальніе родственники нашей барышни.... важные господа..... Барышня все у нихъ перенимаетъ и во всемъ ихъ слушается....

Васильковъ. Важные?... Ну, у насъ что-то такихъ важныхъ не видать.... нѣтъ, душенька, это мелкотравчатые....

Саша. Но я боюсь, Гриша.... пойдемъ отсюда, неравно барышня вернется.... (*Смотря въ окно.*) Не видать еще, кажется.... Ахъ, что это!... Гриша! Гриша!...

Васильковъ (*подбѣгая къ окну*). Что, что такое?

Саша. Посмотри, посмотри, это наша барышня.... она одна.... не можетъ справиться съ лошадью.... она упадетъ.... право упадетъ....

Васильковъ. Пожалуй и голову сломитъ.... Лошадь несется сюда.... (*Убѣгая.*) Какъ-бы только поспѣть....

Саша (*продолжая смотрѣть въ окно*). Боже мой!... она никакъ не можетъ справиться съ лошадью.... Ѳедора Степаныча все еще не видать.... гдѣ же онъ остался?... Ахъ, вонъ и Гриша.... онъ остановилъ.... Помогаетъ барышнѣ слѣзть съ лошади.... она благодаритъ его.... жметъ ему руку.... она все-таки его принимаетъ за барина!.... Идутъ вмѣстѣ.... сюда.... входятъ въ садъ.... побѣжать на встрѣчу. (*Бѣжитъ къ дверямъ.*)

—

IX.

ПАНТЕРИНА, ВАСИЛЬКОВЪ и САША.

Васильковъ (*поддерживаетъ за руку Пантерину*).

Саша. Ахъ! барышня, что съ вами?

Пантерина. Ничего.... вздоръ.... пустяки.... маленькія шалости моего Малекъ-Аделя.... Поди.... не безпокойся.... ты мнѣ вовсе не нужна.... поди же.... (*Саша уходитъ, дѣлая знаки Василькову. Пантерина про себя.*) Это онъ!... мой очаровательный незнакомецъ.... Какой романическій случай!... я въ восторгѣ.... Наконецъ попала я на первую главу моего романа!

Васильковъ (*про себя*). Вѣдь на славу бы полетѣла безъ меня.... а барыня смазливая... мясистая....

Пантерина (*Садясь на козетку*). Садитесь... садитесь.... Но вы, кажется мнѣ нѣсколько встревожены.... Можетъ быть, вы думаете, что я испугалась?... Нѣтъ.... я совершенно спокойна.... Напротивъ, я еще рада.... я люблю сильныя ощущенія.... люблю играть жизнью.... къ тому-же я этому случаю одолжена вашимъ знакомствомъ.... Садитесь.... Не правда-ли, мой жеребецъ чудно какъ хорошъ?...

Васильковъ. Да съ.... но если все кончилось благополучно, то мнѣ теперь можно....

Пантерина. Садитесь.... (*Про себя.*) Онъ меня любитъ!... Я это вижу.... замѣшательство его мнѣ весьма понятно.... надо ободрить его.... (*Вслухъ.*) Но не ушиблись-ли вы?...

Васильковъ. Нѣтъ.... но мнѣ право.... я не знаю....

Пантерина. Садитесь же.... я еще не успѣла благодарить васъ....

Васильковъ (*садясь*). Она, кажется, меня принимаетъ за барина.... ну, чтожъ! вѣдь съ ней пріятно побалагурить....

Пантерина. Вы, кажется, намъ сосѣдъ.... я васъ часто вижу.... (*Съ намекомъ*). Еще вчера.... вечеромъ....

Васильковъ. Да.... я очень, очень близко.... (*Про себя.*) Въ-самомъ-дѣлѣ она приняла на свой счетъ мою вчерашнюю прогулку.

Пантерина (*про себя*). Онъ настоящій jeune homme comme il faut... левъ.... ужъ не графъ-ли онъ?... (*Вслухъ.*) Позвольте узнать, кому я обязана моимъ спасеніемъ?...

—

X.

ТѢЖЕ и МОРДАШКО.

Мордашко (*вбѣгая*). Живы-ли вы, Олимпіада Леонидовна? Не ушиблись-ли вы?... вотъ вамъ и любимый жеребецъ!

Пантерина (*вставая съ козетки, про себя*). Дуракъ! некстати прибѣжалъ!... (*Вслухъ.*) Какъ видите....

Васильковъ (*про себя*). Нашъ управляющій.... (*Пробирается понемногу къ дверямъ.*)

Пантерина. Съ вами-же что сдѣлалось?... Вы куда скрылись?

Мордашко. Ваша проклятая смирная Машка виновата.... я никакъ не могъ съ нею справиться.... Я хочу направо.... она налѣво.... хочу прямо, она назадъ.... а вокругъ меня смѣхъ, да хохотъ.... Нѣтъ, какъ хотите ... впередъ я лучше буду бѣгать за вами, а на лошадь не сяду....

Пантерина (*тихо ему*). Удержитесь, пожалуйста, отъ глупыхъ рѣчей вашихъ.... тутъ порядочный человѣкъ.... настоящій левъ... онъ остановилъ моего Малекъ Аделя.... Вотъ мужчина.... а вы то что?... (*Оглядываясь.*) Гдѣ-же.... (*увидѣвъ Василькова у дверей.*) Куда же вы?...

Васильковъ. Я.... я.... (*Пантерина идетъ къ нему.*)

Мордашко (*увидѣвъ Василькова, про себя*). Гришка!... и она называетъ его!... а! прекрасная мысль!... (*Вслухъ, подбѣгая къ Василькову.*) Ваше сіятельство!... а я васъ и не вижу....

Пантерина (*про себя*). Графъ!... это графъ!... о, сердце не обмануло меня!... и онъ.... онъ въ меня влюбленъ!...

Васильковъ. Ѳедоръ Степанычъ.... я нечаянно....

Мордашко (*тихо ему*). Ты графъ.... ты долженъ быть графомъ.... Слышишь? понимаешь?... я хочу.... я приказываю тебѣ быть графомъ....

Васильковъ (*мгновенно принимая важную осанку*). А, это вы Ѳедоръ Степанычъ!...

Пантерина (*про себя*). Отъ восторга, я не могу владѣть собою....

Мордашко. Позвольте благодарить васъ.... вы спасли.... ваше сіятельство избавили отъ смерти.... мою невѣсту....

Пантерина (*про себя*). Оселъ!... въ какое пошлое положеніе ставитъ онъ меня.... его невѣста!

Мордашко. Ваше сіятельство.... это Олимпіада Леонидовна Пантерина, про которую я уже имѣлъ честь вамъ докладывать....

Васильковъ. Весьма пріятно.... очень радъ....

Пантерина (*присѣдая и дѣлая глазки Василькову*). Я давно желала познакомиться съ вами, графъ.... я такъ много наслышалась объ васъ.... и признаюсь, жаждала сойтись съ вами, потому что мое образованіе.... мой образъ мыслей.... натура моя.... требуютъ общества людей съ высокимъ умомъ.... Я не какая нибудь обыкновенная женщина.... я поклонница Жоржъ Занда.... вы меня теперь вѣроятно понимаете, графъ?...

Мордашко (*про себя*). Глупая трещотка.... то у нея....

Васильковъ. О, я совершенно понимаю васъ.... я самъ.... знаю Жоржа....

Пантерина. Но мы съ вами, я увѣрена, сойдемся. (*Про себя.*) Я сама себѣ удивляюсь.... нѣтъ.... теперь-то я совершенно убѣдилась, что я рождена для большаго свѣта!... (*Вслухъ.*) Позвольте мнѣ теперь перемѣнить туалетъ мой и просить васъ пожертвовать мнѣ сегоднишнимъ днемъ.... Я прошу васъ остаться обѣдать....

Васильковъ. Обѣдать?... я....

Мордашко (*тихо ему*). Соглашайся.... обѣдай!...

Васильковъ. Согласенъ.... обѣдаю....

Пантерина (*Протягивая ему руку*). Благодарю васъ, графъ. (*Уходя, про себя.*) Онъ мой!... я вижу, что отъ меня онъ безъ ума.... (*Вслухъ.*) Я сейчасъ возвращусь къ вамъ.

—

XI.

МОРДАШКО И ВАСИЛЬКОВЪ.

Мордашко (*про себя*). Какъ заегозила моя Олимпіада Леонидовна!... Совсѣмъ разтаяла передъ Гришкой.... Ужъ хочется ей голубушкѣ попасть, какъ-бы то ни было, въ большой свѣтъ.... Авось мнѣ удастся сегодня задать ей урокъ....

Васильковъ. Ѳедоръ Степанычъ.... вы мнѣ позволите теперь отсюда ретироваться?...

Мордашко. Нѣтъ, дружокъ.... ты долженъ еще сперва окончить твою роль.... Вѣдь графъ уѣхалъ сегодня въ Петергофъ и пробудетъ тамъ до завтра, такъ тебѣ нечего дѣлать....

Васильковъ. Точно такъ-съ.... И я все еще долженъ здѣсь казаться графомъ?

Мордашко. Да, конечно.... Постарайся всѣми силами понравиться Олимпіадѣ Леонидовнѣ.... вскружи ей голову, а для этого притворись влюбленнымъ въ нее по уши.... и если пойдетъ успѣшно, то можешь даже на колѣнахъ просить ея руки....

Васильковъ. Какъ же такъ, Өедоръ Степанычъ? Она, я слышалъ, ваша невѣста, а вы приказываете мнѣ....

Мордашко. Исполняй, что тебѣ приказываютъ и не разсуждай. Ты знаешь, что я могу тебѣ многое сдѣлать.... А! вотъ идутъ сюда Снѣжковы, отъ которыхъ Олимпіада Леонидовна безъ ума.... Ну, Гриша, я имъ сейчасъ отрекомендую тебя графомъ....

Васильковъ. Не безпокойтесь. Давича Сашѣ и безъ васъ вздумалось представить меня имъ графомъ....

Мордашко. Въ самомъ дѣлѣ? Тѣмъ лучше.... они идутъ.... Ну, держись же поважнѣе!...

Васильковъ (*принимая важную осанку*). Ужъ не ударимъ лицомъ въ грязь.

—

XII.

ТѢЖЕ, СНѢЖКОВЪ И ЖЕНА ЕГО.

Снѣжковъ (*тихо женѣ*). Графъ еще здѣсь.

Алевтина Васильевна (*также*). Постарайся съ нимъ познакомиться.... пригласи его къ намъ.

Снѣжковъ (*поклонившись сперва Василькову*). А, Өедоръ Степанычъ! Я васъ было не замѣтилъ... Мы сейчасъ отъ княгини Чинчихановой.... не застали ее дома.... (*Тихо ему.*) Представьте меня графу....

Алевтина Васильевна. Здравствуйте, Өедоръ Степанычъ.... Вообразите, мы сейчасъ были у княгини Чинчихановой.... моей пріятельницы, и не застили ее дома.... такая, право, досада!... (*Тихо ему.*) Представьте же насъ графу.

Мордашко (*про себя*). Сами въ петлю лѣзутъ.... (*Вслухъ.*) Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ представить самыхъ короткихъ знакомыхъ Олимпіады Леонидовны, Алевтину Васильевну и Ивана Григорьича Снѣжковыхъ.... (*Снѣжковы раскланиваются съ величайшимъ почтеніемъ.*)

Васильковъ. Очень радъ, весьма пріятно, познакомиться.... (*Снѣжкому.*) съ Пѣшковыми?...

Снѣжковъ. Съ Снѣжковыми, ваше сіятельство....

Васильковъ. Съ Снѣжковыми.... pardon.... pardon....

Мордашко (*про себя*). Славно ихъ дурачитъ!

Алевтина Васильевна. Позвольте надѣяться, графъ, что вы не откажетесь когда нибудь посѣтить насъ? У насъ собираются по четвергамъ.... Княгиня Чинчиханова бываетъ....

Васильковъ. Съ удовольствіемъ.... когда-нибудь соберусь....

Снѣжковъ. Сдѣлайте такое одолженіе, ваше сіятельство....

Алевтина Васильевна (*тихо ему*). Jean, уведи отсюда мужика этого и оставь меня наединѣ съ Графомъ. Мнѣ хочется съ нимъ пококетничать. Я знаю насквозь этихъ львовъ.... Тебѣ же теперь такъ нужна какая нибудь сильная протекція.... Ахъ, какая досада! сюда идетъ Олимпіада Леонидовна....

Снѣжковъ (*также*). Когда графъ пріѣдетъ къ намъ, я постараюсь, чтобы никто тогда не помѣшалъ-бы твоему съ нимъ tête á tête.

—

XIII.

ТѢЖЕ И ОЛИМПІАДА ЛЕОНИДОВНА, въ изысканномъ, нѣсколько странномъ нарядѣ.

Алевтина Васильевна (*идя на встрѣчу Олимпіадѣ Леонидовнѣ*). Bonjour, ma chère.... я сейчасъ отъ княгини Чинчихановой, не застала ее дома. Она уѣхала въ городъ, но скоро возвратится и будетъ непремѣнно сегодня обѣдать у тебя.... (*Показывая на Василькова.*) Можетъ быть и графъ также сдѣлаетъ тебѣ эту честь?..

Олимпіада Леонидовна. Я надѣюсь.... графъ мнѣ далъ уже слово....

Алевтина Васильевна (*тихо Олимпіадѣ Леонидовнѣ*). Поздравляю тебя, ma chère, ты теперь смѣло можешь сказать всѣмъ, что принадлежишь къ большому свѣту.... Вѣдь графъ первый столичный левъ....

Олимпіада Леонидовна (*также*). Ты еще не знаешь всего.... Вообрази, что онъ влюбленъ въ меня.... что, быть-можетъ, я буду графиней....

Алевтина Васильевна. Возможно-ли?... (*Про себя, со вздохомъ*). Зачѣмъ я замужемъ!

Снѣжковъ. Въ ожиданіи васъ, Олимпіада Леонидовна, мы здѣсь сейчасъ разговорились съ графомъ. Мнѣ еще въ жизни моей не случалось провести пріятнѣе время. Что значитъ сойтись съ человѣкомъ высокаго ума!

Олимпіада Леонидовна. Сегодняшній день для меня драгоцѣннѣйшій въ жизни и я никогда его не забуду! Правда, онъ могъ-бы для меня кончиться весьма трагически....

Мордашко (*про себя*). А кончится, кажется, весьма комически....

Олимпіада Леонидовна (*Алевтинѣ Васильевнѣ*). Вѣдь графъ

остановилъ моего Малекъ-Аделя, который не на шутку разшалился.... Безъ графа, я, быть можетъ, несуществовала-бы болѣе.... ему теперь я одолжена своею жизнью....

Алевтина Васильевна. Что я слышу!...

Снѣжковъ. Какъ.... вы сами остановили лошадь, ваше сіятельство?... Вы.... ваше сіятельство?...

Васильковъ. Для меня это ничего не значило.... я съ лошадьми очень свыкся.... (*Про себя.*) у графа на конюшнѣ....

Алевтина Васильевна (*тихо мужу*). Ты долженъ непремѣнно ѣздить верхомъ.

Олимпіада Леонидовна (*про себя*). Какъ-бы мнѣ удалить ихъ всѣхъ и остаться наединѣ съ графомъ.... (*Вслухъ, посмотрѣвъ въ окно*). А, вотъ и княгиня Чингиханова возвратилась... она сейчасъ проѣхала....

Алевтина Васильевна. Проѣхала? Такъ мы сейчасъ приведемъ ее сюда.... Она будетъ въ восхищеніи встрѣтиться съ графомъ.... Au revoir, ma chère.... (*Мужу.*) Jean, пойдемъ поскорѣе.... (*Уходятъ.*)

Олимпіада Леонидовна. А вы, Ѳедоръ Степанычъ, пошли бы на кухню и разпорядились, чтобы обѣдъ былъ по вкусу графа.... вамъ должны быть извѣстны любимыя кушанья графа?...

Мордашко. На кухню.... сію минуту.... (*Василькову.*) Ваше сіятельство, кажется, лѣтомъ постоянно кушаете окрошку?...

Васильковъ. Да, да.... окрошку, это мое первое кушанье....

Олимпіада Леонидовна (*про себя*). Окрошку!.... вотъ я и не воображала.... Чтобъ непремѣнно была у насъ сегодня окрошка....

Мордашко. Слушаю-съ... (*Тихо Василькову.*) Помни, что я тебѣ приказывалъ.... (*Про себя.*) И окрошка съ рукъ сошла, такъ славно у нихъ теперь пойдетъ.... а я тутъ посмотрю....

—

XIV.

ОЛИМПІАДА ЛЕОНИДОВНА и ВАСИЛЬКОВЪ.

Олимпіада Леонидовна (*про себя*). Какая сладостная настаетъ для меня минута! Сердце мое такъ и трепещетъ.... Теперь я должна призвать на помощь всѣ мои средства, чтобы одержать окончательную надъ нимъ побѣду. Должна показать, что я достойна занять мѣсто въ высшемъ кругу.... даже затмить другихъ....

Васильковъ (*про себя*). Какъ съ ней начать.... по своему не годится.... а графа-мнѣ не случалось видѣть въ подобномъ положеніи.... какъ нибудь.... (*Вслухъ.*) Гмъ! гмъ!

Олимпіада Леонидовна. (*про себя*). Я немного растерялась....

Васильковъ (*про себя*). Въ головѣ у меня точно вѣтеръ.... развѣ такъ начать?... (*вслухъ*) ла, ла, ла.... тра-ла, ла....

Олимпіада Леонидовна. Ахъ, графъ! изъ какой это оперы?...

Васильковъ. Изъ итальянской....

Олимпіада Леонидовна. Помню.... помню.... эту арію пѣлъ мой Маріо.... Я обожаю итальянцевъ и все итальянское.... Въ нынѣшній сезонъ я не пропустила ни одного представленія, въ которомъ только пѣлъ мой Маріо.... Ахъ Италія! Неаполь.... Везувій!... Адріатическое море.... жить и умереть подъ тѣмъ знойнымъ небомъ съ избраннымъ человѣкомъ.... съ аристократомъ.... вотъ моя завѣтная мечта!... Что вы скажете объ Италіи, графъ?...

Васильковъ. Гмъ! гмъ! да.... Италія.... тамъ говорятъ жарко.... не такъ холодно, какъ у насъ....

Олимпіада Леонидовна. О! я понимаю.... очень хорошо понимаю вашу мысль.... именно здѣсь холодно.... чувства наши мерзнутъ здѣсь.... (*Про себя.*) Какая поэтическая душа у него! (*Вслухъ.*) Сядемте, графъ, и помечтаемъ.... (*садясь на козетку и приглашая Василькова*) сюда.... графъ.

Васильковъ. Съ нашимъ удовольствіемъ.

Олимпіада Леонидовна. А вы часто бывали въ оперѣ, графъ? Вы любитель музыки....

Васильковъ. Какже-съ, я каждое воскресенье бывалъ въ Пассажѣ у цыганъ....

Олимпіада Леонидовна. У цыганъ? (*Про себя.*) Вѣрно это теперь въ модѣ въ большомъ свѣтѣ. (*Вслухъ.*) Я также люблю ихъ пѣсни.... полныя дикой нѣги.... Какого вы мнѣнія о здѣшнихъ женщинахъ?...

Васильковъ. Очень хорошаго-съ....

Олимпіада Леонидовна. Ну, а какого вы мнѣнія о Жоржъ-Зандѣ.... читали-ли вы послѣдній ея романъ?

Васильковъ. Нѣтъ.... я никогда ничего не читаю....

Олимпіада Леонидовна (*про себя*). А я воображала, что въ большомъ свѣтѣ читаютъ.... (*Вслухъ.*) Я также не читала.... да и некогда.... свѣтъ отнимаетъ все время.... иногда я читаю, потому что въ свѣтѣ трудно встрѣтиться съ человѣкомъ.... который.... могъ-бы понять совершенно женщину, сердце которой жаждетъ сильной любви.... любви утонченной такъ сказать.... тогда какъ въ романахъ весьма часто знакомишься съ такими идеалами.... Не

правда-ли графъ, что въ нашемъ обществѣ мало *эксцентрическихъ* характеровъ?...

Васильковъ. Точно такъ.... (*Про себя.*) Объ чемъ она тутъ тарабаритъ?...

Олимпіада Леонидовна. Я не знаю, но въ нашей петербургской жизни недостаетъ чего-то.... нѣтъ, знаете, этого.... однимъ словомъ.... (*дѣлая жестъ руками*). Нѣтъ этого.... Неправда-ли, графъ?

Васильковъ (*повторяя тотъ-же самый жестъ*). Вотъ этого-то и нѣтъ.... (*Про себя*) Чуть-ли она не помѣшенная....

Олимпіада Леонидовна (*про себя*). Онъ меня понялъ.... теперь онъ знаетъ, что я за женщина.... (*Вслухъ.*) Какъ мы понимаемъ другъ друга!... У меня съ вами совершенно одинакія мысли... Но вотъ я хочу одинъ вопросъ сдѣлать вамъ.... правда, весьма щекотливый.... но вы, я увѣрена, отвѣтите мнѣ на него.... Скажите мнѣ, графъ, случалось-ли вамъ уже найдти вашъ идеалъ?...

Васильковъ. Что вы изволите говорить?

Олимпіада Леонидовна. Я васъ спрашиваю.... случилось-ли уже вамъ въ жизни вашей сойтись когда нибудь съ женщиной, которая вполнѣ соотвѣтствовала требованіямъ души вашей?...

Васильковъ. Какъ-съ.... гмъ!... я хорошо не понялъ.... (*Про себя.*) Что она тутъ за чепуху городитъ?...

Олимпіада Леонидовна. Вы молчите. Быть можетъ, я не заслуживаю вашей откровенности.... или вы принимаете меня за какую нибудь обыкновенную женщину, которая не въ состояніи понять васъ?...

Васильковъ. Нѣтъ, я.... совсѣмъ нѣтъ.... я.... (*Про себя.*) Я весь вспотѣлъ....

Олимпіада Леонидовна (*про себя*). Я понимаю его замѣшательство.... его идеалъ — это я.... въ его глазахъ я читаю признаніе въ страстной ко мнѣ любви.... (*Вслухъ.*) Если вы считаете меня достойною вашего признанія.... то садитесь сюда, возлѣ меня, и начнемъ философствовать.... я ожидаю, графъ....

Васильковъ. Извольте.... (*перескакиваетъ съ креселъ на козетку*).

Олимпіада Леонидовна. Вотъ такъ. Теперь извольте начинать ваше признаніе.... разскажите мнѣ счастливѣйшій эпизодъ вашей жизни.... я слушаю....

Васильковъ. Разсказывать..... Что-же мнѣ вамъ разсказывать....

Олимпіада Леонидовна. Говорите все.... не скрывайте ничего.... знайте, что предъ вами женщина современная....

—

XV.

ТѢЖЕ и МОРДАШКО, входитъ и остается за ширмами.

Мордашко (*про себя*). Что тутъ дѣлаютъ левъ и львица?....

Олимпіада Леонидовна? Или вы желаете прежде выслушать мое признаніе?.....

Мордашко (*про себя*). О! о! о! у нихъ уже идетъ дѣло о признаніяхъ.

Васильковъ. Да.... да-съ.... я лучше будутъ слушать....

Олимпіада Леонидовна. Что мнѣ вамъ разсказывать?... я только что начала жить.... сегодня можетъ-быть въ первый разъ почувствовала всю сладость, всю поэзію жизни....

Васильковъ (*про себя*). Поздненько....

Олимпіада Леонидовна. Нѣтъ, я не могу.... я страшусь высказать тайну моего сердца, прежде, нежели я не удостовѣрюсь, что тотъ, кого я избрала, мой идеалъ, не отвергнетъ моей любви.... Графъ, начать должны вы....

Васильковъ. Я долженъ начать?.... Но....

Мордашко (*про себя*). Что-же онъ труситъ?... (*дергаетъ за фракъ Василькова и показываетъ ему, чтобы онъ объяснялся съ горячностію*).

Васильковъ (*увидавъ Мордашко*). Да, я люблю.... люблю.... ужасти, какъ люблю!....

Олимпіада Леонидовна. Что я слышу?.... Вы любите?.... вы нашли вашъ идеалъ?....

Васильковъ. Нашелъ.... нашелъ...

Олимпіада Леонидовна. Продолжайте.... продолжайте, графъ, признаніе ваше.... Выскажите мнѣ всю вашу душу.... я пойму вашу страсть.... и, быть можетъ, съумѣю залечить раны вашего сердца.... Говорите.... все говорите.... мнѣ такъ отрадно слушать васъ....

Васильковъ. Да-съ, я такъ люблю.... такъ люблю, что вотъ хоть сейчасъ и жениться....

Олимпіада Леонидовна. Жениться! (*Про себя.*) Онъ предлагаетъ мнѣ свою руку! я буду графинею!... переживу-ли я только такое счастіе? (*Вслухъ.*) Но кто-же эта женщина?....

Васильковъ. Это.... ваша.... (*Мордашко дергаетъ снова*) это вы!...

Олимпіада Леонидовна. Я?... возможно-ли?.... (*Про себя.*) Но надо еще болѣе разжечь страсть его.... (*Вслухъ.*) Я не сомнѣваюсь въ вашихъ чувствахъ, графъ.... вполнѣ понимаю и раздѣляю любовь вашу.... но я боюсь, чтобы вы не разочаровались скоро, а потому не дамъ вамъ теперь рѣшительнаго отвѣта, но съ этой минуты между нами уничтожаются всѣ церемоніи.... и вы будете въ состояніи вполнѣ узнать меня. Когда-же я увижу, что я точно соотвѣтствую вамъ, я позволю.... И такъ согласны-ли вы ждать того времени, графъ?....

Васильковъ. Извольте.... мнѣ все равно....

Мордашко (*про себя*). Что-же онъ все труситъ?... (*дергаетъ за фракъ Василькова и велитъ ему знаками стать на колѣна*).

Васильковъ (*кидаясь на колѣна*). Нѣтъ.... нѣтъ.... не могу ждать.... теперь.... сію минуту.... не то я.... право, я.... люблю.... ужасть, какъ люблю!....

Олимпіада Леонидовна. Встаньте.... графъ.... встаньте.... (*Про себя.*) Онъ совершенно безъ ума отъ меня.... Какое торжество! графъ у ногъ моихъ! я покорила льва!... теперь-то я настоящая львица!....

Мордашко (*про себя*). Знатно, хорошо!... теперь можно и букетъ пустить.... (*Отворяетъ дверь, вызываетъ Сашу и говоритъ ей на ухо.*)

Олимпіада Леонидовна. Полноте.... графъ.... встаньте-же.... я не хочу васъ болѣе мучить, вотъ вамъ рука моя.... она теперь ваша....

Васильковъ (*цѣлуетъ руку Олимпіады Леонидовны.*) Люблю.... люблю....

—

XVI.

ТѢЖЕ и САША.

Саша (*вбѣгая*). Поваръ спрашиваетъ....

Олимпіада Леонидовна (*Сашѣ*). Тебѣ что надо здѣсь?.... Кто звалъ тебя?.... пошла вонъ!... (*Про себя.*) Глупая.... что бы еще могло быть, если-бъ не она!

Саша. Я пришла, потому что поваръ спрашивалъ.... Но я вижу, вы на меня гнѣваетесь, барышня, за то, что я смѣла надѣяться на полученіе вашего согласія и вспомоществованія, чтобъ выйдти мнѣ замужъ.....(*Падая наколѣна.*) Простите!.... вы такъ добры и милостивы.... я вижу, что вы уже согласились.... что вы.... (*по-*

казывая на Василькова), не будете противиться, чтобы я была женой его.... И даете намъ средства....

Олимпіада Леонидовна. Что? что такое? ты съ ума сошла!....

Васильковъ (*падая снова на колѣна*). Да, сударыня.... Простите, насъ!... Я ее давно уже знаю и люблю.... Отъ васъ однѣхъ теперь зависитъ наше счастіе, потому что графъ...

Олимпіада Леонидовна. Графъ.... что съ вами? Я ничего не понимаю.... объясните мнѣ, графъ?...

Васильковъ. Какой я графъ!... я просто камердинеръ его сіятельства....

Олимпіада Леонидовна. Вы смѣетесь надо мной!... Прошу васъ, окончите ваши неумѣстныя шутки....

Мордашко (*выходя изъ-за ширмъ*). Ха! ха! ха! Ай да Гришка! ха! ха! ха!....

Олимпіада Леонидовна. Что это все значитъ?....

Мордашко (*ударяя по плечу Василькова*). Ай да Гриша! Славно разыгралъ свою роль.... ха! ха! ха! Вотъ вамъ, Олимпіада Леонидовна.... имѣю честь рекомендовать настоящаго звѣря.... льва, Гришу Василькова.... лакея высшаго круга!.... Ха! ха! ха!

Олимпіада Леонидовна. Какъ! вы.... ты не графъ?...

Васильковъ. Никакъ нѣтъ-съ. Это ихъ высокоблагородію угодно было пожаловать меня въ графы и приказать мнѣ....

Олимпіада Леонидовна. Лакей!.. и я позволила ему.... (*Обращаясь къ Мордашко.*) Это ваши мужицкія шутки, Ѳедоръ Степанычъ, я узнаю васъ.... (*Сашѣ*). А тебя, негодная, сегодня-же сгоню со двора.... (*Василькову.*) Вонъ отсюда!....

Мордашко (*останавливая Василькова*). Нѣтъ, подожди.... Выслушайте меня, Олимпіада Леонидовна....

Олимпіада Леонидовна. Нечего мнѣ болѣе слушать... я съ вами болѣе незнакома.... не знаю васъ....

Мордашко. Два словечка.... Вѣдь все это я устроилъ для того, чтобы наставить васъ на путь истины.... Согласитесь сдержать ваше слово.... вручите мнѣ драгоцѣнную вашу ручку и никто въ мірѣ не узнаетъ, что вы пожаловали этого молодца въ львы.

Олимпіада Леонидовна. Замолчите.... Если хотите, такъ женитесь на моей горничной....

Мордашко. Такъ вы не хотите сдержать вашего обѣщанія?.. Хорошо.... вотъ кстати сюда идетъ Иванъ Григорьичъ и Алевтина Васильевна.... Мы имъ разскажемъ это маленькое проис-

шествіе.... а съ вами раскланяемся и пожелаемъ вамъ всякаго успѣха въ свѣтѣ.... Вотъ они уже въ саду....

Олимпіада Леонидовна (*поспѣшно*). Хорошо... сдержу мое обѣщаніе.... Только, слышите, ни слова объ случившемся.... прошу васъ также выгнать поскорѣе этого наглаго лакея....

Мордашко. Значитъ мировая!... Ну, а Гриша долженъ для вашей же пользы выдти отсюда графомъ.... У него же есть еще къ вамъ просьба, на которую я васъ также прошу согласиться.... А вотъ они.... (*Василькову.*) Ну, Гриша, ты опять графъ....

Васильковъ. Опять! Нечего дѣлать, когда вы сами приказываете.... (*Втыкаетъ въ глазъ лорнетъ и принимаетъ снова графскую осанку.*)

—

XVII.

ТѢЖЕ, СНѢЖКОВЪ И ЖЕНА ЕГО.

Алевтина Васильевна. Ахъ, ma chère! ты ошиблась! Княгиня Чинчиханова не возвращалась. И вообрази мою досаду, я узнала, что она уѣхала въ Павловскъ и, стало быть, не будетъ сегодня у тебя обѣдать....

Снѣжковъ. Вотъ истинное для нея несчастіе!... Я думаю, что она будетъ въ сильномъ огорченіи, когда узнаетъ, что лишилась сегодня случая обѣдать у васъ съ его сіятельствомъ....

Олимпіада Леонидовна (*про себя*). Я, кажется, умру съ досады....

Мордашко. Его сіятельство также не остается....

Алевтина Васильевна. Отчего-же?

Снѣжковъ. Какъ, ваше сіятельство, вы не остаетесь?...

Мордашко. Что за добрая душа у его сіятельства!... Ему нужно было еще утромъ ѣхать въ Петергофъ, а онъ не поѣхалъ для того только, чтобы выпросить у Олимпіанды Леонидовны позволеніе жениться его камердинеру на Сашѣ.... (*Тихо Василькову.*) Что-же ты стоишь истуканомъ.... пользуйся случаемъ....

Васильковъ. Да мнѣ весьма-бы было пріятно остаться здѣсь.... обѣдать съ Олимпіадой Леонидовной и съ г-жею Мѣшковою....

Снѣжковъ. Съ Снѣжковою, ваше сіятельство....

Васильковъ. Pardon.... я всегда коверкаю русскія фамиліи.... но мнѣ непремѣнно надо ѣхать.... (*Обращаясь къ Олимпіадѣ Леонидовнѣ.*) И такъ, я могу сказать моему вѣрному слугѣ, что вы не противитесь его браку.... (*показывая на Сашу*) съ вашею горничною и дадите ей приданое?...

Олимпіада Леонидовна. Нѣтъ, я....

Мордашко (*тихо ей.*) Согласитесь.... не то я скажу, что у насъ сегодня за обѣдомъ будетъ окрошка....

Олимпіада Леонидовна. Да, я согласна....

Васильковъ. Согласны?... Какъ я вамъ благодаренъ!... (*Роняетъ нечаянно шляпу свою.*)

Снѣжковъ (*кидается за шляпою, подымаетъ и подаетъ ее Василькову.*) Позвольте, ваше сіятельство.... вотъ....

Васильковъ. Merci.... Теперь позвольте мнѣ откланяться...

Мордашко. Я долженъ доложить вашему сіятельству, что я женюсь на будущей недѣлѣ на Олимпіадѣ Леонидовнѣ....

Алевтина Васильевна (*про себя.*) Что это значитъ?...

Васильковъ. Поздравляю васъ....

Алевтина Васильевна (*тихо Олимпіадѣ Леонидовнѣ.*) А графъ?... Какъ! ты рѣшаешься выйти за господина Мордашко?...

Олимпіада Леонидовна. Да.... да.... я выхожу за Ѳедора Степаныча....

Алевтина Васильевна (*тихо ей*). Но какъ ты его покажешь въ нашъ свѣтъ?...

Мордашко. И послѣ свадьбы, ваше сіятельство, мы тотчасъ-же отправимся въ Тамбовъ, куда я долженъ былъ ѣхать по вашему порученію....

Васильковъ. Очень, очень радъ.... но теперь прощайте....

Мордашко. Прощайте, ваше сіятельство....

Снѣжковъ. Сдѣлайте одолженіе, ваше сіятельство, когда-нибудь къ намъ....

Алевтина Васильевна. У насъ собираются по четвергамъ, Княгиня Чинчиханова бываетъ.... (*Васильковъ идетъ къ среднимъ дверямъ.*)

Саша. Сюда, ваше сіятельство, здѣсь вамъ будетъ ближе. (*Показывая на боковыя двери, тихо ему.*) Наша взяла!...

—

XVIII.

Снѣжковъ. Что за милый человѣкъ, этотъ графъ! Сейчасъ видно, что аристократъ!...

Алевтина Васильевна. Какъ же ты, ma chère, уѣдешь отсюда?...

Олимпіада Леонидовна. Да.... да....

Алевтина Васильевна. И дача эта останется незанятою....

Мордашко. Неугодно-ли будетъ вамъ ее занять?... я увѣренъ, что Олимпіада Леонидовна не откажетъ вамъ.... Не правда-ли, Олимпіада Леонидовна?....

Олимпіада Леонидовна. Если имъ будетъ угодно.... я съ большемъ удовольствіемъ.... намъ она не нужна....

Алевтина Васильевна. Возможно-ли?... ты уступаешь намъ эту дачу.... дай себя разцѣловать.... ma bonne amie.... (*тихо мужу.*) Прекрасно.... теперь ты можешь-быть спокоенъ, не потеряешь твоего мѣста.... я непремѣнно вскружу голову графу.... онъ будетъ моимъ послушнымъ поклонникомъ.... (*Пантериной.*) А когда ты думаешь воротиться въ Петербургъ?...

Олимпіада Леонидовна. О, непремѣнно къ осени....

Мордашко (*про себя*). Если только я не успѣю къ тому времени превратить мою львицу въ скромную овечку.

Алевтина Васильевна. То-то.... вѣдь тамъ можно совершенно одичать....

Олимпіада Леонидовна (*про себя*). Я выхожу за него.... Что жъ?... вѣдь это судьба всѣхъ героинь Жоржъ Занда.... имѣть мужьями — подобныхъ чурбановъ!...

=

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 9.

СЛѢПОЙ КУРИЦѢ ВСЕ ПШЕНИЦА!

ШУТКА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ

К. Тарновскаго и Ѳ. Руднева.

—

Представлена въ первый разъ русскими придворными актерами, на Александринскомъ театрѣ, 23 августа, 1850.

—

Дѣйствующіе:	Актеры:
Сысой Сысоичъ Бубликъ, пріѣзжій.	*г-нъ Мартыновъ.*
Таня, дочь его,	*г-жа Подобѣдова.*
Сучковъ, } пріятели.	*г-нъ Григорьевъ 1.*
Петръ Андреичъ, } пріятели.	*г-нъ Прусаковъ.*
Алеша	*г-нъ Марковецкій.*
Квакъ, нѣмецъ, аптекарь.	*г-нъ Ивельевъ.*
Ѳома Ѳомичъ Сургучъ, служащій.	*г-нъ Зиминъ.*
1-й } будочники.	*г-нъ Чайскій.*
2-й } будочники.	*г-нъ Пахомовъ.*

Знакомые и сосѣди Сысоя Сысоича,

Дѣйствіе въ Москвѣ.

—

Дача въ Сокольникахъ. Палисадникъ. Налѣво отъ зрителей деревянный заборъ. Направо бесѣдка. Въ глубинѣ выходъ на улицу.

I.

Таня (*приходитъ справа отъ зрителей и осматривается*). Я одна.... меня никто не видитъ.... и я теперь на свободѣ могу прочесть письмо, которое Алеша мнѣ прислалъ.... Посмотримъ, что-то онъ пишетъ?.... (*Развертываетъ письмо и читаетъ.*) «Четвергъ.... Милая Таня! Съ-тѣхъ-поръ, какъ насъ съ тобой разлучили, я не могу выразить, какъ я несчастливъ.... День и ночь я думаю только о тебѣ.... мое положеніе ужасно.... я не могу болѣе переносить разлуки съ тобою!...» (*Останавливается.*) Бѣдняжка!... (*Читаетъ.*) «И нынче-же явлюсь къ тебѣ!...» (*Останаливается.*) Ахъ! (*Читаетъ.*) «Батюшка твой запретилъ мнѣ переступать порогъ его дома, но я перелѣзу черезъ стѣну противъ бесѣдки!...» Это здѣсь!... Что если увидятъ?... «Твой до гроба, Алеша Небывалый.» (*Прячетъ письмо.*) Ну, что если онъ попадется?...

—

II.

ТАНЯ И БУБЛИКЪ.

Бубликъ (*за сценой*). Таша!... Таша!... (*Входитъ въ бѣломъ канифасовомъ утреннемъ халатѣ, на головѣ соломенная шляпа.*) А!... ты здѣсь!... Ну, что?... проснулся-ли нашъ знаменитый гость?.. Этотъ могучій геній, которому мы имѣемъ честь давать квартиру со столомъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ, можете вы себѣ представить!...

Таня. Нѣтъ, еще, папаша.... вчера за ужиномъ онъ такъ наѣлся, что вѣрно еще спитъ....

Бубликъ. Да! да! онъ много ѣстъ.... онъ удивительно ѣстъ!... и все онъ дѣлаетъ удивительно!... Искусство-то его, можете вы себѣ представить, тоже удивительное!... лечить всѣ болѣзни, открываетъ скрытыя сокровища.... просто, чародѣй, настоящій чародѣй! Можете вы себѣ представить!

Таня. Но все это, папаша, еще такъ неясно....

Бубликъ. Неясно для неучей, но для Павла Павлыча Суч-

кова и его друга, его сомнамбула Петра Андреича, это все очень ясно.... очень.... очень.... ты, дурочка, еще не знаешь....

Таня. Чего, папаша?...

Бубликъ. Чего.... чего.... а того, что благодаря имъ, мы съ тобою на дняхъ сдѣлаемся милліонерами.... билліонерами.... просто, можете вы себѣ представить! (*щелкаетъ языкомъ*) вотъ, чѣмъ сдѣлаемся....

Таня. Полноте, папаша....

Бубликъ.

Теперь едва концы съ концами
Въ хозяйствѣ можемъ мы сводить,
Тогда, мой другъ, мы будемъ сами,
Какъ дрянью — золотомъ сорить, —
Тогда, чтобы себя прославить,
Мы здѣсь пиры давать начнемъ,
И, можете себѣ представить, —
Съ тобой въ потомствѣ не умремъ,

Таня. Но какимъ образомъ?

Бубликъ. Гмъ!... какимъ образомъ.... (*тихо, озираясь.*) Ты знаешь тамъ, въ Красномъ Селѣ, къ полю, около будки.... есть домикъ.... завтра я покупаю его за десять тысячъ серебромъ.

Таня. Какъ? эту лачужку за десять тысячъ?...

Бубликъ. Да, эту лачужку, въ которой съ француза былъ зарытъ кладъ.

Таня. Кладъ?

Бубликъ. Золото, серебро, можете вы себѣ представить, бриллiанты, алмазы разные, этакіе.... Это все разсказалъ намъ Петръ Андреичъ.

Таня. Какъ!

Бубликъ. Съ закрытыми глазами, во снѣ, онъ назвалъ этотъ домикъ, увидѣлъ въ немъ богатство, счелъ мѣшки съ золотомъ, съ серебромъ, съ ассигнаціями, можете вы себѣ представить, съ каменьями.... и все это во снѣ; тогда достойнѣйшій другъ мой Павелъ Павлычъ присовѣтовалъ мнѣ купить этотъ домикъ, и завтра будетъ все мое.... и золото.... и серебро.... и все.... можете вы себѣ представить!....

Таня. Отчего-же, папаша, они не купили сами этого сокровища?...

Бубликъ. Потому что истинный геній никогда ничего не покупаетъ, а все беретъ даромъ; притомъ развѣ онъ не можетъ имѣть подобнаго случая, когда только захочетъ?... Ему сто-

итъ только сказать своему другу, можете вы себѣ представить, «засни и отыщи мнѣ кладъ!... отыщи мнѣ два, три.... четыре, десять кладовъ....» и онъ, вы можете себѣ.... засыпаетъ, видитъ всевозможныя сокровища и говоритъ на.... на.... на.... а?!! какой человѣкъ!... если-бъ ты знала, какой онъ человѣкъ!... И я.... я.... смѣю надѣяться.... да, дочь моя.... я смѣю надѣяться.... (*улыбаясь самодовольно*) еще кой на что.... Вчера послѣ ужина, когда мы пили наливку, онъ сказалъ мнѣ: можете вы себѣ представить, какая у васъ наливка? а?... Кто, говоритъ, дѣлалъ эту наливку? а? — Я и говорю: Таша, молъ, дѣлала; тутъ мы выпили еще рюмку и онъ сказалъ: можете, говоритъ, вы себѣ представить, она славно дѣлаетъ наливку, потомъ глубоко вздохнулъ и пожалъ мнѣ руку.... мы выпили еще по рюмочкѣ и.... и.... пошли спать. А!!! Какая честь!... Какая слава!... если-бы онъ только удостоилъ!...

Таня. Что вы говорите, папаша?... вспомните, что я люблю Алешу....

Бубликъ Алешку.... Неужели ты получаешь извѣстія отъ этого негодяя?... Ужъ не отъ него-ли и это письмо?... (*Вынимаетъ изъ-за пояса Тани письмо и читаетъ*): «Милая Таня! Съ тѣхъ поръ, какъ насъ съ тобой разлучили, я такъ несчастливъ.... (*смотритъ подпись*) Алеша Небывалый». Такъ и есть, отъ него. (*Кладетъ письмо въ карманъ*). Послушай ты.... ну.... ну.... не плакать у меня.... когда этотъ сорванецъ былъ еще ребенкомъ, я взялъ его къ себѣ.... ну, дѣти.... ну, ничего!... Но когда дѣти стали подростать, я сказалъ себѣ: э! э! Когда-же дѣти выросли, я сказалъ себѣ: о! о! И чтобы послѣ не раскаяваться, я отдалъ его въ Университетъ, на казенный коштъ, и потомъ прогналъ въ три шеи, прося не переступать за мой порогъ.

Таня. Однако-же, папаша....

Бубликъ. Штъ!... я слышу шумъ въ бесѣдкѣ!... штъ! штъ! великій человѣкъ вѣрно проснулся!

—

III.

ТѢЖЕ и СУЧКОВЪ, выходитъ изъ павильона.

Бубликъ. Здравствуйте, почтеннѣйшій Павелъ Павлычъ! какъ ваше....

Сучковъ. А! здравствуйте! здравствуйте!

Бубликъ (*Танѣ*). Да кланяйся-же....

Таня (*отрывисто*). Здравствуйте!

Бубликъ. Что, не прикажете-ли чего нибудь?... Чаю, или кофе.

Сучковъ. Ничего, ничего.... я ничего не ѣмъ и не пью на тощахъ.... въ это время я работаю.... (*потиря лобъ*) обработываю и переработываю таинства природы, сокровища наукъ, для моего искусства.... для моего великаго искусства.... (*останавливаясь*).... А къ завтраку я у васъ попрошу.... ветчинки ломтика три-четыре, этакъ пожиднѣе.... бивстексецъ хорошенькій.... да еще этакъ....

Бубликъ. Не тяжело-ли будетъ?...

Сучковъ. Остатки прежняго невѣжества.... это вамъ вѣрно доктора сказали; а что такое эти доктора?... Бѣдные люди, брошенные на землю для того, чтобы ѣздить въ крытыхъ дрожкахъ нюхать табакъ, и за три рубля серебромъ, продавать клочки своего знанія....

Я не знаю, какъ доселѣ
Люди вѣрятъ докторамъ,
Странно вѣрить, въ самомъ дѣлѣ,
Ихъ совѣтамъ и словамъ.
Ну, конечно, нѣтъ и спора,
И межъ ними доки есть,
Да изъ тысячи не скоро
Можно трехъ такихъ начесть.
А иной такой найдется, —
Отъ насморка лечитъ годъ,
И съ визита, — какъ ведется,
По *три рублика* беретъ.
А другой васъ лечитъ, лечитъ,
Ѣздитъ къ вамъ на дню пять разъ....
Да потомъ, — какъ изкалѣчитъ
И отправитъ на Кавказъ.—

Но магнетизмъ!...

Бубликъ. О! магнетизмъ!! А что подѣлывтетъ вашъ другъ, вашъ сомнамбулъ, вашъ удивительный Петръ Андреичъ?...

Сучковъ. Онъ еще спитъ и будетъ спать до-тѣхъ поръ, пока мнѣ вздумается его разбудить. — Мнѣ стоитъ только сдѣлать магнетическій жестъ, прошептать его имя и онъ проснется.

Бубликъ. Неужели проснется?...

Сучковъ. Непремѣнно проснется.

Бубликъ. Батюшка!... нельзя-ли....

Сучковъ. Съ удовольствіемъ. (*Отворяетъ дверь павильона и дѣлаетъ комическій жестъ.*) Смотрите, это кажется ничего не значитъ, а ужъ онъ потягивается; теперь мнѣ остается прошептать его имя.... (*Кричитъ во все горло.*) Петръ Андреичъ! Петръ Андреичъ!

Петръ Андреичъ (*въ павильонѣ*). А!... а....

Сучковъ. Видите!

Бубликъ (*Танѣ*). Можете вы себѣ представить!...

Таня. Полноте, папаша!...

Сучковъ (*торжественно*). Вотъ онъ!...

—

IV.

Тѣже и Петръ Андреичъ *вбѣгаетъ опрометью и протираетъ глаза.*

Петръ Андреичъ. Что это?... ужъ не пожаръ-ли?! (*Сучковъ толкаетъ его.*) А!... (*всторону*) фу, какъ испугалъ! (*Увидя Таню.*) Извините, пожалуйста!

Таня (*сухо*). Ничего-съ....

Бубликъ. Удивительно!... Какая сила!... можете вы себѣ представить!...

Сучковъ. А!... еще-бы....

Бубликъ. И вы думаете, что немного спустя.... я самъ....

Сучковъ. Еще два, или три урока, и я ручаюсь за успѣхъ; а если мнѣ удастся васъ свести съ одной ясновидящей, которую я нашелъ въ Москвѣ, въ Таганкѣ, то вы сами себѣ удивитесь.— Эта дѣвушка совершенно вотъ, какъ Петръ Андреичъ....

Бубликъ. Нѣтъ?....

Сучковъ. Въ отношеніи, то есть, нервной системы.... а вѣдь онъ весьма странный человѣкъ! Онъ, напримѣръ, у меня ничего не пьетъ.... такъ-таки ровно ничего не пьетъ....

Петръ Андреичъ (*ходитъ въ глубинѣ театра*). Не дурно-бы чайку выпить....

Сучковъ (*Петру Андреичу*). Тсъ!... (*Дѣлаетъ ему знаки, но тотъ не видитъ*).

Таня (*улыбаясь.*) А вамъ, Петръ Андреичъ, угодно чаю?

Петръ Андреичъ. Сдѣлайте одолженіе.... очень было-бы пріятно....

Сучковъ (*тихо*). Да замолчишь-ли ты?...

Петръ Андреичъ (*не слушая его*). Только прикажите, сухариковъ, знаете, булочекъ и розанчиковъ этакъ....

Сучковъ (*бьетъ его въ спину*). Тсъ!...

Петръ Андреичъ. Ай!...

Бубликъ. Что это такое?...

Сучковъ (*тихо ему*). Ничего, не безпокойтесь, я сообщилъ ему легкую магнетическую искру, потому что этотъ ненатуральный аппетитъ зависитъ отъ вѣтра. Я бьюсь объ закладъ, что теперь сѣверо-восточный вѣтеръ.... онъ всегда въ такомъ положеніи при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ.

Бубликъ. Когда-же у меня въ рукахъ будутъ такія искры? Когда я буду имѣть способность сообщать ихъ и Ѳомѣ Лукичу, и Михайлѣ Семенычу, и нашему нѣмцу аптекарю и Прасковьѣ кухаркѣ, и всѣмъ, и всѣмъ.... (*Сучкову.*) Мнѣ хотѣлось-бы какъ можно скорѣе видѣть вашу ясновидящую!....

Сучковъ (*тоже*). Это скоро будетъ.... Петръ Андреичъ поѣдетъ въ городъ и привезетъ намъ мою Любовь Михайловну, но передъ этимъ нехудо было-бы вамъ взять еще урокъ.

Бубликъ. Можете вы себѣ.... съ величайшимъ удовольствіемъ.

Сучковъ. Пойдемъ съ нами....

Петръ Андреичъ. Куда?... Чай пить?...

Бубликъ. Кажется, что сѣверо-восточный вѣтеръ все еще продолжается....

Сучковъ. Нѣтъ, я хочу еще разъ усыпить тебя!

Таня (*всторону*). Они хотятъ уйти.... какое счастіе!...

Петръ Андреичъ (*всторону*). Какъ! опять усыпить?... только-что проснулся (*зѣваетъ*). Аааа!...

Бубликъ. И такъ за дѣло! (*беретъ за руку Сучкова*). Поскорѣе повторимъ урокъ!

Бубликъ и Сучковъ.

Ну, пойдемте скорѣй
Повторять нашъ урокъ,
Чтобы жесты вѣрнѣй
Объяснить я вамъ / Всѣ замѣтить я } могъ.
Мы искусствомъ своимъ
Всѣхъ должны удивить:
Такъ скорѣй поспѣшимъ
Нашъ урокъ повторить.

Петръ Андреичъ.

Ну, опять поскорѣй,
Повторять свой урокъ;
Ничего ужъ глупѣй
Отъ придумать не могъ,
И связался-жъ я съ нимъ....
Не даетъ ѣсть и пить,
Только сномъ лишь однимъ
Цѣлый день радъ кормить.

Таня.

Пусть уйдутъ поскорѣй,
Повторять свой урокъ,
Чтобъ Алеша смѣлѣй,
Перелѣзть сюда могъ.
Попадемся мы съ нимъ...
Я не знаю какъ быть,
Онъ поступкомъ своимъ
Можетъ намъ повредить.

(*Всѣ, кромѣ Тани уходятъ въ бесѣдку*)

—

V.

Таня, потомъ **Алеша** показывается слѣва на заборѣ.

Алеша. Таня!... Ташечка!...

Таня. Алеша!...

Алеша. Постой, постой!... дай мнѣ на тебя полюбоваться!... Да какая-же ты стала хорошенькая!

Таня. Да и ты какъ похорошѣлъ, Алеша.... легко-ли, двѣ недѣли не видались.... Что ты? что ты хочешь дѣлать?...

Алеша (*перелѣзая*). Ничего....

Таня. Ты убьешься.... Ахъ, какъ страшно!

Алеша (*соскакиваетъ*). Уфъ!... Однако-же я еще счастливо отдѣлался; только тутъ что-то хрустнуло.... (*показываетъ на поясницу*). Ничего.... заживетъ....

Таня. Бѣдный Алеша, ты, я думаю, очень усталъ?

Алеша. Ужасно усталъ, моя душенька.... Съ Якиманки пѣшкомъ.... такіе все дрянные извощики попадались.... да правду сказать и въ карманѣ то только двугривенный....

Таня. Я боюсь, чтобы папаша не засталъ насъ здѣсь.

Алеша. Какъ счастливъ твой папаша, что онъ твой папаша, а будь онъ не твой папаша....

Таня. Ну, перестань, Алеша....

Алеша. Какъ перестань.... а зачѣмъ онъ насъ разлучилъ?.. зачѣмъ онъ насъ разлучилъ?...

Для чего-же такъ жестоко
Онъ со мною поступилъ,
И услалъ меня далеко
И съ тобою разлучилъ?
Но нигдѣ не перестану
Я къ тебѣ питать любовь;
Я явлюсь къ нему и стану —
Умолять и плакать вновь.

Таня. А я должна тебѣ признаться, что наши обстоятельства становятся еще хуже.

Алеша. Какъ, еще хуже?... это любопытно!

Таня. И именно съ-тѣхъ-поръ, какъ къ намъ переѣхалъ этотъ Сучковъ.

Алеша. Какъ! этотъ пройдоха у васъ?... Я его знаю! Да зачѣмъ-же онъ мѣшается въ наши дѣла?....

Таня. Папаша бредитъ имъ и далъ мнѣ нынче утромъ замѣтить, что онъ весьма желалъ-бы имѣть его своимъ зятемъ.

Алеша. Что ты говоришь? (*Слышенъ голосъ Бублика.*)

Таня. Ахъ!... папаша идетъ!... спрячься скорѣе.... бѣги.

Алеша. Мнѣ бѣжать?... Я и такъ насилу на ногахъ стою.... Съ Якиманки въ Сокольники.... Нѣтъ, ужъ этого не будетъ, я хочу въ послѣдній разъ переговорить съ нимъ.... можетъ быть, мнѣ удастся уломать его....

Таня Ахъ, Алеша!... Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть.... Ну, прощай.... прощай.... да полно тебѣ.... шалунъ.... (*Уходитъ.*)

—

VI.

БУБЛИКЪ и АЛЕША.

Бубликъ (*во фракѣ, входитъ, не замѣчая Алешу*). Какой урокъ!... какой превосходный урокъ! Да, теперь я помню всѣ чудные жесты, которыми могу сообщать на неизмѣримое пространство мою магнетическую силу. (*Дѣлаетъ комическіе жесты*). Разъ.... два.... разъ.... два....

Алеша. Что онъ дѣлаетъ? — Не понимаю.

Бубликъ. Разъ.... (*Увидя Алешу продолжаетъ дѣлать жесты.*) Вотъ тебѣ разъ....

Алеша. Дядюшка.

Бубликъ. Можете вы себѣ представить! Зачѣмъ ты здѣсь?... И тебѣ не стыдно?

Алеша. Нѣтъ, дядюшка!...

Бубликъ. Экой безстыдный, можете вы себѣ представить!... Развѣ ты забылъ, что я запретилъ тебѣ переступать мой порогъ?...

Алеша. Я и не переступалъ, я перелѣзъ черезъ стѣну.

Бубликъ. Можете вы себѣ представить, черезъ стѣну?... Такъ ты еще насмѣхаешься надо мною?.., онъ еще.... (*Внѣ себя.*) Ты еще....

Алеша. И это мнѣ говоритъ бывшій мой опекунъ и дядя въ пятомъ колѣнѣ?... человѣкъ, который взялъ меня къ себѣ дитей, нанялъ мнѣ кормилицу, потомъ мамку, потомъ няньку; человѣкъ, который отдалъ меня въ уѣздное училище, потомъ въ Гимназію, потомъ въ Университетъ на казенный коштъ; человѣкъ, который.... и вамъ не стыдно, дядюшка?... (*беретъ стулъ и садится посреди сцены.*) Фу, какъ усталъ!...

Бубликъ. Я не могу себѣ представить.... можете вы себѣ представить....

Алеша. Чего-же вы не можете себѣ представить?...

Бубликъ. Я не могу себѣ представить, какъ я тебя до сихъ поръ не изувѣчилъ!...

Алеша. Какъ?...

Бубликъ (*подходитъ къ нему*). Скверный мальчишка!...

Алеша (*отодвигается со стуломъ къ бесѣдкѣ*). Дядюшка!...

Бубликъ. Сорванецъ ты!...

Алеша (*отодвигаясь*). Дядюшка!...

Бубликъ. Уродъ ты этакой!...

Алеша. Дядюшка!...

Бубликъ (*подходитъ къ нему*). Лѣшій твой дядюшка, а не я!...

Алеша. Дядюшка!... (*Встаетъ.*) Да за что вы меня ненавидите?... За что гоните со свѣта? Ну, что я вамъ сдѣлалъ?...

Бубликъ. Еще бы ты мнѣ что нибудь сдѣлалъ!... послѣ того, что я для тебя сдѣлалъ.... А все-таки ты невѣжа.... Ну, напримѣръ, понимаешь-ли ты, что такое магнетизмъ?... Ну, отвѣчай.... ну....

Алеша (*всторону*). Экой у меня дядюшка!... Пѣшкомъ съ Якиманки въ Сокольники промололъ — а онъ мнѣ вотъ что мелетъ.... (*Садится опять на стулъ и протираетъ глаза*).

Бубликъ. А! ты не знаешь, что отвѣчать?... Такъ знай-же, неучь ты этакой, можете вы себѣ представить, что я.... лично я.... скоро буду лечить всѣ болѣзни.... можете вы себѣ представить, узнавать прошедшее.... показывать клады, шутъ знаетъ, чего не буду показывать!... можете вы себѣ представить, и что ты самъ, еслибъ только захотѣлъ, то могъ-бы выучиться читать....

Алеша (*зѣвая*). Я давно умѣю....

Бубликъ. Въ будущемъ, любезный, въ будущемъ!... Тебѣ-бы стоило только взять нѣсколько уроковъ у моего друга, Павла Павлыча, у этого, можете вы себѣ представить, знаменитаго ученаго, которому я имѣю честь давать квартиру со столомъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ; онъ выучилъ-бы тебя этому искусству, показалъ-бы тебѣ чудесные жесты, съ помощію которыхъ я могу всякаго человѣка погрузить въ глубокій сонъ.... (*дѣлаетъ жесты*) разъ.... разъ!... Ощущаешь-ли ты мою магнетическую силу?... Я думаю, что изъ меня такъ и сыплются искры.... Я увѣренъ, что ты теперь весь нашпигованъ.... (*Алеша сильно храпитъ.*) Что я слышу?... Что я вижу?!.. Онъ спитъ!... можете вы себѣ представить!... (*Бѣгаетъ по сценѣ.*) Я его усыпилъ!... Я его усыпилъ!...Я его усыпилъ!... Ну-съ, можете вы себѣ представить, неугодно-ли кому пожаловать сюда?... всѣхъ въ лоскъ положу!... Побѣгу, отыщу моего профессора!... (*Смотритъ на Алешу.*) И какой сладкій сонъ!... Какъ онъ спокойно храпитъ!... (*Идетъ.*) Пошлю Прасковью звать всѣхъ сосѣдей!...

—

VII.

Алеша спитъ, **Сучковъ** и **Петръ Андреичъ**, въ сюртукѣ).

Сучковъ. Поди сюда....

Петръ Андреичъ. Что тебѣ?...

Сучковъ. Ты своимъ обжорствомъ все дѣло было испортилъ.

Петръ Андреичъ. Да вѣдь чтожъ дѣлать, если ѣсть хочется!... Животъ требуетъ....

Сучковъ. Животное!...

Петръ Андреичъ. Пожалуй, я цѣлый-бы день спалъ, еслибы меня хорошо кормили, а то засадили меня на діету, ничего не даютъ, кромѣ зелени.... даже въ глазахъ зелено, что я, теленокъ, что-ли.... нѣтъ, нѣтъ, я ужъ и такъ многое проспалъ.... мнѣ наскучило спать.... пора проснуться.... рѣшительно пора....

Сучковъ. Да говори тише, по крайней мѣрѣ....

Петръ Андреичъ (*кричитъ*). Я не хочу говорить тише!... И спать не хочу!... Еще добро-бы спать, а то только глаза закрой, да и пори разную дичь.... поневолѣ бредъ сдѣлается....

Сучковъ. Молчи!...

Петръ Андреичъ. Не хочу молчать!... Ну, вотъ не хочу!...

Алеша (*просыпается отъ крика*). Что это такое?...

Сучковъ (*Петру Андреичу*). Глупецъ!... ты все разстроить хочешь, въ то время, какъ мы уже совершенно было все дѣло обдѣлали.

Алеша. А!... послушаемъ!... (*прячется*).

Сучковъ. И какъ было я все умно обдумалъ. Ты самъ знаешь, какъ мы нуждались, когда я познакомился съ Бубликомъ; въ головѣ моей мелькнула счастливая мысль! замѣтивъ его страсть къ магнетизму, мнѣ вздумалось прикинуться магнетизеромъ, мы пріѣхали сюда, я сошелся съ нимъ ближе, разсказалъ ему про свое искусство, онъ всему повѣрилъ, я усыпилъ тебя при немъ, ты открылъ, что огромный кладъ скрывается въ моемъ дрянномъ домишкѣ и я уговорилъ нашего простака заплатить за него въ десятеро.

Петръ Андреичъ. Ну, знаю....

Сучковъ. На дняхъ я получу деньги.... а тамъ можетъ быть и остальное приберу.... ужъ онъ старъ.... а дочка у него такая....

Петръ Андреичъ Ну, и это не дурно.

Алеша (*всторону*). Мошенники!...

Сучковъ. Что?...

Петръ Андреичъ. Я говорю, что, молъ, и это не дурно.... только вотъ зачѣмъ-же ты ѣсть-то не даешь?...

Сучковъ. Когда я женюсь на Тапѣ, то уѣду куда нибудь подальше; ты, любезный, Петръ Андреичъ, также въ свою очередь женишься, ужъ я тебя не забуду.

Петръ Андреичъ. Да! женюсь, непремѣнно женюсь.... только вотъ на комъ-же я женюсь.... женюсь на Любашѣ.

Сучковъ. Именно! да кстати объ ней; разсказалъ-ли ты ей все, какъ слѣдуетъ?... вѣдь она должна уже просто порѣшить старика....

Петръ Андреичъ. Будь покоенъ.... она отлично представитъ ясновидящую; она ужъ и теперь прекрасно читаетъ съ повязкой на глазахъ.... я тамъ маленькія дырочки прорѣзалъ....

Алеша (*всторону*). Каковы плуты!...

Сучковъ. Славно!... И такъ, отправляйся-же сейчасъ и привези Любашку.

Петръ Андреичъ. Какъ! сейчасъ? Дай хоть закусить-то!...

Сучковъ. Обжора!... вотъ тебѣ на извощика и на завтракъ останется, только сдѣлай милость....

Петръ Андреичъ (*беретъ деньги*). Сію-же минуту!...

Сучковъ. Скорѣй!... А я пойду къ Бублику, нынче вечеромъ мы славно попируемъ.... ступай же.... ступай....

Петръ Андреичъ. Сейчасъ!...

(*Сучковъ уходитъ налѣво; Петръ Андреичъ входитъ въ бесѣдку.*)

—

VIII.

АЛЕША, потомъ ПЕТРЪ АНДРЕИЧЪ.

Алеша. Что я слышалъ?... вотъ бездѣльники!... Пойду, все разскажу дядюшкѣ!... (*Идетъ и останавливается.*) Да онъ мнѣ не повѣритъ.... Что-же дѣлать?... О, надобно рѣшиться на что нибудь.... прежде всего постараюсь задержать этого Петра Андреича.... А!... да вотъ и онъ!...

Петръ Андреичъ (*входитъ съ зонтикомъ въ рукахъ, въ шинели и картузѣ*). Отправлюсь поскорѣй.... только-бы перекусить чего нибудь.... (*Распустивъ зонтикъ, хочетъ идти*).

Алеша (*всторону*). Я рѣшаюсь.... (*Быстро подходитъ къ Петру Андреичу и наступаетъ ему на ногу*).

Петръ Андреичъ. Ай! ай! ай!... (*прыгая, третъ ногу; Алеша беретъ его за ногу и прыгаетъ вмѣстѣ съ нимъ*).

Алеша. Извините! я, кажется, наступилъ вамъ на ногу?

Петръ Андреичъ. Кажется.... совсѣмъ отдавили....

Алеша. Въ самомъ дѣлѣ?... простите, пожалуйста!... (*Смотритъ ему въ лицо.*) Ба! вы меня не узнаете?

Петръ Андреичъ. Нѣтъ.... не имѣю чести....

Алеша. Я Небывалый!...

Петръ Андреичъ. Небывалый?...

Алеша. Небывалый, Алеша Небывалый!

Петръ Андреичъ. Очень можетъ быть.

Алеша. Здравствуйте!

Петръ Андреичъ. Мое почтеніе.... извините.... мнѣ некогда.... (*Идетъ.*)

Алеша (*держитъ его за зонтикъ*). Минутку.... Куда вы такъ спѣшите?

Петръ Андреичъ. Въ Москву!... прощайте!.. (*Идетъ.*)

Алеша (*удерживая его за шинель*). Въ Москву?... подождите немного, поѣдемте вмѣстѣ.

Петръ Андреичъ. Нѣтъ, мнѣ никакъ нельзя.... и такъ, пожалуй, извощика не найдешь.... (*Идетъ.*)

Алеша (*держитъ его за конецъ косынки и развязываетъ ее*). О! объ этомъ не безпокойтесь!... въ моей каретѣ вамъ будетъ мѣсто.... а какая у меня парочка лошадокъ....

Петръ Андреичъ. А!... если у васъ есть лошади....

Алеша. Прегорячія! (*Показываетъ на ноги.*)

Петръ Андреичъ (*всторону*). Въ самомъ дѣлѣ, лишній полтинникъ въ карманѣ.

Алеша. Кстати.... вы еще не завтракали?

Петръ Андреичъ. Нѣтъ съ.

Алеша. Такъ мы вмѣстѣ заѣдемъ къ Печкину....

Петръ Андреичъ (*всторону*). Завтракъ и проѣздъ даромъ.... (*Ему.*) Будь по вашему.... мнѣ очень пріятно....

Алеша. И прекрасно!... мы спросимъ бифстексу.... выпьемъ Редерá.

Петръ Андреичъ. Какъ!... Редера?

Алеша. Да, бутылочки двѣ, три....

Петръ Андреичъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ.... (*Всторону.*) Вотъ удивительный человѣкъ!... (*Ему.*) А потомъ я отправлюсь отыскивать....

Алеша (*всторону*). Да, да.... Любашку-то!... ручаюсь, что ты ее не отыщешь; однако я не знаю на что рѣшиться.... тысяча идей вертятся у меня въ головѣ....

Бубликъ (*за сценой*). Сюда!... сюда!...

Алеша. Ахъ, голосъ дядюшки!...

Петръ Андреичъ. Сучковъ вѣрно съ нимъ!

Алеша. Пойдемте!

Петръ Андреичъ. Пойдемте!!

Алеша (*всторону*). Еще немного, и они мои!... (*Уходятъ.*)

—

IX.

Бубликъ, Квакъ, Сургучъ, Сучковъ, друзья и сосѣди Бублика.

Бубликъ (*входя*). Тише, пожалуйста тише.... онъ здѣсь.... тсъ.... тише, тише.... можете вы себѣ представить, я его усыпилъ.... совершенно усыпилъ!... Какъ! тутъ нѣтъ никого?...

Всѣ. Никого?... (*Смѣются.*)

Бубликъ. Стало быть, онъ всталъ.... (*Въ отчаяніи.*) Можете вы себѣ представить.... вѣрно зарядъ малъ....

Сучковъ (*всторону*). То-то.... а то и мнѣ показалось что-то странно!... (*Сосѣди хохочутъ.*)

Бубликъ. Ну, и право-же усыпилъ.... на этомъ самомъ мѣстѣ усыпилъ.... И куда онъ дѣвался?... Но это ничего, я все таки надѣюсь доказать вамъ мое искусство; сейчасъ пріѣдетъ сюда наша ясновидящая....

Сучковъ. Да, господа, сейчасъ мы докажемъ, что такое магнетизмъ!...

Много высокаго, много чудеснаго
Намъ магнетизмъ принесетъ;
Съ нимъ человѣкъ до всего неизвѣстнаго
Просто и прямо дойдетъ.
Все, что доселѣ — уму непонятное,
Было сокрыто отъ глазъ;
Будущность наша, какъ книга печатная,
Вся развернется для насъ.
Чуть, этакъ, въ даль заглянуть пожелается,
Что тамъ грозитъ невзначай —
Просто въ минуту все это узнается,
Только засни и читай.
Съ нимъ отъ болѣзней своихъ врачеваніе
Самъ себѣ всякій найдетъ;
Онъ, какъ рычагъ, и науку, и знаніе
Быстро подвинетъ впередъ.
Нищаго каждаго Крезомъ онъ сдѣлаетъ,
Съ нимъ Калифорнія насъ,
Онъ не песокъ, а ужъ глыбища цѣлыя

Сразу укажетъ для глазъ.
Съ нимъ мы несмѣтно большое количество
Нашихъ ученыхъ затмимъ...
Мы гальвано - магнето - электричествомъ
Просто весь свѣтъ удивимъ!

Бубликъ. Какое глубокое знаніе!... какой геній!...

Квакъ. Позвольть мой сдѣлить вамъ, такъ.... маленьки, какъ это.... вопросъ....

Бубликъ. Сколько хотите.

Сучковъ. Позвольте узнать....

Квакъ. Стѣшни аптекеръ.... Квакъ....

Сучковъ. Очень пріятно.... мы слушаемъ....

Квакъ. Это такъ.... маленьки, ферштеенъ зи.... вопросъ.... вы кочитъ всѣ болѣзнь, такъ.... совсѣмъ безъ болѣзнь....

Сучковъ. Всѣ, рѣшительно — всѣ.

Квакъ. Аберъ ди докторенъ.... ундъ аптекере.... какъ это по руски.... шѣмъ занимайсь....

Сучковъ (*пожимая плечами*). Хм....

Бубликъ. Очень ясно чѣмъ.... (*тоже пожимая плечами*) Хм....

Квакъ. Шѣмъ.... какъ это занимайсь....

Сучковъ. Они могутъ заниматься чѣмъ нибудь другимъ, доктора, напримѣръ, могутъ сдѣлаться коновалами.... а аптекаря.... ну, пожалуй, цирюльниками....

Квакъ (*съ негодованіемъ*). Васъ нстъ дасъ спрульникъ?... зачѣмъ спрульникъ....

Сургучъ. Позвольте и мнѣ слова два....

Бубликъ (*подводитъ его къ Сучкову*). Ѳома Лукичъ Сургучъ.

Сучковъ. Что вамъ угодно?...

Сургучъ. Вы кажется изволили говорить, что магнетизмъ этотъ можетъ видѣть самъ собою на неизмѣримыя пространства.... доказано-ли это опытомъ?

Сучковъ. Костромской губерніи, въ городѣ Чухломѣ, одна молодая барышня, намагнетизированная мною, уснула у меня въ залѣ, и увидѣла тетку свою Владимірской губерніи, въ городѣ Шуѣ: она разсказывала мнѣ не только ея занятія, но даже всѣ ея малѣйшія движенія, она мнѣ говорила: тетинька варитъ кофе, тетинька чешетъ себѣ носъ.... Я посылалъ узнать, и точно въ этотъ самый день, въ этотъ самый часъ, тетинька ея варила кофе, и чесала себѣ носъ.

Бубликъ. Можете вы себѣ представить, каково!...

Квакъ. Каково!... аберъ зашѣмъ спрульникъ?

Сургучъ. Если это такъ, то слѣдственно почты и письма....

Бубликъ. Точно также, какъ доктора и аптекари, будутъ совершенно безполезны....

Квакъ. Васъ истъ дасъ, безъ болѣзь.... зачѣмъ безъ болѣзь....

Сургучъ. Впрочемъ, я ничему не повѣрю, пока не увижу на опытѣ; это невѣроятно, нелѣпо!...

Квакъ. Безъ болѣзь.... ундъ сирюльникъ, зашѣмъ....

Всѣ. Это, просто, вздоръ.

Таня (*выходитъ съ правой стороны*). Папенька! какая-то молодая дѣвушка желаетъ говорить съ вами и съ г-мъ Сучковымъ.

Бубликъ. Это она! это она!!

Сучковъ (*удивленный*). Какъ, такъ скоро?... какимъ это образомъ!.... (*Тапѣ*). Она одна пріѣхала?...

Таня. Одна.

Сучковъ. Вѣрно она разъѣхалась съ Петромъ Андреичемъ... Ну, это все равно.... скажите, чтобъ вошла.

Таня. Вотъ она!...

—

X.

ТѢЖЕ И АЛЕША, въ женскомъ платьѣ, подъ вуалью.

Бубликъ. Ахъ, какая хорошенькая.... позвольте имѣть удовольствіе.... не бойтесь, смѣлѣй!...

Сучковъ. Господа! теперь неугодно-ли сѣсть?

Таня (*всторону*). Алеша въ женскомъ платьѣ!... что за выдумка?

Алеша (*всторону, своимъ голосомъ*). Меня, кажется, никто не узнаетъ.

Сучковъ (*тихо Алешѣ*). Скажите, вы видѣли Петра Андреича?

Алеша. Нѣтъ.

Сучковъ (*тихо*). Однако-жъ, онъ поѣхалъ за вами.... Да вы, я думаю помните, что онъ вамъ говорилъ?...

Алеша (*тихо*). Конечно помню.

Сучковъ. Вы должны представить ясновидящую.... не бормотать, а говорить яснѣе....

Алеша (*тихо*). Будьте покойны.

Бубликъ (*Алешѣ*). Любовь Михайловна, не угодно ли вамъ сѣсть?

Алеша. Merci....

Сучковъ (*Алешѣ*). Пожалуйста садитесь.... (*Сажаетъ его посреди сцены, тихо Бублику.*) На первый разъ не предлагайте ей трудныхъ вопросовъ; а то она можетъ ошибиться.

Бубликъ. О! я за себя ручаюсь.... мнѣ хочется всѣхъ удивить. Вниманіе, господа, вниманіе! Я начинаю, слѣдуйте за мной!

Сучковъ. Подражайте моимъ движеніямъ.

Бубликъ (*передъ Алешей.*). Готовы-ли вы?...

Алеша. Совершенно готова!

(*Всѣ садятся полкругомъ съ лѣвой стороны. Справа отъ Алеши Бубликъ; слѣва Сучковъ*).

Сучковъ. Первое движеніе: протяните руки ей къ носу, какъ будто бы вы хотите сплюснуть ей носъ (*Алеша дѣлаетъ движеніе.*) Ну, такъ, разъ, разъ!... (*Дѣлаетъ жесты, Бубликъ повторяетъ*).

Бубликъ. Разъ, разъ, можете вы себѣ представить, разъ.... два.... тьфу.... разъ.... разъ....

Сучковъ. Ну, такъ! повторяйте это движеніе.... поднимите теперь руки ей на голову.... гладьте по головѣ, по плечамъ, по рукамъ, опять кверху.... внизъ.... вверхъ.... внизъ....

Бубликъ. А!... кажется, я прекрасно дѣлаю вверхъ и внизъ....

Сучковъ. Ну, ну!... трите, трите крѣпче.... смотрите ей въ лицо.... сильнѣе.... сильнѣе.... (*Тихо Алешѣ.*) Начинайте ослабѣвать.

Бубликъ (*пристально смотритъ на Алешу, всторону*). Я самъ чувствую, какъ изъ меня сыпится.... (*Алеша зѣваетъ.*) Друзья мои! Она зѣваетъ, можете вы себѣ представить, зѣваетъ! (*говоря, обращается къ Алешѣ и дѣлаетъ жесты.*) О! я теперь весь электричество.... я теперь огромная электрическая машина.... (*Алешѣ.*) Засыпай.... засыпай....

Алеша (*въ бреду*). Я.... за....сы....па....ю....

(*Всѣ встаютъ и подходятъ къ Бублику*).

Бубликъ. Я торжествую!... Я боюсь лопнуть отъ радости и отъ электричества!

Сучковъ. Что-же вы?... начинайте спрашивать.

Бубликъ. Сію-минуту. (*Алешѣ.*) Слышишь-ли ты меня, ясновидящая?... (*Друзьямъ.*) Тсъ....

Алеша. Да.

Бубликъ. Можешь-ли ты отвѣчать на мои вопросы?

Алеша. Да.

Бубликъ. Слышите?

Всѣ. Это удивительно!

Бубликъ (*Алешѣ*). Я хочу испытать, можешь-ли ты въ припадкѣ своего сна видѣть спиной?

Сучковъ (*Всторону*). Ай, ай, ужъ онъ начинаетъ дѣлать глупости. (*Показываетъ знаками Бублику, тотъ не слушаетъ его*).

Бубликъ (*прикладываетъ къ спинѣ Алеши часы*). Ясновидящая, что я приложилъ тебѣ?

Алеша. Часы въ видѣ луковицы.

Бубликъ. Можете вы себѣ представить, она отгадала!... (*Общее движеніе.*) Не скажешь-ли ты намъ, который часъ?...

(*Шопотъ между гостями.*)

Алеша (*смотритъ потихоньку на свои часы и поспѣшно прячетъ ихъ за поясъ*). Тридцать семь минутъ перваго.

Бубликъ (*показывая часы*). У меня 34.... да мои часы вѣчно отстаютъ.

Квакъ (*смотритъ на свои часы и кричитъ*). Трисать пять, трисять пять!...

Всѣ. Тсъ.... молчите.... это непостижимо!

Сучковъ. Я также удивленъ, какъ и они! (*Гостямъ.*) Ну, что господа, вы все еще сомнѣваетесь?...

Бубликъ (*вынимаетъ изъ кармана повязку*). Это еще не все, посмотримъ теперь, можетъ-ли она читать съ завязанными глазами? (*Гостямъ.*) Не думайте, можете вы себѣ, чтобъ это было приготовлено.... осмотрите повязку.... (*завязываетъ глаза Алешѣ*).

Алеша (*всторону*). Вотъ тебѣ на! — попался!

Сучковъ (*всторону*). Повязка безъ дыръ... все пропало! (*Дергаетъ Бублика за полу, тотъ не слушаетъ его*).

Бубликъ (*шаритъ въ своихъ карманахъ*). Надо бы какую-нибудь книжку.... со мною нѣтъ никакой, да все равно.... вотъ письмо моего негодяя племянника....

Алеша (*всторону*). Мое письмо.... это славно.... я его очень хорошо помню.

Сучковъ. Смотри, ты все испортишь....

Бубликъ. Не бойся, я увѣренъ.... (*Держитъ письмо передъ глазами Алеши.*) Можешь-ли ты прочесть это письмо?

Алеша. Очень легко.... (*Читаетъ.*) «Милая Таня, съ тѣхъ поръ, какъ насъ разлучили, я не могу выразить, какъ я несчастливъ....»

Бубликъ (*слѣдуя*). Какъ я несчастливъ.... такъ.... (*Алешѣ*) продолжай.

Алеша (*продалжаетъ*). Твой отецъ сумасбродъ, и ничего не дѣлаетъ, кромѣ глупостей....

Сургучъ (*слѣдуя*). И ничего не дѣлаетъ, кромѣ глупостей.... такъ.

Бубликъ (*изумленный*). Какъ? это тутъ написано?

Всѣ. Это удивительно! просто неслыхано!

Сучковъ (*всторону*). Мнѣ самому кажется, что я все это вижу во снѣ.

Бубликъ (*прячетъ письмо*). Ну, теперь послѣдній опытъ!

Сучковъ. Какой-же еще?...

Бубликъ. Я хочу посовѣтоваться съ ней на счетъ покупки дома.

Сучковъ (*переходитъ на правую сторону Алеши*). Пожалуй.... (*всторону*) съ этой стороны я покоенъ. Петръ Андреичъ долженъ былъ продиктовать ей всѣ отвѣты....

Бубликъ (*снимая повязку*). Я хочу сдѣлать покупку....

Алеша. Дома, знаю.

Бубликъ. Она знаетъ!

(*Сучковъ потираетъ руки*).

Алеша. Въ которомъ лежитъ кладъ....

Всѣ. Кладъ!...

Алеша. Да, кладъ!...

Сучковъ (*всторону*). Хорошо!...

Бубликъ. Что же ты на это скажешь?...

Алеша. Это тебѣ наговорилъ тотъ, который теперь стоитъ за мной, который хотѣлъ тебя обмануть, и толкаетъ меня теперь, чтобы я замолчала....

Сучковъ (*быстро отскакиваетъ отъ Алеши*). Ай!...

Бубликъ. Что это такое значитъ?...

Сучковъ. Что? что такое?... (*Всторону.*) Ахъ, разбойница! она никакъ съ ума сошла.

Алеша. Бубликъ!... Кладъ, о которомъ ты говоришь — вздоръ! надъ тобой хотѣли посмѣяться, тебя сочли за стараго сумасброда....

Бубликъ. Сумасброда!...

Квакъ. Аберъ васъ истъ дасъ сумазъ.... сумазъ....

Всѣ (*вставая*). Что она говоритъ?...

Сучковъ. Какая измѣна!...

Алеша. Употребили во зло твое довѣріе, наговорили тебѣ глупостей...

Бубликъ и Сучковъ. Какъ, глупостей?...

Алеша (*отбрасывая вуаль*). Да, глупостей!... и вотъ тебѣ доказательство.... я не сплю.... (*встаетъ.*) Я не Любовь Михайлов-

на, я Алеша, вашъ пріемышъ, и притворился лунатикомъ, чтобы открыть вамъ хитрости этого негодяя...

Бубликъ. Что это значитъ, можете вы себѣ представить, Алешка въ женскомъ платьѣ.... теперь и я боюсь лопнуть отъ бѣшенства....

Таня. Что будетъ съ Алешей! папаша такъ разсерженъ.

Всѣ. Что это значитъ?

Квакъ. Васъ истъ дасъ?!!

Бубликъ. А! ты подшутилъ надо мною? ты сдѣлалъ изъ своего благодѣтеля стараго дурака.... чудовище ты этакое въ юбкѣ... И ты смѣешь еще порочить Павла Павлыча? Этого знаменитаго ученаго, которому я имѣлъ честь давать квартиру со столомъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ....

Алеша. Послушайте, дядюшка....

Бубликъ. Замолчи бездѣльникъ!... вонъ отсюда!... (*беретъ трость у Сургуча*). Вонъ! изувѣчу!...

Сучковъ (*всторону*). Наша взяла!...

Таня (*подходитъ къ Бублику*). Папаша!...

Алеша (*кричитъ*). Нѣтъ, дядюшка! теперь я вижу, что вы просто свихнулись!...

Бубликъ. Вотъ я-тебѣ шею свихну, мошенникъ!...

Алеша. До свиданія! (*Идетъ и сталкиваетея въ дверяхъ съ Петромъ Андреичемъ, котораго ведутъ два будочника.*)

—

XI.

ТѢЖЕ И ПЕТРЪ АНДРЕИЧЪ.

1-й будочникъ. Ну, иди-же, иди!... а еще баринъ!

2-й будочникъ. Вишь нахлюстался!...

Петръ Андреичъ (*пьяный*). Во лузяхъ.... здѣсь живу.... убирайтесь.... говорятъ здѣсь.... во лузяхъ, лузяхъ, зеленыихъ.... во лузяхъ.... прочь.... экіе какіе!...

Сучковъ (*всторону*). Что это! Онъ пьянъ.... теперь все кончено!... (*Будочникамъ.*) Оставьте его!... (*Будочники уходятъ.*) Петръ Андреичъ не здоровъ.... надо его уложить, теперь онъ самъ заснетъ.

Петръ Андреичъ. Спать.... опять спать.... нѣтъ, ужъ баста!... не хочу спать.... пѣть хочу.... во лузяхъ.... (*Бублику.*) Ба! Бубликъ!... здравствуй Бубликъ!... что твой кладъ, Бубликъ.... тю.... тю.... тю.... вотъ тебѣ и кладъ!.... вотъ тебѣ и зо-

лото и серебро.... ха! ха! ха!... надули!... во лузьяхъ.... во лузяхъ....

Квакъ (*подходя ко всѣмъ*). Васъ истъ: фо лузяхъ?...

Сучковъ. Все погибло!...

Бубликъ (*пораженный*). Какъ! такъ они и вправду меня надули?... Можете вы себѣ представить.... уничтоженъ.... совершенно уничтоженъ....

Сучковъ (*Петру Андреичу*). Экъ нализался!..

Алеша. Что-же, дядюшка! прогоните-ли вы меня теперь?...

Бубликъ (*беретъ его за руку*). Нѣтъ, Алеша!... ты навсегда останешься при мнѣ.... переѣзжай къ намъ — женись на Ташѣ....

Алеша. Ахъ, Таня!... какое счастіе!...

Сучковъ (*безстыдно*). Послѣ всего слышаннаго мною, я вижу, что меня здѣсь совершенно не поняли.... (*Бублику.*) Положиться на слова пьянаго человѣка.... Сысой Сысоичъ, я вижу теперь, что я ошибся въ васъ.... Я вижу, что долженъ былъ выбрать человѣка по разсудительнѣй.... послѣ обѣда вы мнѣ позволите....

Бубликъ. Когда вамъ угодно.... чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.... теперь я самъ вижу, что вы просто....

Сучковъ (*благородно*). Довольно.... я васъ понимаю!...

Бубликъ. Экого нашелъ я магнетизера.... Можете вы себѣ представить, вѣдь вотъ оно и вправду говорится, что *Слѣпой курицѣ все пшеница*!... а все-таки это ничего.... все-таки я убѣжденъ, что со временемъ буду магнетизировать.... только, вотъ гдѣ-бы мнѣ выучиться?... (*Къ публикѣ.*) Господа!... не откажиже!... вамъ это, можете вы себѣ.... очень легко сдѣлать.... очень простой жестъ.... вы разводите вотъ такъ руками.... потомъ соединяете ихъ.... только надо стараться, чтобъ ладони встрѣчались, какъ можно крѣпче.... (*показываетъ*) вотъ такъ!... сколько вамъ угодно: такъ!... такъ!...

Всѣ.

Мы теперь отъ васъ рѣшенья
Вмѣстѣ съ авторами ждемъ,
Объявите ваше мнѣнье —
Безъ того мы не уйдемъ!

(*Занавѣсъ начинается отпускаться.*)

Бубликъ (*выбѣгаетъ на аванъ-сцену*). Стой!... можете вы себѣ представить.... (*Занавѣсъ останавливается на половинѣ.*) Кончить не дадутъ.... (*подходитъ и раскланивается*). Извините, господа!... Можете вы себѣ представить!...

Виноватъ — еще минутку —
Я хочу васъ попросить,
Чтобъ теперь за эту шутку
Насъ не въ шутку не бранить.
Разсмѣшить мы васъ хотѣли
Нашей шуткою, — и такъ,
Если въ этомъ мы успѣли,
Продолжайте.... *такъ* и *такъ*!

Хоръ.

Мы теперь отъ васъ рѣшенья *и проч.*

=

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца. Въ *„Репертуаръ Русской сцены“* печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, а иногда картинки.

Цѣна за годовое изданіе:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

„Кто не имѣетъ Пантеона за 1848 годъ, и желаетъ подписаться на 1850 годъ, тотъ получитъ въ видѣ подарка Пантеонъ за 1848 годъ, прилагая къ подписной цѣнѣ въ Петербургѣ 2 р. с., а Иногородныя 3 р. 50 коп. пересылочныхъ денегъ.“ Но это относится только до тѣхъ подписчиковъ, которые выпишутъ журналъ изъ Главной Петербургской Конторы.

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.

Печатать позволяется, 9 Октября, 1850 года. Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

въ типографіи К. Крайя.

Редакторъ *Ѳ. Кони.* — Издатель *В. Печаткинъ.*